

Исследования
по источниковедению
истории
России
до 1917 г.

Сборник статей
к 90-летию профессора
Ильи Андреевича
Булыгина

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ ДО 1917 Г.**

**Сборник статей к 90-летию
профессора Ильи Андреевича Булыгина**

**Москва
2016**

Сборник продолжает серию трудов, подготавливаемых Центром истории русского феодализма «Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.». Сборник посвящен памяти крупного отечественного историка, доктора исторических наук, профессора, специалиста по источниковедению Ильи Андреевича Булыгина и издается к его девяностолетию и двадцатилетию со дня кончины. Публикуются статьи по различным аспектам истории России XIV – начала XX в. и источниковедению. Представлены исследования о влиянии централизации и децентрализации на политическое развитие страны, о значении исторических мифов и символов средневековья при становлении государственной символики и национальной идентичности современной эпохи. Ряд статей сборника отражает особенности менталитета русского народа, его культуру, региональные аспекты истории XVII в., другие – посвящены эпохе Смутного времени, государственному и местному управлению, проблемам истории Русской Православной Церкви. Присутствуют также материалы по социально-экономической политике и внешнеполитическим проблемам, а также по историографии.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. А.В. Семенова (*отв. редактор*),
д-р ист. наук, проф. Н.М. Рогожин,
канд. ист. наук А.В. Воробьев (*отв. секретарь*)

Рецензенты:

д-р ист. наук А.Е. Иванов, д-р ист. наук, проф. А.П. Корелин

Работа подготовлена в Центре истории русского феодализма ИРИ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>В.И. Иванов (Краснодар)</i> . Илья Андреевич Булыгин: Ученый, педагог, патриот: (к 90-летию со дня рождения)	7
Научные труды Ильи Андреевича Булыгина	19
<i>А.А. Преображенский</i> . Илья Андреевич Булыгин – ученый и друг	27
<i>Т.В. Батаева</i> . Память о друге	32
* * *	
<i>Н.М. Рогожин</i> . Проблемы централизации и децентрализации в политическом процессе России	38
<i>Н.А. Соболева</i> . Мифология и практика использования средневековых эмблем в современном источниковедении	51
<i>В.А. Кучкин</i> . Молодые годы ростовского боярина Варфоломея Кирилловича	92
<i>Л.Е. Морозова</i> . К вопросу о материальном обеспечении вдов служилых людей в Смутное время начала XVII в. ...	103
<i>А.Ю. Кабанов</i> . От казачьего атамана до московского дворянина: исторический портрет Андрея Просовецкого	120
<i>О.В. Новохатко</i> . Ростовская епархия при митрополите Ионе Сысоевиче	137
<i>В.И. Иванов (Краснодар)</i> . «Вымышленный указ царя Алексея Михайловича о немцах»: источниковедческие интерпретации	156
<i>А.В. Воробьев</i> . Росписные и статейные списки Разбойного приказа и губных изб как исторический источник	177
<i>М.С. Черкасова (Вологда)</i> . Институт поповских старост на севере России в середине XVII в.: (источниковедческие аспекты)	187
<i>Н.И. Никитин</i> . О менталитете русских землепроходцев	212
<i>В.Б. Перхавко</i> . О книжных собраниях русских торговых людей XVII в.	234
<i>И.А. Устинова</i> . «Дело» архиепископа Суздальского и Тарусского Стефана 1659–1663 гг.: источниковедческий аспект	246
<i>М.А. Логинова</i> . Старообрядческие «гари» 1650–1680-х годов	269

<i>А.В. Демкин.</i> О переселении купцов в Петербург по указу 3 июня 1714 г.	281
<i>В.Н. Захаров.</i> Сведения о регистрации торговых судов в Санкт-Петербурге в середине XVIII в. в сопоставлении с записями о взимании зундской пошлины	294
<i>Е.Н. Марасинова.</i> «Лобные места истребить»: последствия негласного моратория на смертную казнь в России XVIII в.	304
<i>А.В. Семенова.</i> Между двух юбилеев: Великая Французская революция в оценке Н.М. Карамзина (250 лет со дня рождения) и декабристов (190 лет со дня восстания)	330
<i>С.А. Козлов.</i> Журнал «Русское сельское хозяйство» (1869–1876) как источник по аграрной истории пореформенной России	342
<i>Э.Г. Истомина.</i> Лесоохрнительный закон 1888 г. как фактор экологического и социоэкономического развития России	361
<i>С.В. Пряшников (игумен Филарет.)</i> Участие духовенства в системе образования на острове Сахалин (конец XIX – начало XX в.)	378

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник продолжает серию трудов, подготавливаемых Центром истории русского феодализма «Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.». Сборник посвящен памяти крупного отечественного историка, доктора исторических наук, профессора, специалиста по источниковедению Ильи Андреевича Булыгина и издается к его девяностолетию. Открывается сборник статьей о жизненном пути и научном творчестве ученого, принадлежащей перу его ученика – В.И. Иванова, публикуется также список трудов И.А. Булыгина и воспоминания его коллег – А.А. Преображенского и Т.В. Батаевой.

Хронология научных статей, представленных в настоящем сборнике, охватывает период с XIV по XIX в. Особенности исторического развития России, связанные с отношениями центра и регионов, освещаются в обобщающей статье Н.М. Рогожина.

Статья Н.А. Соболевой «Мифология и практика использования средневековых эмблем в современном источниковедении» раскрывает значение исторических мифов и символов средневековья при становлении государственной символики и национальной идентичности современной эпохи.

Средневековый период отечественной истории представлен статьей В.А. Кучкина, уточняющей дату рождения Сергия Радонежского.

Большой блок статей посвящен истории и источниковедению XVII в. Н.И. Никитин проанализировал особенности менталитета русских землепроходцев. Л.Е. Морозова затронула вопрос о материальном обеспечении вдов служилых людей в Смутное время. Этой же эпохе посвящена статья А.Ю. Кабанова, реконструирующего исторический портрет одного из деятелей периода Смуты. Ряд статей сборника связан с региональными аспектами истории XVII в. Таковы работы О.В. Новохат-

ко «Ростовская епархия при митрополите Ионе Сысоевиче», И.А. Устиновой «“Дело” архиепископа Суздальского и Тарусского Стефана 1659–1663 гг.», М.С. Черкасовой «Институт поповских старост на севере России в середине XVII в.». Проблемы государственного управления раскрываются в статьях В.И. Иванова «Вымышленный указ царя Алексея Михайловича о немцах» и А.В. Воробьева «Росписные и статейные списки Разбойного приказа и губных изб как исторический источник». Изучению феномена старообрядческих самосожжений посвящена статья М.А. Логиновой «Старообрядческие “гари” 1650–1680-х годов».

Отдельные аспекты социально-экономической политики Петра I раскрываются в статье А.В. Демкина «О переселении купцов в Петербург по указу 3 июня 1714 г.». Статья В.Н. Захарова посвящена некоторым аспектам внешней торговли России через Санкт-Петербургский порт в эпоху Елизаветы Петровны. Представляется весьма актуальной статья Е.Н. Марасиновой «“Лобные места истребить”: последствия негласного моратория на смертную казнь в России XVIII в.». Статья А.В. Семеновской «Между двух юбилеев: Великая Французская революция в оценке Н.М. Карамзина (250 лет со дня рождения) и декабристов (190 лет со дня восстания)» хронологически охватывает период конца XVIII и первой четверти XIX в.

XIX в. представлен статьями С.А. Козлова «Журнал “Русское сельское хозяйство” (1869–1876) как источник по аграрной истории пореформенной России», Э.Г. Истоминой «Лесоохранительный закон 1888 г. как фактор экологического и социально-экономического развития России» и С.В. Пряшниковой (игумена Филарета) о системе образования на острове Сахалин в конце XIX – начале XX в.

В.И. Иванов (Краснодар)

**Илья Андреевич Булыгин:
ученый, педагог, патриот
(к 90-летию со дня рождения)**

И.А. Булыгин относится к тому героическому поколению русских людей, которые спасли мир от германского нацизма и японского милитаризма, ценой невероятных усилий отстаивали честь и независимость нашей Родины. Несмотря на все трансформации и катаклизмы XX в. это поколение сумело также сохранить преемственность отечественной исторической школы. Изменялась тематика исследований, устанавливались разные теоретические схемы, идеологический контроль, однако значительная часть работ советских историков второй половины XX в. базировалась на серьезном источниковедческом фундаменте, объективном анализе документальных свидетельств. Именно в этом видится важнейшее проявление преемственности, особенно характерное для работ по русской средневековой истории, ориентиром которых всегда оставались труды классиков дореволюционной историографии.

И.А. Булыгин родился 1 сентября 1923 г. в селе Ратово Теплостанского района Нижегородской (позднее Горьковской) области. Детство и юность прошли в гор. Орехово-Зуево. Родители работали на ткацкой фабрике. Со школьной скамьи в августе 1941 г. его призвали в ряды Красной армии. Пройдя курсы усовершенствования комсостава зенитной артиллерии, в звании лейтенанта был отправлен на Карельский фронт, где воевал до 1945 г. Был ранен, награжден медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией». После демобилизации в 1946 г. поступил в Московский историко-архивный институт, который с отличием окончил в 1951 г. В то время в институте преподавали ведущие историки страны – Л.В. Черепнин, А.И. Андреев, П.П. Смирнов, В.К. Яцунский и многие

другие. Будучи студентом, Илья Андреевич активно участвовал в работе научного кружка Н.В. Устюгова. В 1948 г. был удостоен персональной стипендии имени академика С.К. Богоявленского, а после института рекомендован в аспирантуру. В 1954 г. в установленный трехлетний срок успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Положение крестьян и товарное производство в России во второй половине XVIII века» (научный руководитель А.А. Новосельский) и стал работать преподавателем в этом же институте.

И.А. Булыгин считал себя учеником Николая Владимировича Устюгова и Алексея Андреевича Новосельского. В свою очередь, учителем Н.В. Устюгова был В.И. Пичета, крупнейший специалист по истории славянских народов, который слушал курс лекций В.О. Ключевского и под научным руководством которого написал дипломную (тогда называлась кандидатской) работу о Юрии Крижаниче. Непосредственным учителем по исследованию аграрных отношений в Русско-Литовском государстве стал для В.И. Пичеты профессор М.К. Любавский, считающийся любимым учеником В.О. Ключевского. Другой наставник Ильи Андреевича – А.А. Новосельский учился у А.И. Яковлева, а тот – опять-таки у крупнейшего специалиста в области отечественной истории и источниковедения В.О. Ключевского¹. Прослеживается, таким образом, живая преемственность воспитания и подготовки историков-исследователей, которая ведет свое начало от В.О. Ключевского и С.М. Соловьева. Понятно, что на богатейшем творческом наследии классиков отечественной исторической науки постигало тайны научного творчества огромное большинство современных историков, и не только российских, тем не менее непосредственная связь одного поколения историков с другим дополняет интеллектуальный опыт живой, эмоциональной и нравственной силой.

В 1955 г. Илья Андреевич был приглашен в Институт истории АН СССР в сектор публикации источников по истории СССР и привлечен к подготовке многотомного издания документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции (являлся составителем тома «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде в 1917 г.»). После завершения

этой работы И.А. Булыгин был переведен в сектор истории СССР феодального периода, в котором (учитывая различные реорганизации) работал всё последующее время, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. В 1978 г. Илья Андреевич защитил докторскую диссертацию «Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века»².

Долгие годы он преподавал в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы (ныне РУДН – Российский университет дружбы народов) на историко-филологическом факультете. Его основной курс лекций – «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины». За многолетнюю плодотворную работу в университете И.А. Булыгину в 1981 г. было присвоено звание «профессора». Педагогом Илья Андреевич был замечательным. Глубокое знание предмета, умение владеть аудиторией помогало ему находить контакт с самыми разными по темпераменту студентами. Привлекало и несколько удивляло то, что свои занятия по источниковедению он начинал с персонального знакомства с каждым студентом группы, его интересовали прежде всего научные пристрастия собеседника.

Лекции И.А. Булыгина отличались размеренностью, неторопливостью и основательностью. Ему присущи спокойствие, невозмутимость, манера читать лекции как бы рассуждая, давая возможность студентам записать сказанное им³. В них было мало импровизации, однако просматривая свои конспекты, лишний раз убеждаешься, что лекции были чрезвычайно насыщенные, с хорошо продуманным распределением материала. Подкупало и то обстоятельство, что проблемы источниковедения рассматривались как бы изнутри, раскрывалась борьба различных мнений. По многим теоретическим вопросам он предлагал собственные формулировки и определения⁴. Оригинальным был и подход Ильи Андреевича к семинарским и практическим занятиям. Студентам предлагалось самостоятельно провести выявление и анализ первоисточников по заранее заданной теме и представить к зачету письменный реферат. Работа с солидными академическими изданиями документов, при всех их недостатках с позиций сегодняшнего дня, позволяла ощутить сложную картину борьбы политических сил и настроений в первые дни Октябрьской революции 1917 г.⁵

Говоря об Илье Андреевиче как педагоге, следует отметить его участие в подготовке пособия для учителей «Очерки истории СССР. XVIII век» (М., 1962). Им написан здесь ряд глав: о сельском хозяйстве, внешней политике, крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

Много внимания и сил И.А. Булыгин уделял воспитанию молодых исследователей. К нему охотно записывались студенты на курсовые и дипломные работы. Он занимался с ними тщательно, волновался, когда они защищали свои проекты, был переполнен радостью и гордостью, если получали оценку «отлично». Сам большой знаток источников и любитель архивных изысканий, Илья Андреевич, соблюдая традиции «устюговцев», старался приобщить своих студентов к архивным изысканиям. На 2-м курсе меня он лично привел в знаменитый архив Древних Актов (ныне РГАДА – Российский государственный архив древних актов). Старинная торжественная обстановка архива, рассказы наставника о той домашней атмосфере, которая царила здесь при бывшем директоре С. Шумилове (диван на площадке второго этажа, чай, шахматы), уважительное отношение сотрудников ко мне, еще зеленому студенту, – всё это вместе взятое произвело на меня тогда очень сильное впечатление, и до сих пор остается в памяти как одно из самых важных событий университетской жизни.

Требовательность Ильи Андреевича, надо признаться, поначалу раздражала. Никому из моих сокурсников, насколько я знаю, не приходилось трижды, а то и четырежды переписывать свои курсовые работы. Это воспринималось мной чуть ли не как личное оскорбление. Только спустя годы осознаешь, насколько трудоемкой и утомительной была эта работа для самого научного руководителя, насколько полезна и необходима она для молодого исследователя. Несмотря на требовательность, И.А. Булыгин умел вдохнуть в учеников уверенность в своих силах, поддержать творческий поиск. Бескорыстная самоотдача, сопереживание сами по себе подстегивали и действовали на учеников лучше всяких поучений. В отношении к ученикам у И.А. Булыгина чувствовалась постоянная доброжелательная готовность выслушать и принять участие. Это относилось не только к научным, диссертационным проблемам, но и к реше-

нию разных жизненных ситуаций. Некоторые ученики признавались, что работали над диссертациями только потому, что стыдно было перед Ильей Андреевичем, не хотелось его огорчать. Людей привлекало его спокойствие, организованность, несомненные черты лидера⁶. Зная Илью Андреевича многие годы, я понял, что это человек по природе своей очень темпераментный, даже резкий, однако в результате сознательного самовоспитания он всегда воспринимался и вел себя как глубоко интеллигентный, высококультурный человек.

Как ученый-исследователь, И.А. Булыгин занимался рядом проблем. Он был одним из самых высококвалифицированных и уважаемых специалистов в области археографии и источниковедения. Неслучайно ему было поручено написание соответствующих статей в «Советской исторической энциклопедии»⁷. Первый серьезный опыт в области археографии связан был у Ильи Андреевича с упомянутой выше работой по подготовке к публикации документов Октябрьской революции. Будучи составителем одного из томов, он не ограничивался чисто технической работой. Анализ и обобщение проблем археографии представлены им в ряде научных статей⁸. Характерно, что на основе новых выявленных материалов И.А. Булыгин исследовал ряд конкретно-исторических сюжетов того периода⁹. Позднее он был включен в редакционную коллегию академического издания «Актов Русского государства, 1506–1526 гг.» (М., 1975), для которого разработал правила публикации документов¹⁰. По источниковедению, кроме учебных пособий, уровень которых вполне соответствует высоким научным требованиям, было опубликовано несколько теоретических работ¹¹.

Главным же объектом исследовательской деятельности И.А. Булыгина была история России XVII–XVIII вв., то есть периода феодализма, ныне определяемого как период поздних Средних веков и раннего Нового времени. Преимущественно им разрабатывались проблемы социально-экономической развития, хотя затрагивались и вопросы политической истории¹².

Центральная тема научного творчества И.А. Булыгина – аграрная истории, прежде всего история русского крестьянства, выходцем из которого он был сам. Первая публикация молодого исследователя, появившаяся в 1953 г., была подготовлена на

основе дипломного сочинения и посвящена сыску беглых крестьян Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. Статья и теперь производит солидное впечатление. Она основана на архивных источниках, выявленных в фондах Поместного и Разрядного приказов. Автор осветил законодательную основу и конкретные условия деятельности сыщиков, их непростые отношения с местной администрацией, землевладельцами и, конечно, с крестьянами. В статье раскрываются не только количественные показатели бегства и сыска крестьян, но и приводятся материалы, характеризующие положение местных крестьян, причины их бегства. Даются яркие картины борьбы крестьян со своими владельцами и властями. Показаны направления бегства рязанских крестьян (в основном, на юг) и условия, в которые они попадали на новых местах¹³.

Дальнейшая разработка проблем аграрной истории проводилась И.А. Булыгиным по материалам преимущественно XVIII в. Кандидатская диссертация посвящена была исследованию крепостнического хозяйства последней четверти XVIII в.¹⁴ Ее материалы, расширенные и дополненные, были использованы автором при подготовке монографии «Положение крестьян и товарное производство в России во второй половине XVIII века: (по материалам Пензенской губернии)» (М., 1966). В этой работе дается общая социально-экономическая характеристика Пензенской губернии во второй половине XVIII в., исследуется состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли. В основной же части этого труда подробно рассматривается вотчина крупного землевладельца А.И. Полянского, что позволяет проследить конкретные проявления общих тенденций развития господского и крестьянского хозяйств. Отличительной особенностью этого исследования является широкая, хорошо разработанная источниковая база. Основу составили документы крупного фонда Полянских (РГАДА, ф. 1276). Кроме этого, автором были использованы материалы почти 20 разных фондов из РГАДА, РГВИА (Российского государственного военно-исторического архива), Государственного архива Пензенской области, Мордовской республики и других. Это позволило подробно осветить деятельность А.И. Полянского по расширению своих владений, организации управления

вотчинами, развитию сельского хозяйства, крепостных мануфактур, эксплуатации крестьян. Показан активный процесс втягивания господского и крестьянского хозяйства в торговые отношения, проникновение капиталистических отношений в помещичье хозяйство (пока лишь в промышленное производство). В конце XVIII в. хозяйство А.И. Полянского, по заключению И.А. Булыгина, превращается в предпринимательское, все основные отрасли которого носят товарный характер, но переход этот осуществлялся крепостническими методами. Автор убедительно доказывает наличие социального расслоения внутри крестьянства, раскрывает упорную антикрепостническую борьбу крестьян, что свидетельствует о нарастании противоречий внутри феодальной деревни. Несмотря на определенную заданность тематики и выводов, это исследование, в силу большого количества фактического материала, сохраняет ценность «первоисточника» для изучения эпохи позднего феодализма.

Еще один крупный труд И.А. Булыгина посвящен исследованию церковных реформ первой четверти XVIII в.¹⁵ Исследователь по-новому подошел к рассмотрению позиции Петра I в отношении церкви. В монографии исследованы такие проблемы, как численность и географическое размещение монастырских крестьян и их владельцев, характер монастырского землевладения, изменение условий секуляризации монастырских вотчин в ходе реформ Петра I, состояние монастырского и крестьянского хозяйств, изменения форм и величины государственных и владельческих податей и повинностей. Кроме выяснения особенностей проведения церковной реформы, которая первоначально предполагала, как установил автор, полную секуляризацию церковных владений, автор представил многочисленные данные о развитии монастырского хозяйства, феодальной ренты монастырских крестьян. Большое количество систематизированных статистических данных, извлеченных из архивных источников, делают эту монографию, помимо всего прочего, добротным справочником.

Кроме конкретно исторических изысканий, И.А. Булыгин много занимался осмыслением особенностей исторического пути России, прежде всего социально-экономического разви-

тия, и обобщением истории крестьянства в период позднего феодализма (вторая половина XVII в. – 1861 г.). Он внес весомый вклад в рассмотрение ряда острых дискуссионных проблем отечественной истории. Принимал активное участие в обсуждении во второй половине 50-х – 60-х годах XX в. вопроса о генезисе капитализма и абсолютизме в России, отстаивая точку зрения о раннем (с XVII в.) развитии капиталистических отношений в промышленности и в деревне¹⁶. Он неоднократно выступал с докладами на симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы¹⁷.

По своей натуре Илья Андреевич был ученым-коллективистом. Важнейшее место в его творчестве занимает работа над многотомной коллективной «Историей крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.»¹⁸. Ему принадлежит разработка в этом издании двух тем – крестьянская торговля и расслоение крестьянства. Текст, написанный И.А. Булыгиным, представлен в виде четырех глав в 3-м томе этой серии, который посвящен крестьянству периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.)¹⁹. В первой части этого тома (XVII – начало XVIII в.) Илья Андреевич является автором глав: «Развитие товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве. Крестьянская торговля» и «Начало буржуазного расслоения крестьянства»; а во второй (60-е годы XVIII в. – 1861 г.) – «Крестьянство и всероссийский рынок» и «Углубление буржуазного расслоения крестьянства».

Как обычно делается в обобщающих коллективных трудах, текст И.А. Булыгина в «Истории крестьянства России» основывается прежде всего на результатах уже опубликованных исследований. По вопросу о развитии крестьянской торговли И.А. Булыгин приходит к выводу, что уже в 20–30-х годах XVII в. в России образовалось несколько районов товарного производства таких сельскохозяйственных продуктов, как хлеб, лен, конопля, продукты молочного животноводства. Развитие товарно-денежных отношений наблюдается в это время и в крестьянских промыслах (в железоделательном уже в самом начале XVII в.) и продолжается в основном по восходящей линии вплоть до середины XVIII в. В этот период зарождается целый слой торговых крестьян и появляется множество торго-

во-промысловых сел²⁰. В последующем крестьянская торговля сделала крупный шаг вперед. На хлебном рынке только к началу 20-х годов XIX в. крестьяне лишь немного уступили свое первенство помещикам. В это же время купечество считало их главным конкурентом на столичных рынках²¹.

Изучение процесса расслоения крестьян привело автора к выводу, что оно уже с 20–30-х годов XVII в. имело социальный, буржуазный характер. Явственно, по его мнению, прослеживается с этого времени выделение «сельского предпролетариата при одновременном формировании сельской буржуазии, занятой сельскохозяйственной и промысловой деятельностью». Процессы эти происходили не только среди черносошных, государственных крестьян, но и, хотя менее заметно, в помещичьей, монастырской и дворцовой деревне²². В последней трети XVIII – первой половине XIX в. процесс буржуазного расслоения усиливался, шло формирование крестьянской буржуазной собственности на землю, наблюдается массовый отход крестьян на различные заработки. При всем при этом среднее крестьянство продолжало составлять большую часть сельского населения²³.

Последней крупной работой ученого было участие в восьмитомной «Истории Европы с древнейших времен до наших дней». В четвертом томе им написаны все главы по истории России XVIII в., в которых дается всесторонняя характеристика социально-экономического развития, государственного строя, отношений церкви и государства, классовой борьбы, общественной мысли и культуры, внешней политики²⁴. Автор обобщил, можно сказать, подвел итог развитию советской историографии истории России XVIII в. Оставаясь в рамках формационно-классовой теории развития общества, Илья Андреевич раскрывает противоречивость социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших в России, и показывает своеобразие ее исторического пути.

Исследования И.А. Булыгина по истории феодальной России имеют, как мы видим, широкие хронологические (с XVII в. до 1861 г.), территориальные (от отдельных уездов до всей территории страны) и тематические рамки. Они, несомненно, несут на себе отпечаток времени, монополюбно господствующей в

советской историографии марксистской теории, определенных концепций исторического развития русской деревни. Однако научная добросовестность, профессионализм в работе с архивными источниками, присущий приоритет факта делает труды И.А. Булыгина прочным «кирпичом» в здании отечественной исторической науки. Как честному ученому-патриоту, Илье Андреевичу претили конъюнктурные, скороспелые «пересмотры» нашей истории конца 80-х – 90-х годов XX в., о чем он публично высказывался в прессе. Он, в частности, неоднократно выступал против получившей в те годы особенно широкое распространение практики, когда *социальное* угнетение, от которого в феодальном обществе не был избавлен ни один народ (а русские страдали даже более других), преподносилось историками как угнетение *национальное*, если речь шла о находившихся в составе России нерусских народах²⁵.

Отличительными чертами личности И.А. Булыгина, которые отразились и в его научных трудах, и в педагогической работе, и в общественной деятельности (он активно работал в ВООПИК и РОИА), и в личной жизни (многие годы он нежно заботился о своей тяжело болевшей супруге З.А. Троицкой), являются собранность и основательность, верность своему долгу и идеалам, твердость в отстаивании своей точки зрения, корректность в отношениях с коллегами и учениками, щепетильность в делах чести. Он резко и болезненно реагировал на любые проявления научной нечистоплотности и интриганства, следуя высоким нравственным традициям лучших представителей русской интеллигенции.

¹ Историки России. Биографии. М., 2001. С. 571, 369, 313, 208, 669; Портреты историков: время и судьбы: в 2 т. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 177–178; Советская историческая энциклопедия. М., 1976. [Т.] 16. Стб. 863.

² Научный Архив Института российской истории РАН. Дело И.А. Булыгина.

³ *Батаева Т.В.* Память о друге // Илья Андреевич Булыгин: биобиблиогр. сб. Краснодар, 1999. С. 10.

- ⁴ Издана была, к сожалению, только первая тема курса – И.А. Булыгин. Предмет и задачи источниковедения: текст лекций. М.: Ун-т дружбы народов, 1983.
- ⁵ См. подробнее: *Булыгин И.А.* Методические рекомендации по подготовке к семинарским занятиям по курсу «Источниковедение»: для студентов 2 курса ист.-филол. фак-та. М.: Ун-т дружбы народов, 1984.
- ⁶ *Преображенский А.А.* Илья Андреевич Булыгин – ученый и друг // Илья Андреевич Булыгин: биобиблиогр. сб. Краснодар, 1999. С. 5.
- ⁷ Советская историческая энциклопедия. [М.], 1961. [Т.] 1. (Им написан основной теоретический раздел и история российской археологии; раздел зарубежной археологии написан коллективно специалистами по истории разных стран); М., 1965. [Т.] 6. (Ст., написанная с Л.Н. Пушкаревым).
- ⁸ «Обзор документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.» (Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 243–264. Совм. с Г.Е. Рейхбергом и Ю. С. Токаревым); «О типах, видах и формах публикации документов: [к дискуссии в журнале “Исторический архив”]» (Исторический архив. 1960. № 5. С. 148–154. Совм. с Г.Е. Рейхбергом); «О передаче текста документов советской эпохи» (Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. 11. С. 67–79).
- ⁹ «Разгром контрреволюционного мятежа Керенского – Краснова» (История СССР. 1957. № 5. С. 31–55); «Из истории первых мероприятий советской власти по охране памятников культуры и искусства (октябрь – ноябрь 1917 г.)» (Вестник истории мировой культуры. 1958. № 3. С. 169–174. Совм. с С.М. Троицким).
- ¹⁰ Правила издания «Актów Русского государства XVI – начала XVII вв.». М., 1984.
- ¹¹ «Источниковедение» (Советская историческая энциклопедия. [М.], 1965. [Т.] 6. Совм. с Л.Н. Пушкаревым); «[Выступление на обсуждении статьи С.М. Каштанова и А.А. Курносова “Некоторые вопросы теории источниковедения”]» (Исторический архив. 1962. № 4. С. 193–194).
- ¹² «Законодательство о крестьянской торговле в России XVII – 60-х годов XVIII в.» (Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 180–196); «К вопросу о сущности реформ в России эпохи позднего феодализма (XVI – середины XIX в.)» (Реформы в России XVI–XIX вв. М., 1992. С. 25–29).
- ¹³ «Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.» (Исторические записки. [М.], 1953. [Т.] 43. С. 131–149).

- ¹⁴ «Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII века (на примере владений А.И. Полянского): автореф. дис. ... канд. ист. наук» (М., 1954).
- ¹⁵ «Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века» (М.: Наука, 1977. 327 с.).
- ¹⁶ Булыгин И.А. О капиталистическом расслоении крестьянства в до-реформенной период // История СССР. 1964. № 4. С. 64–82; Начальный этап генезиса капитализма в России / И.А. Булыгин, Е.И. Индова, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов, С.М. Троицкий // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 65–90; Булыгин И.А. [Выступление] // Переход от феодализма к капитализму в России: материалы Всесоюз. дискуссии [«Закономерности ист. развития общества и перехода от одной соц.-экон. формации к другой», Москва, 2–4 июня 1965 г.]. М., 1969. С. 257–265.
- ¹⁷ «О монастырских крестьянах XVIII века» (Тезисы докладов и сообщений 10-й сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, янв. 1968 г.). М., 1968. [Вып. 1]. С. 67–68); «Хозяйство и крестьяне Троицкого Калязина монастыря в начале XVIII в.» (Тезисы докладов и сообщений XI сессии Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, (Одесса, нояб. 1969 г.). М., 1969. [Ч. 1]. С. 139–141); «Бюджет Троице-Сергиева монастыря в начале XVIII в.» (Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, (Рига – Сигулда, окт. 1970 г.) М., 1970. С. 134–136); «О монастырских крестьянах в XVIII в.» (Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968. Л., 1972. С. 109–115).
- ¹⁸ Первые два тома этого издания изданы под заглавием «История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1987–1989. Т. 1–2). И.А. Булыгин был ответственным секретарем всей серии.
- ¹⁹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. Т. 3.
- ²⁰ Там же. С. 116, 118, 120.
- ²¹ Там же. С. 333, 341, 349.
- ²² Там же. С. 177–179, 188–190.
- ²³ Там же. С. 381, 392, 402.
- ²⁴ История Европы. М.: Наука, 1994. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). С. 272–295, 327–339, 395–401, 407–421, 456–464.
- ²⁵ См., напр., рецензию И.А. Булыгина на книгу И.А. Заичкина и И.Н. Почкаева «Русская история от Екатерины Великой до Александра II» (М., 1994) (Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 167).

Научные труды Ильи Андреевича Булыгина*

1953

Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. // Исторические записки. [Т.] 43. М.: Изд-во Акад. наук СССР. С. 131–149.

1954

Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII века: (на примере владений А.И. Полянского): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М. С. 16.

1956

Рец.: Е.И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1955. 198 стр. Тираж 4000. Цена 8 руб. 80 коп. // Вопросы истории. № 6. С. 170–172.

1957

Разгром контрреволюционного мятежа Керенского – Краснова // История СССР. № 5. С. 31–55.

Отв. сост.: Октябрьское вооруженное восстание в Москве. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1042, [2] с. (Великая Октябрьская социалистическая революция: документы и материалы). Совм. с др.

Ред.: Там же. Совм. с др.

1958

Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства (октябрь – ноябрь 1917 г.) // Вестник истории мировой культуры. № 3. С. 169–174. Совм. с С.М. Троицким.

Обзор документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году // Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР. С. 243–264. Совм. с Г.Е. Рейхбергом и Ю.С. Токаревым.

* Составил В.И. Иванов. Дополнения и редакция выполнены редактором Издательского центра Института российской истории РАН.

Освещение истории культуры в учебнике «История СССР» // Вестник истории мировой культуры. № 1. С 163–169. Совм. с С.М. Троицким.
Расслоение крепостного крестьянства во владениях Полянских в последней трети XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М.: Изд-во Акад. наук СССР. С. 324–341.

1959

Новгородская феодальная республика // Малая советская энциклопедия. 3-е изд. [М.]: Большая сов. энциклопедия. [Т.] 6. Стб. 664–666. Авт. указан в «Списке крупных статей».
Рец.: История Минска. Академия наук БССР. Институт истории. Редакционная коллегия: И.С. Кравченко (главный редактор), Л.С. Абецдарский, З.Ю. Копыцкий, В.Ф. Романовский. Изд-во АН БССР. Минск. 1957. 542 стр. Тираж 4000 экз. Цена 23 руб. // Вопросы истории. № 2. С. 181–187. Совм. с Ю.С. Борисовым и С.А. Залесским.

1960

О типах, видах и формах публикации документов: [к дискуссии по некоторым вопросам публикации сов. документов в журн. «Исторический архив»] // Исторический архив. № 5. С. 148–154. Совм. с Г.Е. Рейхбергом.

1961

Из истории вотчинной мануфактуры во второй половине XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М. С. 139–145.
Чл. редкол.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 366 с.: ил.

1962

[Выступление на обсуждении статьи С.М. Каштанова и А.А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения»] // Исторический архив. № 4. С. 193–194 (Статьи и сообщения).
Очерки истории СССР. XVIII век: пособие для учителей. М.: Учпедгиз. 320 с.
Автор след. разделов: Гл. 3: Россия во второй половине XVIII в., [§ 1]: Сельское хозяйство. Крестьяне и дворянство,

с. 168–179; [§ 4]: Крестьянская война под предводительством Емельяна Пучачева, с. 198–213; [§ 6]: Внешняя политика, с. 219–246.

1963

- Вотчина // Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. [Т.] 3. Стб. 755–758.
- О передаче текста документов советской эпохи // Проблемы источниковедения. М.: Изд-во Акад. наук СССР. [Т.] 11. С. 67–79.
- Ученый, педагог, гражданин: (памяти Н.В. Устюгова) // История СССР. № 6. С. 217–219.
- Din istorical primelor măsurі luate de putere sovietică pentru protecția monumentelor de cultură si artă (octomer – novembrie 1917 // Analele Romăno-Sovietice. Seria istoria. N 1 (25). S. 61–68.

1964

- «Древняя Российская вивлиофика» // Советская историческая энциклопедия. [М.]: Сов. энциклопедия. [Т.] 5. Стб. 375–376.
- О капиталистическом расслоении крестьянства в дореформенной России // История СССР. № 4. С. 64–82.

1965

- Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. [Т.] 6. [М.]: Сов. энциклопедия. Стб. 592–601. Совм. с Л.Н. Пушкаревым.
- Комментарии к двадцать седьмому и двадцать восьмому томам «Истории России с древнейших времен» // Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Мысль. Кн. 14, т. 27–28. С. 627–640.

1966

- Начальный этап генезиса капитализма в России // Вопросы истории. № 10. С. 65–90. Совм. с Е.И. Индовой, А.А. Преображенским, Ю.А. Тихоновым, С.М. Троицким.
- Об особенностях городов Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Города феодальной России: сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М.: Наука. С. 486–497.
- Положение крестьян и товарное производство в России во второй половине XVIII века: (по материалам Пензенской губернии). М.: Наука. 212 с.

1968

- Алексей Андреевич Новосельский: [историк (1891–1967): некролог] // История СССР. № 2. С. 230–231.
- Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории: материалы науч. конф. по истории, с/х и крестьянства Европ. Севера СССР, г. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968. С. 415–425.
- О монастырских крестьянах XVIII века // Тезисы докладов и сообщений 10-й сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, янв. 1968 г.). М. [Вып. 1]. С. 67–68.

1969

- [Выступление на Всесоюзной дискуссии «Закономерности ист. развития общества и перехода от одной соц.-экон. формации к другой», Москва, 2–4 июня 1965 г.] // Переход от феодализма к капитализму в России. М. С. 257–265.
- Из истории землевладения Пензенской губернии в конце XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. 7: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. С. 45–51.
- Хозяйство и крестьяне Троицкого Калязина монастыря в начале XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, нояб. 1969 г.). М. [Ч. 1]. С. 139–141.
- Юбилейные торжества в Институте истории АН СССР // История СССР. № 1. С. 216.

1970

- Бюджет Троице-Сергиева монастыря в начале XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига – Сигулда, окт. 1970 г.). М. С. 134–136.
- Крестьяне Вологодского Спасо-Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда. С. 108–120.

1972

- О монастырских крестьянах России в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968. Л. С. 109–115.

1974

- Земельная аренда монастырских крестьян в первой четверти XVIII века // История СССР. № 4. С. 164–175.
Церковная реформа Петра I // Вопросы истории. № 5. С. 79–93.

1975

- Борьба государства с феодальным иммунитетом // Общество и государство феодальной России: сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М. С. 327–333.
Монастырское хозяйство в России в первой четверти XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в.: сб. ст. к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М.: Наука. С. 164–176.
Особая категория феодально зависимых крестьян в первой половине XVIII в.: из истории секуляризации церковных владений // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. ст. памяти А.А. Новосельского. М. С. 190–212.
Чл. редкол.: Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. ст., посвящ. памяти А.А. Новосельского. М.: Наука. 346, [2] с.
Подгот. текста: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М.: Наука. 435 с. Док. № 58, 149–161, 163–189, 191–235. Совм. с Л.З. Мильготинной и В.Д. Назаровым.
Чл. редкол.: Там же.

1976

- Итоги и задачи изучения аграрной истории XVIII в. // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: тез. докл. и сообщ., Кишинев, 29 сент. – 2 окт. 1976 г. М. С. 150–153. Совм. с Е.И. Индовой.

1977

- Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 [Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР]. М., 1977. 58 с.
Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука. 327 с.
Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // История СССР. 1979. № 8. Совм. с В.А. Александровым и др.

1979

- Чл. редкол.:* Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М.: Наука. 278, [2] с.

1980

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Наука. Сб. 9. 276 с.

1982

Чл. редкол.: Источниковедение отечественной истории, 1981: сб. ст. М.: Наука. 280 с.

1983

Предмет и задачи источниковедения: текст лекций. М.: Ун-т дружбы народов. 37 с.

Чл. редкол.: Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв.: сб. ст. М.: [Ин-т истории СССР]. 184 с.

Чл. редкол.: Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: сб. ст. М.: Наука. 255, [1] с.

1984

Законодательство о крестьянской торговле в России XVII – 60-х годов XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР С.В. Бахрушина. М.: Наука. С. 180–196.

Методические рекомендации по подготовке к семинарским занятиям по курсу «Источниковедение»: для студентов II курса ист.-фил. фак-та. М.: Ун-т дружбы народов. 11 с.

Сост.: Правила издания «Актов Русского государства XVI – начала XVII вв.». М.: Ин-т истории СССР. [2], 47 с.

Отв. ред.: Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука. 264 с.

Чл. редкол.: Источниковедение отечественной истории, 1984: сб. ст. М.: Наука. 256 с.

1986

Чл. редкол.: Источниковедение отечественной истории, 1984: сб. ст. М.: Наука. 256 с.

1987

Проблемы социально-экономического развития России XIV–XVIII вв. в работах советских историков (1960–1980 гг.) // Исторические записки. М. [Т.] 115. С. 144–171. Совм. с А.А. Преображенским.

Чл. редкол. серии: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. М.:

Наука. Т. 1: Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и ранне-феодальных обществ (VI–V тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.). 493, [3] с.

1988

The Russian Church in the 18th Century // The Russian Orthodox Church 10th–20th Centuries. М. Chap. 5. P. 122–123.

1989

Чл. редкол.: Источниковедение отечественной истории, 1989: сб. ст. М.: Наука. 268 с.

1990

[Выступление при обсуждении кн. И.К. Пантина, Е.Г. Плимака, В.Г. Хороса «Революционная мысль в России». М., «Мысль» 1986] // История и историки. М.: Наука. С. 122–123 (Историческая наука в 20–30-е годы: «круглый стол» Научного совета по историографии и источниковедению).

1991

Русская история в трудах А.А. Преображенского // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX вв. М. С. 4–24. Совм. с А.В. Демкиным и Н.И. Никитиным).

Историю ложью не лечат: (интервью) // Ленинское знамя. 16 марта. Портр.

1992

К вопросу о сущности реформ в России эпохи позднего феодализма (XVI – середина XIX в.) // Реформы в России XVI–XIX вв. М. С. 25–29.

Отв. ред.: Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. науч. тр. М.: Ин-т рос. истории. 222, [2] с.

1993

История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука. [Т.] 3: Крестьянство позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). 664 с., 2 л. карты.

Автор след. глав: Ч. 1, гл. 4: Развитие товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве. Крестьянская торговля, с. 94–124; гл. 7: Начало буржуазного расслоения крестьянства, с. 173–193; Ч. 2, гл. 4: Крестьянство и всероссийский рынок,

с. 331–352; гл. 7: Углубление буржуазного расслоения крестьянства, с. 379–404.

Чл. редкол. тома: Там же.

Чл. редкол. серии: Там же.

1994

История Европы: [с древнейших времен до наших дней: в 8 т.]. М.: Наука. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). 509 с., 1 л. карты.

Автор след. глав: Ч. 3: Европа в век Просвещения, гл. 3: Социально-экономическое развитие России в XVIII веке, с. 272–295; гл. 6: Общественная мысль и культура России в XVIII веке, с. 327–338; гл. 10: Государственный строй России в XVIII веке, с. 395–400; гл. 11: Церковь и государство в России XVIII века. Секуляризация церковных владений, с. 401–406; гл. 12: Классовая борьба в России в XVIII веке, с. 407–421; гл. 15: Внешняя политика России в XVIII веке, с. 456–464.

Рец.: И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М., Мысль. 1994. 767 с. // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 166–167.

1996

К 70-летию со дня рождения Александра Александровича Преображенского // Отечественная история. 1996. № 2. С. 119–123.

1997

Александр Александрович Преображенский // Купечество в России, XV – первая половина XIX века: сб. ст. в честь проф. А.А. Преображенского. М. [ИРИ РАН]. С. 8–30. Совм. с А.В. Демкиным и Н.И. Никитиным.

**Илья Андреевич Булыгин –
ученый и друг**

Осенью 1946 г. в аудиториях Московского Историко-Архивного института значительно прибавилось молодых людей – участников Великой Отечественной войны. Среди них был Илья Андреевич Булыгин, демобилизованный офицер-артиллерист. Вскоре мы познакомились. Через некоторое время И.А. Булыгин стал мне встречаться на занятиях исторического кружка Н.В. Устюгова. Студент Булыгин учился отлично. В 1948 г. Ученый совет МИАИ присудил ему персональную стипендию имени академика С.К. Богоявленского, которой удостоили и меня. Вполне естественным стало зачисление Ильи Андреевича в аспирантуру после окончания института. Одновременно он вел преподавательскую работу, жил в общежитии. Кандидатскую диссертацию защитил блестяще, я присутствовал на том заседании Ученого совета и радовался успеху товарища. Первой научной публикацией И.А. Булыгина явилась солидная статья в «Исторических записках» о беглых крестьянах Рязанского уезда в XVII в. Для молодого ученого это было серьезной заявкой на будущее. В его незаурядные способности верили учителя – Н.В. Устюгов и А.А. Новосельский, да и многие студенты и преподаватели МИАИ. И.А. Булыгина пригласили на работу в Институт истории АН СССР. Но поручили ему заниматься не проблематикой феодального периода, где он себя уже зарекомендовал, а более поздней эпохой. Булыгин стал готовить к печати документы кануна Великой Октябрьской революции. И здесь он проявил себя творческим, инициативным сотрудником. Его документальные публикации и исследовательские статьи по истории начала XX в. снискали автору заслуженный авторитет. Когда возникла возможность перехода Ильи Андреевича в наш сектор феодализма, руководство института далеко не сразу на это со-

гласилось, поскольку соответствующие подразделения по советскому периоду не хотели терять специалиста столь высокого уровня. В конце концов, И.А. Булыгина перевели в наш сектор, и он включился в активную работу. На повестке дня тогда стояла подготовка к печати фундаментального сборника документов «Акты Русского государства». Было необходимо разработать правила издания, учесть предыдущий археографический и источниковедческий опыт, предложить новые решения. Не жалея сил и времени, И.А. Булыгин взялся за это трудоемкое и сложное дело. Несмотря на трудности с продвижением в печать этого издания, оно вышло в свет. Помню, как Илья Андреевич радовался этому событию и с законной гордостью подарил мне этот внушительный том.

Шли годы, и И.А. Булыгин превратился в одного из самых высококвалифицированных и уважаемых специалистов в области источниковедения и археографии. Недаром его охотно приняли в качестве профессора в Университет дружбы народов, где он преподавал многие годы и выпустил немало квалифицированных специалистов. На базе УДН Илья Андреевич публиковал учебно-методические работы. Лишь тяжелая болезнь прервала плодотворную педагогическую деятельность ученого.

Очень много сделал И.А. Булыгин в области отечественной исторической науки, будучи автором глубоких, основательных исследований. В расширенном и дополненном виде он напечатал монографию на основе кандидатской диссертации о хозяйстве Полянских второй половины XVIII в. В 1977 г. состоялась защита докторской диссертации ученого, посвященной церковной реформе Петра I. В том же году вышла капитальная монография И.А. Булыгина на эту тему, встретившая положительные отклики научной общественности. Исследователь по-новому подошел к рассмотрению позиции Петра I к церковной организации на протяжении всего правления царя-реформатора. Вопрос о секуляризации церковных имуществ получил свое освещение с учетом всех сложностей эпохи, ее противоречивого течения. Ученый вскрыл глубинные причины эволюции секуляризационных мер правительства Петра I.

По своей натуре Илья Андреевич был ученым коллективистом, не замыкающимся в рамках индивидуальных научных интересов. Он неизменно активно участвовал в создании обобщающих трудов по истории Отечества. На первых порах своей научной деятельности он выступил одним из авторов содержательных глав по XVIII веку в «Очерках истории СССР», предназначенных для учителей. Это была очень нужная и своевременная книга.

Илья Андреевич был горячим сторонником подготовки многотомной «Истории крестьянства СССР» (дооктябрьская серия). Его ввели в состав главной редакции этого труда. Особенно много он сделал для третьего тома, который с трудом появился в свет в условиях весьма неблагоприятных и был посвящен судьбам крестьянства нашей страны на протяжении двух веков – от середины XVII в. до отмены крепостного права. Обширные авторские тексты принадлежат перу этого неутомимого, творческого исследователя. Они могли бы составить целую книгу, если бы их издать отдельно.

Сын крестьянина, Илья Андреевич с глубоким уважением и каким-то трепетным чувством относился к судьбам русских землепашцев. Его труды стали своеобразным памятником «сеятелям и хранителям» земли русской.

Весьма значимым и плодотворным стало участие И.А. Булыгина в подготовке т. 4 «Истории Европы» (1994). Он принял на себя авторство по всем главам, относящимся к России XVIII столетия, а это также весьма обширные тексты, охватывающие многоплановую проблематику.

Успешно разрабатывая конкретно-исторический материал на основе глубокого освоения широкого круга источников, И.А. Булыгин внес весомый вклад в рассмотрение ряда острых дискуссионных вопросов прошлого России. Он деятельно участвовал в развернувшихся на страницах исторических журналов и других изданий обсуждениях проблем расслоения крестьянства, генезиса капиталистических отношений, абсолютизма в России. Следует особо отметить последовательность и принципиальность, которые были присущи печатным и устным выступлениям этого видного ученого, в отстаивании своих взглядов. Он был и остался убежденным сторонником взглядов тех

ученых, которые усматривали явления генезиса капитализма в России не позже XVII столетия. Эту точку зрения он защищал и в своем ярком выступлении на Всесоюзной дискуссии «Переход России от феодализма к капитализму» 1965 г. (опубликовано в 1969 г.). Как честному ученому-патриоту, Илье Андреевичу претили конъюнктурные, скороспелые «пересмотры» нашего прошлого, чем знаменательны последние годы. В этом отношении показательно название его беседы, напечатанной на страницах газеты «Ленинское знамя» – «Ложью историю не лечат».

За полвека моей дружбы с И.А. Булыгиным я видел его в самой разной обстановке, от серьезных академических бдений и горячих обсуждений совместных трудов до непринужденного товарищеского общения в семейном кругу и на отдыхе. Много времени И.А. Булыгин отдавал общественной работе, безотказно выполнял разнообразные партийные поручения. Его избирали в парторганы сектора и института. Он органично вписался в наш коллектив, к нему с уважением относились и старшие и молодые товарищи. Людей привлекало его спокойствие, организованность, несомненные черты лидера. И всюду Илья Андреевич оставался самим собой, искренним, доброжелательным, скромным человеком, прекрасным собеседником, наделенным к тому же удивительно милой, обаятельной улыбкой. Наши отношения с годами укреплялись, дружба обретала те черты, которые доставляют глубокое удовлетворение, чувство единомыслия и душевного комфорта. Применяя фронтовые оценки, есть основания твердо сказать, что с ним можно идти в разведку.

С исключительной теплотой вспоминаю наши совместные поездки в летние месяцы отдыха. Сколько было душевных бесед, воспоминаний, забавных эпизодов. Инициатором таких поездок всегда был Илья Андреевич. Все «оргзаботы» я взваливал на него, называя спутника «командором пробега». Мы плавали на теплоходе по Мариинской водной системе (Москва – Ленинград – Москва), купались в море у крымского побережья, отдыхали в пансионате на Волге. Кстати, Илья Андреевич был прекрасным пловцом, великолепно танцевал, очень любил народные песни. Не раз требовал, чтобы я, несмотря на свои более чем скромные вокальные способности, исполнял

для него полюбившиеся мелодии. Илья Андреевич в любом обществе чувствовал себя своим, знал во всем меру и такт. Незамеченным он не оставался, хотя и не стремился выделиться. Знаменательно, что И.А. Булыгин воспринимался как глубоко интеллигентный, высококультурный человек. А ведь он был интеллигентом в первом поколении, всего достиг самовоспитанием, овладением всей палитрой общения.

Однажды мы оказались на вечеринке, устроенной школьным товарищем И.А. Булыгина В.А. Туголуковым по случаю защиты им кандидатской диссертации (я был официальным оппонентом). Заядлый театрал, Туголуков пригласил знакомых балерин из Большого театра. Я имел возможность наблюдать, как мой друг удачно импровизировал балетные номера, чем восхитил всех присутствующих.

Как-то само собой получилось, что друзья Ильи Андреевича по Историко-Архивному институту, тоже фронтовики, стали и моими друзьями. Мы отмечали День Победы вместе. Увы, уже нет в живых В.Ф. Кутьева, Ю.У. Томашевича, И.Н. Владимирцева, В.А. Туголукова...

Не сразу выяснилось, что И.А. Булыгин в известном смысле мой земляк. Его семья еще до войны поселилась в Орехове-Зуеве, моем родном городе. Окончив десятилетку, юноша ушел в ряды Красной Армии в памятном 41-м году. Имя И.А. Булыгина запечатлено на страницах книги «Память огненных лет», изданной в Орехове-Зуеве в 1995 г.

В последние годы жизни болезнь подточила здоровье некогда крепкого мужчины, почти не обращавшегося к врачам в течение десятилетий. 5 июля 1996 г. Ильи Андреевича Булыгина не стало. Поныне я не могу примириться с осознанием этого горького факта. Совсем недавно видел своего лучшего друга во сне. Мы обсуждали какой-то научный вопрос. Вдруг Илья Андреевич встал и со словами: «Я сейчас вернусь с этой книгой», – вышел из комнаты... И не вернулся... Пробуждение мое было неимоверно тягостным от мысли, что его больше не будет.

Москва, 10 февраля 1999 г.

Опубликовано в кн.: *Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия.* М.: Рус. слово, 2000. С. 66–71.

Память о друге

Проходят годы... И уходят друзья – милые сердцу коллеги. И так уж устроена память человека, что все смолоду пережито – не забывается, а наоборот, становится ближе, живет в нас. Илью Булыгина я встретила 18-летней студенткой, когда он пришел к нам в Московский историко-архивный институт молодым, крепко скроенным парнем рыжеволосым, в военном обмундировании. А на правой груди гимнастерки пришита была желтая нашивка – знак полученного на фронте ранения. Шел второй год окончания Великой Отечественной войны. Его курс был на год моложе нашего – первого послевоенного курса, но сформирован он был так же, как и наш: из 17–18-летних ребят и девушек, только что окончивших школу, и бывших фронтовиков. Хорошие были ребята, много испытавшие, но выжившие и поэтому с особой теплотой относившиеся к своим однокашникам. Дружбу студенческую мы сохранили: каждые пять лет собираемся в Москве и вновь становимся молодыми, без имен-отчеств, без ученых степеней и званий. Вспоминаем послевоенные полугодные годы, такие светлые и ничем неомраченные.

С Ильей как студентом связаны многие воспоминания. Жил он в общежитии Института, своей избранницей сделал Зиночку Троицкую (Зинаиду Александровну), которая, как и он, тоже жила в общежитии. Все вместе ходили мы на демонстрации, устраивали вечера в честь всех революционных праздников и Дня Победы. Отсюда, где расположен Историко-архивный институт, было хорошо наблюдать салют, ведь рядом была Красная площадь. По характеру своему Илья был таким основательным, неспешным. Говорил небыстро. Эта черта сохранилась у него на всю жизнь.

В нашем институте тогда было прекрасно поставлено обучение студентов. Преподавали ведущие ученые страны, такие

как Лев Владимирович Черепнин, Александр Игнатьевич Андреев, Павел Петрович Смирнов, Виктор Корнельевич Яцунский, Владимир Васильевич Максаков, Илья Лукич Маяковский и многие другие. Ими была создана здесь классическая школа источниковедения и архивоведения. С первых курсов Илья попал под обаяние замечательного историка периода феодализма, талантливого педагога Николая Владимировича Устюгова, пошел в его научный кружок и стал работать по предложенной ему тематике. Студентов, работающих под руководством Н.В. Устюгова, мы звали «устюговцами». По-моему, Илья на всю жизнь остался «устюговцем», был верен своему выбору молодости. Он разрабатывал проблемы феодальной эпохи. Его кандидатская и докторская диссертации посвящены вопросам этого исторического периода. А тогда, в студенческие годы члены устюговского кружка вместе со своим учителем совершали экскурсии, в том числе, и в Троице-Сергееву Лавру в Загорск (теперь Сергиев Посад). Учился Илья отлично, активно участвовал в общественной жизни Института. В 1948 году он вместе с моим сокурсником Александром Преображенским стали стипендиатами имени академика-историка Богоявленского. Это было весьма почетно.

Был Илья Андреевич однолюбом в науке, хотя, работая в Институте Истории, он выполнял задания и по другой тематике, например, по выявлению документов для многотомной серии публикации материалов о Великой Октябрьской социалистической революции. Однолюбом он оказался и в жизни: женился где-то на последнем курсе на своей Зинаиде Александровне, и прожили с ней всю жизнь.

После окончания института наши дороги на время разошлись: Илья, закончив аспирантуру Института истории АН СССР, остался работать там как научный сотрудник сектора феодализма. Моя же судьба оказалась связанной с Главархивом и Историко-архивным институтом. Тем не менее мы и тогда встречались нередко, в основном на заседаниях и научных конференциях в Институте истории на Волхонке, на защитах диссертаций: докторских – наших учителей, кандидатских – наших друзей. Помню, как по инициативе Института истории АН СССР

была начата большая работа по составлению общих правил издания документов. Такие правила составлялись в СССР впервые. Была создана специальная рабочая комиссия, в которую ввели и меня как археографа (от МГИАИ была включена еще Дора Михайловна Эпштейн, моя коллега по кафедре археографии, а до того – наша с Ильей преподавательница археографии). Заседания комиссии проходили в здании Института, и Илья неоднократно заходил на них и предлагал свою помощь: «в случае чего, говорил, обращаясь ко мне, подходи, поможем».

После того, как в 1960 году был открыт Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, на историческом отделении стали преподавать вспомогательные исторические дисциплины. Для этого приглашали специалистов из МГИАИ – первой стала вести там семинары доцент Н.В. Бржостовская. Из Института истории был приглашен И.А. Булыгин – тогда еще кандидат исторических наук. Он вместе с другими преподавателями, и прежде всего Т.Д. Крупиной, принял участие в разработке учебного плана, составлении программ, которые отвечали бы требованиям подготовки специалистов-историков для развивающихся стран. К ним позднее присоединилась и выпускница МГИАИ Алла Иосифовна Кардаш. Илья Андреевич положил вместе с Т.Д. Крупиной начало подготовки специалистов по истории СССР (дипломные работы по этой специализации были защищены уже во время первого выпуска в УДН – в 1965 году). Эта подготовка велась тогда еще в рамках кафедры всеобщей истории. Структура исторического отделения менялась неоднократно и определилась окончательно в 1972 году, когда были образованы две кафедры всеобщей истории и истории СССР. Именно на эту, последнюю кафедру был передан курс источниковедения, который вел Илья Андреевич. Здесь и состоялась наша новая встреча с Ильей Андреевичем, поскольку со времени основания кафедры истории СССР ее заведующий доктор исторических наук В.Ф. Антонов пригласил меня работать на этой кафедре в качестве доцента, преподающего историю СССР периода социализма. Вместе с моей коллегой из МГИАИ – Е.В. Чистяковой мы первые годы существования кафедры вели источниковедческую практику.

Илья Андреевич к этому времени внешне изменился мало, вот только волосы стали совершенно белыми – от былой рыжей шевелюры не осталось и следа. И вот как интересно получилось. В те годы, чтобы быть зачисленным в штат Университета дружбы народов, необходимо было пройти несколько ступеней представлений (деканат, партбюро факультета, проректор по международной работе, партком университета, ректор). В тот день, когда мне и Е.В. Чистяковой нужно было предстать перед партбюро факультета, заведующего кафедрой не оказалось на факультете – он поручил представить нас Илье Андреевичу, как одному из старейших работников Университета. Это поручение Илья Андреевич выполнил блестяще, начав с того, что знает меня двадцать шесть лет (мне было в ту пору 44 года). Это было сказано с известной долей лукавства и вызвало оживление присутствующих (все стали подсчитывать, с каких лет это мы знакомы). Напряженность первых минут была снята, и разговор, да и результат получился доброжелательный. С этого времени мы стали на долгие годы коллегами по кафедре. Наше сотрудничество никогда и ничем не омрачалось. И хотя его основная работа проходила в Институте истории СССР АН СССР, он всегда оставался нашим профессором, профессором кафедры истории СССР, а в последние годы – кафедрой России.

По учебному плану кафедры всегда проходила источниковедческая практика (единственная во всем Союзе). Она была поставлена с первых дней существования Университета. В связи с ее уникальностью, она привлекала внимание преподавателей источниковедения из других вузов, в том числе и МГУ, где кафедрой заведовал профессор И.Д. Ковальченко. Он же возглавлял и оргкомитеты по организации всесоюзных конференций по актуальным проблемам источниковедения. Я вспоминаю об этом в связи с тем, что на 3-ю Всесоюзную конференцию по источниковедению нашему Университету предложили выступить по вопросу об источниковедческой практике. Я в это время была заведующей кафедрой и обратилась к Илье Андреевичу с просьбой, чтобы он поехал в Новороссийск (конференция проходила там) и выступил, поскольку многие годы преподавал источниковедение. Однако Илья отказался и очень

аргументированно сформулировал свой отказ: он в Университете – полставочник, совместитель, в распределении обязанностей по чтению курса и семинарским занятиям не участвует, да и практикой руководить перестал, по всему поэтому не резон ему выступать от имени Университета. И порешили мы на том, что выступлю я, что и было осуществлено. В своем выступлении (тезисы были опубликованы позднее Академией Наук) я, конечно же, воздала должное Илье Андреевичу, как внесшему свой вклад в наш преподавательский процесс.

С большой благодарностью к Илье Андреевичу я вспоминаю его труд по написанию лекции по курсу, который он много лет читал. Нелегко его было раскачать и убедить в том, что просто необходимо написать и опубликовать текст его лекций по источниковедению. В результате появились две публикации: одна – «Предмет и задачи источниковедения: текст лекций» (М., 1983) и другая – «Методические рекомендации по подготовке к семинарским занятиям».

Педагогом Илья Андреевич был замечательным. Глубокое знание предмета, умение владеть аудиторией помогало ему находить контакт с самыми разными по темпераменту студентами. Здесь положительную роль сыграли присущие Илье Андреевичу спокойствие, невозмутимость, манера читать лекции, как бы рассуждая, давая возможность студентам записать сказанное им. Нередко за большой фразой вставлял он такое весомое словечко «вот», за которым следовала пауза. Как-то он поделился со мной своим взглядом на манеру лекторов читать лекции. Он сказал мне: «Знаешь, Тамара, вот лекторов можно подразделить на ораторов и рассказчиков. Себя я отношу к числу рассказчиков, в отличие от тебя». Его манера рассказчика при полном отсутствии учебников позволяла студентам почти слово в слово записывать непростые для них лекции по источниковедению. И это приносило хорошие результаты в усвоении курса.

К нему охотно записывались студенты на курсовые и дипломные работы. Он работал с ними тщательно, волновался, когда они защищали свои проекты, и добивался отличных результатов. Вспоминается, как он буквально расцвел, когда одновременно у него защитились на «отлично» несколько дипломниц,

и мы на кафедре за чаепитием отмечали это событие. Его ученицы – все яркие, красивые, буквально обожая своего руководителя, несли с благодарностью цветы, а он был преисполнен и радостью, и гордостью педагога, воспитавшего такие таланты. Эта радость педагога и есть самая большая награда за долготерпение, труд и знания, которые со всей щедростью отдает он своим питомцам.

Многие годы Илья Андреевич, как доктор исторических наук по специальности 07.00.02 – история СССР (теперь – отечественная история), был членом нашего диссертационного совета по защитах кандидатских диссертаций РУДН. Он, в отличие от многих, всегда с интересом слушал вступительное слово соискателя, задавал вопросы, которые нередко вызывали оживленную и интересную для ученых дискуссию, так необходимую для развития научной мысли. Я, как председатель этого совета, всегда могла быть спокойна за надежность этого члена совета, за высокий уровень научной дискуссии и за то, что спор между дискутирующими членами совета не будет вымещен на молодом соискателе. Достойные ученые не могут сводить счеты на учениках. Такого не было никогда ни на нашем совете, ни на кафедре.

Думаю, что как Илья для кафедры, так и кафедра для Ильи были необходимы. Как хорошо он выступал с воспоминаниями о войне на одном из наших праздничных чаепитий, посвященных Дню Победы, где мы традиционно чествовали ветеранов. Он говорил о своем пережитом на той страшной войне. И закончил такими славными словами о ценности той душевной атмосферы и искренних товарищеских отношений, которые сложились за долгие годы в нашем коллективе, о том, что такие отношения помогают выжить в наше непростое время.

И может быть, в нарушение административных инструкций Илья Андреевич Булыгин и после своей смерти значился в списках нашего диссертационного совета до последнего года существования совета – до 1999 года. Он был с нами.

Москва, 1999

Опубликовано в кн.: *Батаева Т.В.* Память о друге // Илья Андреевич Булыгин: библиогр. сб. Краснодар, 1999. С. 7–11.

Проблемы централизации и децентрализации в политическом процессе России

Особенности самобытной истории российской государственности – в постоянном маятниковом взаимодействии центра и регионов, сочетании государственного и церковного управления, последовательной смене реформ и контрреформ.

Государственность России выростала на основе земельной собственности. Расширение территории России в X–XVII вв. – это результат формирования государственной власти, объединения княжеств и необходимости защиты от нападений татар и кочевников, немцев, шведов и поляков. Очевидно, что при большом росте территории плотность населения оставалась крайне низкой. Можно сказать, что основное количество жизненного потенциала народов уходило на защиту и заселение освоенных территорий¹.

Проблема взаимодействия центра и регионов – одна из ключевых в истории России. Особое положение названной проблемы обусловлено фундаментальными цивилизационными особенностями Отечества². В большинстве европейских стран ключевыми «кодами» исторической эволюции являются проблемы частной собственности, прав и свобод гражданина и так далее. В России же в силу ее географического и международного положения на первый план выходит проблема организации пространства. Земля наше главное богатство. Иными словами, государство – такое же творение соответствующей природы, как и люди ее населяющие³.

Ко времени образования Киевской Руси ее огромную территорию уже населяли многочисленные восточнославянские племена, а также десятки народов финского, балтского, тюрк-

ского и иранского происхождения. Обилие лесов в Центрально-Европейской равнине затрудняло земледелие. Множество болот и в целом сложный рельеф местности делали непроходимыми дороги и не способствовали развитию торговли. А отсутствие естественных преград, открытость границ восточнославянской территории несли постоянную угрозу земледельцам со стороны воинственных кочевников Азии, пытавшихся закрепиться в южнорусских степях. Таким образом, огромные пространства при низкой плотности населения и полиэтничности его состава, сложные природные условия и перманентная внешняя угроза требовали создания сильного организующего центра, опирающегося на систему регионального самоуправления и самоорганизации. Именно здесь кроются глубинные истоки самодержавия, деспотизма и тоталитарности, характерные для последующей российской истории.

В то же время нет другой такой страны, которая одновременно граничила бы с католическим миром, кочевым и мусульманским Востоком и китайской державой. За исключением побережья Северного Ледовитого океана, Русь оказалась окруженной противниками со всех сторон. В классической геополитике такая ситуация чревата гибелью страны. Тем не менее в силу изначальной полиэтничности, генетического отсутствия племенного эгоизма, способности ассимилировать различные влияния и широкой распахнутости по отношению к другим языкам и народам, Россия каждый раз выживала. В этих условиях одной из важнейших задач организующего центра, его основной миссией становилось сохранение и расширение пространства, которому периферия несла перманентную угрозу. Неслучайно попытки разрушить организующий центр всегда воспринимались в России как покушение на государственную самостоятельность.

Древнерусское государство формировалось как своеобразный полис, возобладавший над другими⁴. Киевская община осуществляла определенные функции защиты всей Руси, формируя войско и систему его обеспечения. Она была также и системой, входящей с князем в отношения коллективного перераспределения. Князь собирал дань не только в пользу себя и

дружины, но и простых людей, был гарантом справедливости («правды»), осуществлял суд⁵. Подобная система воспроизводилась и в регионах. Власть давала возможность регионам развиваться в определенных рамках, при условии выполнения ими своих обязательств перед организующим центром. Этот баланс, в заранее оговоренных рамках, для всей последующей истории России стал залогом стабильности системы.

Сама система была изначально основана на неформальных отношениях, моделировавшихся как семейные, патерналистские («князь – отец», «община – большая семья»). В результате Киев воспринимался не как оккупационный центр, а как источник защиты, справедливости и перераспределения благ в пользу нуждающихся.

Роль центрального региона закрепилась на многие века. Бунт в столице нес огромную угрозу целостности всей системы. Правящая элита ставила перед собой задачу консолидации именно центрального региона. Его особая роль – основа своеобразного российского федерализма (государство даже передавало часть ресурсов в пользу жителей столицы). Население центра было заинтересовано в сохранении этой системы и могло оказать правящей элите массовую поддержку. Тем самым создавался стереотип «социального государства», который закреплялся в национальной идеологии, в частности, в мифе о добром князе (Владимире), пирующем с народом. Идеал «социального государства» Киевской Руси сочетался с христианскими идеями добра, справедливости, помощи «сырым и убогим», лежащими в основе социальной конструкции православия. Неспособность власти своевременно обеспечить социальное благополучие в центральном регионе, как показывает история, является одной из существенных причин падения режима.

Изначально ключевой ячейкой самореализации народа являлось местное самоуправление в форме территориальной общины. Регион представлял собой связующее звено между центральной и местной организациями России. Это позволяло держать регионалистские тенденции под давлением с двух сторон и регулировать их. Регион оказывался промежуточным звеном, которое одновременно и осуществляло связь, и мешало связи

самоорганизующегося на местах народа с его организующим центром. В этом заключается еще одна ключевая проблема в истории Отечества – истории собраний и распадов власти и территорий.

При определенных условиях распад может быть конструктивен и полезен, например, в период раздробленности, которую принято называть феодальной. В это время отделение Северо-Восточной Руси от Киева привело к взлету культуры в регионах. Высшая власть приблизилась к объекту управления, что способствовало экономическому расцвету отдельных регионов и складыванию новых перспективных центров. В то же время затянувшиеся распады естественно приводят к запустению и кризису, к стагнации и опасному внешнему давлению, как это видно на примере Римской империи. О том же говорит и российская история. Как только Русь «регионализировалась», она сразу же становилась объектом разрушительных агрессий. Это и ордынское нашествие, и период Смуты XVII в. В то же время в России вмешательство извне способствовало восстановлению «организующего центра». Примером могут служить и борьба с Ордой, и ополчение периода Смуты, и события революции и Гражданской войны.

Подчеркнем – Русь никогда не распадалась полностью, даже в эпоху раздробленности. В отличие от западноевропейской политической традиции, великий князь не был «первым среди равных». С начала раздробленности до нашествия ордынцев на Русь шла борьба за великое княжение, борьба за центральную власть. Даже в условиях феодализации, которая в других странах приводила к гораздо более существенному распаду, Русь сохраняла высокую степень целостности.

В период монголо-татарского ига Русь встала перед двуединой задачей: освободиться от Золотой Орды и освоить ее (Орды) пространство. Угроза с Востока могла быть полностью ликвидирована только путем интеграции восточного пространства в систему русского организующего центра. Историческую роль воссоздания единого государства и освобождения от монголо-татарского ига взяла на себя Москва.

Новый этап консолидации пространства поставил на повест-

ку дня проблему выбора способа консолидации – либо федерализм, союз регионов с разными вариантами развития – Новгород, Москва, Тверь и др., либо унифицированная модель. В условиях гигантского пространства, давления со стороны Орды и католического мира унитарная модель была более предпочтительной для целей сохранения единого пространства. Другая, «плюралистичная» модель была опробована в Великом княжестве Литовском. Сосуществование в нем двух христианских доктрин привело, в конечном итоге, к ассимиляции элиты княжества более концентрированным польским ядром. Литва оказалась жертвой внутренней экспансии католицизма. Москва же – как твердое ядро – сумела сохранить русский культурный код даже ценой ликвидации плюрализма и региональной автономии. В XV столетии российский регионализм доказал свою неспособность стать альтернативой московскому самодержавию.

В XIV–XV вв. задача объединения русских земель была в основном решена⁶. Поэтому доминирующими стали социально-культурные стереотипы, связанные с христианским мессианизмом. Это выразилось в выдвижении теорий «Москва – Третий Рим», «Москва – Новый Иерусалим» и освобождении от Золотой Орды. Иван Грозный окончательно решил задачу ликвидации угрозы с Востока путем поглощения восточного пространства. Впоследствии территория России расширялась практически непрерывно вплоть до XIX в. – как путем экспансии в Сибирь и на Дальний Восток, так и путем расширения на Запад (польские земли) и на юг (причерноморские земли). Постоянный процесс территориального расширения придавал особую важность организующему центру.

Как и в других странах, организующий центр в России имел самостоятельную инерцию, собственные социальные интересы. Среди последних – стремление сосредоточить в одних руках не только власть, но и собственность. Известно, что слияние власти и собственности есть ключевой признак олигархии. Реализуя свои задачи, центр неизбежно создавал исполнителей решений – госаппарат. Номенклатура постоянно была склонна к неэквивалентному обмену с населением: оказываемые им «услуги» и ресурсы, изымавшиеся для собствен-

ных нужд чиновников (этакратии), порой принимали несоизмеримые масштабы. Стремление государственного руководства проводить какую-либо стратегическую линию вызывало противодействие исполнителей, преследовавших собственные, олигархические цели как в центре, так и на местах. Это стало источником перманентных конфликтов в государственном организме на протяжении всей истории России.

Поскольку слой управленцев действовал в собственных интересах, он воспринимался обществом как эксплуататорский, враждебный⁷. Внеэлитные слои населения нередко поддерживали центральную власть в борьбе против региональных элит и других коррумпированных групп. Таким образом, происходила консолидация центрального руководства и местного самоуправления. Если корпоративные интересы центральной бюрократии и региональных элит начинали преобладать над осуществлением необходимых функций управления и государственной стратегии, то население выступало против них, то есть центральной бюрократии и региональных элит, не сомневаясь при этом в безусловной справедливости и безгрешности верховного правителя (казнь приказных на Поганой луже при Иване IV, бунты при Алексее Михайловиче, расправа над Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым).

Расхождение между задачами организующего ядра и собственными, можно сказать, корыстными интересами периферии во многом вызвало такие события, как форсированная централизация в виде опричнины, Смута начала XVII в., реформы Петра I, Великие реформы Александра II, революции, сталинские репрессии, перестройка.

После образования единого, но еще не централизованного государства главную опасность для организующего центра несло размывание его местными интересами, поскольку и собственно государство управлялось через феодальные кланы. Попытка восстановить согласованный баланс центра и регионов была предпринята в царствование Ивана IV. В начале своего правления он пытался осуществлять централизацию управления путем структурных преобразований (земская, судебная, военная реформы). Исторической заслугой царя стало введение

системы чиновничества (приказной бюрократии) как отдельной от родовых кланов социальной группы. В дальнейшем государь перешел к политике форсированной централизации, получившей название опричнины. На наш взгляд, действия Ивана Грозного в его борьбе с региональными элитами, при всем варварстве средств и методов, были ответом на реальную опасность сопротивления олигархии попыткам преодолеть расхождения между ее интересами и стратегическими интересами организующего центра⁸. Разрушительный характер этой борьбы обусловил тяжелейший экономический кризис и последующий длительный период Смуты.

История Смуты является ярким примером того, что в ситуации прогрессирующего распада организационного центра он неминуемо замещается внешней силой. В этот период такой силой оказался, прежде всего, католический Запад в лице Польши и протестантская Швеция – в качестве «резервного варианта». Уроки Смуты показали, что социально-культурные стереотипы России требуют: организующий центр государства должен быть носителем именно российской культурной сверхидеи, какой для того времени была национальная православная идея. Регионы в данном случае показали себя не только носителями центробежных, но и центростремительных тенденций. Региональное и особенно местное самоуправление, зажиточная Россия в момент распада центра стали носителями идеи ополчения, восстановления именно отечественной, русской автохтонной монархии.

Это привело в конечном итоге к разгрому поляков, отвержению идеи унии с Польшей и воцарению династии Романовых как символа организующего центра. Финал Смуты показал, насколько российский общественный идеал связан с вытеснением олигархии, когда национальному организму угрожает опасность разрушения.

После Смуты структура восстановленной государственности осталась прежней⁹. Развивающийся абсолютизм второй половины XVII столетия сопровождался ростом централизации государственного управления. Это выражалось в возрастании личной власти монарха в сфере верховного управления, в побе-

де светской власти над властью духовной в связи с проведением церковной реформы, в усилении контроля верховной власти за деятельностью отдельных учреждений и должностных лиц, в бюрократизации Боярской думы. Развивалась также система приказов, росло число их служащих, а также система сыска и репрессий. Одновременно, по мере укрепления центрального чиновничества в его среде закономерно нарастали олигархические тенденции.

Аналогичный процесс олигархизации власти наблюдался и в регионах, где все местное управление сосредоточивалось в руках воевод, назначаемых из центра. Им фактически были подчинены органы местного самоуправления – губные и земские учреждения. Провинциальные дворянские и бюрократические слои также неизбежно срачивались с частными интересами, отпадая от организующего центра.

Таким образом, с одной стороны, формирующаяся нация была заинтересована в организующем центре, с другой – сам этот центр эволюционировал в сторону олигархии. Вся социально-политическая борьба «бунташного» XVII в. иллюстрирует постоянную конфронтацию между названными тенденциями: народ выступает против «злых бояр», но не против верховной власти как таковой.

Задачи борьбы с олигархическо-регионалистскими тенденциями взял на себя Петр I. Его политика была направлена на создание идеально централизованной модели государства, когда все региональные элиты жестко подчинены решениям организующего центра. Последний олицетворялся просвещенным монархом, выполняющим задачи укрепления державы. Петр использовал два главных средства воздействия на региональные элиты.

Во-первых, он покончил с феодальным принципом, согласно которому представитель феодальной элиты имеет право на землю и власть в соответствии с происхождением, а не с выполнением своих обязанностей. Он заставил служить всех дворян и унифицировал феодально-служилое сословие, уничтожив боярство «как класс» и превратив бояр в дворян.

Во-вторых, Петр осуществил губернскую реформу, упразднив старую феодально-земельную структуру административно-территориального устройства страны. Границы между отдельными территориями страны отныне определяла столица после анализа роли различных регионов в реализации общегосударственных задач. Петр ликвидировал традиционные полномочия и традиционную систему регионального управления и создавал новые бюрократические слои местной, преимущественно дворянской по происхождению, элиты. В дальнейшем они обеспечивали выполнение тех или иных задач центральной власти в регионе. Однако укрупнение территориального управления имело своей оборотной стороной резкий всплеск коррупции, так как представители различных «местных» интересов пытались первыми получить влияние на того или иного чиновника.

Реформы Петра I надежно спаяли Россию в единое целое. Была создана необыкновенно прочная, устойчивая система власти, которая и определила характер государства как унитарного. Эту унитарную сущность Российского государства не могли поколебать впоследствии особенности местного управления в отдельных частях империи, включая конституционные опыты Александра I¹⁰.

После смерти Петра I роль государственного центра значительно ослабела. При сохранении петровской модели, ее форм и институтов, их реальное содержание так и оставалось феодально-клановым на протяжении всего XVIII в. Некоторая модификация губернской системы была предпринята в царствовании Екатерины II. Но в целом время дворцовых переворотов не способствовало позитивным преобразованиям в сфере государственного управления.

Серьезная попытка центральной власти обуздать нарастающие олигархические тенденции в управлении регионами была предпринята уже в следующем, XIX столетии. На это были направлены усилия талантливого реформатора Михаила Михайловича Сперанского, подчинившего губернаторов (прежде подотчетных Сенату) министерству внутренних дел, что в определенной мере усилило централизацию регионального управления¹¹. Те же цели преследовало и введение в конце 40-х – нача-

ле 50-х годов института генерал-губернаторов, осуществлявших функции чрезвычайного надзора и подчинявшихся непосредственно императору¹².

В эпоху Великих реформ 60–70-х годов введение системы земского и городского самоуправления отражало стремление центра уравновесить губернаторскую власть выборными органами и разгрузить «вертикаль власти» на местах от части текущих задач. Это означало попытку ограничить власть региональных элит не только «сверху», как это было принято в XVIII – первой половине XIX в., но и «снизу». В то же время, столкнувшись с ростом политической напряженности в связи с прокатившейся волной террора, Александр II в поздний период царствования пошел на усиление полномочий своих представителей в регионах. При Александре III и Николае II институты земства сохранялись и продолжали успешно действовать. Однако полномочия губернаторов в этот период еще более расширились.

В начале XX в. число губерний в империи достигло 101. Важным было то, что правящая элита признала факт социально-культурной и социально-политической неоднородности многонациональной Российской империи. Результатом понимания этой неоднородности были как эксперименты с представительными институтами в западных регионах империи (Польша, Финляндия), так и сохранение традиционных институтов управления в азиатских областях (Бухарский эмират, Хивинское ханство).

В начале XX столетия административно-государственное устройство России доказало свою прочность, было опробовано временем и во многом получило развитие в Советскую эпоху.

Крушение Российской империи в феврале 1917 г. подвело черту под тысячелетним периодом развития российской государственности. Возникшему на ее обломках новому, Советскому государству пришлось существовать в тех же геополитических условиях, что неизбежно влекло за собой реанимирование империи на новом историческом этапе. Основу будущей государственности В.И. Ленин увидел в системе Советов, спонтанно возникших во время Революции 1905 г. Ставя задачу возро-

ждения единого национально-государственного пространства, большевики нашли удачную форму ее реализации – партийный централизм. Он позволял – при сохранении формального суверенитета входивших в советскую сферу влияния государств и разнообразных республик – сплачивать их в единое целое. Государственные формы, включая Советы, становились своего рода ширмой, за которой действовала единая, впоследствии тоталитарная, организация партийных комитетов. Это, в конечном счете, привело к созданию унитарной по своей сути модели, каким стал Советский Союз.

Классическая монолитность сталинской системы вызывалась необходимостью тотальной концентрации ресурсов для осуществления стратегии модернизации. Верховной власти удалось создать гомогенный, лишенный внутренней структуры, предельно лояльный ей и потому высокоэффективный управленческий аппарат.

По мере выполнения системой задач форсированного перехода к индустриальному обществу она теряла свою монолитность. Ослабевала и миссионерская идея мирового коммунизма. Этот процесс начался уже после смерти Сталина, при переходе от жестко-тоталитарного к авторитарному режиму при Хрущеве и Брежневе. Стала меняться и функция партийно-государственных органов, особенно в регионах. Если раньше они играли роль мобилизующих структур для выполнения директив центра, то теперь партийные органы превращались в механизм согласования хозяйственных и иных интересов центра и регионов, получивших, в специфически советских терминах, название ведомственности и местничества. По сути, это противостояние имело в своей основе олигархические интересы: кто будет беспрепятственно распоряжаться ресурсами региона – центр или региональные элиты?¹³

В конечном итоге, резкое обострение противоречий между центральными и местными кланами правящей элиты стало одной из главных причин политики перестройки, провозглашенной Горбачевым. Проводимый им антиведомственный курс дал значительные преимущества региональным структурам, что привело к распаду хозяйственных связей в масштабах всей

страны. Долгосрочным результатом «местнической» стратегии стал распад СССР.

Процесс регионализации России продолжался в условиях перехода страны к рыночной экономике. Шел процесс олигархизации всех уровней власти, что в сочетании с регионализацией страны не могло не привести к крайнему ослаблению организующего центра. Его распад на фракции (часть которых являлась транслятором глобальных интересов, что свидетельствует о вытеснении отечественного центра глобальным) стало угрозой способу развития, адекватному социально-психологическим стереотипам россиян. Так, двоевластие, свойственное федеральной власти в течение значительной части 1993 г., объективно стимулировало сепаратистские тенденции в стране. Например, в Свердловской области была провозглашена Уральская республика (июль 1993 г.). Сибирское соглашение – объединение областей – также демонстрировало политические претензии. В Ростовской области звучало требование о восстановлении на Дону казачьей национально-государственной автономии. В национальных республиках полным ходом принимались законы, не согласовавшиеся с федеральными.

В результате важным следствием подавления раскола 1993 г. стало усиление исполнительной вертикали власти. 9 октября был издан Указ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», которым упразднялась система местных Советов. Через месяц Президент упразднил Уральскую республику и распустил Свердловский областной Совет, незадолго до этого принявший конституцию Уральской республики. По сути, на этом этапе политические претензии «четвертой силы» – руководителей регионов – были существенно подорваны¹⁴.

В настоящее время мы наблюдаем двойственный процесс. С одной стороны, растущую регионализацию. С другой – правительственные меры, направленные на восстановление целостности организующего центра, баланса (центральных, региональных и самоуправляющихся институтов), деолигархизацию всех уровней власти. Каков будет исторический выбор – одна из самых животрепещущих проблем будущего России.

-
- ¹ См.: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012.
 - ² *Шубин А.В.* Ритмы истории: периодическая теория общественного развития. М., 1996. С. 19–20.
 - ³ *Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 53.
 - ⁴ Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). Л., 1986. С. 287.
 - ⁵ *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 299–307.
 - ⁶ См.: *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991; *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991.
 - ⁷ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 52.
 - ⁸ См.: *Павлов А.П.* О начальном этапе воеводского управления в России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимины, Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Т. II.
 - ⁹ См.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
 - ¹⁰ *Сахаров А.Н.* Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 230–287.
 - ¹¹ *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. М., 1989.
 - ¹² *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
 - ¹³ См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000.
 - ¹⁴ *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ, 1991–1999 гг. М., 2011.

Мифология и практика использования средневековых эмблем в современном источниковедении

В настоящее время в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций, касающихся тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса. Можно согласиться с современными оценками направленности исторического исследования, учитывающего состояние и характер развития нашего общества¹. В историческое знание, в частности, включаются принципы и методы изучения социума, которые до недавнего времени являлись прерогативой других гуманитарных наук – философии, политологии, социологии. В связи с этим «чистые» историки используют наработки данных наук, помогающих наилучшему выявлению исторической истины, что снимает в значительной степени вопрос о «кризисе современной российской исторической науки». Среди подобных парадигм – идея национальной идентичности – одна из ключевых проблем XXI в. «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации (десуверенизации. – *Н.С.*) и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, – к стремлению восстановить ее исторические основы», – пишет А.Н. Медушевский. «Ключевой элемент национальной идентичности, – продолжает он далее, – картина исторического прошлого нации, которая находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования»². В сноске 2 нашей статьи даются различные определения идентичности, раскрывается смысл этого со-

временного социального явления представителями политологии, философии, культурологи, этнологии и т.д. Понятие это, как видим, довольно неопределенное, расплывчатое, однако ясно, что это понятие возникает в кризисном состоянии общества, потерявшего привычную стабильность, ведущую прежде всего к размыванию исторических и культурных ценностей. «Социокультурный кризис ломает не только господствующую в обществе структуру рациональных (или представляющихся таковыми) ценностей и норм, но и сложившуюся в нем систему традиционных символов и стереотипов. Одновременно в массовом и индивидуальном сознании активизируются архаические элементы, складывающиеся впоследствии в новые исторические и политические мифы»³.

Приобщиться к новым возможностям, которым открывает глобализация, но одновременно сохранить свои национальные особенности развития общества, – эта проблема формирования идентичности встает перед многими странами современного мира, в частности, перед теми, что обрели «широкую демократию» (Massendemokratie) в 1989–1991 гг. По мнению ученых этих стран, последние могут легитимизироваться через традицию. Зачастую исследователи обращаются к знакам власти, широкому спектру носителей и средств визуальной репрезентации государства, которые особенно наглядно подчеркивают легитимацию государственной традиции. В различных странах решение вопроса национальной идентичности при помощи визуального контекста происходит по-разному. Например, для изображения Польши «самой себя» используются банкноты, монеты, почтовые марки, памятники и репрезентативные здания. Интересно, что на польских банкнотах вместо «выдающихся поляков» – музыкантов, писателей, актеров появляются князья, короли, правившие монархи. Таким образом, в сознании граждан закрепляется государственная традиция, прежде всего – преемственность государственности⁴.

Специалисты по национальной символике в контексте изучения ее роли в современном мире считают, что в «устоявшихся нациях», в которых имеется «доверие к своему собственному дальнейшему существованию», национальные символы вы-

полняют функцию промюутера (в США – флаг, во Франции – гимн «Марсельеза»). А вот в новых, не укрепившихся государствах национальные символы зачастую не выполняют эту функцию.

В качестве примера называется Македония как молодая нация со слабой и плохо развитой национальной идентичностью. Когда в 1991 г. это государство стало независимым, то большинство говорящих на славянском языке жителей считали себя этническими македонцами. Однако Болгария настаивала на том, что славяноговорящие македонцы – болгары. Македонцы призвали на помощь геральдику. Но при помощи герба македонцы не могли доказать собственную македонскую идентичность, ибо в XVI в. и Македония, и Болгария в западноевропейских гербовниках идентифицировались при помощи льва в короне. Македонцам пришлось вернуться к социалистическому гербу 1946 г. Речь тогда пошла о флаге, который был введен в 1992 г. В результате археологических раскопок, проведенных в Северной Греции (около Верджины), была обнаружена 16-лучевая звезда, по мнению археологов принадлежавшая Филиппу II Македонскому. находка отсылала македонскую историю ко времени, когда еще не были разъединены албанцы и славяне, а знамя Македонии с этой звездой создало бы 2000-летнюю государственную традицию для Македонии. Албанцы (иллирийцы) также приветствовали этот символ в качестве традиционного знака. Однако и Греция претендовала на античную Македонию как принадлежавшую ей когда-то территорию. Возник конфликт между двумя государствами. Тогда Греция наложила эмбарго на македонские товары, идущие через Салоники. В результате молодое Македонское государство должно было уступить: в Македонии звезду сделали стилизованной 8-лучевой, отказавшись от древнего символа, и в 1995 г. утвердили новый флаг Македонии с этим символом⁵.

Это лишь два примера включения визуальных знаков государственности в контекст исследования проблемы национальной идентичности.

В решении проблемы национальной идентичности особое место отводится мифологии.

Обычно, когда речь идет о мифе, на первый план выступает архаика, то есть миф – это прежде всего античные, библейские и другие старинные «сказки» о сотворении мира, вселенной (космогонические мифы) и человека (антропогонические мифы). «В мифологии идентичности самое далекое прошлое может восприниматься также “актуальным”, как сегодняшняя утренняя газета», – пишет Саймон Франклин⁶. Изучению древних мифов посвящена огромная литература. Однако несмотря на длительность изучения проблемы мифа, нет единого взгляда ученых на сущность и природу мифа, нет его единой дефиниции у философов, этнографов, литературоведов, историков культуры, хотя сходятся они в одном – миф это форма общественного сознания, отражающая мироощущения и миропонимание эпохи его создания, по большей части – фантастические представления⁷.

Специалисты подчеркивают, что архаические мифы явились побудительным моментом появления в новое время так называемого политического мифа. «Интерес к проблеме возникновения и формирования политической мифологии обусловлен как неопределенностью современных представлений российского общества о своей истории, традиции, культуре, так и противоречивостью общественно-политического устройства России последнего десятилетия XX века», – пишет один из современных российских политологов⁸. Множество политологических, культурологических, философских книг и статей отечественных и зарубежных авторов посвящены в настоящее время причинам появления и роли в современном рациональном обществе мифологического мышления и его действительным влиянием на социум. Например, крупнейший исследователь проблемы политического мифа Э. Кассирер в книге «Миф государства» писал: «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими “мастерами”. Нашему XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же, в соответствии с теми же прави-

лами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение»⁹.

В современных мифах, как правило, составляющей является история. Кассирер, например, подчеркивает, что немецкий нацизм в своих интересах стремился возродить и поставить себе на службу древнегерманскую языческую мифологию, правда, и сам создал своеобразные мифы, в частности, расовый миф о чистоте и превосходстве немецкой расы. Немецкие идеологи использовали и систему символов, которые закрепляли это превосходство, в частности, руны, приспособив их для графического выражения своих идей, символизировавших возрождение немецкой нации. Миф о превосходстве немецкой нации, таким образом, превратил прекрасный солярный древний знак – модифицированную руну в ненавистную всему человечеству эмблему смерти¹⁰. Мифы с их символами стали идеологией в XX столетии.

Не все ученые согласны с определением временного возникновения политического мифа. В отечественной литературе существует точка зрения, согласно которой политическая мифология (или мифологемы) являются постоянно действующим фактором политического развития. Таким образом, ее (мифологию) можно обнаружить во все периоды развития российского общества и государства, причем выявляется проблема взаимовлияния общества и власти.

Политолог Н.И. Шестов выделяет (прежде всего по летописям) на раннем этапе русской государственности мифологему «Русская земля», связанную в первую очередь с территорией Киевщины, то есть с географическим понятием¹¹. В дальнейшем, сохраняя преимущественную географическую привязку к Киевской округе, мифологема «Русская земля», по мнению автора, выполняла геополитическую функцию идентификации нового государственного образования в цивилизованном пространстве так называемой «периферии античного мира». Выразителем нового политического смысла, вкладываемого в понятие «Русская земля», стало уникальное произведение XI в. «Слово о законе и благодати» первого митрополита из русских,

как считается, духовника Ярослава Мудрого, Илариона. Он обозначил Русь, «Русскую землю», как «знаемую и слышимую в других странах», как единое государство, осененное «благодатью». Таким образом, стереотип «Русская земля» «отрывался» от первоначального, локально-территориального основания и происходило его сближение с другим стереотипом – «христианское дело». Точно определить, когда произошла трансформация географического понятия в политическую мифологию «Русская земля», воссоединившей представления власти и общества, трудно. Можно отметить, что со времени княжения в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха (XII в.), много внимания уделявшего летописной легитимации своих властных претензий, стремившегося предотвратить княжеские усобицы, мифологема особенно часто начинает фигурировать как в киевском летописании, так и в других летописных сводах. В семантическом варианте «русский, христианский» мифологема «Русская земля» перешла в Московскую Русь («Святая Русь»).

Сознание современников подготавливалось к идее объединения государственной территории, осуществленной в конце концов князьями Северо-Восточной Руси, а затем и российскими императорами. Одновременно с понятием «Русская земля» в данную мифологему вкладывался и патриотический смысл: защиты Родины, отторжения врагов, покушавшихся на русские земли (политическая наука квалифицирует эту категорию ценностей как «патриотический компонент» политической культуры). В конце концов политико-географические привязки мифологемы полностью уступают место пониманию «Русской земли» как олицетворению национального достоинства. Не случайно в период Великой Отечественной войны столь часто использовалось понятие «Русская земля» в правительственных призывах защитить СССР на фоне антиславянской риторики немецких фашистов.

Аналогичной точки зрения на возникновение отечественных мифологем придерживается профессор славяноведения Кембриджского университета специалист по истории и культуре Древней Руси Саймон Франклин. В прекрасной коллективной монографии «Национальная идентичность в русской культуре» в написанных им главах профессор Франклин показыва-

ет, как создавалась идентичность русских. Самые первые «симптомы» – это нарративы древнерусского самоопределения последовали за принятием Русью христианства в 988 г. Таким, по мнению Франклина, является «Слово о законе и благодати» первого митрополита «из русских», духовника Ярослава Мудрого, Илариона. В этом произведении, считает английский исследователь, «русские раскопали, что они – особые, ибо, если для византийцев история вела к триумфу Византии, для Илариона же русы занимали собственное место “въ всехъ языцехъ”, отмеченных Благодатью, а не служили придатком империи “ромеев”, как называли себя византийцы»¹².

В Библии и Илларион, и другие древнерусские книжники нашли подтверждения своему равному византийцам достоинству, с помощью которых демонстрировали свою этническую древность. «Эти конструкции, придуманные первыми древнерусскими сочинителями мифов о себе, иллюстрируют процесс создания на пустом месте связанной нарративной идентичности, когда в результате целенаправленного перемешивания существующих идей получается особый синтез», – подчеркивает С. Франклин¹³.

Далее упомянутый автор полагает, что изменения в этом нарративе об «исторической» идентичности от середины XI в. «переносятся» к концу XV – началу XVI в. из Киева в Москву: согласно созданной в это время концепции власти Рюриковичи ведут свое происхождение от родственника римского императора Августа, что нашло отражение в новом нарративе – «Сказание о князьях владимирских»¹⁴.

В очень интересной, неординарной работе доцента кафедры Отечественной истории XIX – начала XX в. исторического факультета МГУ А.А. Левандовского находит поддержку эта точка зрения английского ученого, однако, мифологема, возникшая в самом начале XVI в., интерпретируется автором прежде всего как властная, утверждавшая «вековечность московской династии, возводившая ее происхождение в незапамятные для русского человека времена – в Древний Рим, к императору Августу»¹⁵. По мнению Левандовского, существовали и другие составные мифа о власти: «самодержавие декларировало себя как

источник высшей справедливости, царская власть представлялась чуть ли не извечной, уходящей корнями в незапамятные времена, она была освящена Божьей волей, в соответствии с которой царь вел своих подданных по особому, Богом избранному, единственно верному пути». Свою основную задачу – легитимации верховной власти (и российской государственности!) миф «отрабатывал», по мнению А.А. Левандовского, «как нельзя лучше» на протяжении нескольких столетий, и одной из самых ярких и законченных форм господствующей мифологии стала теория «официальной народности», выраженной в постулате XIX в.: «самодержавие, православие, народность»¹⁶.

Почти все авторы, пишущие о мифологемах и их роли в формировании исторической идентичности, пишут о визуальных образах и знаках, которые сопутствуют вербально оформленным «идеям», концепциям, доктринам, – это невербальные способы означивания: артефакты, графические изображения, флаги, картины, почтовые марки и т.д.¹⁷ В формировании современных идеологических конструкций политологи используют прием обращения к реальному или воображаемому прошлому, которое, как они надеются, поможет им создать современную систему символов и ритуалов, которая, в свою очередь, будет способствовать консолидации общества, поможет сформировать теорию идентичности государства и в конечном итоге укрепит в обществе патриотические воззрения, историческую память и т.д. С этой целью политологи стараются использовать различные символические источники, многие из которых создатели новой идеологии с удовольствием бы взяли на вооружение, но вынуждены признать, что «современный опыт использования в политике привязанных к прошлому символов пока изучен слабо»¹⁸. Однако все-таки некоторые эмблемы, символизирующие власть, государственность, историческую память политологи используют в идеологических конструкциях. Чаще всего упоминается двуглавый орел¹⁹. В последнее время исключительно значимым и популярным политическим символом является Георгиевская ленточка. Это один из элементов фалеристики, который был «изобретен» в качестве символа памяти к 60-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной вой-

не²⁰. Политолог А.И. Миллер пишет, что «Георгиевская лента в дореволюционной России, восстановленная в правах как гвардейская лента во время ВОВ, была принадлежностью наград за солдатскую доблесть – Георгиевского креста и ордена Славы»²¹. Это правильно, но можно было бы расширить ее историческо-военную значимость. Она связана в первую очередь со знаменитым русским военным орденом Святого Георгия – боевая, исключительно почетная для русских офицеров награда, которая была учреждена 26 ноября 1769 г. По статусу он давался только за конкретные подвиги в военное время. Символ ордена – всадник, поражающий копьем дракона, олицетворял мужественного воина, способного отстоять свою землю от врагов. Он связывался на Руси со Святым Георгием Победоносцем, образ которого помещался на первых русских монетах – сребрениках, следовательно, являлся знаком идентичности Древнерусского государства²². Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия разных степеней были награждены храбрейшие русские офицеры, генералы. Затем, когда в 1807 г. был учрежден Знак отличия Военного ордена Святого Георгия для награждения солдат и матросов (серебряный крест без эмали, который носили на Георгиевской черно-желтой ленте на груди), даже офицеры считали очень почетным для себя получить такой крест за исключительную личную храбрость. Многие советские военачальники, которые принимали участие еще в Первой мировой войне, были Георгиевскими кавалерами (Г.К. Жуков, Р.Я. Малиновский). В качестве наград Георгиевские ленты жаловались только императором воинским подразделениям армии и флота: они повязывались на знамена, укреплялись на матросских бескозырках. Ими гордились и те, кто их носил, и те, кто использовал как эмблему. Об истории Георгиевской ленточки можно прочитать в прекрасном труде исследователя российских наград – А.А. Кузнецова²³. Знание ее истории, восприятие как сугубо русского символа еще больше создавало бы ей притягательность не только для россиян, но и для населения других стран (что и произошло, в частности, в ДНР и ЛНР), преобразуя этот героический символ в символ «русского мира»²⁴.

Еще один «притягательный» символ последних лет – бело-сине-красный государственный флаг Российской Федерации. Два года тому назад наш прекрасный воссоединенный Крым был буквально, как «многоцелебным омофором», покрыт этими флагами, символизирующими Россию и новую жизнь Крыма. Флаги, как известно, издавна воспринимались исследователями (в основном, зарубежными) в качестве символов идентичности. Например, К. Гибсон пишет: «Самыми ... известными символами коллективной идентичности в наше время являются, пожалуй, национальные флаги и эмблемы, которые служат выражению патриотизма и единства граждан олицетворяемых ими стран»²⁵. Одновременно появлялись в СМИ высказывания известного думского деятеля и его команды, настаивающих на возвращении к имперскому черно-желто-белому флагу. Страницы патриотической прессы заполнялись и заполняются статьями о якобы «власовском» бело-сине-красном флаге. Существуют многочисленные научные публикации об историческом прошлом российских флагов²⁶, где приводятся доказательства (документальные и графические), что бело-сине-красный полосный флаг «подарил» России флот Петра I, публикуется гравюра современника последнего, на которой изображена 58-пушечная «Предестинация», сооруженная в 1701 г. по чертежам и под руководством Петра. Этот корабль принял участие в Северной войне 1700–1721 гг., будучи украшен бело-сине-красными российскими флагами. Жители Крыма, державшие в руках бело-сине-красные полотнища, вряд ли были знакомы с опубликованными в «украинское» время научными трудами о российских государственных флагах, а также о мифических власовских. Но думается, что политологи и пропагандисты могли бы рассказать жителям Крыма, какой исторический символ они держали в руках, тем более что в отношении гербов крымчане стояли на традиционных, связанных с историей полуострова, позициях.

Более древние материальные символы русской идентичности, конечно, существуют, но выделение их осложняется как недостаточной конкретизацией самого термина «идентичность» (как особенность), о чем писалось выше, так и конкре-

тикой материальных символов, относящихся, например, к мифологеме «Русская земля». Одним из таких символов является «известная шапка Мономаха, ставшая при всей легендарности своей атрибуции одним из главных зримых мифов в исторической символике российской государственности»²⁷. Хотя она имеется в наличии в национальной сокровищнице – Оружейной палате Московского Кремля, вопрос о ее происхождении учеными не решен окончательно. Наиболее убедительным, на наш взгляд, является точка зрения современного археолога Н.В. Жилиной, проанализировавшей все предшествующие версии ее происхождения и тщательно исследовавшей ее составные части. Покупка золотых составных частей предмета, ставшего символом российской государственности, как «византийского раритета» у генуэзских купцов в Кафе Иваном Калитой в первой половине XIV в. – эта мысль высказывалась русскими исследователями и ранее. Впоследствии золотые пластины соединились и обрели ряд деталей, сближающих ее с традиционной русской княжеской шапкой с меховым отворотом (которой посвятил много страниц выдающийся советский археолог, открыватель новгородских берестяных грамот А.В. Арциховский²⁸), а затем – с теми царскими головными уборами XVI–XVII вв., которые хранятся в Оружейной палате до сего времени.

Следует отметить, что еще с XIX в. существовали предположения (в литературе это отмечается до сих пор), что «данный головной убор относится к XIV–XV вв., если не позднее, и по всей вероятности, татарского происхождения, судя по сканным (или филигранным) орнаментам»²⁹. До сих пор в литературе можно встретить утверждение, что хан Узбек подарил шапку Ивану Калите, то есть в данном случае о русской идентичности говорить не приходится.

Строго говоря, шапку Мономаха нельзя назвать и венцом, то есть короной. Известный ученый, знаток византийского искусства, Н.П. Кондаков утверждал, что «шапка Мономаха – не императорская стемма (венец), не королевская корона». Все исследователи отмечали, что в Древней Руси в отличие от самой Византии и стран «византийского региона» (Болгарии, Сербии) не было венчания на царство – «увенчивание коро-

ной». Крупный европейский словарь в разделе «Церемонии» описывает «интронизацию» русских правителей согласно российской историографической традиции: имеется сообщение от конца XI в., что претендент на киевский престол встречен был у ворот города епископом со святым крестом, «по обычаю» отведен в церковь, потом в великокняжеский дом, «приняв престол отца и деда своего с миром»³⁰. Ф. Кэмпфер полагает, что киевские великие князья, а позднее владимиристо-суздальские, ввиду отсутствия короны, использовали как знак власти княжеские шапки³¹. В одной из последних работ «Короны от василевса, короны с небес» профессор Д. Шепард пишет: «В Русских землях, удаленных от территорий Римской империи и отличавшихся своей “доморощенной” политической культурой, присутствие корон как знаков власти оказывается крайне иллюзорным. ...ни реальные короны, ни изображения властителей в коронах не заняли значимого места в политической культуре Древней Руси»³².

Шапка Мономаха (так она названа в начале XVI в.), следовательно, сугубо русский властный символ, лежащий, можно сказать, у истоков древнерусской идентичности.

В какой-то мере «заменителем» короны может служить для русских князей головной убор, в котором Ярослав Мудрый изображен на печати, относящейся, как установил академик В.Л. Янин, ко времени «окончательного вокняжения Ярослава в Киеве в 1019 г.»³³. Это остроконечная шапка, заканчивающаяся шишечкой. В связи с этим обращает на себя внимание замечание Н.П. Кондакова, который писал, что византийский император Андроник I Комнин «в своих продолжительных скитаниях среди варваров усвоил себе и головной убор вроде варварского остроконечного колпака». Далее Кондаков, ссылаясь на Дюканжа, сообщает, что кроме венцов в виде обруча (символ временных полномочий) «Византия для разных чинов пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шароили тиарообразными шапками как своего рода венцами, или инсигниями, что будет точнее»³⁴.

К символам власти в Византии и государствах «византийского региона», как, впрочем, и других европейских держав,

правители которых претендовали на королевскую, императорскую власть, относятся кроме короны в обязательном порядке трон, скипетр и держава³⁵. Их, считается, также можно отнести к символам идентичности. Во всяком случае, Гибсон, например, пишет: «С древних времен символика использовалась для обозначения идентичности и подтверждения принадлежности к социальным группам»³⁶. В Московии о них можно говорить в XVI в. после венчания Ивана IV на царство, как впрочем и о короне³⁷.

Как видим, идентичности властной символики Древней Руси и Византийской империи не существовало. Это подчеркивает и Д. Шепард: «Концепции и символы легитимной власти в русских землях существенно отличались от тех, что существовали в обществах в течение долгого времени открытых влиянию римско-византийского мира»³⁸. Это кажется странным, особенно нашим современникам, которые за последние годы привыкли к своеобразному «культу Византии», однако научные подходы к проблеме дают этому феномену объяснение (вспомним «Слово о законе и благодати» умнейшего Илариона). Британские ученые Д. Шепард и С. Франклин, с восхищением описавшие деяния Ярослава Мудрого по культурному преобразованию Руси, Киева, куда он «сумел перенести дух Константинополя», по созданию авторитета власти, где он выступил «подлинным новатором и оставил после себя глубокий след», тем не менее не могли не отметить, что «...русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на их шкале ценностей. Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности. У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»³⁹.

Становление проблемы идентичности политологи связывают и с другими памятниками древней русской истории. В частности, большое значение в контексте мифологемы «Русская земля» автор Н.И. Шестов придает «шлему Святого Александра Невского». Это, конечно не символ княжеской власти, но неперенный предмет вооружения героических русских князей. Шлем обрел государственность, будучи включен в Большой и Средний гербы Российской империи, которые в середине XIX в. были составлены по указанию императора в Гербовом отделении Департамента герольдии Правительствующего Сената. Это очень помпезные гербы Российской империи, одобренные в 1857 г. российским императором Александром II и утвержденные Александром III: Большой государственный герб – его подлинный рисунок исполнен академиком А. Шарлеманем – 24 июля 1882 г., Средний и Малый – 23 февраля 1883 г.⁴⁰ В Подробном Описании Государственного герба – огромное количество деталей, но выделен «Главный щит (с гербом Государственным), увенчанный шлемом Святого Великого Князя Александра Невского». Как отмечает Шестов (согласно опубликованным ранее данным), в действительности этот шлем не имел отношения к Александру Невскому. «Его прототипом послужила изготовленная в 1621 г. мастером Никитой Давыдовым “Ерихонская шапка” – парадное наголовье царя Михаила Федоровича Романова из собрания Оружейной палаты Кремля. Тем не менее значимость легендарной связи шлема с именем Александра Невского для массового сознания была такова, что даже на советском ордене имени этого древнерусского полководца последний изображен вопреки всем историческим реалиям, в этом шлеме»⁴¹. В подобном шлеме, как известно, изображен князь Александр Невский на известной картине П.Д. Корина. Никто не сомневается в личной принадлежности изображенного спустя тысячелетия предмета вооружения героическому Александру Невскому, а между тем княжеские шлемы в Древней Руси имели своего владельца, судя по надписи, о чем говорит, в частности, находка княжеского шлема на месте Липицкой битвы 1216 г. близ Юрьева-Польского. Крестильное имя владельца шлема было Федор⁴². Возможно, в

битве князь выделялся позолоченным шлемом. Во всяком случае, «Слово о полку Игореве» сообщает о золотом шлеме Яр-Тур Всеволода – князя Всеволода Святославича.

В историографии мало разработана проблема использования христианских символов в светской символике, в частности, в атрибутах власти. Особое место в российской действительности занимает образ Георгия Победоносца. Известно, что святой Георгий, будучи покровителем наций, государств, городов, многих обществ и учреждений, изображается на их представительных знаках. Его образ, в основном в виде драконоборца, запечатлен, в частности, на средневековых монетах и печатях во многих христианских странах, его имеют в гербах сотни европейских городов, а государство Грузия даже поместило святого воина Георгия Змеборца в свой государственный герб.

Однако на протяжении тысячелетней истории только наше Отечество почти непрерывно использует образ Георгия Победоносца в государственной атрибутике начиная с XI в. и до настоящего времени, помещая его на монетах, княжеских и общегосударственных печатях, в государственные и городские гербы.

Причины широкого распространения культа святого Георгия на Руси практически сразу же вслед за крещением многократно рассматривались в нашей историографии. Известный исследователь А.И. Кирпичников в свое время заметил, что не всякий святой в одинаковой степени способен популяризоваться, приняв «на себя черты сданных в архив богов»⁴³. Для этого, как он полагал, необходим ряд внешних условий, среди которых: официально принятое широкое почитание святого, особенности легенд о его чудесах, значительную роль играет время его поминовения и т.д. Русь приняла христианство из Византии в тот период, когда этот святой там «прочно укрепился». Причем на смену Георгию-мученику, с VI в. почитавшемуся при дворе византийских императоров, пришел Георгий-воин, как считает В.Н. Лазарев, примерно в X в.⁴⁴ В таком качестве святого Георгия «передала» Византия новокрещенной Руси, когда князья, проводившие немало времени в военных походах, охотно приняли его в свои покровители. Один из первых христианских князей – Ярослав Владимирович Мудрый (имевший

крестильное имя Георгий), который считался, согласно летописи, «всея Руския земли князем», особенно много сделал для прославления своего святого патрона: в Киеве построил в его честь придел к главной церкви, открыл монастырь, в Чуди основал город Юрьев, где также поставил Георгиевскую церковь. Лик святого Георгия украсил и выпущенные им в Новгороде монеты – сребреники (которые чеканились там очень недолго: в 1014 – начале 1015 г.), иначе «Ярославле сребро». Таким образом, русская государственность зафиксировалась официальной атрибутикой с изображением лика святого Георгия.

На протяжении столетий в иконописи, малой пластике, самом распространенном виде изобразительного искусства Древней Руси (ибо вещи, исполненные литьем или резьбой, принадлежали не только Церкви, но и множеству частных лиц), в многочисленных духовных стихах, пословицах и поговорках образ Георгия Победоносца занимал прочное место в сознании русских людей. Причем не только князей, но и простого народа. Он являлся покровителем многих мирских дел – хлебосеяния, хлебопашества, выгона и пастьбы скота и прочих сельскохозяйственных работ (ведь день его памяти приходится на 23 апреля – праздник природы и расцвета весны). Однако, как считается, более всего он почитался «за совершение самого дивного из всех чудес его» – победу над Драконом. В нем видели прежде всего защитника от зла, а с XIII в., когда зло это стало реальным для всей Руси, – защитника веры христианской. Святой Георгий Победоносец вошел в герб Российского государства и в герб столицы государства – Москвы и всегда будет неразрывен с дорогими каждому жителю России понятиями.

Мифологема «Русская земля» может иметь и многие другие изобразительные подтверждения, где накоплен, как пишут политологи, «символьный капитал Православия»⁴⁵, без которого трудно представить и этническую древность русских, и изначальную русскую государственность. В недавно опубликованной книге «Национальная идентичность в русской культуре», написанной «международной командой ученых», которую можно назвать Путеводителем по русской идентичности, на примере памятников филателии (серия почтовых марок) и ну-

мизматики (бумажных денежных знаков) очень убедительно проанализирован набор вербальных и визуальных образов средневековой России. На пяти марках (изображение Святого Луки из «Остромирова Евангелия» XI в., Ярослава Мудрого, Сергия Радонежского, иконы «Троица») – образы и символы православных корней, уходящих в Киевскую эпоху. Такой набор марок, как полагает один из авторов, «российская почта могла бы спокойно назвать “Наследие русского христианства”»⁴⁶. Авторы считают существенным, что марки были выпущены в 1991 г., в самые последние месяцы существования СССР. Катализатором, по их мнению, стало празднование в 1988 г. крещения Руси. «Первоначально празднование предполагалось как частное событие для церкви, но в конце концов оно превратилось в крупное публичное национальное событие. На этом уровне такая серия почтовых марок была продуктом нового (с конца 1980-х годов) отношения к христианскому прошлому России»⁴⁷.

Историографически более значимым для понимания российской идентичности является властный миф времени рубежа XV–XVI вв., который возник одновременно с созданием единого Русского государства, окончательным падением монголо-татарского ига и другими важными процессами, характерными для русского общества этого времени. В создаваемом Московском царстве идеологически обосновывается великодержавие при помощи широко известной легенды о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который был родственником и Августа, и Рюрика. Эти генеалогические «изыски» зафиксировало «Сказание о князьях Владимирских», которое имело конечной целью отнести происхождение правителей Руси не только к незапамятным для русского человека временам, но и приравнять их происхождение к прочим европейским монархам. Атрибуты власти также должны быть идентичны. В этом плане интерес представляет одно из замечаний Ивана Грозного, которое он высказал в письме к шведскому королю Юхану III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Авгу-

ста Кесаря родством ведемся»⁴⁸. Родство с едиными предками европейских правителей должно быть доказано атрибутами этого единства, то есть царскими регалиями. Одновременно со Сказанием о князьях владимирских появляется и легенда о том, что русские князья издревле и традиционно владели регалиями царского достоинства. Эти регалии будто бы подарил византийский император Алексей Комнин Владимиру Мономаху. Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.⁴⁹

«Дары византийского императора» и по количеству, и «по набору» не одинаковы. В.Н. Татищев, который ввел в научный оборот легендарное свидетельство о «дарах», называл «корону, скипетр, державу и сосуд помазания, которые все, кроме короны доднесь хранятся»⁵⁰. М.М. Щербатов, например, называет вещи «греческой работы», присланные Мономаху: «шапка, скипетр, держава, святые бармы, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо»⁵¹. Н.М. Карамзин, ссылаясь на летописные известия, упоминает среди прочих даров «крабицу сердоликовую, из коей пивал Август Кесарь», а также «порфиру, виссон, гривну златую»⁵².

Византийские инсигнии (именно так теперь называются знаки власти, номенклатура которых значительно расширена по сравнению с ранее существовавшими определениями) не были обнаружены среди предметов, упоминаемых в духовных грамотах русских князей Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Однако анализ документов свидетельствует, что некоторые из «неизменных» артефактов вошли в мифический состав «даров» («сердоликовая крабица»), а некоторые, трансформируясь, – и в инсигнии («золотая шапка» – «шапка Мономаха»).

Проведенный в настоящее время анализ сохранившихся документов научных исследований артефактов позволяет прийти к следующему заключению. Шапка золотая, скорее, первоначально золотые пластины, из которых впоследствии получилась Мономахова шапка, а также золотая «крабица», были, по видимому, приобретены Иваном Калитой в XIV в. как драгоценности («золото») для своей казны. Бармы, возможно, и были

подарком из Византии, но не относились там к инсигниям. Известный украинский археолог П.П. Толочко считает, что они могли появиться на территории Древней Руси независимо от Византии, а многочисленность их находок свидетельствует о широком использовании в княжеском быту⁵³. Пояс, передаваемый по наследству, не напоминает византийский лор, скорее, это часть русской княжеской одежды. Цепь с крестом («иконной»), судя по всему, – обязательный предмет благословения на Руси. Очень часто кресты содержали кусочки реликвий – Древа Креста Господня или частички Ризы Господней. Эти кресты («святость» в договорных грамотах) – могут быть восприняты действительно как великое наследие Византии. Однако изготавливались они, по-видимому, в большинстве случаев русскими мастерами – Парамшой, Семеном Золотиловым и другими. И великие князья, и царь Иван Грозный очень гордились этим наследством предков, отмечая в своих духовных, откуда у них появились передаваемые предками кресты⁵⁴.

О мифическом происхождении русских инсигний повествует замечательный памятник прикладного искусства, созданный при Иване IV в 1551 г., – Царское место в Успенском соборе Московского Кремля, иначе Мономахов трон⁵⁵. Проиллюстрированная в виде 12 барельефов на стенках трона история о дарах Мономаха делала трон важным пропагандистским средством в контексте художественных и литературных произведений середины XVI в., в которых «разрабатывалась новая концепция русской истории в ее неразрывной преемственной связи с историей древних царств»⁵⁶.

Соотносимые с древней историей знаки, символы, мифологемы, иногда воспринимаемые в современном обществе как свидетельства идентичности, не всегда, однако, могут являться таковыми. Только после тщательного научного исследования, став объектом источниковедческих изысканий, они могут претендовать на знак идентичности государства, народа или отдельной нации.

Примером может служить трезубец – «тризуб», герб современной Украины. В статье «К истории украинского тризуба» показан процесс становления герба современной Украины, из-

ложенный по материалам современных украинских геральдистов, отмечена роль известного украинского историка М. Грушевского в становлении сегодняшнего украинского герба⁵⁷. Представленный на первых монетах древнерусских князей в X–XI вв. трезубец был воспринят как знак идентичности: одними – как древнерусской, другими – украинской. Один из авторов уже упоминаемой книги «Национальная идентичность в русской культуре», используя набор украинских денежных купюр, выпущенных в 1991–1996 гг., при анализе и смене их образов подчеркивает, как «по мере развития “серии” язык символов делается все более направленным, приобретая все большую конкретность в раскрытии смысла “нарратива”»⁵⁸. Местный колорит новой украинской валюте придавала Лыбедь, фигура одного из украинских памятников. Автор считает, что вполне закономерно в качестве эмблемы Украины использовать женский образ так же, как пользовались в других странах фигурой Британии в качестве эмблемы Великобритании, статуей Свободы как эмблемой Нью-Йорка или США, Марианной в качестве эмблемы Франции. На следующей купюре к Лыбеди, которая придвинута к надписи «Украина», присоединяются три мужские фигуры – Кий, Щек и Хорив, легендарные основатели Киева. Это – ассоциация с древним местом и основанием Киева – свидетельствует об «историческом динамизме». На третьей купюре рядом с ладьей помещен в щите «украинский трезубец» – символ украинской государственности. Он сопровождает и фигуру Владимира Святого, крестившего Русь и заменившего на купюре Лыбедь с братьями. Однако, как считает автор, последующая денежная купюра – гривна (главная денежная единица киевского периода), выпущенная в 1996 г., несет изображение совсем другого Владимира. Это уже не Владимир, креститель Руси в мантии, с бородой и крестом в руке. Это «Володимир» с обвислыми усами украинского гетмана. Он уже не духовный лидер, а полный национального достоинства глава самостоятельного государства. Интересно и то, что на оборотной стороне купюры – гривны помещены развалины Херсонеса, древнегреческого города. «Это изображение служит не только эмблемой тысячелетий традиции украинской государст-

венности, но и, по мысли автора, «вызывает ассоциации с “Украиной”, наследницей всех цивилизаций, следы которых находятся на украинской территории»⁵⁹.

Подобная визуальная пропаганда «украинизмов» не могла не влиять на общественное сознание, поэтому в печати появляются известия о «произрастании» трезубца с черноморского побережья, иногда в нем видят трезубец Посейдона. Появившиеся на страницах украинских книг высказывания о трезубце как этнонациональном украинском символе коренного народа базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции – из страны, где в старые времена более всего было развито искусство, наука, всякое ремесло. И Украина быстрее, нежели другие страны не только Центральной, но даже Западной Европы, имела возможность черпать свои знания из первоисточника, наиважнейшего в европейской науке и искусстве. Еще тогда, когда ни в Польше, ни тем более в Московии, не умели создавать простейшие вещи, не знали каменного строительства, на Украине процветало монументальное строительство, монетное дело и наивысшая степень государственной символики и эмблематики»⁶⁰. И таким символом, по мнению украинских авторов, являлся «тризуб» – «символ воли и независимости украинского народа, нации и государства».

В то же время идентификация трезубца как герба Киевской Руси, «герба Рюриковичей», проходит красной нитью по многочисленным трудам русских историков (и историков советских, включая археологов, этнографов и проч.), ибо, по видимому, трудно было представить «державу Рюриковичей» без герба. К сожалению, в подобном отношении к трезубцу сказывается недостаточное знакомство авторов с научным определением герба, нашедшим отражение в его характеристике на современном уровне развития геральдики. Так, знаменитый современный исследователь гербов, «геральдист № 1», Мишель Пастуро пишет: «Гербы – это цветные эмблемы, принадлежащие индивидууму, династии или некоему коллективу и

созданные по определенным правилам, правилам геральдики. Именно эти правила (впрочем, не столь многочисленные и не столь сложные, как обычно считают), основу которых составляет правильное использование цвета, отличают европейскую геральдическую систему от всех остальных эмблематических систем, предшествующих и последующих военных и гражданских»⁶¹.

Отрадно отметить, что несмотря на пиетет к трезубцу как основе современного герба Украины, ряд украинских авторов с научных позиций подходит к его интерпретации. Например, в одном из учебных пособий для студентов высших учебных заведений авторы отмечают, что трезубец не был гербом в современном понимании этого слова. Если говорить о Киевской Руси, то он входил в определенную систему знаков, которую вряд ли можно считать системой гербов. Первые гербы пришли на Украину из Западной Европы в XIV в., причем вначале на западно-украинские земли, – считают авторы⁶².

Назвав трезубец тамгой, российский исследователь А.А. Молчанов пришел к выводу, что «вопрос о первоначальном изобразительном прототипе и исконной семантике символа существенного значения не имеет»⁶³. Вопрос, напротив, очень важен, ибо представляет собой ту призму, через которую можно рассмотреть национальную идентичность, чем так озабочены в настоящее время идеологи украинистики. Совершенно справедливо они принимают за «символьный знак» трезубец на древнерусских монетах, чекан которых осуществил впервые древнерусский князь Владимир Святославич в X в. в Киеве. Каталог этих монет с подробным описанием их выпуска составили два известных советских нумизмата⁶⁴. Так как чеканка монеты являлась прерогативой верховной власти, выбор монетных изображений также составлял ее привилегию. Символическое мышление в полном смысле этого слова (подобное «гербовой» эпохе, начало которой в Западной Европе обычно относят к концу XII в.) вряд ли сыграло свою роль при выборе сюжетов первых русских монет⁶⁵. О конкретном заимствовании от византийских монет (солид Василия II и Константина VIII X в.) можно говорить лишь применительно к композиции златников

и сребреников первого типа Владимира Святославича⁶⁶. В целом заимствование носит относительный характер, ибо фигура лицевой стороны имеет черты портретного сходства с русским правителем, тогда как образ императоров на византийских монетах – условный, не индивидуализированный, в отличие, например, от римских портретных изображений на монетах. В то же время важность и почти сакральность (значимость) царского изображения на русских монетах – несомненны. Главным выразителем этой значимости является корона, которая украшает голову правителя, сидящего на троне, свидетельствуя об идентичности власти русского и византийского правителей, хотя в действительности (Владимир не был коронован) подобная форма изображения является не более чем претензией на идентичность. Однако главное отличие образа русского правителя на златниках и сребрениках – в индивидуализации, которая усиливается присутствием трезубца. Без него, по видимому, не мыслится образ древнерусского князя: первоначально (на златниках и сребрениках 1-го типа он помещен у левого плеча князя на лицевой стороне монет, затем – на всех сребрениках на обороте, вместо Иисуса Христа византийских монет). Вряд ли речь может идти о художественном приеме или при помощи изменения типа монеты – противопоставить себя византийцам. Главную роль сыграл, скорее, мировоззренческий выбор, ассоциация этого знака с глубоко укоренившимися в сознании иными представлениями о мироздании и о своем месте в нем, отличающимися от еще малознакомых христианских идей.

В литературе имеется крайне разнообразная идентификация формы этого знака, связанной с культурными, идеологическими, территориальными заимствованиями – ведь идентичные по форме знаки распространены на огромном европейском и азиатском пространстве⁶⁷.

Хотя в последнее время, согласно концепции «северного» образования Древнерусского государства, выдвигается версия прихода двузубца, а затем и трезубца с севера⁶⁸, современная исследовательница Е.А. Мельникова со знанием дела показала, что ненаучно говорить о североевропейском происхождении

знака Рюриковичей, ибо «скандинавской культуре довикинговского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII в. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций. Не прослеживается в скандинавской традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца»⁶⁹.

Данный мотив прослеживается с «восточного направления». И название двузубца и трезубца «тамга» также обосновывается графическим тождеством аналогичным знакам (и властным в том числе) – в Монголии, Южной Сибири, Поволжье, Северном Кавказе, средневековой Болгарии, прежде всего в соседнем с приднепровскими славянами Хазарском каганате. Эта идея в настоящее время фигурирует не только на страницах отечественных научных трудов (см. ссылки, приведенные в публикациях Н.А. Соболевой), но и в зарубежных работах по истории Руси: «...на монетах, отчеканенных ... Владимиром, присутствуют эмблемы – что-то напоминающее вилы или трезубцы, которые похожи на те, что найдены в поселениях хазар, имевших какое-то отношение к кагану. Эти эмблемы вполне могли быть заимствованы у хазар князьями руссов в более раннее время. Используя их, днепровские русы могли демонстрировать законность своей власти, которую прежде придавал их верховному князю титул *chaganus*, или хагана. Символизируют ли эти эмблемы власть хагана или функция их более примитивна – вопрос остается открытым»⁷⁰.

По всем внешним показателям «знак Рюриковичей» – это тамга, пришедшая в Приднепровье с хазарами, а затем ушедшая на Дунай с болгарами. Однако не случайно В.Е. Флерова, посвятившая свои исследования верованиям смешанного населения Хазарии, ее историческим перипетиям, уделила столь большое внимание «иранскому субстрату» в объяснении и толковании двузубцев и трезубцев, находя в их семантике следы иранизма⁷¹. Черты индоевропейской культуры, в которой обнаруживаются и следы иранских языческих культов, прослеживаются у праславян еще до знакомства с хазарскими тамгами.

«Иранское влияние на праславянские племена происходило в контексте влияния общего индоевропейского субстрата», – пишет А. Гейштор. Особенно он отмечает иранский вклад в славянскую лексику, а также передачу «некоторых ритуальных и мифологических элементов в сфере высокоразвитых религиозных культов»⁷². В то же время он пишет, что «имена иранских и в особенности сарматских богов остались практически незамеченными праславянами». Другого мнения придерживаются российские лингвисты (В.В. Иванов, В.Н. Топоров, В.В. Мартынов, историк Б.А. Рыбаков).

«Религиозно-мифологическая общность между иранцами и славянами», которую отмечает знаменитый лингвист В.Н. Топоров⁷³ и другие ученые, заключается в «выборе» ими верховного божества – Громовержца. Обычно все знакомы в этом качестве с греческим богом Зевсом. Однако этот бог грома и молний известен очень хорошо в индоевропейском мире под разными именами. У славян этот бог-громовержец назывался Перун. Гейштор пишет, что «как верховное божество Перун занимает такое же положение как Митра, Ахура-Мазда, Зевс, Юпитер, Один или Таранис; все они наделены чертами патриархов. Он является как будто бы образом отца, перенесенного в сферу сакрального, архетипом вождя, предводителя большой семьи, племени, который обеспечивает благополучие общины, формирует ее отношение к окружающему миру и признание соответственных норм. Это отец и вместе с тем громовержец, который способен защитить общину, а также расширить ее территорию»⁷⁴.

Б.А. Рыбаков считает, что у славян этот бог-громовержец был «выдвинут на место “славянского Зевса” очень поздно, одновременно с развитием русской государственности»⁷⁵. Именно Перуна «превозносили» правители Русского государства и прежде всего Владимир, когда начал «княжити в Киеве». Известно, что он определил Перуна на первое место среди «кумиров», поставленных «на холму». Возможно к этому времени произошли некоторые изменения в культе Перуна, он «получил» и военные функции подобно другим аналогичным богам индоевропейского региона. Среди них наиболее известным яв-

ляется хеттский Тешуб, «бог грозы и войны в хуррито-урартском пантеоне»⁷⁶. Кстати, на хеттских рельефах и других памятниках он изображается с пучком молний обязательно в виде трезубца, а позднее – с боевым топором. Аналогичным ему, но, кажется, более древним являлся Адад, божество шумеро-аккадского пантеона, почитавшийся во многих городах Месопотамии (Вавилоне, Ашшуре). Его символами также были двузубец или трезубец⁷⁷.

О символике этих индоевропейских богов в поисках аналогий для «знаков Рюриковичей» опубликовал две небольшие статьи украинский исследователь Валерий Бушаков⁷⁸. Кажется абсолютно правильными его наблюдения, однако в статьях отражен лишь поиск аналогий знаков Рюриковичей без надлежащих исторических версий этих аналогий, что, возможно, связано с крайне ограниченным объемом статей.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (эта версия широко бытует во многих отечественных работах, повествующих о княжеском хозяйстве Киевской Руси). Предполагается, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна⁷⁹. Подобные заключения базируются на результатах изучения идеологии древних обществ, которые позволили реконструировать трехчастность социальных явлений, осознаваемую людьми в эпоху складывания государств⁸⁰. В частности, индоевропейские народы различали феномены, относящиеся к господству и управлению, физической силе, к плодородию и богатству. Соответственно деятельность правителя могла выражаться в осуществлении трех функций: магико-юридической, военной, экономической. Первая функция могла разделяться на собственно магическую и юридическую (судебную). Как свидетельствуют, в частности, раннеболгарские источники, у протоболгар хан сьубиги являлся верховным правителем государства, высшим военачальником, верховным законодателем и судьей, а также главным жрецом⁸¹.

Насколько глубоко уходила мысль создателей первого русского чекана, когда вопрос встал о помещаемых на монетах

знаках? Русь приняла православие из Византии, новая культура входила в жизнь государства. Что касается первых публичных знаков власти – монет, то византийские монеты служили образцом для правителей, однако не так просто было вытеснить из сознания не только простых людей, но и самого Владимира, прежние верования. А.П. Новосельцев, подробно рассмотрев вопросы принятия Русью христианства и сетуя на немногочисленность и противоречивость источников, освещающих факт христианизации Руси, акцентирует внимание на трудностях, связанных с этим процессом: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс, и, очевидно, части верхов». Видя во Владимире не «скороспелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину, устраивал для нее знаменитые пиры ... Проводя нововведения в основном, в более частных вопросах оставался верен старине»⁸².

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых русских монет (начиная со второго типа сребреников) от образа Иисуса Христа к языческому знаку – трезубцу. Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси, что соотносится с функцией правителей на ранних этапах развития государственности. Кроме протоболгар, исследователи пишут об Олеге, выступающем «князем-жрецом, соединившим сакральную и политическую функции»⁸³, о жреческих функциях Владимира Святославича⁸⁴.

Думается, что «загадочный знак» первых монет Древнерусского государства может быть объясним как сакральный магический символ, реликт прежних верований. Подобный символ, отличающийся от знака собственности, родового знака, мог иметь в виду Н.П. Лихачев, когда писал о том, что «знаки родовые, а в особенности знаки собственности, совсем не то, что “символы”, которые благодаря священному, культовому, почему-либо им приданному значению, мигрируют, сохраняя свою форму»⁸⁵.

Возможно, раскрытие смыслового содержания знака, неразрывно связанного с таким властным действием, как выпуск

монеты, расширит наши представления о ментальности древнерусского социума, а также будет способствовать углубленному изучению идентичности народов, населявших подвластную Владимиру Святому территорию.

Ведь не секрет, что тема «украинистики» относится в настоящее время к насущным проблемам современного политического, культурного и исторического дискурса, поэтому считаем важным осмысление содержания и формы символа, который находится у истоков государственности этого региона.

Поистине бессмертной для России является, пожалуй, самая известная мифологема средневековья идея «Третьего Рима», точнее «Москвы – Третьего Рима». Несмотря на всю свою конкретику и религиозную узость (идея богоизбранности Руси – русского народа, как единственного, хранящего чистоту православия, Руси, которая пребудет истинным центром христианства до скончания веков), она универсальна в своей исторической значимости. Эту историческую значимость показала в своем фундаментальном труде Н.В. Синецина⁸⁶. Универсальность не зависит от научных изысков⁸⁷ и кажущихся бесспорными фундаментальных доказательств. Напротив, она будет и впредь варьироваться и в научном осознании, и в публицистических толкованиях, особенно в эпоху переосмысления общественных ценностей.

Большинство авторов в настоящее время придерживается той точки зрения, что вышеназванная теория никогда не была государственной в официальном смысле этого слова⁸⁸. Однако и российские монархи, и общественные деятели обращались к ней, модифицируя в нужном, чаще всего политическом ракурсе на протяжении не одного века и вплоть до сегодняшнего дня. В настоящее время эта теория «пущена в обиход» радателями возвеличения русского патриотического духа: «...Россия может – и должна – вспомнить свой истинный уклад, взглядевшись в собственный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать!»⁸⁹.

Как известно, концепция «Третьего Рима» приобретает права гражданства в науке и публицистике лишь во второй поло-

вине XIX в. после публикации сочинения Филофея в журнале Казанской Духовной Академии⁹⁰. Этот случайный или неслучайный факт оказался очень кстати в российском обществе. Как ответ на ослабление идей абсолютистской власти под влиянием Французской революции русское правительство предприняло ряд мер идеологического характера, направленных на ее укрепление в собственном государстве, в частности, монархической атрибутики⁹¹. В значительной степени этому помогли труды историков XIX в. и прежде всего труд Н.М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительских» воззрений было велико. Его слушали, внимали его историко-патриотическим идеям при чтении «Истории государства Российского» такие же, как и он, умные, тонкие, образованные люди – С.С. Уваров, В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов. Через несколько лет один из них станет родоначальником идеологизированной «теории официальной народности» (Православие, Самодержавие, Народность), другой создаст слова гимна, прославляющего Самодержца, третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Апологетика самодержавия Карамзина, подкрепленная «научным и художественным талантом», явилась первоосновой многих последующих охранительно-патриотических концепций в русском обществе, многое из того, что «художественно» описал Карамзин, принималось за неоспоримые факты. В частности, карамзинская интерпретация версии В.Н. Татищева о происхождении русского государственного герба оказалась безоговорочно принятой русским обществом. Это объясняется не только исключительным влиянием Карамзина на читающую элиту, но и идеями, присутствующими в трудах и иных историков XIX в., и соответствующими официальной доктрине. В их числе были не только возвеличение самобытности и исконности существовавших в России государственных институтов – прежде всего самодержавия, великодержавности, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на русское общественное развитие, в частности, на идеологию и формы русской государственности. В этой доктрине нашлось место и идее заимствования двуглавого орла из Византии. Нашлось ей место

и всаднику, поражающему дракона, теперь уже признаваемому официально за Георгия Победоносца. В значительной степени «истолкованию» фигуры, помещаемой вместе с двуглавым орлом на печати Ивана III (на оборотной ее стороне) способствовали изыскания профессора древних языков Московского университета, известного московеда И.М. Снегирева. Его внимание привлек каменный барельеф Успенского собора Московского Кремля, так называемый Устюжский рельеф⁹². Барельеф представлял собой плиту пористого известняка, имеющую вид усеченного эллипса (0,91 м высоты, 0,6 м ширины).

На плите вырезана композиция, состоящая из всадника в шлеме и воинском снаряжении, колющего копьем крылатого змея – дракона в пасть, стоящей рядом с ним девы и разбросанных под копытами коня цветов, листьев и человеческих костей. Над головою всадника возвышается лавровое дерево, над которым помещена доска с латинской надписью. Снегирев, знаток латыни, перевел ее исключительно точно: «Императору Цезарю Флавию Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенат и народ Римский посвятили сии врата, ознаменованные триумфами за то, что, по внушению свыше (божества) и по своему велению, он праведным оружием защитил государство от тирана и его скопища»⁹³. Эту надпись, которую Снегирев соотнес с письменами Триумфальных ворот в Риме, прославляющими императора Константина Великого после его победы над язычником Максенцием, а также внешний вид всадника, одетого в иностранный доспех, побудили любителя истории высказать предположение, что барельеф – римский, «что витязь на барельефе никто иной, как Константин Великий, дракон – попранное язычество (по другой версии – враг христианства и тиран Рима – Максенций. – *Н.С.*), а дева – освобожденная Церковь или Рим (*urbs aeterna*), который, как известно, олицетворен был в образе богини (*Roma dea*)»⁹⁴.

Как же появился барельеф в Успенском соборе Московского Кремля и когда? Ведь Снегирев увидел его на южной стене Петропавловского придела названного храма над гробницей митрополита Феогноста лишь в XIX в. Хотя, безусловно, ему были известны высказывания ряда предшественников, которые,

основываясь якобы «на старинных описях и преданиях», писали, что «барельеф привезен из Рима в Москву»⁹⁵. Снегирев присоединился к этому мнению, датировав памятник IV в., но появление его в Москве связал с приездом в Россию Софьи Паллеолог. Правда, он допускал, что итальянцы, прибывшие с Софьей, могли вытесать барельеф по римскому типу и в Москве. И задавал себе вопрос: не был ли Аристотель Фьораванти, который как и художники того времени владел многими искусствами, «творцом сего барельефа, или, по крайней мере, не снял ли противень с древнего какого барельефа в своем отечестве»⁹⁶.

Отразив свою концепцию во многих статьях, посвященных барельефу, в котором, по мнению Снегирева, многие «ревнители Христианской веры» ошибочно видели Чудо св. Георгия, избавившего царевну от дракона, автор не сомневался в особом пристрастии к данному памятнику великого московского князя Ивана III, ибо ему, «освободившему Россию от ига татарского, этот образ напоминал собственный его подвиг: в победоносце он видел себя, в драконе – низложенное владычество поганых, а в спасенной деве – спасенную Россию»⁹⁷.

Ничто не могло изменить направление мыслей Снегирева: ни отсутствие упоминаний о барельефе в описях Успенского собора ранее второй половины XVII в., ни изображение на деревянной раме, окружающий барельеф, устюжских святых Прокопия и Иоанна, ни опубликованное в 1840-х годах сообщение о переносе в XVII в. барельефа из Великого Устюга в Москву.

Какими бы абсурдными ни казались нам сегодня умозаключения Снегирева, многие современники тем не менее поддерживали его теорию, о которой существовали самые положительные отзывы, например, митрополита Евгения (Болховитинова), Ю.П. Бартенева, других авторов литературных и исторических трудов XIX в., у которых не вызывали никаких возражений эти сомнительные с точки зрения истории догадки, переходящие из одной работы в другую. Постепенно к «подаркам» Софьи Паллеолог, таким образом, относили уже не только двуглавого орла, но и всадника, поражающего копьём дракона: «Итак, Софья привезла из Рима снятый с врат Константиновых барельеф

времени христианских... София этим барельефом дала св. Георгия нашему гербу...»⁹⁸.

Одним из первых, кто в начале XX в. предложил научно обоснованную альтернативу общепринятому «византийскому следу» в трактовке российской государственной символики, был Н.П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый, академик. Ему казалось неприемлемым существующее в литературе мнение о заимствовании великим московским князем Иваном III государственной печати, а вместе с ней и двуглавого орла из Византии. Лихачев считал, что таковой в Византийской империи не существовало, поэтому «Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»⁹⁹.

Не менее значимым оказался вышедший в то же время труд известного искусствоведа Я.И. Смирнова, начисто опровергнувший мнение И.М. Снегирева об Устюжском рельефе¹⁰⁰. Смирнов доказал, что барельеф изображает не Константина Великого, а св. Георгия Победоносца, сделан великоустюжскими мастерами и служил в качестве иконы в XVI–XVII вв. на русском Севере, однако прототипом для него являлась западная гравюра, попавшая туда в конце XV в. Автор отмечал, что использование западноевропейской гравюры для изображения Чуда св. Георгия о змие не представляет собой ничего удивительного: «известно немало примеров точного воспроизведения иконописцами западноевропейских оригиналов, преимущественно, конечно, по гравюрам как наиболее удобопереносимым и дешевым образцам их»¹⁰¹.

Смирнов проследил весь путь перемещения барельефа из места его «рождения» до главного всероссийского храма.

Подчеркнув значимость вывода исследователей об особом почитании св. Георгия на русском Севере (в таких «областях, как Новгородская, Двинская, Вятская»), отметив, что для этих мест характерны деревянные резные изображения Чуда св. Георгия о змие¹⁰², он особое внимание сосредоточил на таких доказательных фактах, как постройка в Великом Устюге церкви св. Георгия в к. XV в. и на «Повести о святей и честней иконе»,

в которой изложено повествование о том, как «местный образ ... великомученика Георгия», вырезанный «на трех камнях драгим мастерством», по указу царя Алексея Михайловича и благословению Святейшего патриарха был передан в Москву в 1678 г. «во святую и апостольскую церковь Успения Пресвятые Богородицы». Свидетельством того, что речь идет о вышеназванном барельефе, является упоминание о греческой надписи наверху иконы. Далее Я.И. Смирнов в качестве самого весомого аргумента приводит сведения об опубликованной в одном иностранном издании итальянской гравюре, хранящейся в Британском музее в Лондоне (предполагается, что гравюра имеет прообразом итальянский рельеф 1490 г.). Ей идентичен Устюжский рельеф, однако здесь змеборец в отличие от гравюры повернут в традиционную для византийской и русской иконописи правую от зрителя сторону. Щиток же с латинской надписью «является единственным остатком полного изображения триумфальной арки Константина, которая на гравюре занимает весь второй план композиции»¹⁰³.

Далее автор в подробностях разбирает дальнейшую судьбу барельефа в Москве, его раскраску, изъятие из храма, затем водворение на прежнее место и т.д., что само по себе интересно, но имеет косвенное отношение к нашему сюжету.

Сторонники версии Снегирева связывали Устюжский барельеф и печать 1497 г. Так, известный специалист по русским древностям И.П. Сахаров предполагал, что барельеф мог служить образцом для государственной печати Ивана III¹⁰⁴.

В статье предпринята попытка продемонстрировать взаимосвязь исторических мифологем, задействованных при решении проблем идентичности – нового направления в изучении социума и артефактов (визуальных образов и вещественных памятников), которые сопутствуют вербально оформленным «идеям», концепциям, доктринам. Иногда обнаружить артефакты довольно сложно; они могут отсутствовать «в наличии», иногда артефакты не соответствуют мифу и могут дать искаженный посыл в определении идентичности.

Исследователи исторической идентичности, а также политики, использующие в современной политической практике

знаки и символы прежних эпох, должны досконально знать историю их появления и функционирования, опираясь на их научный потенциал. Только в этом случае историческая традиция достигнет своей агитационной значимости и патриотических ассоциаций.

Вместе с тем включение артефактов, символов, визуальных и вербальных знаков в политическую жизнь социума предъявляет к последним определенные требования. Большинство из них составляет предмет изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, не все имеют богатую историографическую традицию и «выходят за рамки» собственного предмета изучения (описания, составления каталогов, формальных определений), то есть действий, которые обычно производятся с предметами этих дисциплин в музейных и архивных собраниях. Привлечение символов и знаков (гербов, монет, флагов, родословных, марок и т.д.) для подтверждения или оспаривания идентичности выводит их из узких, «самодетельных» рамок, повышает их источниковедческий потенциал, включая в цивилизационный контекст развития общества.

¹ Размышления о новых подходах к историческому исследованию см.: *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3–20; *Сенявский А.С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 558–570.

² *Медушевский А.Н.* Рец.: И. де Кегель. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности в новой России. Гамбург, 2006 = (Isabelle de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse in neuen Russland) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 158–161. См. также статьи по данной проблеме: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М.: Наука, 2011; *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М., 2013. Гл. 4. Идентичность как категория политической практики и научного анализа. С. 85 («Понятие идентичность (от лат. Identitas – тождественность) имеет множество разных определений, что определяется его междисциплинарностью и наличием принципиально разных концептуальных подходов»); *Федякин А.В.* О понятии «Об-

раз государства» // Вестник Московского университета. Сер. 12 «Политические науки». 2004. № 5. С. 74 («Процессы глобализации, формирование глобального информационного общества неизбежно порождают такое явление современной мировой политики и международных отношений, как утрата национальной идентичности. В структуре последней содержится набор ценностей, определяющих архетипические черты и неотъемлемые характеристики национального сообщества и выражающих культурную преемственность в его духовной истории»); Национальная идентичность в русской культуре / под ред. Саймона Франклина и Эммы Уиддис: пер. с англ. М., 2014. С. 8 («На самом деле идентичность – это нечто такое, что не поддается объективному описанию. Это не предмет и не объект, а сфера культурной коммуникации, культурного дискурса. Идентичностью или идентичностями являются многообразные выражения или конструкции культуры»).

³ *Евгеньева Т.В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // Полития. 1999, Весна. № 1 (№ 11). С. 33.

⁴ Osteuropa. 2003. 7. S. 910–920.

⁵ Ibidem. S. 995–1014.

⁶ Национальная идентичность в русской культуре. С. 24.

⁷ Словарь историка / отв. ред. Н. Оффенштадт.: пер. с фр. М., 2011. С. 102–103.

⁸ *Фирсов Н.Н.* Миф в российском политическом дискурсе 90-х гг. XX в. М., 2005. С. 7.

⁹ *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов (отдельная глава книги Э. Кассирера «Миф государства») // Вестник Московского университета. Сер. 7 «Философия». 1990. № 2. С. 61. В отечественной политологической историографии фактически в последние годы XX в. наблюдается зарождение комплексного исследовательского направления, посвященного политической мифологии. Об этом см.: *Кольев А.* Политическая мифология: развитие социального опыта. М., 2003. С. 43. Он ссылается прежде всего на фундаментальный труд В.С. Полосина «Миф. Религия. Государство» (М., 1999), где автор дает определение политического мифа: «Политическим мифом мы называем миф, хранящийся в коллективной памяти народа и опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации» (с. 169). Иными словами, он формирует идентичность нации (государства).

¹⁰ *Медоуз К.* Магия рун.: пер. с англ. М., 1997. С. 43.

¹¹ *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде. М., 2005. Гл. 4: Генезис мифологии государственности. С. 178–275.

- ¹² Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750–1200. СПб., 2009. С. 339.
- ¹³ Национальная идентичность в русской культуре. С. 28.
- ¹⁴ Там же. С. 28–29.
- ¹⁵ Левандовский А.А. Оружие мифа: миф как средство легитимации власти в России // Свободная мысль-XXI. 2001. № 2. С. 103.
- ¹⁶ Там же. С. 104.
- ¹⁷ Национальная идентичность в русской культуре. С. 194; *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 25.
- ¹⁸ *Миллер А.И.* Политические символы и историческая политика // Символическая политика. М., 2012. Вып 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 164.
- ¹⁹ Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопада. М., 2004. С. 161; *Кольев А.* Указ. соч. С. 317.
- ²⁰ *Миллер А.И.* Указ. соч.
- ²¹ Там же. С. 165.
- ²² См. об этом: *Соболева Н.А.* Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России: материалы XX Междунар. семинара ист. исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183–199.
- ²³ См. несколько написанных им разделов в книге: Великая Россия: символы и награды Российской державы. М.: Олма Медиа Групп, 2015. С. 112–252.
- ²⁴ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 167.
- ²⁵ *Гибсон К.* Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре: пер. с англ. М., 2007. С. 49.
- ²⁶ *Соболева Н.А.* : 1) Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 286–342 ; 2) Российский триколор: мифы и историческая реальность // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 3–13 ; 3) Историческое прошлое российского триколора: факты и мифы // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 53–60.
- ²⁷ *Шестов Н.И.* Указ. соч. С. 223.
- ²⁸ *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004. С. 58–61, 164–169. А.В. Арциховский считает шапку мягкой сферической формы с меховой опушкой характерной для князей со времени «княжеско-дружинной стадии славянского язычества» (с. 58).

- ²⁹ *Анучин Д.* Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н.П. Кондакова // Археологические известия и заметки. М., 1897. № 5. С. 163.
- ³⁰ *Lexikon des Mittelalters.* München; Stuttgart. 2003. Bd. 9. S. 574–575.
- ³¹ *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem grossen. Recklinghausen, 1978. S. 58.
- ³² *Shepard J.* Crowns from the Basileus, crowns from Heaven // *Byzantium New Peoples, New Powers: The Byzantino-Slav Contact Zone, from the Ninth to the Fifteenth Century.* Cracow, 2007. P. 156–157.
- ³³ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III. С. 18. См. там же: Печать с изображением Ярослава Мудрого. № 2 а.
- ³⁴ *Кондаков Н.П.* Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. I. С. 70.
- ³⁵ Подробно см.: *Равелли П.* Символы власти и великие династии: пер. с ит. М., 2008. С. 12.
- ³⁶ *Гибсон К.* Указ. соч. С. 15.
- ³⁷ Подробнее об этом см. в очерке Н.А. Соболевой «Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.)» (Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки соц.-полит. и экон. истории. М., 2011. С. 552–656).
- ³⁸ *Shepard J.* Op. cit. P. 158.
- ³⁹ *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 380.
- ⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. СПб., 1886. Т. II. № 1035; Т. III. № 1402.
- ⁴¹ *Шестов Н.И.* Указ. соч. С. 224.
- ⁴² *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. С. 34–35.
- ⁴³ *Кирпичников А.И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879. С. 57.
- ⁴⁴ *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись: статьи и исследования. М., 1970. С. 71–75.
- ⁴⁵ *Кольев А.* Указ. соч. С. 317.
- ⁴⁶ Национальная идентичность в русской культуре. С. 33–38.
- ⁴⁷ Там же. С. 37.
- ⁴⁸ Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 213.
- ⁴⁹ *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских // *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 2-я пол. XIV – XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 370–371.*

- ⁵⁰ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1962. Т. I. С. 365
- ⁵¹ *Щербатов М.М.* История российская с древнейших времен. СПб., 1805. Т. II. С. 105–107.
- ⁵² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Переизд. М., 1989. Т. II. Примеч. 220.
- ⁵³ *Толочко П.П.* Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Київ, 1963. Т. XV. С. 145–164.
- ⁵⁴ *Соболева Н.А.* Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.). С. 627.
- ⁵⁵ *Соколова И.М.* Мономахов трон: Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
- ⁵⁶ Там же. С. 19.
- ⁵⁷ *Соболева Н.А.* К истории украинского «тризуба» // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 3–18.
- ⁵⁸ Национальная идентичность в русской культуре. С. 38.
- ⁵⁹ Там же. С. 42.
- ⁶⁰ *Січинський В.* Тризуб і прапор України. Львів, 1995. С. 48
- ⁶¹ *Pastouro M.* Heraldique // Dictionnaire du Moyen Ages. Paris. 2002. P. 664–667. В связи с данным цитированием не могу не откликнуться на надоевшую критику некоего Е. Пчелова, который упрекает меня в цитировании иностранных авторов. Я действительно читаю на иностранных языках научную литературу по тематике, которой я занимаюсь много лет. Могу информировать Пчелова, что в ней не имеется сведений о том, что гербы в России появились в глубокой древности, о чем он, видимо, прочитал в учебном пособии по геральдике, выпущенном много лет тому назад в Историко-архивном институте, где я, к счастью, не обучалась.
- ⁶² *Бушин М.І., Мащенко І.Ю., Юзвенко В.Ф.* Національна символіка незалежної України. Черкаси, 2001. С. 8.
- ⁶³ *Молчанов А.А.* Знаки Рюриковичей: проблема изучения // Нумизматика на рубеже веков. М., 2001. С. 88–89.
- ⁶⁴ *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.
- ⁶⁵ Некоторые исследователи корней Древней Руси с пиететом относятся к мнению, высказанному советским историком О.М. Раповым, увидевшим в «загадочном знаке» первых русских монет пикирующего сокола. Автор считал, что тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси» (*Pa-*

- пов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 69).
- ⁶⁶ Сотникова М.П., Спасский И.Г. Указ. соч. С. 6, 60–61.
- ⁶⁷ Соболева Н.А. : 1) Очерки истории российской символики. С. 20 и далее ; 2) К истории украинского тризуба. С. 8–9.
- ⁶⁸ См. статью А.А. Молчанова в кн.: Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 302.
- ⁶⁹ Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М., 2011. С. 241.
- ⁷⁰ Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 197.
- ⁷¹ Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001. С. 10, 63.
- ⁷² Гейштор А. Мифология славян. М., 2014. С. 63.
- ⁷³ Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 26 и след., 39, 42.
- ⁷⁴ Гейштор А. Указ. соч. С. 103.
- ⁷⁵ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 356.
- ⁷⁶ Герни О.Р. Хетты. М., 1987. С. 121–124, фото 20; История и культура Древнего Востока: энциклопедический словарь. М., 2008. С. 335, рис. 171.
- ⁷⁷ История и культура Древнего Востока. С. 17, рис. 3.
- ⁷⁸ Бушаков В. : 1) Генезис і семантика тамг іраномовних народів евразійських степів // Четверта наукова геральдична конференція. Львів, 1994. С. 17–20 ; 2) Типологія родового знака Рюриковичів // Шоста наукова геральдична конференція. Львів, 1997. С. 8–10.
- ⁷⁹ Ставиский В.И. У истоков древнерусской государственной символики // Философская и социологическая мысль. 1991. № 5. С. 99. Сам по себе факт использования в монетном чекане знаков, связанных с более ранними верованиями или изобразительными сюжетами предшествующего периода, не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов (например, у вандалов) монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение правителя в венке, Виктория, держащая корону, и т.д.), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади. На ранних англосаксонских монетах помещен дракон или змея, что объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан – Один), носитель магической силы, играл важную роль (*Engel A., Serrure R. Traite de Numismatique du Moyen Age. Paris, 1891. T. 1. P. XU, 164, 183*).
- ⁸⁰ См. об этом: Березкин Ю.Е. Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 163–164. В недавно опубликованной (впервые на русском языке) книге выдающегося

польского историка-медиевиста Александра Гейштора «Мифология славян» приводятся сведения о существующей концепции «индоевропейского мира». Он пишет: «Народы, говорящие на индоевропейских языках, видели свою социальную структуру как организационную модель, основанную на выполнении трех основных функций. Первая из них – это осуществление верховной власти в двойном значении, а именно в правовом и религиозно-магическом. Другую функцию составляют разного рода проявления силы, в первую очередь, военной, оборонительной и захватнической. Третью функцию выполняет широко понимаемая идея плодородия и ее производных... сохранение мира и использование его, пропитание, добывание для всей общности при помощи занятий скотоводством и земледелием. Исследования в этом направлении дали целый ряд наблюдений, которые указывали на устойчивость идеи трехчастной структуры в социальном мышлении людей прошлого. Эта идея оставила свой след в легендах о происхождении племен, о древнейшей истории народов, об их раннем средневековье» (Гейштор А. Указ. соч. С. 41–42).

- ⁸¹ *Литаврин Г.Г.* Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.) // Раннефеодальные государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 23.
- ⁸² *Новосельцев А.П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 108.
- ⁸³ *Орлов Р.С.* Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования населения древней Украины. Киев, 1990. С. 108.
- ⁸⁴ *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 6; *Боровский Я.Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 34.
- ⁸⁵ *Лихачев Н.П.* Избранные труды. Т. 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014. С. 266. (Труды музея палеографии; II).
- ⁸⁶ *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- ⁸⁷ *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник ПСТГУ. II: История. История русской Православной церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 9–17.
- ⁸⁸ Об историографии этой мифологемы: *Синицына Н.В.* Указ. соч.; *Соболева Н.А.* Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.). С. 560–579; *Усачев А.С.* Указ. раб.
- ⁸⁹ *Иванов А.Б.* Третий Рим. М., 1996. С. 126.
- ⁹⁰ *Синицына Н.В.* Указ. соч. С. 13.

- ⁹¹ *Соболева Н.А.* Концепция Москва – Третий Рим и официальная российская символика второй половины XVIII–XIX вв. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 195–210.
- ⁹² *Снегирев И.М.* : 1) Объяснение латинской надписи на древнем барельефе в Московском Успенском соборе // Ученые записки Императорского Московского Университета. 1883. Ч. 2 ; 2) Римский барельеф, известный под именем св. Георгия в московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. II. Отд. 2 ; 3) Барельеф, изображающий св. великомученика и Победоносца Георгия // *Тромонин К.Я.* Очерки с лучших произведений живописи, гравирования, ваяния и зодчества с кратким описанием и биографиями художников. М., 1839. Т. I. Описание Успенского собора Московского Кремля см. в книгах: *Снегирев И.М.* : 1) Памятники московской древности. М., 1842–1845. Изд. вышло в 11-ти тетр. ; 2) Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1873. Т. II. С. 151–153.
- ⁹³ *Снегирев И.М.* Римский барельеф ... С. 471–472.
- ⁹⁴ *Его же.* Барельеф, известный под именем образа св. Георгия // Древности Российского государства. М., 1849. Отд. I. С. 38.
- ⁹⁵ *Его же.* Объяснение латинской надписи ... С. 281–282.
- ⁹⁶ Там же. С. 290–291.
- ⁹⁷ *Снегирев И.М.* Римский барельеф ... С. 478.
- ⁹⁸ Цит. по: *Смирнов Я.И.* Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. М., 1915. С. 27.
- ⁹⁹ *Лихачев Н.П.* Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. М., 1911. С. 1, 43.
- ¹⁰⁰ *Смирнов Я.И.* Указ. соч.
- ¹⁰¹ Там же. С. 114.
- ¹⁰² Там же. С. 39–40.
- ¹⁰³ Там же. С. 87.
- ¹⁰⁴ *Сахаров И.П.* Записки о русских гербах. I. Московский герб. СПб., 1856. С. 19.

Молодые годы ростовского боярина Варфоломея Кирилловича

О времени появления на свет сына ростовского боярина Кирилла Варфоломея, впоследствии принявшего монашество под именем Сергия и ставшего знаменитым Сергием Радонежским, по-разному (от 1313 до 1322 г.) говорится не только в популярной, но и в научной литературе. Точно так же указываются разные годы основания им Троицкого монастыря (от 1337 до 1345 г.) и даты его смерти (от 1391 до 1397 г.). Несогласия в определении вех жизни и деятельности Сергия Радонежского во многом объясняются скудостью сохранившихся источников. Кроме Жития Сергия и Похвального слова на перенесение его мощей в распоряжении исследователей есть 12 упоминаний о Сергии в различных летописях XV в. и 7 документов, где прямо или косвенно называется имя троицкого настоятеля. Однако среди всех источников агиографический памятник – Житие – остается самым главным. Житие сохранилось примерно в 400 списках и почти в двух десятках различных редакций XV–XVII вв. Особенно плодотворно над Житием Сергия Радонежского трудился Пахомий Логофет. Этот ученый серб, подвизавшийся сначала на Афоне, в 30-х годах XV в. оказался на Руси, в Новгороде Великом. Уже здесь он показал себя умелым агиографом. В начале 40-х годов XV в. Пахомий переехал в Московское княжество, избрав местом своего пребывания Троице-Сергиев монастырь. Его талант составителя житий святых проявился и здесь. И начал он с церковного жизнеописания основателя Троице-Сергиева монастыря. Создав свою редакцию Жития первого троицкого игумена, сербский агиограф этим не ограничился. В последующие годы он написал по меньшей мере еще 4 варианта этого произведения. Различные редакции Жития Сергия Радонежского Пахо-

мия Логофета получили наибольшее распространение в древнерусской агиографической литературе XV–XVI столетий.

По смерти Пахомия (после 1484 г.) интерес к биографии Сергия Радонежского не угас. В начале XVI в. в правление Василия III неизвестным лицом было написано новое обширное Житие Сергия. В науке это произведение получило название Пространная редакция Жития Сергия Радонежского. В отличие от более ранних редакций Пахомия Логофета в эту редакцию был включен текст о Сергии другого известного древнерусского писателя, предшественника Пахомия Епифания Премудрого. Пахомий знал и использовал произведение Епифания, но он его не сохранял, а перерабатывал, поскольку Епифаний в своем рассказе о Сергии позволял себе острые антимосковские выпады. При Василии III, втором великом князе всея Руси, владевшем не только бывшим Московским княжеством, но и другими княжествами и землями, эти выпады не казались столь чувствительными и опасными, как в XV в., когда московские князья вели борьбу за объединение под своей властью всей Руси. Цитировать Епифания Премудрого можно было более полно. Это и было сделано в поздней Пространной редакции Жития Сергия Радонежского. Но сделано не до конца. По сути дела вторая половина текста Жития Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым, в Пространной редакции была опущена и заменена текстами, принадлежавшими перу Пахомия Логофета. Тем не менее, текст Епифания Премудрого, сохраненный в Пространной редакции Жития Сергия Радонежского XVI в., дает большие возможности восстанавливать начальную биографию знаменитого игумена не по случайно набранным из разных переделок его Жития данным, а на основании наиболее надежных сведений, содержащихся в древнейшей редакции.

Епифаний Премудрый начал собирать материал о троицком настоятеле уже после его смерти, в 1393–1394 гг. В течение 20 лет он написал некоторые разделы («главизны») Сергиева Жития, но «не по ряду» – «предняя назади, а задняя наперед». Более или менее окончательную отделку своему труду он придал в 1418 г., спустя 26 лет после смерти Сергия¹. Таким образом, Житие писалось в лучшем случае при младших современ-

никах троицкого игумена, которые не были свидетелями его детства и юности. Да и другие приводимые Епифанием со ссылками на неких «старцев» сведения должны тщательно проверяться, сопоставляться между собой и сравниваться со свидетельствами других источников. Только таким образом и можно попытаться составить достоверное жизнеописание Сергия Радонежского, его молодости и зрелости, оставив в стороне приписанные ему много позднее деяния, сделанные его поклонниками и почитателями.

Согласно Епифанию, будущий святой родился в семье богатого ростовского боярина Кирилла и его жены Марии. Родители Сергия жили в селе, в отдалении от столицы местного княжества города Ростова («не зѣло близ града Ростова»)². До недавнего времени историки не могли найти этого села. Но несколько лет назад исследователь истории Ростовского княжества С.В. Городилин указал на ростовское село Тормосово, стоявшее примерно в 25 км от Ростова в верховьях р. Ухтомы, близ дороги, соединявшей два самых старинных города Северо-Восточной Руси – Ростов и Суздаль³. Тормосовы были родственниками или соседями Кирилла и Марии, переселившимися с ними из Ростовского княжества в Московское. В Ростовском княжестве они жили рядом. Когда родился будущий Сергей, Кирилл и Мария на празднование по случаю появления на свет сына «призваста к себѣ ужикы своа, и другы, и сусѣди, и възвеселишяся»⁴. Переход Кирилла в Москву Епифаний Премудрый описал с подробностями, касавшимися и его окружения: «въздвижеса из веси оная предиреченныа Ростовскыя и събрася съ всѣм домом своим и со всѣм родом своим въздвижеса, и преселися от Ростова въ Радонѣжь»⁵. Если Тормосовы – ужики (родственники) и соседи родителей Сергия, то село последних должно было находиться в том же районе, что и Тормосово.

На 40-й день после рождения сын Кирилла и Марии был крещен и назван Варфоломеем. Поскольку память апостола Варфоломея особенно чтилась 11 июня (в иные числа празднуют перенесение его мощей или отмечают память Варфоломея вместе с другими 11 апостолами), можно полагать, что Сергей родился за 40 дней до 11 июня, то есть 3 мая. Но какого

года? Здесь показания источников расходятся. В первой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского утверждается, что Сергей «живъ лѣтъ 78»⁶. То же самое читается и в третьей Пахомиевской редакции: «жив же преподобный всѣх лѣтъ 70 и осмь»⁷. Поскольку Сергей умер 25 сентября 1392 г.⁸, свидетельства Пахомиевских редакций указывают на 1314 г. как на год рождения Сергия. Число прожитых Сергием Радонежским лет приводится в конце Жития, после описания его похорон. Как говорилось выше, такого конца нет в сохранившемся тексте более древнего Жития Сергия, составленного Епифанием Премудрым. Но есть другое произведение Епифания, посвященное Сергию Радонежскому, – «Слово похвально преподобному отцу нашему Сергию». Сравнительно недавно выяснилось, что это «Слово» написано Епифанием не до создания им Жития Сергия Радонежского, как считалось долгое время, а после, в 1422 г., в связи с обретением мощей Сергия⁹. В Слове назван совсем другой возраст Сергия: «Преставися от жития сего лѣтъ седмидесять»¹⁰. В таком случае дата рождения Варфоломея-Сергия – 1322 г. В Житии же Сергия Епифаний Премудрый, не приводя никаких цифр, описал время появления на свет будущего святого: «преподобный родися: в лѣта благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника, самодръжьца гречьскаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго, при архиепископѣ Коньстянтина града Калистѣ, патриарсѣ вселеньскомъ, въ земли же Русстѣй въ княжение великое тферьское при великом князе Димитрии Михайловиче, при архиепископѣ пресвященнѣм Петре, митрополитѣ всеа Руси, егда рать Ахмулова»¹¹. Византийский император Андроник II Палеолог правил с 1282 по 1328 г.¹² Патриарх Каллист I занимал константинопольскую кафедру в 1350–1353 гг.¹³ Тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи сидел на великокняжеском столе во Владимире на Клязьме в 1322–1325 гг.¹⁴ Митрополит Петр возглавлял русскую церковь в 1308–1326 гг.¹⁵ Военные действия на Руси ордынского посла Ахмыла (Ахмула) имели место в 1322 г.¹⁶ Этот год включают и все остальные даты, за исключением одной – даты начала патриаршества Каллиста I. Грубая ошибка в определении последней объясняется достаточно просто. Епифаний

Премудрый имел, видимо, в своих руках перечень византийских императоров и патриархов с указанием дат их вступления на престол и патриаршую кафедру. Число десятков лет в дате поставления Каллиста должно было выражаться цифрой ~н (50), но у Епифания вместо ~н стояла ошибочная цифра ~к (20), близкая по написанию к цифре ~н. Неверная цифра, возникшая из-за небрежности переписчика (была искривлена правая ножка цифры), давала возможность датировать начало патриаршества Каллиста 1320 г., что вполне укладывалось в хронологические рамки правлений других лиц, перечисленных Епифанием. Поэтому вместе с ними он назвал и Каллиста I. Таким образом, дата рождения Варфоломея, косвенно указанная Епифанием Премудрым, – это 1322 г. Она точно соответствует годам жизни Сергия Радонежского, приведенным в Слове похвальном тем же Епифанием, – 70 лет¹⁷. Следовательно, Варфоломей появился на свет 3 мая 1322 г.

Варфоломей был вторым сыном в семье. Старше его был Стефан, младше – Петр. Оба они быстро выучились грамоте, которая Варфоломею никак не давалась. Однако семи лет мальчик научился читать. Епифаний Премудрый приводит любопытный эпизод из жизни Варфоломея. Однажды Кирилл отправил своего малолетнего сына «на възыскание клюсят». Разыскивая пасшихся жеребчиков, Варфоломей в поле под дубом увидел молящегося старого священника. Они разговорились. Варфоломей признался: «Учюся грамотѣ и не умѣю». Незнакомец оказался хорошим учителем. Варфоломей стал «грамот, умѣти зѣло добрѣ»¹⁸. Может быть, домашние дела и относительно позднее развитие мешали ему дружить со сверстниками, он был склонен к уединению, и даже мать, как сообщает Епифаний, обращалась к нему с упреками: «И двою на десять не имаши лѣтъ, грѣхи поминаеши»¹⁹. 12 лет были названы несчастливо. В средневековой Руси 12-летний подросток считался взрослым человеком. Он мог ходить на войну, наследовать в этом возрасте имущество, даже жениться. Двенадцатилетнюю взрослость очень ярко подчеркивает договорная грамота, заключенная весной 1448 г. великим князем Василием Темным с можайским князем Иваном Андреевичем, В этом договоре ого-

варивалось, что великий князь Василий Васильевич должен к своему двоюродному брату Ивану Можайскому целовать крест сам и «за свои дети», а далее пояснялось: «А исполнятся, г(о)с(поди)не, твоим детем по двенадцати лет, ино, г(о)с(поди)не, тогда целоват(и) им самим по нашим докончальным грамотам и по сеи по нашей грамоте»²⁰. Варфоломей задумывался о своем поведении, еще не став взрослым человеком.

Варфоломею не исполнилось и 12 лет, когда в судьбе его семьи произошли большие перемены. Отец его, ранее богатый человек, под старость обеднел. Причинами были частые поездки его с ростовским князем в Орду, где надо было раздавать подарки ханам и их окружению, частые визиты татарских послов, которых следовало принимать, кормить и поить вместе с их свитой; постоянные тяжелые дани и выходы, которые уплачивались Орде; хлебные неурожаи в Ростовской земле. Последней каплей, переполнившей чашу терпения семьи ростовского боярина, было, по словам Епифания, «насилование, сирѣчь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москвѣ»²¹. Переход Ростова под власть Калиты сопровождался насилиями и издевательствами над населением. Посланные Иваном Калитой Василий Кочева и Мина отнимали имущество у ростовских жителей, многих поранили и изувечили. Даже самого «епарха градского» – старейшего ростовского боярина Аверкия – москвичи повесили вниз головой: жизни не лишили, но надругались жестоко.

Жители Ростова и всего княжества испытывали смертельный страх перед московскими воеводами. И Кирилл не выдержал. Со всем родом своим он «въздвигеся и преселися от Ростова въ Радонѣжь». Так называлась волость, входившая в состав владений уже не ростовского, а московского князя. Семья Кирилла поселилась близ церкви Рождества Христова, то есть, вероятно, рядом с самим селом Радонежским, центром одноименной волости. И не один Кирилл сменил место жительства, «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... въ Радонѣжь». «Насилование» над Ростовом Ивана Калиты настало, по словам Епифания, когда была «великаа рать татарскаа, глаголемаа

Федорчукова, Туралыкова, егда по неи за год единь»²², то есть через год после того, как Федорчюк, Туралык, Сюга и иные ордынские темники опустошили Тверское княжество в конце 1327 – начале 1328 г.²³, подавляя вспыхнувшее там антиордынское восстание. Следовательно, семья ростовского боярина Кирилла переселилась в Радонеж не ранее 1329 г. Дату можно уточнить.

Отъезд Кирилла вместе со всей семьей из Ростова Епифаний ставит в связь с получением Иваном Калитой великого княжения Владимирского, ханский ярлык на управление которым выдавался тогда различным русским князьям, чаще других – московским. В 1328 г. под управление Калиты перешла половина великого княжества Владимирского, а в 1332 г. – все великое княжение²⁴. До 1331 г., когда в Ростове правили два князя, Федор и Константин, Ростов должен был иметь двух княжеских наместников, представлявших интересы обоих братьев. Епифаний же пишет только об одном ростовском «епархе» Аверкии, что могло быть лишь после смерти князя Федора Васильевича, то есть в 1331 г.²⁵ или позже. Поскольку после Федора правителем Ростова стал Константин, надо полагать, что Аверкий был наместником именно Константина, пытавшегося назначением Аверкия закрепить владения брата за собой. Этому и воспротивился Иван Калита, который, как великий князь Владимирский, имел право на выморочные земли. Наиболее вероятное время акции московского князя – 1332 г., когда Калита получил в Орде остальную часть Владимирского великого княжения. Следует обратить внимание еще на одну деталь. Епифаний пишет, что одной из причин ухода Кирилла в Радонеж были «глады хлѣбные»²⁶. За время правления Ивана Калиты летописи лишь единственный раз упоминают о голоде – и это тоже 1332 г.²⁷ Переход известного ростовского боярина под покровительство московского князя объясняется общей нестабильной обстановкой в Ростовском княжестве и ориентацией части его боярства не на местных правителей, а на Москву.

Итак, 10 лет от роду Варфоломей оказался в московских пределах. Вместе с его семьей в Радонеже поселились их рос-

товские родственники: Дюдень, зять «его», и Анисим, дядя «его». Следовательно, у Варфоломея, кроме братьев, была еще сестра, а у отца или матери – брат. Об этом дяде Варфоломея Анисиме Епифаний Премудрый вспоминает еще раз, рассказывая о первых монахах Троицкой обители. Анисим был дьяконом, дьяконом стал и его сын Елисей. Епифаний знает и других лиц – выходцев из тех семей, что пришли в Радонеж вместе с Кириллом, и эти сведения подтверждаются²⁸. Упоминая людей, покинувших вместе с семьей Кирилла Ростовское княжество, Епифаний дает понять, что он не только собирал сведения о Сергии у его родственников и знакомых, но и интересовался судьбой самих этих людей. Замечания о них Епифания, когда они поддаются проверке по другим источникам, оказываются в большинстве случаев точными.

Из епифаниевского Жития, кажется, можно извлечь один бесспорный факт: среди переселившихся вместе с семьей Варфоломея в Радонеж родственников и близких были люди, посвятившие себя служению церкви и способные возбудить у мальчика религиозное чувство. Мало того, и родители Варфоломея Кирилл и Мария под старость ушли в монастыри. Варфоломей, до той поры заботившийся о них в их общем доме, остался один. Его братья, Стефан и Петр, женились, у них появились свои семьи. Варфоломей же, ухаживая за постаревшими родителями, даже речи не вел о браке. Прожив в родительском доме до 20 лет, он решил принять постриг. К тому времени чернецом стал его старший брат Стефан. Жена его умерла, оставив ему двух сыновей, Климента и Ивана. Видимо, под влиянием этой утраты Стефан постригся в хотьковский Покровский монастырь²⁹.

Решив стать монахом, Варфоломей передал свою долю наследства брату Петру³⁰, отправился к Стефану и вместе с ним стал искать место, пригодное для строительства монастыря. Братья нашли «едино мѣсто... въ чящах лѣса», где была вода, и приступили к возведению «пустыни». Сначала они поставили «одрину и хизину», то есть нечто вроде сарая и летнего домика, а затем «к лиюедину създаста», то есть срубили обычную избу, после же возвели и небольшую церковь. «Приехаша из града»

(так обезличенно называет Епифаний Москву) священники от митрополита Феогноста и освятили церковь «въ имя святыа Троица»³¹. Поскольку это произошло при митрополите Феогносте и, по словам Епифания, в правление великого князя Симеона Ивановича, «въ начало княжения его», а Варфоломею было 20 лет, основание Троицкого монастыря следует относить к 1342 г.³² Через некоторое время Варфоломей решил провести обряд своего пострижения. Он призвал игумена Митрофана, видимо, настоятеля Хотьковского монастыря, и попросил его об этом. «Игумен же, – пишет Епифаний Премудрый, – незамедленно вниде въ церковь и постриже и въ агельский образ, мѣсяца октовриа въ 7 день, на память святыхъ мученикъ Сергия и Вакха. И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха имена, не съ имени; но вън же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху...»³³. Пассаж агиографа о плохом монашеском имени Варфоломея был вызван тем, что в XV в. монашеские имена давали постригаемым с той же буквы, с которой начинались их крестильные имена. Царь Иван Грозный, например, при предсмертном пострижении получил имя Иона. Но любопытно другое. В русской церкви с XI в. утвердился обычай постригать в монахи в воскресные дни. 7 октября именно в 1342 г. было воскресенье. Епифаний Премудрый был точен, когда написал, что Варфоломей постригся в возрасте «болѣ двадесятий убо лѣтъ»³⁴ (20 лет и 5 месяцев). С 7 октября 1342 г. для боярина Варфоломея началась новая жизнь, в которую он привнес свои хозяйственные навыки, умение ухаживать за немощными людьми, свою образованность, полученные им в детстве и в молодые годы.

¹ *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 286.

² Там же. С. 290, 303.

³ *Городилин С.В.* Ростовское боярство в первой трети XIV в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2002. С. 87. Урочище Тормосово сохранилось до наших дней, и современные крупномасштабные карты его фиксируют. См.: Переславль-Залесский и окрестности. Карта окрестностей. М., 2000.

- ⁴ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 292.
- ⁵ Там же. С. 304.
- ⁶ Там же. С. 374.
- ⁷ Там же. С. 416.
- ⁸ Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. XV, вып. I. Стб. 163. (Далее: ПСРЛ).
- ⁹ *Кучкин В.А.* О времени написания Слова Похвального Епифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени: сб. ст. к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003.
- ¹⁰ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 278.
- ¹¹ Там же. С. 297.
- ¹² *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 501.
- ¹³ Там же. С. 503.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 42.
- ¹⁵ Там же. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 87, 90.
- ¹⁶ Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 42.
- ¹⁷ При принятии 1314 г. как года рождения Сергия Радонежского получают крупные неувязки в изложении некоторых эпизодов его жизни, описанных во всех редакциях Жития Сергия. В частности, Житие сообщает, что когда Сергию исполнилось 20 лет, он построил церковь, что было в начале княжения Симеона Гордого. Если Сергей родился в 1314 г., то тогда он должен был построить церковь в 1334 г. Однако в 1334 г. княжил не Симеон, а его отец Иван Калита. Симеон начал княжить с 1340 г. Если Сергей родился в 1322 г., тогда церковь он должен был построить в 1342 г. Этот год был всего лишь вторым годом княжения Симеона Гордого. После того, как Сергей достиг возраста начавшего проповеди Христа (30 лет), его поставили игуменом Троицкого монастыря. Обряд поставления выполнил волынский епископ Афанасий. Он занимал должность митрополитичьего местоблестителя вместо отправившегося в Константинополь Алексея. Поэтому Афанасий в то время жил не на Волыни, а в Переяславле Залесском, недалеко от Троицкого монастыря. Если Сергей родился в 1314 г., тогда он должен был стать игуменом около 1344 г., но в то время русскую церковь возглавлял не Алексей, а Феогност. При рождении Сергия в 1322 г. все объясняется вполне логично. Именно весной – летом 1353 г. Алексей уехал в Константинополь для получения сана митрополита, оставив вместо себя Афанасия.
- ¹⁸ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 298–299.
- ¹⁹ Там же. С. 302.
- ²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–

- XV вв. М.; Л. 1950. С. 150 (№ 51).
- ²¹ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 303.
- ²² Там же.
- ²³ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 43–44.
- ²⁴ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 140–141.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. I. С. 531. (Л. 1926–1928).
- ²⁶ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 302.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 46.
- ²⁸ *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 93 и примеч. 2. В частности, в даруемой 1455–1456 гг. меновой грамоте между радонежским волостелем серпуховского князя Василия Ярославича Иваном Прокофьевичем и властями Троице-Сергиева монастыря на пустоши в волости Радонеже первым свидетелем сделки среди светских лиц назван Тимофей Дюденов. Поскольку после него свидетелями в грамоте указаны лица княжеской администрации (сотник Логинко, доводчик Алфер), надо полагать, что Тимофей по своему статусу был выше этих лиц. В других документах Троице-Сергиева монастыря упоминаются представители фамилии Тормосовых, которые, судя по их отчествам, были сыновьями Ивана и Федора Тормосовых, скорее всего, тех самых, кого упомянул Епифаний Премудрый (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 15, 17, 255, 256, 426, с. 33, 35, 184–185, 315).
- ²⁹ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 306. Покровский Хотьковский монастырь находился в 9 км от основанного позднее Троице-Сергиева монастыря.
- ³⁰ Там же. С. 307–308. Голубинский отметил, что в позднейших переделках епифаниевского текста Пахомий Логофет, «поправляя Епифания на лучшее», заставляет Сергия раздавать отчее наследие беднякам, а не уступать его брату Петру (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 220 (примеч. 3)).
- ³¹ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 306–308.
- ³² Там же. С. 308. Симеон получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение в 1340 г. и правил до своей смерти в 1353 г. См.: ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 52–53, 62.
- ³³ *Клосс Б.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 310.
- ³⁴ Там же. С. 312.

К вопросу о материальном обеспечении вдов служилых людей в Смутное время начала XVII в.

Вопрос о материальном обеспечении вдов служилых людей в Смутное время фактически никогда не рассматривался. Однако он важен для данного периода. Во-первых, потому что в ходе военных столкновений много воинов погибало, и число вдов с маленькими людьми постоянно увеличивалось. Во-вторых, следует выяснить, на что должны были существовать вдовы, если платой за службу их мужей являлась только поместная земля, даваемая во временное пользование. После смерти служилого человека она, как известно, возвращалась в казну.

Поскольку каких-либо законов о материальном обеспечении вдов служилых людей в начале XVII в. не существовало, данный вопрос можно выяснить только на основе источников.

Одним из наиболее интересных памятников, содержащих довольно много сведений о материальных средствах вдов служилых людей, является Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. Она опубликована А.Л. Станиславским¹.

В этом документе указаны не только имена и фамилии служилых людей, которые должны были войти в состав войска, но имена и фамилии вдов, которым следовало на свои средства снарядить конных воинских людей. Их количество указывало на то, сколько земли числилось за этими женщинами. Ведь, согласно Соборному уложению 1556 г., владельцы земли, и поместной, и вотчинной, с каждых 100 четвертей должны на свои средства выставлять одного конного воина.

Всего в данной росписи содержатся сведения почти о 70 вдовах. Это достаточно много для начала XVII в., поскольку

документальных памятников этого периода сохранилось мало. Для удобства рассмотрения материального обеспечения всех этих жденщин разделим их на группы по количеству выставляемых ими воинов и попробуем понять, почему одни вдовы оказались владелицами только 100 четвертей земли, а у других ее было много больше.

Больше всего оказалось вдов, выставивших только одного конного воина и соответственно имевших только 100 четв. – их 17 человек. Рассмотрим, чьими вдовами они являлись.

1. Домна – вдова Максима Кирьяновича Сабурова, поместье в Ярославле. М.К. Сабуров, хотя и принадлежал к знатному боярскому роду, но высоких должностей не имел. Из «Разрядной книги 1475–1605» известно, что он участвовал в Серпуховском походе царя Бориса в 1598 г. и был в «государевом стане у огней» вместе с четырьмя князьями². Затем, как дворянин, в 1599 г. служил в Холопьем суде³. Согласно этим сведениям, служба М.К. Сабурова продолжалась совсем не долго.
2. Домна – вдова Федора Ивановича Зайцева, поместье в Ярославле. Об ее муже известно лишь то, что в 1602–1603 гг. он служил по Ярославлю и имел поместье в 500 четв.⁴ Вероятно, и этот дворянин был на царской службе короткое время.
3. Марфа – вдова князя Никиты Волконского, имевшая поместье в Костроме. Об ее муже известно лишь то, что в начале 90-х годов он служил по Козельску и владел 400 четв. поместной земли⁵. Можно заметить, что вдове выделили земли не в Козельске, а в Костроме, находящейся вдали от границ.
4. Антонида – вдова Михаила Ивановича Внукова, имевшая поместье у Костромы. Ее муж в начале 90-х годов числился выборным дворянином по Юрьеву Польскому с размером поместья в 600 четв.⁶ Эта вдова также получила земли не там, где служил муж.
5. Агрофена – вдова Максима Федоровича Судимонтова, поместье у Дмитрова. Ее муж в 1589–1590 гг. был вы-

- борным дворянином по Переславлю и владел 400 четв. земли⁷. И эта вдова получила земли в другом районе.
6. Дарья – вдова князя Федора Александровича Мосальского, поместье у Дмитрова. Об ее муже известно, что в 1598 г. он был воеводой Воронежа⁸. Вновь земли выделены в другом районе.
 7. Евфимия – вдова Ивана Григорьевича Милюкова, поместье у Углича. Ее муж владел в 1602–1603 гг. поместьем в 500 четв. в Бежецком Верхе⁹.
 8. Марфа – вдова Андрея Семеновича Бешенцова, поместье в Твери. Ее муж в 1602–1603 гг. владел поместьем в 300 четв. у Бежецкого Верха¹⁰.
 9. Анисья – вдова Григория Ярцева, поместье у Торжка. Об ее муже данных нет. Но сын Андриан служил в 1602–1603 гг. по Костроме с поместья в 350 четв.¹¹
 10. Анна – вдова Михаила Владимировича Безобразова, поместье у Старицы. Там же в 1588–1589 гг. было поместье в 500 четв. у ее мужа¹².
 11. Анна – вдова Ивана Семеновича Квашнина, поместье в Ржеве Владимирской. Там же было поместье мужа в 350 четв. в 1602–1603 гг.¹³
 12. Лукерья – вдова Василия Жеребцова, поместье в Старице. Ее муж в 1602–1603 гг. владел поместьем в 500 четв. у Ржева¹⁴.
 13. Василиса – вдова Даниила Елизарьевича Сабурова, поместье в Старице. Данных о службе мужа нет.
 14. Варвара – вдова князя Семена Сеитова, поместье в Старице. Данных о службе мужа нет. Принадлежал к роду сибирских царевичей.
 15. Акулина – вдова князя Ивана Васильевича Морткина, поместье в Суздале. Там же было поместье мужа в размере 350 четв. в 1588–1589 гг.¹⁵
 16. Мария – вдова князя Николая Тюфякина, поместье в Боровске. О муже известно лишь, что он участвовал в Шведском походе царя Федора Ивановича¹⁶.

17. Неизвестная по имени вдова Михаила Ивановича Вельяминова, поместье в Суздале. Об ее муже известно, что он был жильцом при дворе царя Федора Ивановича¹⁷.

Обобщая сведения о вдовах, владевших только 100 четв. земли, можно заметить, что из них только четверо остались в небольшой части поместья мужа. Остальные получили земли около других городов, больше всего (четверо) у Старицы – бывшей столицы удельного княжества. Ни у кого из вдов не было поместий в приграничных городах, все они в центральных районах. Видимо, это было сделано для их безопасности. К тому же в приграничных городах следовало служить воинским людям для их обороны.

Мужья всех вдов, видимо, служили короткой срок, особо высоких должностей и заслуг не имели, некоторые из них владели небольшими поместьями. Своих земель, вотчин, у них, видимо, вообще не было. Но по указанию правительства их вдовы были обеспечены поместьями размером с полгектара (четверть – полдесятины). Для безбедного существования этого было достаточно.

Значит, минимальный размер поместья получали вдовы тех служилых людей, которые состояли на царской службе короткое время и не имели никаких заслуг, но при этом либо состояли в родстве с представителями правящего дома (Сабуровы), либо были отпрысками княжеских фамилий.

Следующая группа вдов, выставлявших двух конных воинов и соответственно владевшая 200 четв., состоит из 13 человек. Рассмотрим их.

1. Анастасия – вдова окольного С.Ф. Сабурова Панина, поместье, видимо, около Москвы. Сведения о службе ее мужа относятся к 1585–1599 гг. Он был воеводой Орешка, Ладоги, Ливен. Окольное получил после прихода к власти Бориса Годунова в 1598 г. В Серпуховском походе был третьим воеводой Сторожевого полка. В 1599 г. был отправлен на воеводство в Тобольск, где, видимо, умер¹⁸. Для вдовы окольного и родственника ца-

- ря Бориса Анастасия получила мало. Видимо, у ее мужа своей земли вообще не было.
2. Авдотья – вдова Никиты Борисова, поместье в Кашине. Данных о службе мужа нет. Возможно, был родственником дьяка Постника Борисова, и этим объясняется то, что вдова получила 200 четв., а не 100 четв.
 3. Ирина – вдова Ивана Непейцина, имение в Бежецком верхе. О муже известно, что он был выборным дворянином по Бежецкому Верху с поместьем в 350 четв. В 1603 г. он скончался, возможно, погиб во время сражений с отрядами Хлопка, поэтому за вдовой осталась значительная часть его поместья – в 200 четв.¹⁹
 4. Евфросиния – вдова Ю.И. Вельяминова, поместье в Старице. Муж служил московским дворянином, в конце 1598 г. был болен и, видимо, вскоре умер²⁰. Своих земель у него, видимо, не было, но он состоял в родстве с царем Борисом Годуновым.
 5. Анна – вдова Образца Семеновича Вахромеева, поместье в Ржеве. Муж служил в 1588–1589 гг. по Ржеву с поместьем в 550 четв.²¹ Почему его вдова получила не минимальное поместье, а в два раза больше – не известно. Возможно, часть земли была ее собственностью.
 6. Мария – вдова Бориса Михайловича Вельяминова, поместье в Ржеве. Муж служил в 1588–1589 гг. стряпчим с платьем, в 1603 г. был воеводой Михайлова, потом воеводой сходного полка, слившегося с Передовым полком²². Повышенный размер поместья Марии можно объяснить и тем, что муж был родственником царя Бориса, и тем, что служил при дворе.
 7. Фетинья – вдова князя Александра Ивановича Лобанова, поместье в Ржеве. Муж служил по Ржеву в 1588–1590 гг. с поместья в 350 четв.²³ Хотя муж Фетиньи и принадлежал к титулованной знати, но служил с очень небольшого поместья, возможно, был молод. При этом у него, наверняка, были собственные земли, поэтому у вдовы оказалось 200 четв.

8. Степанида – вдова Казарина Волынского, поместье в Муроме. О службе мужа данных нет. Можно предположить, земли в Муроме были собственностью вдовы. К тому же она воспитывала сына, и на него ей могли выделить дополнительные земли.
9. Анна – вдова князя В.Л. Клобукова Мосальского – поместье в Мосальске. О службе мужа данных нет. Его брат Иван в 1607 г. числился московским дворянином, но изменил²⁴. Земли в Мосальске, вероятнее всего, являлись собственностью князей.
10. Марфа – вдова князя А.Д. Звенигородского, поместье в Серпейске. Муж служил в 1588–1589 гг. по Серпейску с поместьем в 600 четв.²⁵ Там же, видимо, были и вотчины Звенигородских князей, поскольку они служили по Серпейску.
11. Анна – вдова И.В. Измайлова, поместье в Рязани. Муж в 1588–1590 гг. служил по Рязани с поместьем в 550 четв.²⁶ Там же, вероятно, были и его частные земли, поскольку Измайловы традиционно служили по Рязани.
12. Агафья – вдова князя Михаила Лобанова-Ростовского, поместье в Рязани. Данных о службе мужа нет.
13. Евфимия со снохой – вдова князя Бориса Яковлевича Шехонского, поместье в Суздале. Муж в 1588–1589 гг. служил по Суздалю с поместьем в 500 четв. Участвовал в шведском походе царя Федора Ивановича²⁷. Получалось, что на каждую женщину приходилось только по 100 четв., но чьей вдовой была сноха Евфимии – не известно.

Обобщая данные о вдовах с поместьем в 200 четв., можно заметить, что среди них пять женщин являлись вдовами князей: Лобановых-Ростовских, Звенигородского, Мосальского и Шехонского, которые не входили в элиту московского двора в конце XVI – начале XVII в., но, видимо, имели небольшие родовые вотчины. Это относится к князьям Мосальским, служивших по своему городу, князьям Звенигородским (из рода Черниговских князей), приписанных к Серпейску, и Шехонских (из рода Яро-

славских князей), служивших по Суздалью. Князя Лобановы-Ростовские, лишившиеся родовых земель еще во второй половине XV в., видимо, служили в разных городах, но их вдовы получили неплохие поместья.

Среди данных вдов были три супруги служителей двора и родственников царя Бориса Федоровича Годунова. Это Анастасия Сабурова, Евфросиния и Мария Вельяминовы. Среди них только муж Анастасии имел высокий чин окольничего, но все три вдовы получили на содержание одинаковые поместья.

Еще три вдовы были женами выборных дворян, служивших в разных городах не с самыми большими по размерам поместьями. Это Ирина Непейцина (350 четв.), Анна Вахромеева (550 четв.) и Анна Измайлова (550 четв.). Почему они получили на содержание не 100 четв., а 200 – не известно. Может быть у них были свои собственные земли или их мужья погибли во время боевых действий? Точных данных на этот счет нет.

Но можно заметить, что дополнительные земли получали те вдовы, на содержании которых были другие лица. Например, у Степаниды Волынской – сын, у Евфимии Шехонской – сноха.

В итоге можно сделать вывод о том, более высокий размер поместья, чем обычно, был у вдов служителей двора, князей, имевших остатки родовых поместий, погибших воинов, а также у тех, кто опекал родственников.

Следующая группа состоит из вдов, выставявших 3 конных воинов и соответственно имевших 300 четв. земли. В ней 10 женщин.

1. Елена – вдова Алексея Яскина Годунова, поместье в Ярославле. Об ее муже известно, что в 1588–1599 гг. он был стольником²⁸.
2. Анна – вдова И.В. Кобылина, поместье у Москвы. Муж служил в 1588–1589 гг. по Вязьме с размером поместья в 700 четв. Потом был назначен головой в Новгород. В 1603 г. был оправлен головой в Койсу²⁹.
3. Феодосия – вдова Елизария Леонтьевича Ржевского, поместье у Москвы. Муж в 1577 г. был московским дворянином, участвовал в шведском походе и получил чин

- думного дворянина, служил в Ямском приказе и в Сибири³⁰.
4. Феодосия – вдова Федора Борисова, поместье в Кашине. Муж, возможно, родственник дьяка Пострика Борисова. Об его службе данных нет.
 5. Марфа – вдова князя Н.И. Кропоткина, поместье в Твери. Муж в 1588–1589 гг. числился новгородским помещиком по выбору и служил при государе³¹.
 6. Авдотья – вдова Д.И. Волосского, поместье в Старице. Муж, молдаванин по происхождению, в 1598–1599 гг. служил московским дворянином, в 1601 г. в качестве второго воеводы возглавлял Большой полк на Туле³².
 7. Марья (Анна) с детьми – вдова Я.В. Милюкова, поместье в Суздале. В 1588–1590 гг. муж служил по Суздалью с поместьем в 600 четв.³³
 8. Акулина – вдова князя И.П. Барятинского, поместье в Суздале. В 1588–1589 гг. – жилец, в 1598–1599 гг. – выборный дворянин по Туле с поместьем в 400 четв. В 1602–1603 гг. – убит³⁴.
 9. Аграфена – вдова А.Ю. Тутомлина, поместье на Каширской засеке. Муж служил по Кашире с размером поместья в 350 четв. в 1588–1590 гг.
 10. Девка Анастасия – дочь Ю.В. Дмитриева, поместье в Рязани. Отец в 1588–1589 гг. служил по Рязани с размером поместья в 550 четв.³⁵

Анализ данных о вдовах с размером поместья в 300 четв. показывает, что большинство их мужей служили при дворе (А. Годунов, Е. Ржевский, Ф. Борисов, Д. Волосский, И.П. Барятинский). Некоторые из них, видимо, погибли при выполнении служебных обязанностей (И. Кобылин, кн. Н. Кропоткин, кн. И. Барятинский, Ю. Дмитриев, А. Тутомлин). Компенсацией за их смерть, вероятно, стали значительные поместья, полученные вдовами и детьми. Часть поместной земли могла быть собственностью вдов: Феодосии Борисовой, Марии Милюковой, Аграфены Тутомлиной, Анастасии Дмитриевой, поскольку они получили земли там, где служили их мужья.

В следующую группу входят вдовы с размером поместья в 400 четв. В ней также 10 имен.

1. Феодосия – вдова боярина И.В. Годунова, поместье у Москвы. Муж входил в число близких родственников царя Бориса Годунова, был видным военачальником.
2. Домна – вдова князя И.А. Ноготкова, входившего в число известных воевод еще при Иване IV. Поместье у Москвы.
3. Мария – вдова окольного князя В.Д. Хилкова, входившего во двор и царя Федора Ивановича, и Бориса Федоровича Годунова. Поместье у Москвы.
4. Мария – вдова Н. Непейцина Постникова, поместье у Кашина. Муж в 1598–1599 гг. служил по Кашину с поместьем в 400 четв. В 1602–1603 гг. – московский дворянин³⁶.
5. Лукерья – вдова А.Т. Жеребцова, поместье в Ржеве. В 1588–1589 гг. служил по Ржеву с поместьем в 600 четв. Затем был послан головой в Новгород³⁷.
6. Ирина с детьми – вдова М. Молвянинова, поместье в Суздале. Муж служил по Суздалю с размером поместья в 350 четв. в 1588–1603 гг.³⁸
7. Ирина – вдова князя М.Ф. Гвоздева Ростовского, поместье в Суздале. Муж входил в число московских дворян в 1585–1591 гг.³⁹
8. Авдотья – вдова М.И. Протопопова, поместье в Можайске. Муж служил по Суздалю с поместьем в 600 четв. в 1588–1589 гг.⁴⁰
9. Авдотья – вдова князя В.И. Горбатого Мосальского, поместье в Мосальске. Муж служил в 1598 г. воеводой Ельца и предупредил царя Бориса об угрозе из Крыма. В 1600 г. был в Москве объезжим головой Китай-города⁴¹.
10. Пелагея – вдова Л.И. Аксакова-Вельяминова, поместье в Серпейске. В 1577 г. муж служил по Дмитрову с поместьем в 600 четв., в 1584 г. – воевода Брянска, в 1598–1599 гг. московский дворянин и был судьей Холопьева приказа⁴².

Данные о вдовах с поместьем в 400 четв. свидетельствуют о том, что у семи из них мужья служили при дворе и некоторые

из них даже входили в число высшей знати (И.В. Годунов, князя И.А. Ноготков, В.Д. Хилков, М.Ф. Гвоздев Ростовский, В. Горбатый Мосальский). Н. Непейцин был, видимо, сыном служившего при дворе Постника Непейцина, М. Потопопов – сыном служившего там же Ивана Протопопова. Это и способствовало тому, что вдовы данных лиц оказались владелицами больших поместий. Часть их, возможно, являлась их наследственной собственностью. Вдова М. Молвянинова получила много земли, поскольку воспитывала нескольких детей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повышенный размер поместья получали вдовы видных служителей двора, родственников царя Бориса и те, кто воспитывал детей.

В следующую группу вошли вдовы с размером поместья в 500 четв., считающегося вполне достаточным для существования целой семьи провинциальных дворян. В ней 7 человек.

1. Татьяна – вдова князя Г. Вяземского, поместье в Костроме. О службе мужа данных нет.
2. Анастасия – вдова князя И.В. Морткина (из рода Ярославских князей), имение в Бежецком Верхе. Там же служил муж с поместьем в 350 четв.⁴³
3. Мария – вдова Г.А. Нащокина, поместье в Ржеве. Муж служил там же с размером поместья в 800 четв. в 1588–1590 гг. Потом был взят на службу к патриарху⁴⁴.
4. Вдова с сыном И.П. Чудинова Акинфова, поместье в Юрьеве-Польском. Муж в 1577 г. был жильцом, в 1588–1589 гг. служил по Владимиру с размером поместья в 550 четв.⁴⁵
5. Мария с сыном – вдова князя Г.М. Барятинского, поместье в Мещовске. Муж служил по Кашину с поместьем в 500 четв. в 1588–1590 гг.⁴⁶
6. Феодосия – вдова И.А. Камынина, поместье в Мещовске. Муж служил в 1589–1590 гг. по Серпейску с поместьем в 450 четв.
7. Соломония с сыном – вдова С.В. Измайлова, поместье в Рязани. Муж служил там же с поместьем в 400 четв. в 1589–1590 гг.⁴⁷

Анализ сведений о вдовах в данной группе показывает, что трое из них были женами князей, но не самых знатных, служивших в провинциальных городах с небольшими поместьями. Мужья остальных также не принадлежали к высшей знати. Поэтому напрашивается предположение, что в размер их поместья входили и их собственные земли, то есть наследственные вотчины.

Следующая группа вдов с размером поместья в 600 четв. Их только двое.

1. Прасковья – вдова В.Е. Салтыкова, поместье у Москвы. Муж являлся представителем знатного боярского рода, служил стольником⁴⁸.
2. Евфросиния – вдова князя Д.И. Горбатого Мосальского, поместье в Мосальске. Данных о службе мужа нет.

Вполне вероятно, что данные вдовы владели частными землями, принадлежавшими их мужьям, поэтому их размер такой же большой, как у выборных дворян в провинциальных городах.

Последнюю группу составляют представительницы высшей знати с очень значительными размерами земли – от 900 четв. до 2000 четв. В ней 9 женщин.

1. Ирина, Феодосия и Авдотья – дочери боярина князя Ф.А. Ноготкова, являвшегося видным полководцем при царе Федоре Ивановиче⁴⁹. Земли около Москвы в размере 900 четв. Вполне вероятно, они являлись собственностью боярина.
2. Агрофена – вдова князя С.И. Долгорукого, земли у Москвы в размере 1000 четв. Муж не занимал при дворе должностей и служил воеводой разных городов: Новоси́ли, Орешка, Самары, строил Смоленский кремль⁵⁰. Поэтому напрашивается вывод о том, что доставшиеся Агрофене земли были частным владением супруга.

3. Фетинья – вдова князя Г.П. Горчакова-Бельского. Она владела 600 четв. у Москвы и 500 четв. у Торжка. Все эти земли, скорее всего, были собственностью Фетиньи, поскольку ее муж давно умер – он состоял на службе при Иване Грозном и в начале правления Федора Ивановича. Последние сведения относятся к его службе вторым воеводой Смоленска в 80-е годы XVI в.⁵¹
4. Ирина – вдова окольного И.Ф. Басманова, погибшего в сентябре 1603 г. при сражении с отрядами Хлопка в Подмосковье⁵². Ее земельные владения составляли 1200 четв. около Москвы. Возможно, часть их была наградой за героическую смерть мужа.
5. Ульяна – вдова князя И.В. Великого Гагин, земли у Москвы размером 1600 четв. О муже известно, что он был видным полководцем в правление Федора Ивановича и Бориса Годунова⁵³. Земли, которые получила вдова, очевидно, были выслужены князем, участвовавшим во многих военных походах.
6. Анна – вдова князя Андрея Ивановича Голицына, земли у Москвы в размере 1600 четв. Они, несомненно, являлись собственностью мужа Анны, поскольку сам он принадлежал к высшей придворной знати, начал службу в 1580 г. рындой в войске Ивана Грозного, участвовал в его свадьбе с Марией Нагой, в 1588–1589 гг. попал в опалу и был отправлен воеводой в Дедалов, числился московским дворянином. При царе Борисе А.И. Голицын получил боярство. Последние сведения о нем относятся к участию во встрече датского королевича Иоганна в 1602 г.⁵⁴
7. Мария – вдова окольного В.Ф. Воронцова с размером земли в 1900 четв. О муже известно, что он был участником Ливонских походов царя Ивана Грозного, «у наряда», артиллерии. Был убит под Кесью в 1578 г.⁵⁵ Часть земель вдовы могла быть собственностью мужа, часть – наградой за его гибель.
8. Ирина – вдова окольного А.П. Клешина с размером земли в 2000 четв. О муже известно, что он был дядькой,

воспитателем царя Федора Ивановича, поэтому при нем возвысился. После смерти царя служил его вдове Ирине Федоровне. Последние сведения о нем относятся к 1598 г.⁵⁶

9. Степанида – вдова дьяка Е.Д. Вылузгина с размером земли в 2000 четв. О муже известно, что он был видным дьяком при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. В 1600 г. стал думным дьяком и возглавил Поместный приказ. Это, видимо, и позволило ему приобрести в собственность огромные земли, которые остались вдове⁵⁷.

Таким образом, анализ группы наиболее обеспеченных вдов показывает, что среди них дочери и жены видных полководцев (Ф.А. Ноготкова, С.И. Долгорукого, И.Ф. Басманова, И.В. Великого Гагина, В.Ф. Воронцова), знатных князей (Г. Бельского и А. Голицына), а также близкого царю Федору Ивановичу воспитателя (А. Клешнин) и видного дьяка (Е. Вылузгин). Наиболее обширные земельные владения оказались у вдов двух последних лиц. Их размер был на уровне владений наиболее богатых людей страны.

Изучение Росписи царского войска 1604 г. показывает, что среди представителей знати, лично не участвовавших в походе и лишь выставлявших конных воинов, самым богатым были: Ф.И. Шереметев, брат последней вдовы царевича Ивана Ивановича Елены (6000 четв.), князь М.В. Скопин-Шуйский (5600 четв.), думный дьяк В.Я. Щелкалов (5500 четв), кроме вяземской земли.

Шереметев и Скопин в это время были совсем молодыми людьми, Щелкалов, напротив, – в очень зрелом возрасте, поэтому лично участвовать в военных действиях они не могли.

К числу богатых людей относились также: стольник князь П.Я. Урусов (4700 четв.), окольный князь И.Д. Хворостинин (3500 четв.), князь И.С. Куракин (3200 четв.), А.Ф. Третьяков (2600 четв.), князь Д.Т. Трубецкой (2500 четв.), князь И.И. Курлятев (2400 четв.), князь И. Большой Одоевский (2300 четв.).

Почти все перечисленные лица принадлежали к высшей титулованной знати или были лицами, приближенными ко двору

(Шереметев, Щелкалов, Третьяков). Все это позволило им стать наиболее крупными землевладельцами. Аналогичная ситуация была и среди вдов. Самые значительные земельные владения получили вдовы близких ко двору лиц и знатных князей. Кроме того, среди них были и жены героически погибших воинов.

Вполне вероятно, что большие наделы вдов являлись их собственностью. Маленькие, напротив, выделялись из казны тем женщинам, у которых не было своей земли. Их размер увеличивался, если в семье были дети или другие иждивенцы. Кроме того, больше земли выделяли тем вдовам, чьи мужья имели заслуги перед государством или выслужили свое поместье. Правда, определить это сложно, поскольку систематических данных о сроках службы в то время в источниках нет.

Следует отметить, что вдовы не всегда получали земли около того города, где служил муж. Их поместья, как правило, были вдали от границ. Исключение составляли собственные земли мужа. Например, вдовы князей Мосальский имели земельные владения около Мосальска, а Звенигородских – около Серпейска.

Роспись войска 1604 г. показывает, каким было материальное положение вдов служилых людей в начальный период Смуты. Но сохранилось некоторое количество документов, позволяющих получить представление о том, какова ситуация была на протяжении всего Смутного времени. Это челобитные вдов, опубликованные в сборнике документов «Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века»⁵⁸.

Рассмотрим некоторые из них.

В мае 1615 г. в Поместный приказ обратились вдова погибшего дворянина А. Бутурлина Мария с сыном Константином с просьбой увеличить им размер поместья. Всего они владели 300 четв., но потом 150 четв. было отдано Ф. Бегичеву. Они просили вернуть им эти земли, поскольку в семье было четыре человека: два сына, дочь и мать. Их просьба была удовлетворена⁵⁹.

В 1613 г. в Поместный приказ обратились Соломония Зеленина с сестрой и дочерью, которым после гибели В. Зеленина под Пчельней в 1607 г. было выделено поместье размером 170 четв. Они просили не брать с них пошрины⁶⁰.

Из грамоты С.В. Исупова становится известно, что после гибели его отца под Калугой в 1607 г. ему с матерью выделили на содержание 266 четв. земли, хотя ему в то время не было и года⁶¹.

Из челобитной Е. Коломиной, вдовы дворянина Семена, погибшего под Алексиным в 1607 г., становится известно, что ей с сыном Тимофеем выделили 130 четв. под Тарусой. Но потом сын умер, после этого Соломония попросила себе на содержание 60 четв., считая, что их ее муж выслужил⁶².

Из «сказки» Б. Кошкина от 1633 г. известно, что поместной землей могли наградить и женщин, служащих при дворе. Такое поместье было у золотошвейки Аграфены Кошкиной, которое перешло потом ее сыну⁶³.

Из челобитных Смутного времени можно сделать вывод о том, что вдовам с дочерьми или снохами стали давать на содержание меньше земли, чем раньше, – по 70, 60 и даже 50 четв., если они жили вместе. Но одинокой вдове выделяли, как и раньше, 100 четв.⁶⁴

Из опубликованных документов становится известно о том, что некоторые вдовы занимались торговлей, чтобы получить дополнительный заработок. Предметами торговли были чернила и рубашки⁶⁵.

Таким образом, источники позволяют сделать вывод о том, что вдовы погибших дворян не оказывались без средств к существованию. Из казны им выделялись земли, достаточные «на прожиток», как правило, 100 четв. Если в семье оставались мальчики, то для них выделяли дополнительную землю, не менее 100 четв., поскольку считалось, что в будущем они станут служилыми людьми. На девочек давали меньше – приблизительно 60 четв. Потом эти земли могли стать их приданым.

В существенно лучшем положении были вдовы состоятельных знатных людей. За ними закреплялись все земельные владения мужей. Это превращало их в очень богатых людей, поэтому часто они вновь выходили замуж.

¹ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 366–428.

- ² Разрядная книга 1475–1605. М., 2003. Т. IV. Л. 1057 об. (Далее: Разрядная книга).
- ³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴ Там же. С. 263.
- ⁵ Там же. С. 350.
- ⁶ Там же. С. 348.
- ⁷ Там же. С. 347.
- ⁸ Разрядная книга. Л. 1069 об.
- ⁹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 271.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² Там же. С. 244, 352.
- ¹³ Там же. С. 265.
- ¹⁴ Там же. С. 264.
- ¹⁵ Там же. С. 347.
- ¹⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁷ Там же. С. 210.
- ¹⁸ Разрядная книга. Л. 1049, 1051, 1057, 1105, 1136 об.
- ¹⁹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁰ Там же. С. 217, 252, 323.
- ²¹ Там же. С. 224.
- ²² Разрядная книга. Л. 118, 1134, 1169, 1170.
- ²³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 225, 344.
- ²⁴ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М., 2003. С. 138.
- ²⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 240.
- ²⁶ Там же. С. 228–345.
- ²⁷ Там же. С. 220.
- ²⁸ Там же. 206, 250.
- ²⁹ Там же. С. 225, 344; Разрядная книга. Л. 1168.
- ³⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 200, 217, 323.
- ³¹ Там же. С. 201.
- ³² Там же. С. 252; Разрядная книга. Л. 1124 об., 1125 об.
- ³³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 220, 324.
- ³⁴ Там же. С. 211, 254, 278, 301.
- ³⁵ Там же. С. 228, 327.
- ³⁶ Там же. С. 270; Разрядная книга. Л. 1138.
- ³⁷ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 223, 343.
- ³⁸ Там же. С. 221, 261, 342.
- ³⁹ Там же. С. 203, 213, 252, 321.
- ⁴⁰ Там же. С. 220.
- ⁴¹ Разрядная книга. Л. 1047, 1064, 1069 об., 1107.

- ⁴² *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 217, 253, 323, 423, 433.
- ⁴³ Там же. С. 231, 347.
- ⁴⁴ Там же. С. 223, 343.
- ⁴⁵ Там же. С. 219, 350.
- ⁴⁶ Там же. С. 229, 346.
- ⁴⁷ Там же. С. 238, 327, 345.
- ⁴⁸ Там же. С. 294.
- ⁴⁹ Там же. С. 213, 321.
- ⁵⁰ Там же. С. 214, 321; Разрядная книга. Л. 1103 об., 1135.
- ⁵¹ Разрядная книга. Л. 798 об., 833, 834 об.
- ⁵² *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 112, 206, 252.
- ⁵³ Разрядная книга. Л. 664 об., 668 об., 776 об.–777, 940–941, 997 об.–999 об., 1049 об.–1050, 1071–1071 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 960, 1035 об., 1141 об.; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 74, 216, 322.
- ⁵⁵ Разрядная книга. Л. 632 об., 639 об., 643, 646, 652.
- ⁵⁶ Там же. С. 1052 об., 1053, 1061.
- ⁵⁷ Там же. Л. 1052, 1087 об., 1117 об., 1132.
- ⁵⁸ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608.
- ⁵⁹ Там же. С. 225–226.
- ⁶⁰ Там же. С. 209.
- ⁶¹ Там же. С. 299.
- ⁶² Там же. С. 349.
- ⁶³ Там же. С. 329.
- ⁶⁴ Там же. С. 192–193, 194–195, 201.
- ⁶⁵ Там же. С. 109–111.

От казачьего атамана
до московского дворянина:
исторический портрет Андрея Просовецкого

Имя Андрея Захаровича Просовецкого, казачьего атамана, видного представителя тушинского лагеря, одного из вождей Первого ополчения хорошо известно исследователям периода Смуты. Однако до настоящего времени его фигура не была предметом специального исследования.

Нам неизвестно, где и когда родился А.З. Просовецкий. Не ясно его происхождение и социальный статус до выступления Лжедмитрия II. В одном из документов он фигурирует как «выезжий литвин»¹. По предположению А.Л. Станиславского, основанному на челобитной А.З. Просовецкого, последний, возможно, до Смуты находился на русской службе. Однако сам исследователь подвергает эту версию сомнению. В челобитной Просовецкий утверждает, что «при царе Василии» он был верстан высоким поместным (500 четвертей) и денежным (50 рублей) окладами². Большую часть царствования Василия Шуйского Просовецкий был сторонником Лжедмитрия II и его верстане столь высоким окладом со стороны московских властей выглядит абсолютно невероятным. Скорее всего, в челобитной Просовецкий имеет в виду оклад, назначенный ему в тушинском лагере. А вот предположение о том, что Просовецкий являлся активным участником движения И.И. Болотникова, выглядит вполне правдоподобным³.

Ранней весной 1609 г. Андрей Просовецкий – стольник при дворе Лжедмитрия II. В конце февраля или начале марта назначается воеводой только что очищенного от повстанцев г. Лух. Заняв Лух постоянным гарнизоном, он позаботился о том, чтобы вернуть в крепость орудия, отбитые у повстанцев под Суз-

далее польским отрядом Дзевалтовского⁴. Однако воеводил в Лухе Просовецкий недолго. Уже в начале апреля он второй воевода в Суздале.

В начале апреля 1609 г. Просовецкий принимает участие в карательном походе на восставший Владимир. 2 апреля к Владимиру подошло большое тушинское войско в составе полков Лисовского и полковника Яроша Стравинского, казачьих и дворянских отрядов Плещеева и Просовецкого. Они опрокинули силы восставших и заперли их в городе, но взять крепость не смогли и 6 апреля отошли к Суздалю.

Кроме того, заволновались дворяне. Серьезный урон авторитету тушинцев в Суздале нанес арест Лисовским суздальского дворянина Григория Аргамакова по подозрению в измене. Причем не последнюю роль в нем сыграли подозрения как раз А. Просовецкого⁵. Дворяне потянулись в другой лагерь. Среди перебежчиков – бывший тушинский юрьев-польский воевода Ф. Болотников, суздальцы Иван Редриков, Егуп Хвостов, Смирей Казимиrow, лушанин Петр Зайцев⁶.

Неудача суздальских воевод под Владимиром была в какой-то степени компенсирована очередным очищением Шуйского и Луховского уездов от повстанцев, поддерживавших царя Василия.

К лету 1609 г. приход войск Ф.И. Шереметева в Нижний Новгород серьезно изменил всю военно-политическую обстановку в Восточном Замосковье. С потерей для тушинцев Владимира самый короткий путь к Москве был фактически открыт. Поэтому в середине июня 1609 года тушинцы решаются еще на один штурм города. К Владимиру были стянуты суздальские отряды Плещеева и Просовецкого, а также все окрестные казачьи и польские части под командованием ротмистра Герасима Сума. Напрягая последние силы, Сума даже отозвал луховской и шуйский казачьи гарнизоны, оставив их под охраной немногочисленных местных дворян.

15 июня часть тушинского отряда под руководством Ф.К. Плещеева подошла к стенам Владимира со стороны села Красное. Основные силы под командованием Сумы и Просовецкого укрылись в роще «в Кузянке у посаду». К тому време-

ни владимирцы получили новое подкрепление. Из-под Касимова к ним привел отряд нижегородских ветеранов воевода Андрей Алябьев⁷. Именно ему было доверено командование владимирским гарнизоном. При приближении Плещеева, владимирцы предприняли вылазку и стали теснить суздальский отряд, но в это время из засады ударили польские и казачьи сотни. Под их натиском часть конницы Алябьева была вынуждена отступить на другой берег Клязьмы, а пехота, частично уничтоженная, укрылась в городе. Тушинцы бросились на штурм, но были отбиты «вогненным боем». Сторонникам Самозванца пришлось довольствоваться сожжением Владимирского посада и окрестных слобод.

В середине июня отряды повстанцев, дислоцировавшиеся в районе Холуя и Юрьевца, воспользовались отсутствием в Шуе и Лухе гарнизонов и возобновили наступление на эти города. В своей отписке гетману Сапеге, Андрей Просовецкий сообщает, что оставшиеся в Лухе и Шуе «дворяне и дети боярские, отошли прочь, потому что осталось их немного, а мужики в скопе, и пришли ныне опять в Лух и Шуйские места государевы изменники»⁸. Просовецкий просит Сапегу вновь направить в Лух и Шую Суму с казачьими отрядами. Но после неудачного штурма Владимира, тушинцы вынуждены были в междуречье Волги и Клязьмы перейти к обороне.

К этому времени Ф.К. Плещеев был отозван и А. Просовецкий стал первым суздальским воеводой.

К осени под его контролем оставался Суздаль с ближней округой, а также район Юрьева-Польского и Гавриловой слободы. С этого времени ближайшими сподвижниками Андрея Захаровича становится его брат Иван, также произведенный в тушинские стольники.

От Лжедмитрия II братья Просовецкие получили поместья. Андрей – старинную вотчину Стромьинского монастыря в Переславском уезде, а Иван – бывшее поместье Прокофия Кушникова в Арзамаском уезде⁹.

Однако вскоре Просовецким стало не до поместий. Уже 10 августа ротмистр Сума доносил Сапеге, что «изменники отовсюду собираются во Владимире и в лесных засеках, откуда

часто и большими силами направляют дозоры к Суздалью и к Юрьеву, желая захватить эти города»¹⁰. В сентябре 1609 г. пришедший во Владимир с основными силами своего войска боярин Ф.И. Шереметев решил штурмовать угрожавший его коммуникациям Суздаль. С этой целью он отправил туда значительную часть своего войска. В тексте Нового летописца имеется запись, что под Суздалем сторонники Василия Шуйского были разбиты отрядами Лисовского¹¹. Это не верно. Лисовский в это время находился в районе Ростова. Победу над войсками Шереметева одержали ротмистр Г. Сума и А. Просовецкий. Тушинцы силами конницы легко разгромили многочисленную, но плохо вооруженную пехоту Шереметева, которой негде было укрепиться в полях суздальского Ополя. Остатки отряда Шереметева сильно поредевшего вновь укрылись во Владимире¹².

Это поражение заставило Шереметева приостановить движение к Москве и принять меры к укреплению своих позиций¹³. Впрочем, по данным Ю. Видекина, под Суздалем войско Шереметева потеряло лишь около 300 человек¹⁴.

В конце октября отряды Сумы были отозваны в лагерь Сапеги под Троице-Сергиев монастырь¹⁵. Просовецкому вряд ли удалось отстоять Суздаль, если бы вскоре не подошел со своим полком А. Лисовский. По данным Ю. Видекина, полк Лисовского был измотан в боях и представлял собой «жалкое войско из 4 тысяч безоружных людей»¹⁶. Тем не менее, суздальскому гарнизону удалось достаточно быстро восстановить свою боеспособность.

Во второй половине февраля Лисовский и Просовецкий разгромили под Суздалем отряд боярина князя Б.М. Лыкова и князя Я.П. Барятинского, посланный М.В. Скопиным-Шуйским для захвата города. Автор Нового летописца пишет, что Лыков и Барятинский планировали напасть на город ночью и были крайне удивлены, обнаружив в поле перед городом бодрствующие полки А. Лисовского и А. Просовецкого¹⁷. Секретари Сапеги записали в его дневнике, что под Суздалем были разбиты лучшие силы Скопина-Шуйского. Согласно данных дневни-

ка отряд Лыкова насчитывал 6 тысяч воинов, немногие из которых смогли спастись бегством¹⁸.

Зимой 1609–1610 г., когда силы Лжедмитрия II таяли на глазах, царь Василий Шуйский направил для освобождения Суздаля войско князя Афанасия Лобанова-Ростовского. После ожесточенного боя он занял Юрьев-Польский, а затем освободил Гавриловскую слободу¹⁹. К этому времени Лжедмитрий II уже бежал из Тушина в Калугу, а Я.П. Сапега, разбитый под Троице-Сергиевым монастырем и Дмитровом, спешно отходил на запад. Ю. Видекинд сообщает интересные подробности ухода Лисовского и Просовецкого из Суздаля. Согласно его рассказу, Лисовский отправился на фуражировку, оставив город на ротмистра Мартина Собельского. М. Собельский, выходец из Пруссии с начала 1609 г. командовал ротой в Суздале, участвовал в боях под Владимиром, Плесом, Холуем, Кляземским городком²⁰. Согласно Видекинда, Собельский был тайным сторонником царя Василия и закрыл ворота города перед возвращающимся Лисовским²¹. Понимая бесперспективность дальнейших действий в районе Суздаля, Лисовский и Просовецкий со своими отрядами ушли на северо-запад²².

В начале лета 1610 г. соединенные силы Лисовского и Просовецкого взяли штурмом знаменитый Калязин монастырь. В схватке погиб руководивший защитой обители воевода Давид Жеребцов, игумен, братия и почти все защитники. Монастырь был осквернен и разграблен. Похищена была даже рака, в которой хранились мощи святого Макария Калязинского. Затем Лисовский и Просовецкий побывали под Ивангородом и Псковом, где вступили в бой с союзными Василию Шуйскому шведами. По свидетельству новгородского воеводы боярина И. Салтыкова атаманы рассылали в окрестностях Новгорода и Пскова «многие воровские грамоты»²³. В третьей Псковской летописи содержится интересное утверждение о том, что Лисовский и Просовецкий появились в окрестностях Пскова, Иваногорода и Яма по приглашению самих псковичей для защиты от шведов. Причем действовали они весьма успешно «шли на Немец, и Немец отогнали»²⁴.

Вскоре после вступления на русский престол королевича Владислава пути давних соратников – А. Лисовского и А. Просовецкого – разошлись. Лисовский решил присягнуть новому царю, а Просовецкий остался верен Лжедмитрию II. Противоречия вылились в серьезное боевое столкновение бывших союзников в октябре 1610 г.²⁵ Если доверять донесению боярина И. Салтыкова польскому королю Сигизмунду III, бои между сторонниками Лисовского и Просовецкого проходили на всем расстоянии от Пскова до Ивангорода и стоили противоборствующим сторонам до тысячи убитых²⁶. После битвы Лисовский отошел к Острову. А Просовецкий, согласно Новому летописцу, соединившись с отрядом Г. Валуева, захватил и сжег Великие Луки²⁷. Эта запись в Новом летописце вызывает определенные сомнения. Как известно, Г. Валуев в то время служил царю Владиславу Жигмонтовичу. А Просовецкий только что воевал с другим сторонником польского королевича – А. Лисовским. Да и последующие события заставляют нас сомневаться в сотрудничестве атамана со сторонниками Владислава. Автор третьей Псковской летописи иначе трактует эти события. Согласно его версии Лисовский и Просовецкий действительно какое-то время стояли в Великих Луках. Григорий Валуев пришел из-под Смоленска на Рождество 1611 г., и «пришед ночью искрадом, Луки Великие высек, многое множество православных христиан, и выжег». А Просовецкий с казаками «Волуева побил с Литвой не далее от Лук, и шел под Москву з Заруцким Иваном Мартиновым на Литву»²⁸. Причем данные о столкновении Просовецкого с Валуевым в летописи расположены до известия о взятии Великих Лук. Как известно, Г. Валуев вместе с И. Салтыковым получили распоряжение короля Сигизмунда о движении на северо-запад в конце сентября 1610 г.²⁹ А распоряжение о захвате Великих Лук поступило Валуеву в середине октября³⁰. Поэтому вполне возможно предположить, что отряд Валуева на подходе к Великим Лукам был атакован казаками Просовецкого. И захватил Валуев город лишь после ухода атамана из этого региона. На наш взгляд, эта трактовка событий выглядит гораздо более правдоподобной.

В начале февраля 1611 г. А. Просовецкий с большим казачьим отрядом возвращается в Замосковье. По разным оценкам у него было от 500 до 6 тысяч казаков³¹. Костяк отряда Просовецкого составляли украинские казаки, пришедшие с ним из-под Пскова. Однако в количественном составе преобладали русские казаки, представители различных сословий, оказавшиеся в годы Смуты³².

7 февраля 1611 г. войска братьев Просовецких заняли Суздаль, который затем удерживали с небольшим перерывом вплоть до марта 1612 г.³³

В Суздале Просовецкий сразу развил бурную деятельность по консолидации антипольских сил в Замосковье. В это время уже полным ходом шла подготовка организации Первого ополчения против поляков. Наравне с П. Ляпуновым, И. Заруцким, Д. Трубецким, Н. Шульгиным Андрей Просовецкий выступил одним из организаторов этого процесса. После коротких переговоров ему удалось склонить к сотрудничеству владимирцев вместе с воеводой А. Измайловым. 11 февраля соединенные силы А. Измайлова и А. Просовецкого разбили посланный для захвата Владимира отряд боярина князя И.С. Куракина, который отступил к Юрьеву-Польскому. В этом же бою удалось захватить в плен стольника князя И.Б. Черкасского³⁴. После этой победы Просовецкий убеждает присоединиться к организации ополчения города Ярославль и Кострому, налаживает контакты с Галичем и Вологдой³⁵.

Именно отряд Просовецкого послужил авангардом ополченческих сил, практически первым достигнув в пятницу 22 марта 1611 года предместий Москвы³⁶. Двумя днями ранее с юга к Москве подошли два небольших отряда повстанцев во главе с Ф.К. Плещеевым³⁷.

Недавно, благодаря обнаруженному в стокгольмском Государственном архиве и опубликованному Т. Бохуном документу стали известны детали первого столкновения ополченцев с польскими отрядами. Как следует из документа, представляющего собой реляцию некоего пана Комаровского, А. Просовецкий подступил к Москве в пятницу в полдень со стороны Троице-Сергиева монастыря. Его войска состояли из несколь-

ких тысяч донских, запорожских и русских казаков, а также стрельцов. Комаровский особо отмечает имевшиеся у Просовецкого защитные гуляй-города и артиллерию. Из Москвы навстречу Просовецкому выступили со своими полками полковники Струсь, Зборовский и немецкая пехота Борковского. Как следует из реляции, бой был упорным. Со стороны поляков особенно пострадал полк Струся. Кроме того, погиб командир одной из хоругвей Добромирский. А капитан немецкой пехоты Маржарет был тяжело ранен.

И все же Просовецкий потерпел поражение. Его конница была рассеяна и бежала с поля боя. Стрельцы не успели полностью развернуть гуляй-города и выставить рогатки. Пехоту поляки частью порубили, а частью загнали в одну из церквей, где и сожгли. Поляками была захвачена вся артиллерия и разрушены гуляй-города. Остатки отрядов Просовецкого были спасены по причине отказа командиров польских рот на следующий день организовать преследование в глубоких снегах³⁸.

Н. Мархоцкий несколько иначе рисует детали этого боя. Он пишет, что схватка конницы не была слишком ожесточенной, а Просовецкий потерял лишь около двухсот человек. Когда поляки стали теснить ополченцев, они ушли под защиту гуляй-городов. У поляков не было сил атаковать, и на ночь они отошли в город. Просовецкий воспользовался этим и отступил на несколько миль, чтобы дожидаться Ляпунова³⁹.

Вскоре под Москву прибыли основные силы ополчения. Измайлов и Просовецкий, запертые после неудачного боя со Струсем в Андрониковом монастыре, смогли прорваться в Симонов монастырь, где соединились с отрядом старого знакомого – Ф.К. Плещеева. 1 апреля 1611 г. ополченцы начали общее наступление на Москву. А.З. Просовецкий и А.В. Измайлов штурмовали Сретенские ворота. К 6 апреля Белый город был очищен от поляков⁴⁰.

В апреле 1611 г. именно Андрея Просовецкого, наряду с Прокофием Ляпуновым, Иваном Заруцким и Иваном Волынским называет польский король Сигизмунд III в своей грамоте главными зачинщиками восстания⁴¹.

Несмотря на то, что сам Андрей Захарович с основными силами своего отряда находился под Москвой, район Суздаля и Шуи оставался под его контролем, выполняя роль тыловой базы. При этом руководители ополчения назначили в Суздаль воеводами окольного И.П. Головина и П.И. Секирина⁴². А Иван Захарович Просовецкий очевидно какое-то время был воеводой Шуи. Тем не менее, по свидетельству очевидцев, «весь Суздаль был за Андреем Просовецким»⁴³. В суздальских местах он даже жаловал поместьями. Известны пожалования Анфиногену и Василию Алалыкиным, вдове Дарье Ефимевой⁴⁴. Иногда Просовецкий наоборот изымал владения, как это произошло с поместьем Андрея Микулина⁴⁵.

Собирали братья Просовецкие и налоги. Причем известно, что А. Просовецкий распорядился не собирать с Шуи четвертных денег «покаместа Московское Государство очистится»⁴⁶. Осталось в прошлом и поругание святынь. Наоборот, летом 1611 г. А.З. Просовецкий внес пятьдесят рублей в качестве своего вклада в Троице-Сергиев монастырь⁴⁷.

В июне 1611 г. на помощь осажденным в Москве полякам прибыли войска Я.П. Сапеги, которым была поставлена задача лишить ополченцев их баз снабжения в Замосковье. К Сапеге присоединились прорвавшиеся из Москвы роты ротмистров Косяковского, Казановского и отряд князя Ромадановского. С этими силами Сапега захватил Ростов и направился к Александровой Слободе и Переславлю-Залесскому. Из-под Москвы против Сапеги выступили отряды князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского и А.З. Просовецкого. Они сошлись с сапегинцами под Александровой Слободой 16 июля, были разбиты и ретировались в Переяславль. Взяв укрепления Александровой слободы и истребив гарнизон, Сапега поспешил к Переславлю-Залесскому, который оставался последним препятствием на пути к Ярославлю и Волге. 18 июля на подступах к городу Просовецкий пытался остановить войско Сапеги и пришедший ему на помощь отряд ротмистра Казановского. После нескольких часов боя, атаману все же пришлось укрыться за стенами крепости⁴⁸. Две недели под Переславлем шли жестокие бои за овладение городом и Ярославской дорогой, но все

атаки сапежинцев были отбиты, а ротмистр Мартин Дембинский был смертельно ранен⁴⁹. Более того, Просовецкий совершал из города вылазки, но не очень удачные⁵⁰.

В это же время обострились отношения между земской и казацкой частями ополчения. Земцы были недовольны грабежами и бесчинствами казаков. Заруцкий и Просовецкий пытались бороться с мародерством подчиненных, однако уладить конфликт не удалось⁵¹. Жертвой казачьего бунта 22 июля 1611 года пал признанный лидер Первого ополчения Прокопий Петрович Ляпунов.

Через месяц, 22 августа во время попыток Я.П. Сапеги прорваться в Москву, А.З. Просовецкий был захвачен в плен⁵². Судя по всему, был пленен и его товарищ по обороне Переславля-Залесского князь П.В. Бахтеяров-Ростовский. 29 августа Просовецкий и Бахтеяров-Ростовский были обменены на четверых шляхтичей из отряда Сапеги и католического священника⁵³.

Современники отмечают, что после возвращения из плена влияние А. Просовецкого в Первом ополчении значительно возросло. Популярный казачий атаман стал вторым человеком в ополчении после И.М. Заруцкого. По свидетельству епископа Арсения Елассонского, ополченцы избрали «главнокомандующим Ивана Мартыновича Заруцкого, человека достойного и сведущего в военном деле, и Андрея Просовецкого, которые очень много воевали словом и делом даже до смерти»⁵⁴. Два казачьих атамана во главе ополчения – в глазах дворян это было чересчур. Представители служилого сословия стали массами покидать подмосковный лагерь⁵⁵. В «Сказании Авраамия Палицына» констатировалось: «Только остались под Москвою боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да Иван Заруцкий, да Андрей Просовецкий с казаки своими. И тем стали Литовские люди сильны»⁵⁶.

В начале декабря А. Просовецкий повел ополченцев на последний отчаянный штурм Китай-города. Взорвав ворота, казаки ворвались в крепость, но были скошены артиллерийским огнем. Неудача повергла Просовецкого в уныние⁵⁷. Через некоторое время он покинул подмосковные полки и со своим отрядом отправился во Владимир для защиты владимирско-

суздальских земель от расположившихся неподалеку отрядов Каменского. Еще в ноябре 1611 г. бывшие сапежинцы, в командование которыми вступил гетман Каменский, предприняли глубокий рейд в сторону Суздаля. Им удалось занять Гавриловскую слободу. А 19 декабря Каменский подступил к Суздалью. В распоряжении И. Просовецкого почти не было служилых людей. Он оборонялся в остроге силами посадских людей, монастырских служек и крестьян числом около 500 человек и сумел отбить многочисленные атаки на город⁵⁸. Потерпев неудачу под Суздалем, отряд Каменского захватил Ростов и встал в нем лагерем.

Не позднее 20-х чисел декабря 1611 г. Андрей Захарьевич находился уже во Владимире и совместно с братом Иваном и вторым суздальским воеводой П. Секириным организовал тревожащие вылазки в сторону Ростова⁵⁹. В конечном итоге Просовецкому удалось вытеснить сапежинцев из Ростова, вернуть власть ополчения над Шуей и вновь взять под контроль довольно обширную территорию вплоть до Ярославля и Костромы. С присущей ему энергией А. Просовецкий пытается спасти дело Первого ополчения и направляет призывы в Казань, Нижний Новгород, Курмыш, Арзамас с просьбами о помощи⁶⁰. Но дело Первого ополчения было уже практически проиграно. Ситуацию усугубил факт присяги воинов ополчения так называемому Псковскому вору 2 марта 1612 г. Принес присягу и А. Просовецкий⁶¹.

Ко времени начала выступления Второго ополчения, в середине февраля 1612 г., Андрей и Иван Просовецкие были в Суздале. Следуя указаниям Заруцкого, братья двинулись на Ярославль, чтобы занять город до подхода отрядов К. Минина и Д. Пожарского. Однако авангард Второго ополчения под командованием Д.П. Лопата-Пожарского успел в Ярославль раньше Просовецкого и захватил город, разоружив оборонявших его казаков. А. Просовецкий не решился начать братоубийственную войну и отступил назад к Суздалью⁶².

Однако и в Суздале Просовецких уже не ждали. Как следует из послужного списка суздальца Григория Олтуфьева, обнаруженного и опубликованного Д.В. Лисейцевым, суздальские

дворяне затворились в городе и сели от казаков в осаду⁶³. В середине марта Второе ополчение заняло Кострому. Сюда прибыли суздальские представители с просьбой освободить уезд от казацких отрядов. Д.М. Пожарский направил под Суздаль отряд нижегородских стрельцов под командованием князя Р.П. Пожарского. Имея в тылу Владимир, который вместе с воеводой А. Измайловым уже перешел на сторону Второго ополчения, Просовецкие не стали втягиваться в военные действия и ушли к Москве. Некоторые казаки из их отряда перешли на сторону Пожарского⁶⁴.

Далее в биографии братьев Просовецких есть некое «белое пятно». Их имена не фигурируют ни в известных нам документах Второго ополчения, ни в других источниках. Не известно также об их участии в движении И.М. Заруцкого. Известно, что после Смуты Андрей и Иван Просовецкие, потеряв все свои чины и поместья, оказались в опале. Поначалу они, по всей видимости, содержались в Москве. В октябре 1619 г. братья Просовецкие, вместе с женами, были сосланы в Великий Устюг. В ссылку их сопровождал пристав Никифор Талызин⁶⁵. Там они жили как минимум до конца 1621 г.⁶⁶ Затем последовал перевод братьев на Соловецкие острова, а жены А. Просовецкого – Ульяны в Ярославль. В мае 1623 г. И.И. Борняков доставил А. и И. Просовецких в Сольвычегодск, где к ним присоединилась и У. Просовецкая. Сольвычегодскому воеводе Ивану Чичерину было велено выделить для временного постоя ссыльных двор, к которому поставить охрану, «чтобы было во всем пригоже, а позору б никакого от посацких и от строжей Просовецким не было же»⁶⁷. После сбора, семья Просовецких была отправлена в Томск. Как опытный военачальник, А.З. Просовецкий в 1634–1635 гг. возглавляет экспедицию против киргизов. В документах того времени он фигурирует в статусе «приказного человека». Экспедиция закончилась неудачно. Просовецкий едва не погиб вместе со своим отрядом⁶⁸. Тем не менее, после этих событий его ждала долгожданная реабилитация и возвращение в дворянское сословие. В 1638 г. он получает чин дворянина московского. Ему назначается оклад в 700 четей земли и 40 рублей денежного жалования. В октябре 1638 г. во время отъезда

царя Михаила на богомолье ему была оказана милость «днествовать и ночевать» на государевом дворе⁶⁹. В марте 1636 г. А.З. Просовецкий назначается воеводой в Чаронду⁷⁰. В 1639 г. он находится на службе в Туле в полку боярина и воеводы князя Д.М. Черкасского. Согласно записей Разряда, он был головой сотни, состоявшей из представителей дворянских корпораций Твери, Торжка, Старицы и Можайска⁷¹.

Судя по сохранившимся документам, А.З. Просовецкий был женат вторым браком на вдове Дружины Коптева. Этот брак мог быть заключен не ранее 1629 г., так как до этого Д.И. Коптев был жив⁷². В 1638 г. он выдал свою падчерицу Федосью Дружинину дочь Коптева замуж за Ивана Алексеевича Философова. В приданое И.А. Философов получил вотчину Д. Коптева, полученную за «осадное сидение в королевичев приход» половину д. Ульянино в Коломенском уезде и помещный жребий с. Городковичи в Рязанском уезде⁷³. Вторую падчерицу Авдотью А.З. Просовецкий в феврале 1645 г. выдал за князя Ивана Борисовича Вяземского. В приданое была дана вторая половина коломенской вотчины⁷⁴.

Последние известные нам сведения об Андрее Захаровиче Просовецком относятся к середине 40-х годов XVII в. Его имя фигурирует в качестве отсутствующего на службе в Москве дворянина московского в Боярском «подлинном» списке 7152 г.⁷⁵ К этому времени он, скорее всего, был в весьма преклонных годах. Тем не менее, в сентябре 1646 г. он назначается воеводой Козмодемьянска⁷⁶.

¹ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. М., 2004. С. 136.

² Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 28.

³ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 243.

⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Российской академии наук. М., 1841. Т. 2. С. 194. (Далее: АИ).

- ⁵ Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012. С. 416.
- ⁶ *Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. С. 5.
- ⁷ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. док. М., 2003. С. 292.
- ⁸ АИ. Т. 2. С. 276–278.
- ⁹ *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 136. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) собрал и редактировал С.Б. Веселовский. М., 1915. С. 367.
- ¹⁰ *Сапегга Я.П.* Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М.; Варшава, 2012. С. 151. (Памятники истории Восточной Европы; т. 9). (Далее: Дневник Сапеги).
- ¹¹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 335.
- ¹² Дневник Сапеги. С. 161–162.
- ¹³ Новый летописец. С. 335; *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVIII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 451.
- ¹⁴ *Видекин Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 85.
- ¹⁵ Дневник Сапеги. С. 171.
- ¹⁶ *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁷ Новый летописец. С. 338.
- ¹⁸ Дневник Сапеги. С. 189.
- ¹⁹ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 111.
- ²⁰ АИ. Т. 2. С. 198, 225–226; Сборник князя Хилкова. Пб., 1879. С. 49.
- ²¹ *Видекин Ю.* Указ. соч. С. 116.
- ²² *Грацилевский В.Д.* Владимирский край в 1608–10 годах // Владимирские епархиальные ведомости. 1910. № 33. С. 632.
- ²³ Новый летописец. С. 348; *Леонтьев Я.В.* Первое северное ополчение 1609–1610 гг. и его предводители (князь М.В. Скопин-Шуйский и воевода Д.В. Жеребцов) // Мининские чтения: труды Науч. конф. Н. Новгород, 2007. С. 87.
- ²⁴ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. С. 275.
- ²⁵ *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 342, 485.
- ²⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 460. (Далее: СГГД).
- ²⁷ Новый летописец. С. 348.
- ²⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 275.

- ²⁹ Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 674. (Далее: РИБ).
- ³⁰ Там же. Стб. 685.
- ³¹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 29; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XII. С. 283.
- ³² *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 35–36; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 323. (Далее: ААЭ).
- ³³ СГГД. Ч. II. М. С. 502, 509–510.
- ³⁴ Там же. С. 510–514.
- ³⁵ ААЭ. Т. 2. С. 303–304, 309–312; *Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 142.
- ³⁶ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 155.
- ³⁷ *Бохун Т.* Пацификация и пожар Москвы 29 марта – 5 апреля 1611 г. // Мининские чтения: сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н. Новгород, 2012. С. 284.
- ³⁸ *Relatia* пана Коморовского о сожжении Москвы и о тамошних бояр отступничестве / перевод и публикация Т. Бохуна // Там же. С. 293–297; РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 231–232.
- ³⁹ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 91.
- ⁴⁰ *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 93.
- ⁴¹ СГГД. Ч. II. С. 240–241.
- ⁴² *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 7.
- ⁴³ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 1167.
- ⁴⁴ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 459.
- ⁴⁵ Там же. М., 2008. Т. 4. С. 417.
- ⁴⁶ *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 7–9.
- ⁴⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 137.
- ⁴⁸ *Дневник Сапегы.* С. 309; *Жолкевский С.* Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871. С. 117; РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 248–249.
- ⁴⁹ *Новый летописец.* С. 359; *Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608) / рукопись Жолкевского. Рязань, 2007. С. 414. (Источники истории); *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 107.
- ⁵⁰ РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 247–250.
- ⁵¹ Подр. см.: *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 350; *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / собрал и издал А. Попов.* М., 1869. С. 351.

- ⁵² Дневник Сапеги. С. 323; *Долинин Н.П.* К разбору версии правительства Михаила Романова о И.М. Заруцком // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 146.
- ⁵³ Дневник Сапеги. С. 325.
- ⁵⁴ *Елассонский Арсений.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 193.
- ⁵⁵ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 204; *Морозова Л.Е.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁶ *Авраамий Палицын.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах ... Изд. 2-е. М., 1822. С. 256.
- ⁵⁷ Грамоты и отписки 1611–1612 г. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии. 1861. Вып. 1. СПб., 1862. С. 17–18.
- ⁵⁸ Русская историческая библиотека. СПб., 1917. Т. XXXV: Архив М.П. Строева. Т. II. Стб. 1108; СПб., 1872. Т. 1. Стб. 281; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 384.
- ⁵⁹ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 145–146.
- ⁶⁰ Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. СПб., 1912. С. 145–150. (Действия Нижегородской губ. учен. архивной комиссии; т. XI).
- ⁶¹ *Морозова Л.Е.* Указ. соч. С. 102.
- ⁶² *Любомиров П.Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 90–91.
- ⁶³ *Лисейцев Д.В.* Новые источники о боевых действиях в Замосковье в 1609–1612 годах // Смутное время: итоги и уроки: сб. материалов 2-й Всерос. науч. конф. Иваново, 2012. С. 155.
- ⁶⁴ Новый летописец. С. 368; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 42–43.
- ⁶⁵ Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям, 1613 – 1626 гг. М., 2012. С. 209.
- ⁶⁶ Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 389, 391; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 163–164.
- ⁶⁷ Указные грамоты городovým воеводам ... С. 373.
- ⁶⁸ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 3 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1900. Кн. 3. С. 121.
- ⁶⁹ РИБ. СПб., 1888. Т. X. С. 118.
- ⁷⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 78; *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII веков. М., 1999. С. 151.
- ⁷¹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 605.
- ⁷² Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 224.

- ⁷³ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 684; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 18, 108. (Памятники истории Восточной Европы; т. VIII).
- ⁷⁴ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 793.
- ⁷⁵ *Жаринов Г.В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 436.
- ⁷⁶ РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 312.

Ростовская епархия при митрополите Ионе Сысоевиче

Не одно десятилетие в зарубежной и отечественной историографии обсуждается тема симфонии властей – доктрины императора Юстиниана Великого о гармонии священства и царства, о сущности нового, христианского государства и неразрывно связанной с этой темой концепцией «Третьего Рима». Применительно к истории России исследователи неизменно обращают свои взгляды к Москве, собственно городу, столице «Третьего Рима». Но, как справедливо отмечает Н.В. Сеницына, в концепции Филофея Псковского и его ближайших последователей Третий Рим – «понятие более широкое и относится одновременно и к царству. “Третий Рим” – не только Москва, и даже не Москва по преимуществу, но Русское царство со столицей в Москве, русская православная церковь с ее главным престолом – кремлевским Успенским собором»¹.

Поэтому если взглянуть на историю бытования концепции *translatio imperii* в России несколько шире хронологически и географически, то откроется еще один любопытный аспект развития этой темы.

Я имею в виду Ростов Великий как город и столицу Ростово-Ярославской митрополии в годы, когда кафедру возглавлял митрополит Иона Сысоевич. Ростов – один из древнейших городов России, первое упоминание о нем в летописях относится к 862 г., когда он вместе с поселениями угро-финских племен меря и славян входил в состав государства Рюрика со столицей в Ладоге.

По существу, Ростов Великий был первой столицей Центральной России и предшественником Москвы в этом качестве. Со второй половины XI в. Ростов становится центральным го-

родом северо-восточных владений русских князей, территории, ставшей основой современной России, вокруг которой собирались другие земли. Лишь в 1125 г. князь Юрий Долгорукий перенес столицу Ростово-Суздальского княжества в Суздаль, потом, в 1157 г. столичные функции перешли к Владимиру (княжество стало называться Владимиро-Суздальским) и, наконец, в XIV в. столицей сначала Великого княжества Московского, а потом и всей России стала Москва.

Но кроме этого, Ростов был и одним из древнейших духовных центров России – в 991 г. в Ростове был поставлен первый епископ и учреждена епархия в составе Киевской митрополии Константинопольской Православной церкви, были построены многие храмы и монастыри (в XI в. – Авраамиев, один из древнейших в России), в конце XIV в. (1390 г.) ростовские архиереи получили сан архиепископов, а в 1589 г. – митрополитов.

У Ростовской митрополии было особое положение среди митрополий в России – Ростовский и Ярославский митрополит в конце XVII в. занимал третье место в иерархии высших церковных властей после митрополитов Новгородского и Казанского, а предшественник Ионы, Ростовский митрополит Варлаам поставил свою подпись под Соборным Уложением 1649 г. вторым, за патриархом Иосифом. Такое положение митрополии объяснялось не только ее древностью, но и колоссальным размером. Территория, подвластная Ростовскому митрополиту, далеко превосходила собственно Ростовскую землю. Еще в 1054 г. управлению Ростовских иерархов были подчинены земли, которые позже, в XIX–XX вв. составляли губернии Московскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Тверскую, Нижегородскую, Тульскую и Калужскую, а также многие местности северных губерний – Белозерскую область, Вологду, Великий Устюг, Пермь и др. Во второй половине XVII в. территория Ростовско-Ярославской епархии равнялась примерно 470 000 кв. км, то есть немного уступала территории современной Франции (547 030 кв. км) и значительно превосходила территорию современной Германии (357 021 кв. км).

Известно, что концепция «Третьего Рима» и неразрывно связанная с ней идея симфонии властей весьма остро обсужда-

лись в середине XVII в., накануне и в период проведения реформ патриарха Никона, и этот теоретический спор вылился, наконец, в реальное противостояние царя Алексея Михайловича и патриарха.

В 1658 г. обострение взаимоотношений патриарха и царя достигло высшей точки, и Никон, попытавшись переломить ситуацию в свою сторону, сделал неосторожный шаг: объявил об оставлении патриаршего престола и удалился в построенный им подмосковный монастырь с «говорящим» названием Новый Иерусалим (Воскресенский). Вопреки ожиданиям Никона царь не испугался и не пришел к нему с покаянием и просьбой вернуться. Так Никон оказался в пока еще добровольной ссылке.

Судьба митрополита Ионы была тесно связана с судьбой Никона. Их родило происхождение – оба были из социальных провинциальных низов, Никон – сын нижегородского крестьянина, Иона – сын сельского попа или также крестьянина (которые, впрочем, мало отличались друг от друга по уровню жизни) из-под Ростова или Углича. Они были сверстниками – Никон родился в 1605 г., Иона, предположительно, в 1607 г. Именно Никон, едва взойдя на патриарший престол (через три недели), рукоположил в сан митрополита Ростовского и Ярославского Иону, бывшего тогда игуменом Авраамиева Богоявленского монастыря в Ростове, что предполагает их близкое знакомство и единство взглядов на проблемы в тогдашнем русском обществе и церкви. Это подтверждается и активным участием митрополита Ионы в церковной реформе, проводимой Никоном: в частности, Иона принимал решения по исправлению церковных книг на московских Соборах в 1654 и 1656 гг.

После ухода патриарха Никона в Воскресенский монастырь (10 июля 1658 г.) по традиции местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Крутицкий Питирим, однако без титула местоблюстителя. Очевидно, его позиция в отношении происходящих событий расходилась с позицией царя, и 5 августа 1664 г. он был отрешен от руководства церковным управлением. 2 сентября того же года местоблюстителем патриаршего

престола был поставлен митрополит Ростовский и Ярославский Иона.

Определение митрополита Ионы местоблюстителем патриаршего престола само по себе означало огромное доверие и расположение к нему царя, и, кроме того, возможно, открывало путь к патриаршеству. Однако одна ночь определила дальнейшую судьбу Ионы.

В ночь с 17 на 18 декабря 1664 г. в Успенском соборе Кремля шла заутреня, на которой, разумеется, присутствовал митрополит Иона. Неожиданно в собор вошел патриарх Никон (с которого сан еще не был официально сложен) и предложил Ионе принять у него благословение, чем подтвердилась бы легитимность опального патриарха. Иона подошел под благословение Никона, его примеру последовали другие священнослужители и народ, присутствовавший на службе.

Алексей Михайлович, немедленно узнавший о скандале в Успенском соборе, был чрезвычайно разгневан на митрополита Иону. Призванный к царю митрополит объяснил свой поступок тем, что «он то учинил забвением, устрасая его, Никона, внезапным пришествием», другими словами, растерялся из-за испуга, вызванного неожиданным появлением Никона. В представлении о митрополите Ионе, энергичном, властном и умном деятеле, кроме того, весьма близком к опальному патриарху, никак не укладывается образ растерянного и напуганного человека. Неудивительно поэтому, что некоторые исследователи предполагают заговор между Никоном и Ионой, устроившими спектакль, целью которого было возвращение Никона на патриарший престол. Надо сказать, что на соборе 1666 г., отрешившим Никона от патриаршества, митрополит Иона не выступил ни с обвинением, ни с оправданием своего бывшего покровителя.

Неизвестно, насколько поверил царь в оправдания Ионы, однако наказание за потворство смуте, которую чуть было не учинил Никон, было вовсе не столь суровым, как можно было ожидать. Правда, собранный по этому случаю Архиерейский собор отрешил Иону от сана местоблюстителя патриаршего престола, но он не был лишен сана митрополита и не был от-

правлен в ссылку. Иону просто вернули в Ростов, по-прежнему руководить Ростовско-Ярославской митрополией².

Не сохранилось письменных свидетельств реакции Ионы на эти события. Но именно с конца 1660-х годов начинается беспрецедентное по интенсивности и масштабу строительство церковных сооружений в Ростовско-Ярославской митрополии. Разумеется, храмы в Ростовской епархии строились не только по непосредственному заказу и на средства митрополита – множество церквей возводилось на деньги прихожан – всего прихода или одного жертвователя (так, за время управления митрополией Ионы Сысоевича в Ярославле было возведено около 50 каменных (кирпичных) церквей). Но именно его иждивением были построены церкви Введенская (1650 г.) и Никольская (1655 г.) в Авраамиевом монастыре Ростова, Благовещенский собор (1657 г.) и церковь Михаила Архангела (1658 г.) в Белогостицком монастыре под Ростовом, церковь во имя Филиппа митрополита Московского (1653 г.) в Ярославле³.

С конца же 1660-х – начала 1670-х годов и до 1690 г., года смерти владыки, по указанию Ионы Сысоевича в Ростовской епархии возводятся стены и храмы Борисоглебского монастыря под Ростовом, собор Петровского монастыря, Троицкий собор и храм во имя Зачатия праведной Анны в Спасо-Яковлевском Димитриевском монастыре в Ростове, комплекс Воскресенского монастыря в Угличе, Митрополичий двор с церковью Леонтия в Ярославле, храм во имя Иоанна Богослова на Ишне. Но самым необычным и ярким творением Ионы Сысоевича, безусловно, стал комплекс Митрополичьего двора в Ростове, являвший собой не приближенный к монастырскому комплекс, что было бы прилично сану строителя, а скорее замок (недаром Ростовский митрополичий двор называют Ростовским кремлем).

Для такого созидательного размаха были нужны огромные средства. И они у Ростовского митрополита были. По переписи 1678 г. митрополия владела 16 118 крепостными (мужского пола, а, значит, реально в два раза больше), землями, лесами, озерами, рыбными ловлями, соляными варницами, сенными покосами, мельницами, пасаками, прочими угодьями во всех уездах,

на которые простиралась церковная власть Ростовского митрополита. Для управления таким огромным хозяйством митрополит располагал специальной структурой (фактически, слепком с государственной) – приказами, в штате которых в 1678 г. было 269 человек – дьяки, подьячие, казначеи, десятильники, доводчики, приставы, недельщики, приказчики⁴. Кроме этого, в митрополичью казну поступали огромные доходы с церковей и монастырей в виде дани (в том числе оброк, казначейские, белозерщина, протори, десятиничное почестье и проч.), за выдачу различных документов (ставленных и перехожих грамот, доправных и наказных памятей, актов свидетельствования завещаний) и сборов с совершения различных служб (венечные, погребальные, кутейное, хлебная руга и т.п.) и с пошлин с вершения церковного суда, а также сборы у икон, вклады на помин души и др. Например, в 1682 г. годовой доход Ростовской митрополии от одной Устюжской десятины (административной единицы митрополии), не самой крупной, составил 280 р., что было в то время огромной суммой⁵.

Но и это еще не все. Обладая значительным и экономическим, и политическим, и духовным весом в Ростовской митрополии, митрополит Иона был по существу истинным хозяином всей этой огромной земли. Направляемая из Москвы местная гражданская администрация – городские воеводы и приказные люди – сменялись по действовавшему тогда законодательству через два-три года и не могли составить конкуренции правившему епархией в течение 40 лет митрополиту. Другая ветвь местной власти – земские и губные избы с их штатами, а также и большая часть подьячих из воеводских (приказных) изб были выборными местными людьми, которые еще яснее осознавали свою зависимость от владыки. Поэтому очевидно, что Митрополичий дом был не только духовным, но и управленческим центром всех входящих в епархию уездов.

Ростовская митрополия по территории и богатству была сопоставима с двумя первыми в иерархии митрополиями – Новгородской и Казанско-Астраханской. Во главе последних также стояли неординарные и энергичные люди, умелые управленцы. Но только в Ростовской митрополии и только Иона

Сысоевич бросил несметные богатства на столь грандиозное церковное зодчество.

Можно представить, что обиженный и удаленный царем от управления церковными делами митрополит замкнулся в своей епархии (хотя и в весьма обширной) и сосредоточился только на ее делах. Однако это не так. Известно, что митрополит Иона принимал участие во всех церковных Соборах и съездах иерархов в Москве начиная с собора 1666 г., осудившем Никона, и до 1690 г., когда митрополит скончался. Значит, причина столь масштабной созидательной деятельности Ионы Сысоевича крылась в чем-то ином, и не только в энергии митрополита, которую он смог устремить в единственное русло. Кстати, Иона Сысоевич получил в управление Ростовско-Ярославскую епархию, когда ему было около 45 лет – возраст, предполагающий энергичность. Однако главное строительство в епархии митрополит начал в возрасте немногим более шестидесяти – тоже не старость, однако и большого задора ожидать трудно.

Можно предположить, что происшедший на глазах митрополита и с его участием конфликт царя и патриарха произвел некоторую перемену в его мировоззрении. До того явный сторонник Никона в претензии на главенство священства над царством, Иона убедился в том, что противопоставление этих основ ведет к разрушению симфонии властей, а вслед за этим – к разрушению и священства, и царства. Отрешение от сана, а затем ссылка патриарха вкупе с церковным расколом вызвала сильнейшее смятение как в столице, так и в провинции, страна стояла на грани гражданской войны (возможно, именно поэтому оба местоблюстителя патриаршего престола – митрополиты Питирим и Иона – не были подвергнуты более жесткому порицанию и наказанию). Часто и подолгу бывавший в столице и, вместе с тем, наблюдавший жизнь в своей митрополии, Иона не мог не видеть этой опасности, результата противостояния и противоборства «величайших даров Божиих, данных людям высшим человеколюбием» – священства и царства⁶. Поэтому на своей территории, вдали от Москвы, где гармония властей оказалась безнадежно нарушенной, он попытался, насколько возможно, провести в жизнь идеал – созвучие, симфонию ду-

ховного и материального, церкви и государства, беспорочного и верного служения Богу и справедливого правления. Внешне митрополит Ростовский, в отличие от бывшего патриарха Никола, никак не претендовал на ведущую роль в государстве. Но в действительности он обладал силой и влиянием не меньшими, а, может быть, и большими – в течение почти 40 лет митрополит Ростовский и Ярославский по своему усмотрению устраивал жизнь примерно в одной 20-й части тогдашней России. Осталось немного документов, рисующих деятельность Ионы Сысоевича по непосредственному управлению епархией. Но сохранилось огромное число архитектурных памятников ионинского строения, искусствоведы даже говорят: «ионинского стиля».

И здесь хочется указать на одну сторону исторического исследования, на которую, как мне кажется, мало обращают внимание профессиональные историки. Памятники архитектуры почти не рассматриваются ими как исторический источник, способный дать информацию об эпохе, историческом деятеле или событии не меньшую, чем памятники письменные. В исторических исследованиях памятники архитектуры чаще всего воспринимаются как фон или сопровождение для собственно исторической картины. С другой стороны, в работах искусствоведов сооружения прошлого не получают исторического осмысления, каким бы подробным и глубоким не было само источниковедческое исследование. Поэтому к созданному Ионой Сысоевичем архитектурному наследию стоит попробовать обратиться именно как к историческому источнику.

Построенное Ионой Сысоевичем очевидно демонстрирует, что в его понимании целью симфонии, сформулированной императором Юстинианом – «украшать человеческую жизнь» для «пользы человеческого рода», – было, в числе прочего, буквальное украшение земли – храмами, монастырями, палатами.

Мощнейшая энергетика, сила духа отчетливо ощущается во всех творениях Ионы, и, разумеется, больше всего в Ростовском кремле. Многими посетителями Митрополичьего двора и исследователями его архитектуры отмечается его необычность, таящаяся в нем загадка. В его зданиях, в их богатстве, размахе,

красоте отделки многие видят вызов царской власти, они прежде всего наводят на мысль о желании заказчика продемонстрировать силу церкви, свою собственную гордость и независимость от Москвы. Все вроде бы так.

Но, тем не менее, ответ не удовлетворяет, он не объясняет многие вопросы относительно строений кремля и ту особую высокую духовную энергетику, о которой говорилось выше и которая явственно ощущается всеми, кто бывал в Митрополичьем дворе.

Иона Сысоевич развернул строительство на уже обжитом месте – здесь были старый митрополичий двор и приписной к нему Григорьевский монастырь. От этих комплексов осталось несколько построек. Прежде всего это Князьи терема – жилое здание XVI в. из четырех палат, сохранившееся от старого Архиерейского дома. Данных о том, что в теремах жили князья, нет, название было дано строению в XIX в. – но ведь не случайно! Поздние потомки совершенно верно чувствовали общую атмосферу митрополичьего двора – это столичный город большой земли и здесь не могли не бывать государи.

Ростовский Митрополичий двор сразу задумывался как единый комплекс, строения которого связаны и пространственно, и стилистически. Строительство нескольких зданий комплекса было предпринято практически одновременно, с начала 1670-х годов, а до того, с 1664 г., создавались планы двора, по всей епархии заготавливался строительный материал – кирпич и белый камень, нанимались работники – кирпичники, резчики по камню, мастера по изразцам и др.

Ни управление огромной епархии, ни задуманное строительство «столичного» митрополичьего двора не могло обходиться без управленческого центра, и для него прежде всего и было построено помещение. Одним из первых, еще в 50–60-е годы возведенных митрополитом зданий стал Судный приказ. Это был аналог одного из центральных органов управления (московских Судных приказов), только на местном уровне, но, помимо собственно судебной деятельности по духовным делам, Судный приказ Ионы Сысоевича стал и центром общего, так сказать, гражданского, управления епархией. В

двухэтажном здании приказа абсолютно отсутствует провинциальная претензия на столичный вид и статус – правда, так же выглядели и здания приказов XVII в. в московском Кремле, солидные, без излишних украшательств (кроме престижного для государства Посольского приказа). Здание Судного приказа было выстроено рядом с главным, парадным входом в Архиерейский дом (со стороны главной городской соборной площади и Святых ворот), чтобы посетители, не вторгаясь во внутренние территории, сразу попадали в учреждение.

Первым храмом нового комплекса стала церковь Воскресения Христова над северными воротами. Собственно, это даже не церковь, а целое собрание зданий из пятиглавого храма, поднятого на огромную высоту, галереи под ним, еще ниже – просторных ворот в два пролета, двух мощных круглых башен, сжимающих с двух сторон это сооружение, и звонницы на стене справа. Ворота были задуманы как трехпролетные, но строители почему-то отказались от правого проезда, заложили уже готовый проем, снабдив его окном с великолепным резным наличником. Над центральным проездом помещен огромный живописный киот. Угловатые, строгие линии и пустые стальные плоскости храма противостоят изобилию кирпичной резьбы, изразцов и живописи галереи и ворот, зато отражают, словно в зеркале, стоящий напротив главный собор города, Успенский, построенный в XVI в. Воскресенские ворота напоминают о могуществе и величии владетеля, сидящего за крепостными стенами.

Не меньшее впечатление производят и интерьеры Воскресенского храма, начиная с узкого, с неожиданным изломом в конце, «катакомбного» тоннеля в воротах. К интерьерам же собственно храма можно подобрать лишь одно слово – они завораживают. Все внутренние поверхности помещений, каждый их сантиметр заполнены изумительной, богатейшей росписью. Искусствоведы давно и подробно изучают ее колористику и технику, но у любого профана, только взглянувшего на нее, захватывает дух – так подвижны, выразительны, невероятно живы изображенные на фресках люди. В храме можно оставаться часами, разглядывая отдельные фрагменты росписи, сюжеты, а,

вернее, – заглядывая как через окошки в прошлое, «входя» в него. И это прошлое – именно XVII в.: библейские сюжеты проиллюстрированы картинами современной художникам жизни. Такое же путешествие во времени ждет посетителя и в крытой галерее, или гульбище, Воскресенской церкви. Это просторное, но в то же время уютное помещение – может быть потому, что изобилие синих и зеленых красок в храме сменяется здесь теплыми коричневато-красными, охристыми тонами.

В самой середине комплекса, у пруда строитель поместил двухэтажные хоромы. В них помещалось еще одно управленческое учреждение епархии – Казенный приказ, ведавший финансовыми делами. То, что митрополит Иона создал в своей епархии такие учреждения, лишний раз напоминает о политических амбициях этого государственного деятеля. Жилые покои митрополита включали Крестовую палату, сени и около десятка жилых келий, а также очень небольшую домовую церковь Всех Святых. Судить о том, как выглядели митрополичьи хоромы при Ионе Сысоевиче сегодня можно только по первому этажу. В XVIII в. при митрополите Самуиле был надстроен третий этаж (почему здание и носит теперь название Самуилов корпус), позже зданию придали классический облик, и только благодаря реставраторам ему частично вернули первоначальный вид.

«Сердцем», средоточием нового архиерейского двора, как духовного центра епархии, должен был, естественно, стать его главный храм, церковь Спаса Нерукотворенного образа, или Спас на сенях. И в этом случае Иона Сысоевич постарался вписать новую постройку в сложившуюся структуру старого митрополичьего двора. Кирпичный Спас на сенях был построен на месте сгоревшей в 1671 г. деревянной спасской церкви, также построенной митрополитом Ионой, в свою очередь, на каменных фундаментах разобранных за ветхостью палат XVI в. Кроме того, связь с уже существующей застройкой выразилась, как и в случае с Воскресенским храмом, в стилистическом единстве внешнего оформления спасского храма с тем же архаично-суровым Успенским собором – те же аркатурные пояса, простые, не узорчатые наличники окон, общий строгий вид.

Вместе с тем, Спас на сених из-за меньшего, более стройного объема, единственной главы на удлиненном, сложной формы барабане выглядит гораздо более легким, изящным.

Спасский храм, расположенный почти вплотную к жилым митрополичьим палатам и связанный с ними обширной площадкой-гульбищем (разобранной в XVIII в. и восстановленной в XIX), стал домовою церковью Ионы Сысоевича, и потому в ней отразились и личные вкусы митрополита, и понимание им своей роли владыки Ростовско-Ярославской епархии. Как и многие церковные и светские деятели той эпохи, Иона Сысоевич был увлечен церковным пением, поэтому огромное пространство в Спасском храме было отведено под хоры для певцов. Подклеты большей части храмов XVII в. использовались как хозяйственные помещения, и Спас на сених не стал исключением. Здесь хранилась казна митрополита, церковные ценности митрополичьего дома, поэтому подклет спасского храма сделан особенно прочным и вместительным, в два этажа. В нижних этажах нашлось место и для хлебни и других хозяйственных служб. Парадность всего сооружения подчеркивает просторный, двухмаршевый, поистине царский вход на гульбище к Белой палате и Спасу на сених.

Визиты высоких гостей, для которых устраивались пиры, или, по терминологии XVII в., «столы» в Белой палате, предполагали достойное помещение для их пребывания в Архиерейском доме. И такое пристанище было создано в 1670–1680-е годы с поистине царским размахом⁷. Недаром здание Красной палаты называлось также Государевыми хорами, или Хорами для пришествия великих государей. Два здания связаны в единый объем переходами и «скреплены» дополнительно великолепным крыльцом с двухмаршевой лестницей и промежуточной площадкой-рундуком. Нижняя и верхняя площадки крыльца покрыты шатрами на мощных столбах, между шатрами упруго изогнулись «ползучие» арки. Оба здания Красной палаты двухэтажные (одно чуть повыше другого), но этажи очень высокие, поэтому вместе со сложной конфигурацией и высокой крышей сооружение представляется огромным, необъятным дворцом, занимающим чуть ли не половину Архие-

рейского двора. Парадность подчеркивают высокие окна второго этажа, обрамленные изящной резьбой наличников. Это действительно дворец, достойный московского Кремля. И, вместе с тем, расположенный напротив Спаса на сенях и Белой палаты, через узкий проулок, этот дворец не только не превосходит спасский комплекс, но и несколько уступает ему. Представляется, что это отнюдь не случайный эффект, а предусмотренный Ионой Сысоевичем, убежденным, как и его единомышленник патриарх Никон, в, по крайней мере, равенстве духовной и светской власти.

Можно только дивиться энергии митрополита Ионы и мощи его казны, позволявших вместе с внутренней застройкой Архиерейского двора на протяжении 70–80-х годов, начиная от церкви Воскресения, возводить крепостные стены и башни. Как и полагалось по канонам крепостного строительства того времени, все угловые башни крепости – круглые для лучшего обзора и обстреливания осаждающих, а те, что в линии стены – четырехугольные. Из всех башен только две имеют ворота. Это Водяная, в восточной стене, между Иераршими палатами и Домом на погребках, через которую в крепость возили воду из озера Неро, и Садовая, или Дровяная, выходявшая также в сторону озера, в Митрополичий сад. Все остальные башни – или глухие, или с незаметными потайными дверцами.

Пора строительства кремлей к последней трети XVII в. в России в ее центральных, «замосковных», городах, давно миновала. На размышления наводят более широкие, чем необходимо для крепости, окна башен и их нарядные, «палатные» наличники. Почти все исследователи ростовского кремля видят в этом указание на то, что крепость с самого начала не имела оборонительного, боевого значения и создавалась исключительно в целях демонстрации величия ростовского митрополита.

Одновременно со стенами и башнями, в те же 70–80-е годы (что должно удивлять, но, видимо, уже не удивляет) строились и корпуса, вытянутые по периметру Г-образного хозяйственного двора, так называемой Иераршей палаты. Как и другие здания митрополичьего дома, они возводились на фундаментах старых зданий XVI в. Здесь расположились службы, обеспечи-

вавшие жизнедеятельность митрополичьего двора. В корпусах, расположенных по восточной стене и части южной, между Водяной и Садовой башнями, были устроены пивоварня, сушилка, разнообразные и многочисленные кладовые палаты. По другую сторону от Садовой башни – поварня и приспешня, то есть пирожная, расположенные в перестроенных зданиях XVI в., «Княжьих теремах». Пожалуй, это самая уютная часть Архиерейского двора. Она выглядит как квартал средневекового города – мощеная улочка, дворики, образованные арками с переходами, в которых есть что-то итальянское. Здесь больше, чем в любом другом месте Архиерейского дома, ощущается, слышится обычный, каждодневный ритм жизни русского города XVII в., его простых обитателей.

Одной из последних, в 1683 г., была завершена надвратная церковь Иоанна Богослова на западной стене крепости. На первый взгляд, эти ворота – реплика Воскресенских. И в то же время явственно ощущаешь, что там, в Воскресенских воротах – крепостная мощь, величие, торжественность, здесь же, в Иоаннинских – праздничность, легкость, радушие гостеприимного входа. И достигнуто это блестящим мастерством зодчих, их художественным чутьем: пропорции Иоаннинской церкви изменены – утончены, вытянуты вверх, она как будто сдавлена с четырех сторон и за счет этого приподнялась. На плоскости закомар появилось место для изящного аркатурно-колончатого пояска. Так же вытянуты барабаны глав, почти незаметно для глаза заужены верхушки маковок. Крытое гульбище под храмом Иоанна Богослова тоже кажется более легким и нарядным за счет убранства оконных проемов с «висячим камнем». Фасад не утяжеляет и огромный киот, как на Воскресенских воротах; в Иоаннинских он уменьшен и перенесен на центральную плоскость закомар. В результате – два совершенно разных строения, ощущения от двух входов в Митрополичий дом. И очень хотелось бы знать, сказалось ли здесь накопленное за годы строительства мастерство зодчих, или изменившееся мироощущение заказчика.

Все те слова, что были сказаны о впечатлениях от интерьера Воскресенского храма, могут быть применены и к церкви

Иоанна Богослова, и даже, может быть, в еще большей степени. Изобилие, красочность, мастерство настенной живописи этой церкви оказывают столь же сильное воздействие, что в Воскресенском храме. И так же долго можно разглядывать здесь бесчисленные сюжеты отдельных «картин». Так же своеобразно, не похоже ни на какое другое и архитектурное оформление алтарной части Ивановской церкви – в нем есть что-то «дворцовое», парадно-торжественное. И так же хороши, просторны и в то же время уютны гульбища и переходы этого храма с невероятной красоты многоцветными резными порталами.

За пределами крепостных стен в те же 1680-е годы было возведено еще одно строение – церковь Григория Богослова в Митрополичьем саду. Храм не только визуально, но и «материально» связан с двором – коротким крытым переходом с проездными воротами. И здесь ионинские зодчие выдержали общий стиль Архиерейского дома – общим рисунком, настроением, композицией церковь похожа на другие храмы комплекса. Но она как будто специально создавалась для сада – она проще, скромнее других и легко вписывается в окружающий ее естественный, природный пейзаж, не противостоя ему, а «вырастая» из него.

Одним из завершающих строительство Архиерейского дома аккордов, в переносном и прямом смысле этого слова, стало возведение около 1682 г. звонницы. Она была поставлена вне стен двора, на соборной площади, между Успенским собором и северо-восточным углом крепостной стены. Звонница, таким образом, как бы принадлежала и собору, и Митрополичьему дому, служила и городу, и митрополиту, связывая их и видом, и звучанием. Сначала это было стройное, симметричное трехчастное сооружение в четыре яруса. Для этой части звонницы были отлиты, в числе прочих, два огромных колокола – Полиелейный в 1000 пудов и Лебедь в 500 пудов. Всем известна фраза Ионы Сысоевича из частного письма другу, князю М.М. Темкину-Ростовскому: «На своем дворишке люю колоколишки, дивятся людишки». Многие исследователи интерпретировали ее по-разному, вплоть до некоего шутовства, ёрничанья. Всё же представляется, что в этой народной, простоватой

по форме фразе еще раз выражена главная цель деятельности Ионы Сысоевича – не для себя, не для своего прославления или удовольствия создавал он и строения, и колокола, а для радостного удивления «людишек», для того, чтобы показать им, как хороша и красива может быть жизнь в гармонии – церкви и власти, власти и людей.

Нам никогда не узнать, что заставило митрополита Иону через шесть лет после этого, в 1687 г. повелеть отлить новый колокол, в два раза тяжелее самого тяжелого Полиелейного (2000 пудов, или 32,76 т). Это было за два года до смерти митрополита Ионы, и было ему в это время около 80 лет. Почему-то к концу жизни митрополит захотел увековечить память о своем отце – новый колокол был назван Сысоем. Для него одного пришлось специально пристраивать к звоннице дополнительную башню – задача почти невыполнимая, ведь необходимо было присоединить дополнительный огромный объем к существующему, стилистически абсолютно завершенному и создать новое единое строение. Эта архитектурная задача была решена строителями мастерски, с безупречным художественным вкусом. Фасад новой башни был «влит» в фасад старой звонницы, так что теперь трудно предположить, что они строились в разное время. Новый крупный объем нарушил прежнюю четкую симметрию, но создал и новое равновесие частей – более неустойчивое, а потому более живое, динамичное.

Но самое интересное заключалось в том, что аккорд существовавших до этого колоколов был минорным, и перед колоколотейщиком была поставлена сложнейшая задача – перевести существующий большой лад в мажорную тональность, с чем мастер (Флор Тереньгев) блестяще и справился. Тон колокола менее чем на треть процента отклоняется от частоты, которую требования натурального строя диктуют для достижения домажорного трезвучия⁸. Звон ростовских колоколов разносится на 18–20 км. Колокол, названный в честь отца и звучавший в радостной, мажорной тональности, словно подводил итог всей жизни и деятельности митрополита Ионы.

У любого смотрящего на Ростовский кремль извне создается впечатление, что он видит средневековый город за крепост-

ными стенами, именно город – не монастырь, не двор какого-либо духовного, или даже светского, лица. И такое восприятие не случайно. Патриарх Никон создал под Москвой Новый Иерусалим, восполнявший утраченный под властью «неверных» старый. Но Никон был низвергнут и сослан, его детище осиротело, и тогда бывший сподвижник и единомышленник патриарха митрополит Иона поднял «упавшее знамя» и создал еще один Иерусалим, символ небесного града, а, возможно, и новый «Третий Рим» – в противовес распавшемуся, с его точки зрения, московскому. Образ святого града поддерживается не только мощной и в то же время одухотворенной архитектурой в целом, но и ее деталями. Не случайно в любое здание на территории двора можно попасть, не спускаясь на землю – по переходам и галереям. Человек как будто «ходит по воздуху», не касаясь земного.

На многочисленных изразцах, украшающих архитектурные детали, излюбленные изображения – это цветы и птицы, что отнюдь не случайно. Ведь птицы – символ рая (в народной культуре существовало поверье, будто птицы на зиму улетают в рай – ирий, а весной возвращаются обртно). Цветы же – по тем же поверьям – это просто частицы рая на земле.

Образу святого града соответствовала не только архитектура двора, но и его, если так можно сказать, флористическое наполнение. Вокруг пруда в центральной части двора был разбит роскошный сад с яблонями (тоже райским деревом), кустарниками и цветами. В то время разведением декоративных садов были увлечены очень многие – от царя Алексея Михайловича и его детей до провинциального дворянина⁹. Люди обменивались и делились друг с другом саженцами и семенами редких растений, привозили их из посольских поездок за границу, а Алексей Михайлович даже специально заказывал в Европе интересующие его растения. Хорошие садовники очень ценились, но владыка такого ранга, как ростовский митрополит, мог позволить себе нанять лучших. Есть сведения, что в Митрополичьем дворе были устроены и «висячие» сады (то есть разведенные на галереях или террасах). Однако дивный сад Митрополичьего двора не просто радовал глаз – он символизировал райский сад, рас-

кинувшийся вокруг глади пруда в окружении прекрасных зданий. «Небесное» звучание комплекса подчеркивала и его цветовая гамма – здания Митрополичьего двора были выкрашены в молочно-розовый цвет¹⁰, так сочетавшийся с цветочным нарядом весеннего яблоневого сада. (Кстати, Никоновские Патриаршие палаты в Кремле изначально были покрашены точно так же¹¹.)

Многие исследователи указывали на связь Ионы Сысоевича с патриархом Никоном, их единомыслие в отношении к симфонии властей. Гораздо меньшее число писавших о ростовском кремле и его строителе отмечали, что необычность ростовского кремля не в желании возвысить церковь над государством, а в сочетании несочетаемого – в явном проявлении силы церкви, но без вызова (который есть и в Новом Иерусалиме, и в Патриарших палатах в Кремле), в его мажорном, светлом, жизнеутверждающем тоне, в благородной простоте (в отличие от уже царившего в столице барокко), приближающей стиль построек Митрополичьего двора к национальной народной архитектуре.

Ростовский архиерейский дом стал воплощением могущества духа, опирающегося на земное.

¹ *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV–XVI вв. М., 1998. С. 324–325.

² *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и ростовский митрополит Иона: (предварительные заметки и наблюдения над источниками) // История и культура Ростовской земли, 1995. Ярославль, 1996. С. 118–124.

³ *Рутман Т.А.* Храмовоздательная деятельность митрополита Ионы в Ярославле // История и культура Ростовской земли, 2003 / Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов, 2004. Прил.: С. 428–434 (Грамоты ростовского митрополита Ионы Сысоевича в Ярославль); С. 435–437 (Храмы, построенные в Ярославле во время управления митрополией Ионы Сысоевича).

⁴ *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. I. С. 132–141.

⁵ *Черкасова М.С.* Устюжская десятина Ростовской митрополии в XV–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея / Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов, 2008. Вып. 17. С. 24.

- ⁶ *Максимович К.А.* Влияние канонического права единой церкви на церковное законодательство императора Юстиниана: (на материале новеллы СХХIII) // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2008. С. 118–122.
- ⁷ *Баниге В.С.* Красная палата в Ростовском кремле // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1960. Сб. 2. С. 96–109.
- ⁸ *Тюнина М.Н.* Ростовские колокола и звоны // Колокола: история и современность. М., 1985. С. 137–148.
- ⁹ *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004; Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М., 2012. Ч. 1.
- ¹⁰ *Баниге В.С.* Восстановление Ростовского кремля, 1953–1960. Ярославль, 1963. С. 22.
- ¹¹ *Кузнецов И.Н., Новохатко О.В.* Серебряное кольцо, XVII век: 100 верст от Кремля. М., 2007. С. 40.

В.И. Иванов
(Краснодар)

«Вымышленный указ
царя Алексея Михайловича о немцах»:
источниковедческие интерпретации

Источник, изучению которого посвящена данная статья, довольно известный. Текст этого указа несколько раз публиковался. Ему была посвящена специальная статья академика Н.П. Лихачева, в которой проведено сопоставление опубликованных ранее и собранных автором списков (два из них были воспроизведены фототипическим способом)¹. Автор обозначил этот источник как «вымышленный указ», «неискусная имитация акта до-Петровской Руси», «исторический памфлет». Он опроверг предположение об авторстве И.Ф. Горбунова², относя его создание ко второй половине XVIII – началу XIX в. Все основные выводы Н.П. Лихачева в научной литературе сомнению не подвергались и до сих пор сохраняют свое значение³.

Поводом для написания данной работы послужило обнаружение нового списка этого документа. Всего нам известны теперь пять рукописных списков «Указа царя Алексея Михайловича о немцах», четыре из которых принадлежали академику Н.П. Лихачеву и хранятся ныне в Санкт-Петербурге, а пятый – из Краснодарского музея.

Характеристика списков

Известным на сегодня спискам этого источника нами присвоены условные названия и номера.

Список № 1. *Лихачева 1* – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПб ИИ РАН). Колл. 238. Оп. 2.

Карт. 99. Д. 5. Л. 1. Бумага (172×220–225 мм) синяя Ярославской мануфактуры, внука Иоанна Яковлева Саввы. Водяной знак близок: Клепиков⁴ – вариант 12, 8; № 1059–1061. Есть дата «12», то есть 1812 г. Под текстом приписка другим почерком, черными чернилами: «1814 – 1661=153». Этой же рукой и чернилами, возможно, исправлена «Э» на «Е» в слове «Эрѣтики».

Список № 2. *Краснодарский* – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Бумага плотная голубоватая (218×166 мм), по правому краю пятна ржавого цвета. Водяной знак сохранился частично: видна нижняя часть трех утолщенных знаков, скорее всего, это цифры даты – «18...1» (последняя, возможно, и 4). Третья цифра, очевидно, расположена была выше линии строчки. Кроме того, под ними есть два тонких водяных знака (контрамарка?). Если последние интерпретировать как латинские буквы «g» и «s», то бумагу можно связать с фабрикой Гончаровых – Клепиков № 1100 (1791 г.), № 1101 (1797 г.), № 1102 (1796 г.). А если как цифру «25», то тогда отдаленное сходство с – Участкина⁵ № 802 (1825–1826 гг.). Бумага может быть отнесена, таким образом, к концу XVIII – первой четверти XIX в. Особенности скорописи характерны скорее для первой половины XIX в. По нижнему полю приписка простым карандашом другим почерком (XIX в.): «А Сказать Этому Нѣмцу Нехочеть ли онъ Х. Петр Ф.». Список относится к дореволюционным поступлениям музея.

Список № 3. *Лихачева 2* – СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Карт. 99. Д. 5. Л. 3. Бумага, бледно-голубая, двойной лист (194×237 мм), фабрики Ольхина. Второй лист пуст. Водяной знак: герб, на щите под короной рожок на перевязи, под гербом буквы «ОА», а по всему периметру листа водяной знак в виде орнаментального бордюра. Полное сходство с – Участкина № 284 (1832 г.).

Список № 4. *Лихачева 3* – СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Карт. 99. Д. 5. Л. 2. Бумага (355×224 мм) желтоватая без верже-ров и понтюзо. Н.П. Лихачев датировал ее 50–60-ми годами XIX в. Чернила коричневые, написано пером. Буквы заголовка

рисованы в виде инициалов. Строчки линовались простым карандашом. В конце строк в тексте ставятся переносы.

Список № 5. *Лихачева 4* – СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Карт. 99. Д. 5. Л. 5. Бумага желтоватая, двойной лист (179×215 мм) без вержеров и понтюзо. Водяной знак: «ВФАМ». Возможно, Вологодская фабрика Мартемьяновых. Аналогий не обнаружено. Холодный оттиск не читается. Н.П. Лихачев, судя по всему, этот список относил к началу XIX в.⁶ По нашему мнению, следует датировать бумагу более поздним временем, возможно, серединой – второй половиной XIX в. В правом нижнем углу простым карандашом написано: «1/1 № 1095». На л. 5 об.–6 об. той же рукой (?) написан текст: «Мнение митрополита Московского Платона по требованию государя императора Павла 1-го» (о просьбе графа Разумовского утвердить в дворянском достоинстве его воспитанников Перовских).

О происхождении рукописных списков практически ничего не известно. Н.П. Лихачев об истории своей коллекции ничего не сообщает. *Краснодарский* список (№ 2) относится к дореволюционным поступлениям музея, но узнать точное время или имя прежнего владельца нам не удалось. Личность автора приписки к тексту, сделанная, очевидно, одним из владельцев – неким «Петром Ф.», осталась неидентифицирована. По палеографическим признакам, как уже было отмечено выше, создание всех имеющихся списков относится, вероятно, к XIX в.: № 1 (1814 г.); № 2 (конец XVIII – первая четверть XIX в.); № 3 (1830-е годы); № 4 (50–60-е годы XIX в.); № 5 (середина – вторая половина XIX в.).

Кроме этих рукописных списков известны несколько публикаций указа⁷. Однако анализ этого источника будет проводиться прежде всего по тем спискам, которые известны нам в рукописном виде. Это связано с тем, что нет точных сведений о правилах издания и тех изменениях, которые допускались издателями при передаче текста.

Списки
«Указа царя Алексея Михайловича о немцах»

Лихачева 1 (№ 1)	Краснодар- ский (№ 2)	Лихачева 2 (№ 3)	Лихачева 3 (№ 4)	Лихачева 4 (№ 5)
Списокъ съ Указа Царя Алексѣя Михайловича 18-го мая 1661 г.	Копія съ Указа Царя Алексѣя Михайловича 18-го мая 1651 года.	<i>(Заголовка нет, а дата поставлена в конце текста)</i> 1651 года 18 мая.	Указъ царя и великаго кн(я)зя Алексея Михайловича.	Списокъ съ указа Царя Алексѣя Михайловича 18-го мая 1651 года
Учали на Москву приходити разные эрѣтики и нѣмцы	Учали на Москву приходити разныя Еретики и Нѣмцы	Учали на Москву приходити Разные Еретики и нѣмцы,	Учали на Москву и во всякія наши Царя и Великаго Князя Грады многія Еретики и разные Нѣмѣцкія люди приходити	Учали на Москву приходити разныя Еретики и немцы
и просити нашея царскія Службы,	и просить нашея царскія службы,	и просили царскія Службы	И стали просить Они нашия Царскія службы	и просити нашия царскія службы,
имы Собра архіепископы архіереи, архимандриты и іереи на думу и положили съ думными людьми:	и Мы собра Архіепископы, Архіереи, Архимандриты и Іереи на Думу, и положили со думными людьми,	и мы собра архіепископы архіереи, архимандриты и іереи на думу и положили с думными людьми	и мы Государь и Великій Князь Всѣя Руссія , собрали мы Наши Архіепископы епискупы , Архимандриты и Іереи на Думу и положили Мы о томъ съ думными людьми	и мы собра Архіепископы, Архіереи, Архимандриты и Іереи на думу и положили со думными людьми,

Лихачева 1 (№ 1)	Краснодар- ский (№ 2)	Лихачева 2 (№ 3)	Лихачева 3 (№ 4)	Лихачева 4 (№ 5)
ихъ бляд- скихъ дѣтищъ нѣмцовъ на воеводство не посылать и къ воевод- ствамъ не опредѣлять	Ихъ блядиныхъ дѣтищъ нѣмцевъ на воеводство не посылать, и къ воеводам не опредѣлять,	ихъ блядки- ныхъ дѣтищъ нѣмцовъ на воеводство не посылать и къ воеводствамъ не опредѣ- лять,	ихъ Блядскихъ Дѣтищъ Еретиковъ и всякихъ Нѣмцевъ на Воеводства не посылать и къ Воевод- ствамъ не опредѣлять,	Ихъ бляд- скихъ дѣтищъ нѣмцовъ на воеводство не посылать и къ воевод- ствомъ не опредѣлять
а быти имъ блядскимъ дѣтищамъ нѣмцамъ только на Москвѣ и записыватъ- ся на черной сотнѣ и в службу нашу Царскую въ ступати по нуждѣ въ ратную	а быти имъ бля- диными дѣтищами нѣмцами, точию на Москвѣ и записыватся по Черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую вступи- ти по нуждѣ въ ратную.	а быти имъ блядкинымъ дѣтищамъ нѣмцемъ точию на Москвѣ и Записыватся имъ по черной сотнѣ, и в службу нашу царскую вступать по нуждѣ въ ратную	а быти имъ Блядскимъ Дѣтищамъ только на Москвѣ и записоватся имъ по Чер- ной сотнѣ, а въ службу нашу Цар- скую всту- пать тѣмъ ворамъ в ратную и то понуждѣ ⁸ .	а быти имъ бляднымъ дѣтищамъ немцамъ только въ Москвѣ и записыватся по черной сотнѣ, и въ службу нашу царскую вступати по нуждѣ въ ратную.

Анализ текста

Дата. Датировка указа имеет два варианта: 18 мая 1651 г. (списки № 2, № 3, № 5) и 18 мая 1661 г. (списки № 1, № 4). Счет лет в документах XVII в. не мог быть указан только от Рождества Христова. Даты явно позднего (не ранее XVIII в.) происхождения, так как совсем не упоминают обозначения года от Сотворения Мира. Различие в годах могло возникнуть случайно. Протограф наших списков имел, скорее всего, дату (арабскими цифрами) – 1651 г., так как при определенном написании цифру пять легче спутать с шестеркой, чем наоборот. Сходство числа и месяца во всех списках указывает на единство их происхождения.

Заголовок. Один список – № 3 (Лихачева 2), вообще не имеет заголовка. В другом – № 4 (Лихачева 3) документ называется прямо «Указ царя и великаго кн(я)зя Алексея Михайло-

вича». Три источника признают себя «списками» (*Лихачева 1* и *4*) или «копией» (*Краснодарский*). Последний термин был известен и использовался в XVII в.⁹, однако более распространено употребление слова «список». Обычное устоявшееся выражение: «список с ... слово в слово», если делалась точная копия. Подлинники указов XVII в., как известно, заголовков не имели.

Формуляр. Во всех имеющихся списках отсутствуют многие части обычного для публичных актов формуляра. Из всех выделяемых в дипломатике частей формуляра¹⁰ в большинстве наших списков присутствует только наррация (изложение обстоятельств дела) и диспозиция (распоряжение по существу дела). Только в списке № 4 (*Лихачева 3*) имеется развернутый конечный протокол (в списке № 3 – в конце стоит только дата).

Текстологический анализ основного текста. Сравнительно-текстологический анализ «Указа» по выявленным рукописным спискам показывает отсутствие каких-либо существенных смысловых различий между ними. Выделяется список № 4 (*Лихачева 3*), который имеет самые большие расхождения с остальными. Эти расхождения заключаются, по нашему мнению, в ряде дополнений. Самым большим по объему из них, является конечный протокол, содержащий сведения о месте и времени выдачи «Указа» и об удостоверительных знаках документа, которые отсутствуют в других списках: «Данъ на Москвѣ лѣта отъ Р. Х. въ 1661-й Маия въ 18-е ден. На подлинном Печать Царская. Указъ печатанъ Церковною печатью, с оговоркою: дать только кому надлѣжить и безъ нужды хоронить въ тайнѣ». Н.П. Лихачев интерпретировал фразу «указ печатан церковною печатью» как свидетельство его издания, публикации¹¹. По контексту это выражение обозначает наличие помимо царской печати еще и церковной, которой подтверждалась, судя по всему, приписка о тайном характере указа.

Другие вставки в этом списке, главным образом, дополняют титул царя Алексея Михайловича: «и великаго кн(я)зя», «и во всякія наши Царя и Великаго Князя Грады многія», «Государь и Великій Князь Всѣя Руссіа». Несколько слов добавлены с чисто стилистическими целями: «стали», «Они», «Наши», «Мы о

томъ», «Еретиковъ и всякихъ». Эти дополнения, хотя и отличаются от формулировок, которые использовались в подлинных царских грамотах XVII в., придают тексту более соответствующую актам того времени форму. Кроме того в списке этой редакции выявлено различие в перечислении церковных чинов: вместо «архіереи», как во всех других списках, употреблено «епискупы».

Вследствие таких различий, хотя они и мало влияют на основной смысл текста, можно говорить о двух его редакциях. Первую из них, которая представлена в четырех списках (№ 1, № 2, № 3, № 5) можно назвать Краткой, а вторую (№ 4) – Пространной. Последняя, судя по всему, была создана путем небольших вставок в текст списка Краткой редакции. Поэтому «очистив» текст Пространной редакции от дополнений и указанных изменений, мы можем представить протограф этого списка (см. таблицу – список № 4 *Лихачева 3*, без выделенных жирным частей текста). Между списками Краткой редакции (включая протограф списка № 4) различия по преимуществу орфографические и стилистические (всего таковых выявлено нами девятнадцать).

Смысловой доминантой этого текста является слово «нѣмцы». В древности, вплоть до XVII в. оно обозначало: 1) людей и народы, говорящие на германских языках; 2) вообще иноземцев западноевропейского происхождения¹², а первоначально, очевидно, всех иностранцев; людей, говорящих неясно, непонятно (происходит от старославянского и древнерусского слова «нѣмъ», «нѣмый», в некоторых славянских языках еще и со значением глупый)¹³. В текстах коллективных челобитных русских торговых людей XVII в. слово «немец» использовалось для обозначения практически всех западноевропейских торговцев¹⁴.

Наиболее вариативным в тексте этого указа является наиболее яркое и резкое определение: блядскихъ (№ 1, № 4, № 5), блядиныхъ (№ 2), блядкиныхъ (№ 3), бляднымъ (№ 5). Русские источники до XVIII в. знают разные формы прилагательных: *блядивый* – вздорный; лживый, еретический; распутный (с XII в., не позднее XV–XVI вв.); *блядливый* – распутный (не

позднее XVI в.); *блядский* – ошибочный, лживый, еретический (с XII в.); *блядьныи* – болтливый; ошибочный, лживый, еретический (с XI в.; XIV в.); *блядин* сын (дочь, дети) как ругательство (известно с 80-х годов XVI в.)¹⁵. Наиболее естественным и соответствующим времени Алексея Михайловича следует признать вариант «блядских» в списках № 1, № 4 и № 5. При этом в последнем употребляется и другая древняя форма, известная еще по старославянским рукописям – «блядным». Следовательно как наиболее исправное (и раннее?) чтение можно обозначить текст списка № 5.

Слово «блядь» и производные от него имели не просто ругательное, оскорбительное значение. Первоначальное и преимущественное значение этого слова – пустая болтовня (X–XI вв.); обман, ложь, вздор (XIII–XIV вв.); болтун, пустослов (X–XI вв.); заговорщик (XIII–XIV вв.); заблуждение, ересь, лжеучение (XI в.); распутство, разврат (XI в.); а потом уже – распутная женщина (1475 г.). В XIX в. это значение (распутная женщина, проститутка) остается практически единственным в разговорной речи¹⁶. В списке № 4 немцам дают дополнительно еще обозначение «воры». Это слово также многозначно: 1) мошенник, злодей, обманщик; 2) грабитель, вор; 3) враг, неприятель (включая участников религиозных столкновений), смутьян, преступник; 4) богоотступник, еретик¹⁷. Оно воспринимается и как уголовный преступник, и как религиозный, церковный противник.

Слово «дѣтище, дѣтищъ» обозначало ребенка, несовершеннолетнего (X–XI вв.), сына или дочь, в том числе духовных, по отношению к наставнику (XIII в.); юношу (XVII в.)¹⁸. Следовательно, в названии немцев «блядские дѣтища» мы (и читатели XVII–XVIII вв.) видели сатирическую игру слов, столкновение двух основных значений слова «блядь»: религиозную принадлежность, которая с точки зрения Православной церкви рассматривалась как ересь, а они как еретики, и уничижительное «ребенок», «сын». Кроме того, уже к XVII в. это выражение дополняется оскорбительным смыслом – дети распутной женщины. Позднее оно превращается в нецензурное ругательство.

Не случайно в публикации К.А. Скальковского заменено (по нашему предположению) цензурным «сукины дети»¹⁹.

Заметным расхождением можно считать использование вместо слова «только» (№ 1, № 4, № 5) старо- и церковнославянского «точию» (№ 2, № 3) с тем же значением²⁰. Появление последнего варианта можно связать с участием в его составлении людей церковных (или намеренной архаизацией языка).

Интерпретация содержания

Общий смысл этого источника – выражение недовольства наплывом иностранцев в Россию и введение ряда ограничений на их деятельность.

Интерпретация «указа» как подлинного документа XVII в. В русском законодательстве статьи, касающиеся иностранцев, появились еще в середине XVI в. Если в Судебнике 1550 г. чужестранцы упомянуты всего в одной статье (ст. 27), то через сто лет, в Соборном Уложении 1649 г. они фигурируют в 39-ти статьях десяти разных глав²¹. За сто лет, прошедших между этими «кодексами», известно о принятии тридцати одного законодательного акта, в которых фиксируются отношения с иностранцами²². Только о служилых чужеземцах в 1601–1610 гг. вышло три постановления, в 1611–1620 гг. – пять, в 1621–1630 гг. – семь, 1631–1640 гг. – пять, в 1641–1648 гг. – семь²³.

Проблема чужестранцев в России XVII в. была довольно острой. Численность всех категорий выходцев из Западной Европы (офицеров и солдат, разных специалистов, принятых на дворцовую и государственную службу, торговцев и ремесленников, обслуживавших их дворы) в России 20–90-х годах XVII в. колебалась от одной до двух с половиной тысяч человек²⁴. Имеются в виду только те иностранцы, которые сохраняли свою веру. Принятие православия означал переход в подданство русского царя и уравнивание в правах с другими служилыми и посадскими людьми. Таких бывших иностранцев отделить от

русских по документам приказного делопроизводства довольно трудно, а часто и невозможно.

Хотя с точки зрения стиля, исправности и полноты формуляра имеющиеся списки «указа о немцах» трудно признать подлинными документами XVII в., однако попытаемся оценить достоверность его содержания.

1. *«На воеводство не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять»*. Первая клаузула явно относится к служилым чинам. В условиях Смутного времени существовала реальная угроза утраты русской элитой не только центральной, но и местной военно-административной власти. Правящие слои русского общества, стремились в этой обстановке отстоять свои позиции и не допустить усиления влияния иностранцев. В договоре бояр 17 августа 1610 г. о признании польского королевича Владислава русским царем, в частности, читаем: «...А польским и литовским людям на Москве ни у каких у земских дел, и по городам в воеводах и в приказных людех не быти и в наместничество и в староство городов польским и литовским людем не давати ...» (подчеркнуто нами – *В.И.*)²⁵. В этом документе, как видим, звучат очень сходные с нашим указом мотивы ограничения прав иностранцев, правда не немцев, а поляков и литовцев. Позднее в XVII в. это ограничение строго соблюдалось. По мнению С.П. Орленко, не известно ни одного случая назначения «неправославных иноземцев» на воеводство в города. Этот исследователь считает, что «при всей строгости соблюдения указанного правила на практике оно оставалось неписанным...»²⁶, то есть указа, содержащего подобное требование, никогда не существовало. При этом надо иметь в виду, что на крещеных иноземцев ограничения не распространялись.

2. *«А быти имъ нѣмцамъ только на Москвѣ»*. По настоянию патриарха Никона в 1652–1653 гг. было проведено существенное ограничение прав иноземцев. По указу 1652 г. все иноземцы должны были продать свои дворы в черте Москвы и переселиться на Кокуй, вверх по течению р. Яузы, где была создана Новая иноземная (Немецкая) слобода²⁷. Хотя прямой аналогии между этим указом и рассматриваемой клаузулой нет, тем не менее, их объединяет общий смысл – собрать «немцев»

в одном месте, в действительности это было недалеко от Москвы. Известно, что Православная Церковь стремилась максимально пресекать контакты с иноверцами, даже принимать милостыню и мыться с иноверными в бане считалось недопустимым для православного человека²⁸.

Известно что в многочисленных коллективных челобитных, которые подавались царю русскими торговыми людьми, наряду с другими есть и требование запретить чужеземцам покупку дворов и проживание в разных городах, включая Москву²⁹. Мы видим, что требование «указа о немцах» – быть им только на Москве, если и не соответствует точно известным нам правительственным актам, тем не менее созвучно требованиям русских торговых людей.

Нам известны далеко не все указы правительства, касающиеся иностранцев. В качестве примера можно вспомнить судьбу известного хорватского писателя, историка, философа Юрия Крижанича³⁰. По памяти из приказа Лифляндских дел от 8 января 1661 г. он был выслан из Москвы в Тобольск. В своей челобитной 1676 г. по возвращении из ссылки он пишет: «В 169 (1661) году был блаженопамятнаго государя отца твоего указъ; чтобы всякихъ иноземцевъ холостыхъ и нововыѣзжихъ съ Москвы свести; и я въ той же списокъ былъ написанъ и по немъ въ Сибирь свезень»³¹. Текст этого указа до сих пор не обнаружен. Интересно отметить, что самая крупная группа ссыльных иноземцев за период 1654–1661 гг. прибыла в Енисейск именно в 1661 г. (39 из 87)³².

3. «*Записываться по черной сотни*». Смысл этой клаузулы в том, что «немцы», в данном случае ремесленники и торговцы, должны платить государственные подати и нести повинности наравне с остальным тяглым посадским населением. Основное посадское население в Москве и в других городах входило в так называемые «черные», то есть тяглые сотни. В Москве в XVII в. было не менее 25 «черных» сотен, полусотен и четверть сотен³³. Верхушка посадского населения, объединенная в три привилегированные корпорации (гости, гостинная и суконная сотни), обладала практически монополией внешней торговли, имела право покупки вотчин, освобождалась от тягла, но све-

дений о том, что в них попадали иноземные купцы, в литературе не встречается³⁴. Однако, судя по челобитным русских купцов, иноземцы широко пользовались различными способами получения привилегий и преимуществ: хитростью получали, например, разрешение торговать беспошлинно два человека, но пользовались этим разрешением по 60–70 и более человек; или пожалованные лица умирали, а по их грамотам ездили другие люди; за «посулы и поминки» получали грамоты на проезд в разные города, а некоторые и без грамот ездили и товары продавали беспошлинно; покупали дворы в разных городах, занимались перепродажей товаров и т.п.³⁵

4. *«А въ службу нашу царскую вступати по нуждѣ въ ратную»*. В XVII в. несмотря на недовольство церкви русские власти активно привлекали в страну западноевропейских специалистов, особенно в военном деле. Во время Смоленской войны 1632–1634 гг., по некоторым данным, в Россию прибыло около 3800 «немецких» наемников³⁶. Представители некрещеных «немцев» могли достигать в русской армии высоких чинов (достаточно вспомнить судьбу Патрика Гордона)³⁷. Церковь выступала против занятия иностранцами командных постов в армии. В своем завещании патриарх Иоаким просил государей Иоанна и Петра вообще изгнать иноверцев «латин, люторов и калвинов» из армии³⁸.

Можно утверждать, что актов, близких по содержанию основным положениям рассматриваемого указа, до сих пор не обнаружено. Сами его постановления не совсем соответствуют известным реалиям правительственной политики того времени, но весьма созвучны традициям и общественному настроению.

Интерпретация «указа о немцах» как публицистического, сатирического произведения XVII в. Литература XVII в. представлена яркими образцами народной, демократической сатиры. Многие произведения составлялись в форме привычных для человека того времени реальных документов: челобитной, списка с челобитной, духовной (завещания), лечебника, росписи, церковных песнопений³⁹. Пародийность безусловно усиливает комический эффект. Осмеянию подвергаются многие стороны жизни, в том числе и иностранцы. В «Лечеб-

нике на иноземцев», например, который, как указано в подзаголовке, «выдан от русских людей, как лечить иноземцев и их земель людей», сквозит не просто раздражение, а настоящая злость: «А буде от животной болезни, дается ему зелья, от которого на утро в землю»⁴⁰. Встречаются в сатирических произведениях и сходные оскорбительные выражения типа «б[лядский] с[ын]»⁴¹. В «Написании о лютом враге Мартине» Иван Шевелев-Наседка в подзаголовке поясняет: «в лепоту рещи – о блядливом сыне, иже вся своя ереси в все концы ввел и всех их во дно адово свел»⁴². Известно довольно обширное анонимное поэтическое «Предисловие на еретики», которое было составлено для богословского тактата антилютеранской направленности⁴³. Сочинения против немцев-еретиков были в первой половине XVII в. явлением нередким.

В повестях и сказаниях XVII в. иностранцы рассматриваются часто как еретики и безбожники. Нет различия между «паписты», «кальвины», «люторы», «безбожные татары» – все они представляются врагами. Обычные для них определения: «безбожный», «нечестивый», «еретик», «поганый». Иностранцев и распространение их обычаев считают нарушением благочестия, что может стать причиной различных бед для России⁴⁴. Очень резко по поводу чужеземцев и их роли в России высказывался и Юрий Крижанич. В своей «Политике» он говорит: «На престоле и на воеводстве лучше [будет] наихудший из сородичей, нежели наилучший чужеземец; лучше самый лютейший тиран-сородич, нежели какой-либо сладчайший Давид из чужеземцев»⁴⁵. Обращает на себя внимание сходство его позиции по поводу воеводств с «указом о немцах».

Худшим разорением для страны является, по мысли автора, «чужеземная торговля», то есть когда позволяют чужеземным торговцам жить в стране, держать склады и лавки и торговать по всей стране. «Эти торговцы, – по словам Ю. Крижанича, – являются причиной неизмеримых бед для тела и для души. А пользы от них нет никакой, кроме некоторых подарков, кои они дают царю и бояром. Но эти подарки нечего считать, ибо [чужестранцы] вывозят из нашей страны в десять тысяч раз больше богатств, нежели сами нам дарят»⁴⁶. Еще более подозри-

тельно относится этот мыслитель к тем иностранцам, которые приняли православную веру: «Одни [из них] вершат наши важнейшие дела, другие – заключают с иными народами мирные договоры и торговые сделки и мало-помалу продают русское и царское богатство своим соотечественникам. Если Русское царство когда-либо погибнет, то оно примет гибель от этих перекрестов или их потомков», – прозорливо замечает этот автор⁴⁷.

Если рассматривать указ как документ неофициального происхождения, литературно-публицистический, то многие вопросы и выявленные несоответствия с известными реалиями того времени получают достаточно логичные объяснения. Например, неточности в перечислении представителей духовенства на совещании у царя, можно связать с ритмикой фразы, с попыткой рифмования текста – архиепископы, архиереи, архимандриты и иереи.

О служилых людях, о ратной службе в «указе о немцах» сказано как бы вскользь, как акт снисхождения к иноземцам («в службу нашу Царскую вступати по нуждѣ въ ратную»⁴⁸), хотя уже отмечалось, что именно военнотружущие составляли основную часть иноземцев в России. Это наблюдение дает основание предположить, что создавался указ не в военной среде. Следуя такой логике, искать сочинителей надо среди приказных служителей местной администрации, в окружении воевод. Первое требование указа – иноземцев на воеводства не посылать и к воеводствам не определять, склоняет именно к этой версии. К тому же именно эта категория населения была лучше других знакома с указами и другими актовными материалами, занималась их регистрацией и копированием и соответственно могла достаточно квалифицированно пародировать их. Церковно-религиозная направленность содержания «указа», использование устаревших, церковно-славянских слов и выражений («еретики», «дѣтище», «точію») говорит о возможном участии в составлении текста церковных служителей или выходцев из этой среды, которые формировали местную бюрократию, что было достаточно распространенным явлением⁴⁹.

Признание провинциального происхождения «указа» делает понятным и такое его положение – быть немцам только на Москве. Известно, что иностранцы имели дворы и жили не только в Москве, но и в некоторых крупных торговых центрах – Новгороде Великом, Архангельске, Ярославле, Вологде⁵⁰. В Архангельске в середине XVII в. сложилась небольшая (9 «немецких» дворов) иноземная слобода⁵¹. По переписи 1678 г. в Архангельске и на Холмогорах было зафиксировано 28 «иноземских» дворов⁵². Судя по всему, иноземцы находились в привилегированном положении, податей и повинностей с посадом не несли. В таких условиях естественным выглядит желание посадских людей отправить всех иноземцев подальше, в Москву, как это требует «указ о немцах», и заставить их записываться «по черным сотням».

Выводы из этой версии интерпретации источника следующие: текст указа представляет собой художественно-публицистическое, сатирическое сочинение с элементами рифмовки; создан он был в каком-то крупном провинциальном торговом центре (возможно, в Архангельске); возник «указ» в среде приказных служилых людей местной администрации, подьяческий состав которой на Севере и в Центре был тесно связан с тяглой посадской средой⁵³. Основанием для составления такого произведения могли послужить довольно многочисленные реальных указы 50-х годов XVII в., направленные на ограничение прав иноземцев (о лишении их поместий и вотчин, населенных православными крестьянами, о выселении из Москвы на Кокуй, о запрещении носить русское платье и др.). Они могли породить в народе представление о принятии царем какого-то общего постановления по этому вопросу.

Интерпретация «указа о немцах» как памфлетомистификации XVIII в. В XVIII в. количество иностранцев в России возрастает многократно. Петр I издает манифест (16 августа 1702 г.) о вызове иностранцев и обещании им свободы вероисповедания. Этим манифестом отменялся «древний обычай, посредством коего совершенно воспрещался иноземцам свободный въезд в Россию». Характерно, что обосновывалось такое решение кроме интересов государства еще и стрем-

лением сохранить «всеобщее спокойствие в христианстве»⁵⁴. Можно сказать, что иностранцы насильно внедрялись в разные сферы жизни и управления. Петр требовал в каждую коллегую назначить иноземцев: по одному секретарю, советнику или асессору и «шрейвору». К 1717 г. в штатах коллегий насчитывалось до 100 человек иностранцев⁵⁵. В 1730 г. доля нерусских среди чиновничества оценивается в 30%⁵⁶. Позднее, особенно в правление Анны Иоанновны, иностранцы начинают играть доминирующую роль и в высшем руководстве империи. По сочному выражению В.О. Ключевского: «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»⁵⁷. В XVIII – первой половине XIX в. в верхнем слое бюрократии насчитывалось, по мнению Е. Амбургера, более 37% чиновников нероссийского происхождения, в том числе около 30% немцев⁵⁸.

Такое положение вызывало недовольство в русском обществе, ожесточение национальных сил. В период так называемой «бироновщины» известны деятельность и трагическая судьба русского патриота кабинет-министра Артемия Петровича Волынского, вокруг которого сложилась довольно большая группа единомышленников – А.Ф. Хрущов, Ф.И. Соймонов, П.М. Еропкин, П.И. Мусин-Пушкин и др. Известно, что «конфиденты» на своих «сборищах» помимо дискуссий о политических реформах и «опасных» для иноземцев разговоров о том, что иностранцы в России «делают огромный ущерб», что они «вникнули в народ, яко ядовитые змеи, гонящие народ к великой нищете и вечной погибели», «выпускали памфлеты, тенденциозно изменяли тексты исторических документов, направляя их против иноземного засилья» (выделено нами. – В.И.)⁵⁹. В 1740 г., как известно, А.П. Волынский и его сторонники были арестованы и трое из них были казнены. Самому Артемию Петровичу сначала урезали язык, потом отрубили руку и голову⁶⁰. Исследуемый нами источник мог быть одним из продуктов деятельности этого кружка.

Если рассмотреть «указ о немцах» как памфлет, составленный в 30-е годы XVIII в., то можно выявить определенную ло-

гику. Во-первых, актуальным становится требование ограничить назначение иностранцев на воеводские посты. После изъятия посадского населения из ведения воевод в 1699 г. значение этой формы местной власти сильно понизилось. Однако в 1726–1727 гг. была восстановлена должность городских воевод, а в 1728 г. закреплена новая система местного управления – вся власть в губернии стала принадлежать губернатору, а в уездах – воеводам. Воеводское управление сохранялось до губернской реформы 1775 г.⁶¹

Во-вторых, требование быть иноземцам только на Москве, в XVIII в. приобретает совершенно новый иронический смысл – высылки немцев из столичного Санкт-Петербурга в провинциальную Москву, что звучит более остроумно, чем высылка из провинциальных городов (для XVII в.). Фраза о записи «по черной сотне» в это время уже теряет смысл, так как система сотенной организации к началу XVIII в. приходит в упадок. По регламенту Главного магистрата 1721 г. вместо сотен вводилось деление посадского («регулярного») населения на гильдии. Ремесленники в гильдиях группировались по цехам⁶². В Петербурге в середине XVIII в. насчитывалось 53 немецких цеха ремесленников (777 мастеров) против 35 русских цехов (562 мастера), то есть на одного русского мастера приходилось полтора выходца из Германии⁶³.

В-третьих, клаузула о вступлении в ратную службу по нужде оставалась актуальной (доля немцев постоянно росла и в начале правления Николая I в генералитете, элите русской армии, доходила до 29%)⁶⁴ и приобретала оттенок горечи русских дворян в связи с засильем иностранцев в армии.

Среди рассмотренных интерпретаций наиболее убедительной нам представляется версия литературно-публицистического происхождения «указа о немцах» в середине XVII в. Это произведение отражало господствующие в обществе того времени настроения и могло быть спровоцировано серией правительственных указов. Позднее текст дополнялся и редактировался, что нашло отражение в Пространной редакции этого источника.

-
- ¹ *Лихачев Н.П.* Вымышленный указ царя Алексея Михайловича // Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 86–90. (Эта работа вышла в 1913 г. и отдельной брошюрой в 4^о). Новые публикации XX в. указаны Н.П. Лихачевым в письме: «По поводу статьи “Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв.”» // Исторический сборник. Л., 1934. Вып. 2. С. 298–299.
- ² Иван Федорович Горбунов (1830–1895) – прозаик, актер, знаток русской истории, древнерусского и церковно-славянского языков, мастер стилизации. Особую известность получил как автор и рассказчик остроумных, по преимуществу веселых, сцен из народной жизни («Сцены из народного быта» (СПб., 1861; Изд. 3-е, знач. доп.: СПб., 1870; и др. изд.); «Сцены и рассказы» (СПб., 1880 и др.)) – см.: Малый энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1907. Т. 1, вып. 2 (репринт. изд.: М., 1997); Русские писатели, 1800–1917: биограф. словарь. М., 1989. Т. 1.
- ³ *Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 102; *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 121.
- ⁴ *Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М., 1959.
- ⁵ *Uchastkina Z.V.* A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum (Holland): The paper publications society, MCMLXII. (Monumenta chartae papuaceae historiam illustrantia; Vol. IX).
- ⁶ *Лихачев Н.П.* Вымышленный указ ... С. 88.
- ⁷ Русская старина. 1871. Март. С. 393; 1898. Июнь. С. 576; *Скальковский К.А.* Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнение русских о самих себе. [1-е изд.]. СПб., 1904; Новое Время. 1915. 9 мая (№ 14066) (сведения об этой публикации заимствованы у Н.П. Лихачева – см.: По поводу статьи «Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв.». С. 299, примеч. 1; но в указанном номере газеты текст указа не обнаружен).
- ⁸ Текст конечного протокола этого списка приводится ниже, в текстологическом анализе.
- ⁹ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. (Далее: СлРЯ XI–XVII вв.).
- ¹⁰ *Капитанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 170–172.

- ¹¹ *Лихачев Н.П.* Вымышленный указ ... С. 88.
- ¹² СлРЯ XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11.
- ¹³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т. 3.
- ¹⁴ Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1962. С. 390–403.
- ¹⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М., 1988. Т. 1; СлРЯ XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1.
- ¹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1: А–З.
- ¹⁷ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
- ¹⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков); Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М., 1990. Т. 3; СлРЯ XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
- ¹⁹ *Скальковский К.А.* Маленькая хрестоматия для взрослых. СПб., 1905. С. 105. В современном переиздании даже такое выражение посчитали нецензурным и сделали купюры («... ных», «...ным») – см.: Мнения русских о самих себе: маленькая хрестоматия для взрослых / [сост. К.А. Скальковский]. М., 2001. С. 143.
- ²⁰ Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т. 4; *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1998. Т. 2.
- ²¹ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 424. (См. Предметно-терминологический указатель к тексту).
- ²² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 246. (См. Предметно-терминологический указатель).
- ²³ *Филюшкин А.* В Россию – жить и служить: (иноземцы в пределах государства Российского) // Родина. 2001. № 10. С. 54.
- ²⁴ *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 52.
- ²⁵ Там же. С. 320.
- ²⁶ Там же. С. 120.
- ²⁷ Во второй половине XVI в. на р. Язуе (близ устья) были поселены пленные, захваченные в ходе Ливонской войны. Их поселение стало центром старой Немецкой слободы – см.: Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 41. (Далее: СИЭ); *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 151.
- ²⁸ *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 66, 70, 72, 81, 123, 143–144.
- ²⁹ *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 394–395; *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 215; *Ретин Н.Н.* Русские и западноевропейские купцы в России

- XVII–XVIII вв.: (к вопросу о периодизации борьбы за рынок) // Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в.: сб. ст. М., 1987. С. 53, 55; *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 164–166.
- ³⁰ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 155–156.
- ³¹ *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России: (по новым документам). М., 1901. С. 97–98; *Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич: очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 106–109.
- ³² *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. С. 74–76. Речь идет, правда, только о «литве». Автор связывает колебания с активностью военных действий.
- ³³ СИЭ. М., 1971. Т. 13. Стб. 355–356; *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910. С. 305–324.
- ³⁴ См., например: *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- ³⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедицией ... СПб., 1838. Т. 4. № 13.
- ³⁶ *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 46.
- ³⁷ *Федосов Д.Г.* Летопись русского шотландца // *Гордон Патрик.* Дневник, 1635–1659. М., 2000. С. 230–232.
- ³⁸ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 361; *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 156–157.
- ³⁹ Сатира XI–XVII веков. М., 1987. С. 248, 247, 251, 163, 324, 172.
- ⁴⁰ Там же. С. 165.
- ⁴¹ Там же. С. 168. К сожалению, даже в академическом издании сделаны купюры – см.: Русская демократическая сатира XVII в. М.: Наука, 1977. С. 56–57.
- ⁴² *Виршевая поэзия (первая половина XVII века).* М., 1989. С. 61.
- ⁴³ Там же. С. 304–309, 452.
- ⁴⁴ *Семенова Г.Ю.* Психология служилого сословия в России XVII в. по повестям и сказаниям о Смутном времени // Вестник Московского ун-та. Серия 8 «История». 1993. С. 20–21.
- ⁴⁵ *Крижанич Юрий.* Политика. М., 1997. С. 214.
- ⁴⁶ Там же. С. 28–29.
- ⁴⁷ Там же. С. 201.
- ⁴⁸ В этой клаузуле также чувствуется рифмованность строчек – «царскую» и «ратную».

- ⁴⁹ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 64–66.
- ⁵⁰ СИЭ. Т. 6. Стб. 42.
- ⁵¹ Там же; *Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России, 1550–1785. М., 2006. С. 85.
- ⁵² *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 318.
- ⁵³ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 64–67, 75.
- ⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 4. № 1910.
- ⁵⁵ *Зурабян Н.М.* Лютеранская церковь Санкт-Петербургской крепости и ее прихожане в царствование Петра I // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 30.
- ⁵⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). СПб., 2000. С. 32.
- ⁵⁷ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 272.
- ⁵⁸ Цит. по: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 169.
- ⁵⁹ *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.): курс лекций. Л., 1964. С. 137
- ⁶⁰ Там же. С. 138.
- ⁶¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 418, 649; Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. 69–71.
- ⁶² СИЭ. М., 1963. Т. 4. Стб. 442–444.
- ⁶³ *Искюль С.Н.* Немцы в российской государственности XVIII – начала XIX вв.: историко-культурные аспекты // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 23.
- ⁶⁴ *Федорова О.М., Крузернитерн А.В.* Крузенштерны в истории России // Там же. С. 156.

Росписные и статейные списки Разбойного приказа и губных изб как исторический источник

В делопроизводстве Разбойного приказа и губных изб росписные и статейные списки занимают совершенно особое место. Но прежде чем объяснить их значимость, дадим определение этим делопроизводственным актам. В специальной литературе о них известно довольно мало, с одной стороны, из-за небольшого количества дошедших до нас источников подобного вида, а с другой потому, что они представляют собой частную разновидность росписных и статейных списков вообще.

Росписной список (или роспись), согласно статье в словаре-справочнике «Государственность России» – это учетный документ, представляющий собой список, опись, реестр чего-либо¹. Применительно к интересующему нас вопросу речь идет о росписных списках различным актам и делам, которые составлялись в губных избах. Причем каждый такой учетный документ был привязан к деятельности конкретного губного старосты и отражал состояние делопроизводства в период нахождения его на должности. В данном случае термин росписной также указывает на то, что уходя со занимаемой должности, губной староста передавал дела приемнику, «росписывался» с ним.

Немного сложнее ситуация обстоит со статейным списком. Все тот же словарь-справочник понимает под статейным списком лишь отчет российского дипломатического представителя в поденной форме². На самом же деле это понятие использовалось гораздо шире. Из известных нам материалов можно заключить, что статейным списком мог называться любой документ, имевший четкую структуру, делившийся на элементарные составляющие – «статьи». Например, статейные списки

хорошо известны в указных книгах приказов. В нашем случае под статейным списком чаще всего понимается перечень заключенных, сидевших «по статьям», то есть за то или иное преступление.

О существовании росписного списка в делопроизводстве губных органов можно говорить наверняка со времени самых ранних известий о начале губной реформы. В белозерской и каргопольской губных грамотах 1539 г. четко указывается: «а которых розбойников, где поимаете и доведчи на них да и казните, и которые люди тех розбойников поймают и в которых на них делех доведут и вы б то все велели себе писати на список подлинно, а сами б есте, которые у вас умеют грамоте к тому списку руки свои прикладывали»³. Таким образом, речь идет о том, что все дела, которые велись губными старостами, фиксировались в особом списке, заверявшемся подписями служащих губной избы.

Первым косвенным свидетельством существования статейных списков служит одно из распоряжений Ивана IV, занесенное в Указную книгу Разбойного приказа 1555–1556 гг., «выпрашивати (заключенных. – *А.В.*) словом да писати по их речам, в чем которой сидит»⁴.

Важной особенностью росписных и статейных списков является то, что они, как правило, находились в одном столбце и представляли собой как бы единое целое. Хотя нередки случаи, когда губные старосты или другие агенты представляли в приказы полные или неполные статейные списки отдельно от росписных. В Разрядном приказе сохранился ряд таких статейных списков, которые могли запрашиваться в некоторых случаях. В архиве того же учреждения известны материалы, при составлении которых использовалась информация из статейных списков. Например, при опросе заключенных во время расследования воеводой «слова и дела» указывалось, за что и когда был посажен в тюрьму каждый из них⁵. Подобного рода документы могут быть использованы для реконструкции содержания соответствующего статейного списка.

Обыкновенно росписной и статейный списки имели следующий ход в текущей деятельности губных органов. Покидая

свой пост, губной староста обязан был явиться в Разбойный приказ вместе с росписным и статейным списком, а также с приходо-расходными книгами и дать отчет. Если в приказе были удовлетворены, то староста возвращался обратно и оставлял росписной список в губной избе, запечатав все документы своей личной печатью. После того, как вновь избранный губной староста утверждался в Разбойном приказе, он получал от своего предшественника всю документацию. В дальнейшем процедура повторялась. В Разбойный приказ, судя по известным нам источникам, росписной и статейные списки не попадали, чаще всего оставаясь в местных архивах. Впрочем, не исключено, что в ряде случаев этот порядок мог нарушаться.

Статейный список заключенных время от времени должен был редактироваться в губной избе и так же, как и росписной, представлял собой актуальный документ, находившийся какое-то время в непрерывном обороте. Гораздо более важный характер носили сведения, фиксируемые в перечне заключенных в Разбойном приказе, ведь к началу XVII в. губные старосты отсылали в приказ статейный список для вынесения соответствующего приговора.

Впрочем, вплоть до конца XVI – начала XVII в. губные старосты вместе с целовальниками самостоятельно решали судьбу преступников и писали в приказ только в затруднительных случаях. Существовала и другая форма принятия решения по делу. Из практики послесмутного времени следует, что обычно губные старосты направляли в Разбойный приказ всё подлинное дело для рассмотрения и вынесения приговора.

Кроме росписных списков, поступавших от губных старост, в Разбойном приказе существовали записные книги. Об этом свидетельствует упоминание о ведении записных книг под руководством дьяка Я.И. Чельцова в 1675 г. В задачу подьячих входило «выписывать всякие дела и приводы старых разбойных розных дел... и велено тем делам учинить всем новые записные книги новые»⁶. В этом смысле записные книги – источник, качественно эквивалентный росписным спискам губных старост, только в отличие от них обобщал делопроизводство приказа в целом, а не одного его агента. Скорее всего, подоб-

ные записные книги существовали с середины XVI в.

На данный момент нам известно всего лишь два полных росписных списка. Первый был составлен С. Лихобритовым, когда тот завершил свою деятельность на посту губного старосты, занимаемом им с 1646 по 1652/53 г.⁷ Росписной список охватывает делопроизводство воронежской губной избы почти за шестилетний срок. Структура проста – сначала идет общий перечень дел предыдущих губных старост, хранившихся в архиве («дела всякие губные прошлых лет»), после чего указываются документы делопроизводства в хронологическом порядке под тем или иным годом. Сразу по завершении росписного списка приводится статейный список заключенных, сохранившийся не полностью. В данном случае самоназвание этих документов иное – оба именуются росписями, но это не противоречит классификации их по содержанию.

Второй росписной список был составлен в ростовской губной избе и охватывает промежуток с 1652 по 1662 г.⁸ Мы будем использовать его для сравнения с документом из воронежской губной избы.

Главной функцией росписного списка была фиксация текущего делопроизводства, а в статейный список помещались сведения о лицах, пребывавших в тюрьме, с информацией об обстоятельствах их задержания, инкриминируемого преступления и дальнейшей судьбы.

Одной из особенностей росписного списка, составленного в воронежской губной избе, было отсутствие упоминаний о приходе-расходных книгах, в то время как в других подобных документах (например, в ростовском росписном списке) они фигурировали. Причина состояла в том, что в Воронеже сбором денег на ведение губного дела и их расходованием заведовали воевода и дьяки съезжей избы.

Изучая воронежский росписной список, нельзя не обратить внимание, сколь сильно завязано местное делопроизводство на Разбойном приказе. Собственно, все документы из этого списка во многом упоминаются только потому, что участвуя в документообороте, они попадали в Разбойный приказ.

В губной избе могли быть и материалы, входившие в сферу

актуального делопроизводства, но не отправлявшиеся в приказ, а потому не отраженные на страницах росписного списка. Записи из ростовского статейного списка подтверждают наше предположение. Так, явочная челобитная и досмотр тела похороненного человека Богдана Кичигина, умершего, «опившись», не были отправлены в Разбойный приказ, так как дело не относилось к его компетенции⁹. И все же многие из подобных документов иногда опосредованно попадали в приказ. Например, материалы переписки губных старост и сыщиков, содержащиеся в ростовском списке, напрямую в приказ не направлялись, хотя сыщик, безусловно, упоминал о них в своем росписном списке¹⁰ и в отчете перед приказными дьяками.

Анализируя росписные списки, мы можем представить себе и количественный характер делопроизводства Разбойного приказа. Через канцелярию воронежской губной избы за год работы, по нашим подсчетам, проходило от 10 до 20 актов. На практике же объем делопроизводства был несколько большим, с одной стороны, за счет приходо-расходных книг и других финансовых документов, а с другой, потому что в росписных списках не всегда давали подробную опись. Например, в первом случае указывалось только название дела, а в другом – из каких документов оно состоит. С учетом таких поправок можно приблизительно говорить о 15–30 грамотах в год.

Несколько иные данные дает более поздний список ростовского губного старосты. Здесь объем делопроизводства определяется приблизительно 30–50 грамотами в год. Подобная разница связана с двумя важными фактами. Во-первых, в ростовской губной избе записи носят более подробный характер. Это указывает на развитую делопроизводственную традицию, в то время как в Воронеже губная изба появилась лишь в начале 20-х годов XVII в. Во-вторых, ростовская губа была более населенной, нежели воронежская, и институт губных старост здесь уже успел устояться. В Воронеже, напротив, власть губного старосты постоянно оспаривалась другими агентами власти (прежде всего, воеводой).

Итак, будем считать, что в среднем каждая губная изба имела дело с 30 делопроизводственными единицами. Очень

сложно определить число губных округов в России первой половины XVII вв., однако не вызывает сомнения, что их существовало не менее 30-ти (скорее всего, больше – Е.А. Колесникова называет цифру в 60 округов¹¹). В таком случае мы сможем оценить делопроизводство Разбойного приказа в 900 единиц. Эта цифра отражает приблизительно половину или чуть больше общего объема делопроизводства. Остальную часть должны были составлять материалы делопроизводства сыщиков, курировавшихся в приказе, переписка с другими учреждениями центрального и местного управления, хозяйственная, кадровая и другая собственная документация. Выходит, по самым скромным и приблизительным подсчетам, объем делопроизводства Разбойного приказа в первой половине XVII в. исчислялся почти 2 тысячами единиц.

К счастью, статейных списков сохранилось гораздо больше, чем росписных, хотя многие из них относятся к заключенным других приказов. В фонде Разрядного приказа известно некоторое количество статейных списков губных изб, часть из которых даже была опубликована в составе дел государева «слова и дела». Помимо этого, два дошли до нас с известными (воронежским и ростовским) росписными списками губных изб.

Приведем пример из самого раннего неполного статейного списка заключенных мценской тюрьмы. Документ сохранился в архиве Разрядного приказа в качестве приложения к одной из отписок мценского воеводы, по неизвестной причине получившего этот документ в свои руки, несмотря на то, что тюрьма была подведомственна губному старосте.

«В пришлом в 137-м году привел в губную избу з губным целовалником с Гавриилом с Ондреевым Степаном Бахтиным с товарищи с поличными с татиными да с разбойными мецьянина сына боярского да Парфеньева сына Трубникова. И по поличному против расспросных речей к государю в Разбойный приказ в указе выписано и Яков Трубников по поличному посажен в тюрьму до государева указу»¹².

Сравнение сходных по содержанию записей статейного и росписного списка воронежской губной избы

Статейный список	Росписной список
<p>Села Манина сына боярского Власа Соколова крестьянская Митькина дочь Коробова девка Аксиница. Посажена в губной избе в убийственном деле тово ж села Исаева крестьянина Сакалова Амелки Старынина, что та девка Аксиница обвесила на дереве в лесу иво Амелкина сына малчика Офремка дву лет¹³.</p>	<p>Дело и расспросные речи и сыски за руками, что бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а губному старосте Сергею Лихобритову из вещал словесно села Манина Исаев крестьянин Сакалова Амелка Старынин на Власову крестьянскою Митькину дочь Коробова на девку Аксиницу, что де та дочь иво девка обвесила до смерти в лесу на дереве иво Амелкина сына малчика Афремка дву лет¹⁴.</p>

Из приведенного примера хорошо видно: за исключением некоторых незначительных деталей обе записи повторяют друг друга. Учитывая это, возможно использовать сохранившиеся лучше записи статейных списков так же, как и их аналоги в росписных списках.

Подобный формуляр, вероятно, был не всегда типичным для статейных списков. В статейном списке ростовской губной избы записи чрезвычайно кратки:

«Убойца сын боярской Михайло Михеев сын Савин.
Ларионов крестьянин Радилова Обращка Савельева.
Князь Данилов крестьянин Несвицкого Тишка Трофимов.

...

Становщица Кирьянова жена Паршина Улитка Григорьева дочь»¹⁵.

Исходя из известных нам материалов, подобная краткость записей была скорее исключением, нежели правилом. Причина в том, что в них должны были сжато резюмироваться основные

детали дела, чтобы в приказе было легче найти следственные документы и вынести приговор.

Практическое значение статейных списков в делопроизводстве Разбойного приказа и губных изб определялось не только их учетным характером. Периодически губной староста отправлял этот документ в приказ, где, опираясь на наличные акты и сведения статейного списка, выносились приговоры в отдельной указной грамоте, направлявшейся обратно. Интересно, что приговор не всегда выносился судьями приказа. Известен случай, когда Михаил Федорович лично слушал статейный список и «указывал» по каждому из дел¹⁶. Получив перечень приговоров из приказа, губной староста и его помощники приводили их в исполнение, о чем потом отчитывались перед Разбойным приказом¹⁷.

Несмотря на то, что подобные указные грамоты не сохранились, нам известен один из черновиков подобного документа, составленный в середине XVII в. (но не позднее 70-х годов). Формуляр их прост – напротив фамилий заключенных указано назначенное им наказание:

«Вести на площадь и чинить наказанье – бить кнутом:

Пахомку Сергеева, Федку Боярченка, Петрушку Раковского, Меркушку Васильева,

а Екимку Кузовченка бить кнутом и языка урезать.

Ивашке Сапожнику языка урезать.

Ивашка Рабынина отвести в Сибирской приказ без наказания»¹⁸.

Значение росписных и статейных списков как исторического источника сводится к следующим аспектам. Во-первых, в росписных списках излагается содержание указных грамот, поступавших из приказа губным старостам. Во-вторых, изучение данной разновидности документации позволяет получить представление о документах, входивших в состав судебных дел. В-третьих, росписные списки дают нам возможность определить степень и характер взаимодействия делопроизводства Разбойного приказа и губных старост и провести линию, разделяющую их. Этот источник позволяет составить столь ясное

представлении о деятельности учреждений, в которых он был частью делопроизводства, что остается лишь сожалеть о ничтожном числе сохранившихся росписных списков. Что же до статейных списков, то они, как мы показали, позволяют частично компенсировать плохую сохранность росписных списков. Наконец, обе разновидности делопроизводственных материалов являются первоклассными источниками по истории губных институтов и борьбы с профессиональной преступностью.

Сделанные выше выводы большей частью затрагивают деятельность Разбойного приказа и его агентов. Однако следует заметить, что подобные виды делопроизводственной документации, с известными оговорками, существовали и в других приказах и местных учреждениях¹⁹. Исполнение судебных обязанностей требовало создания документов, по форме напоминавших росписные списки, а учет колодников, содержащихся в многочисленных тюрьмах, был невозможен без статейных списков.

¹ Государственность России: словарь-справочник / Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. М., 2009. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления, частноправовые акты: конец XV – февраль 1917 года: в 2 ч. Ч. 2: М–Я. С. 248.

² Там же. С. 289.

³ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства XVI в. М., 1908. С. 52–53.

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 34.

⁵ См., например: *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы: (процессы до издания уложения Алексея Михайловича 1649 г.). М., 2004. Т. I. С. 483–493.

⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. С. 562.

⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 182. Оп. 6. Д. 181.

⁸ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т. 3. С. 231–248.

⁹ Там же. С. 235.

- ¹⁰ В качестве примера укажем на росписной список, вероятно, составленный одним из сыщиков в 70-х годах XVII в.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 197. Оп. 3. Д. 1963.
- ¹¹ Колесникова Е.А. Местные органы власти в России после Смуты (1613–1645 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 15.
- ¹² РГАДА. Ф. 210 (Столбцы Московского стола). Д. 135. Л. 549.
- ¹³ ГАВО. Ф. 182. Оп. 6. Д. 181. Л. 7.
- ¹⁴ Там же. Л. 10.
- ¹⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. С. 248.
- ¹⁶ Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии; Первая половина XVII в. С. 223.
- ¹⁷ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. М., 2008. Т. 3; С. 478; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. 236.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 53271.
- ¹⁹ К счастью, в случае с другими учреждениями (преимущественно с Рязрядом и относившимися к нему воеводскими избами) эти источники сохранились в большем количестве и еще ждут своего исследователя.

М.С. Черкасова
(Вологда)

Институт поповских старост на севере России в середине XVII в. (источниковедческие аспекты)

Проблемы церковного управления на разных уровнях в эпоху Московской Руси рассматривались в ряде общих и специальных работ XIX–XX вв. Система эта еще далека от исчерпывающего изучения во всех своих структурных элементах, учитывая обширную географическую распространенность епархий, десятин, приходов, существенные различия в социальном составе населения и структурах землевладения разных уездов страны. Интерес исследователей к конкретно-историческим и источниковедческим аспектам этой проблематики не ослабевает, о чем свидетельствует выход новейшей монографии молодой исследовательницы И.А. Устиновой о приказной системе Патриаршего дома во второй четверти XVII в. Наряду с другими вопросами, автор рассмотрела функционирование института поповских старост и ведение ими соответствующей документации¹. В статье о волостных десятинах И.А. Устинова установила исчезновение в Медушской десятине после дозора 1655/56 г. десятильников и появление на их месте в платежных записях приходных книг старост поповских². Сведения о поповских старостах Вологодско-Пермской епархии в XVII в. были проанализированы нами в специальной статье³. Так создается основа для последующих сравнительно-исторических работ, построенных на материале отдельных епархий, их десятин, в том числе и на уровне типологически близких источников. О документальных же предпосылках данной статьи следует сказать особо.

В Государственном архиве Вологодской обл. (ГАВО) в ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 3 (Устюжский архиерейский дом) сохранилась неизвестная в литературе совокупность из

87 приходных книг поповских старост за 1661–1666 гг.⁴ Они охватывают практически все городские и сельские приходы весьма крупной по занимаемому пространству Устюжской десятины Ростовской митрополии (Устюжский уезд, разделяемый на три трети – Сухонскую, Южскую и Двинскую, а также Тотемский и Сольвычегодский уезды)⁵ и отражают различные стороны повседневной жизни низового звена епархии во времена знаменитого митрополита Ионы Сысоевича (1652–1690 гг.). Их можно также воспринимать как нетрадиционную документацию по исторической демографии – фиксации брачности и смертности горожан и крестьян еще в дометрический период, а также материального и правового положения приходского духовенства и низших слоев церковного причта. Возможна и социокультурная направленность в их рассмотрении (см. ниже по тексту). Во всех отмеченных выше качествах эти книги еще не были востребованы в научной литературе. Относительно территории Устюжской десятины следует отметить социально однородный социальный состав населения – это были районы развитых в торгово-ремесленном отношении севернорусских посадов и черносошного крестьянства.

Термины *поповский староста* и *заказчик* являлись синонимами, хотя в источниках разного вида встречается их дифференцированное употребление. Данный институт изначально был связан с тяглой организацией приходского духовенства (как городского, так и сельского), что отражает известная еще по иммунитетным актам XV в. фраза «...ни к *старосте поповскому* с тяглыми попами не тянут...»⁶. В иммунитетных актах она помещалась в составе широкого перечня налоговых освобождений. Согласно жалованной грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской 1484/85 г., выборные поповские старосты собирали с волостных людей церковную дань, передавая ее затем владычному десятильнику⁷.

Упорядочение данного должностного института было проведено на Стоглавом церковно-земском соборе 1551 г.⁸ В этом памятнике церковного права встречается широкий набор синонимов: «старосты-священники», «поповские заказчики», «заказные попы», «заказные поповские старосты», «выборные по-

повские старосты» В помощь последним учреждались поповские *десятские* (тоже выборный институт): и те и другие должны быть «священниками искусными, добрыми и житием непорочными». Им вменялось в обязанность следить за благочестием и благочинием белого (приходского) и черного (монашеского) духовенства, а в пределах своего округа («заказа») ведать налоговые сборы в архиерейскую казну. Их следует считать также низшей инстанцией духовного суда. В конце XVII в. им на смену приходят управители духовных дел, а в конце XVIII в. – благочинные⁹. Не случайно в словаре-справочнике «Государственность в России» термин поповский староста имеет отсылку: «См. благочинный»¹⁰.

Наиболее раннее упоминание поповского старосты (= заказчика) в одной из северных десятин Ростовской митрополии нам встретилось в явочной челобитной от 19 февраля 1612 г.¹¹ Это был спасо-преображенский поп Шестой, у которого возник конфликт с десятильником Заволоцкой десятины Булатом Ковезиным: тот требовал предъявить ему книги сбора церковной дани и прочих пошлин (времени управления Ростовской епархией митрополитом Филаретом в 1606–1610 гг. и более старые), а поповский староста отказывался это делать. Десятина же, судя по названию (Заволоцкая), располагалась в районе крупной волости – Лежский Волок¹², по р. Леже, правому притоку Сухоны, на юго-восточном рубеже Вологодского уезда, а поп Шестой служил в Спасо-Преображенском храме на Стрелице (с 1620-х годов – Тотемский уезд, в то время – еще Устюжский). Географически Лежский Волок относился к водоразделу Верхней Волги и Сухонского бассейна, являясь район интенсивной крестьянской и монастырской колонизации в XIV–XVI вв., идущей из Ростово-Суздальской Руси.

В Устюжской десятине Ростовской митрополии, согласно окладной книге 1625 г. (митрополита Варлама: 1619–1652 гг.¹³), поповские старосты и десятские осуществляли дозоры новостроенных храмов и облагали их церковной данью и другими пошлинами «в правду что стоит», то есть в зависимости от числа приходских дворов. Дань могла быть заменена единообразным денежным оброком, и эти налоговые мероприятия

осуществлялись поповскими старостами при содействии детей боярских Ростовского митрополита по его грамотам¹⁴. Если акты являются источниками отразили главным образом нормативно-правовую сторону деятельности поповских старост-заказчиков, то в приходных книгах последних непосредственно раскрываются ее практические стороны. Однако до сих пор этот вид делопроизводственной документации в рамках Ростовской митрополии на севере не был предметом специального источниковедческого изучения. Восполнить указанный пробел должна предлагаемая статья.

Под «заказом» следует понимать совокупность близлежащих церквей, находящихся в подчинении священнику одной из них, называемому заказным старостой. В разбираемых книгах термин «заказ» как синоним волости с входившими в нее сельскими приходами встретился дважды – применительно к Черевковской волости-заказу¹⁵. Обширная территория этой волости обусловила ведение книг двумя заказными старостами: никольскими попами Петром Афанасьевым и Федором Ивановым. В результате сохранился комплекс из семи книг: за 3 сентября – 3 ноября 1661 г. (кн. 58); за 13 апреля – 24 июля 1662 г. (кн. 124); за 8 октября – 28 ноября 1663 г. (кн. 145); за 24 января – 11 февраля 1664 г. (кн. 199); за 8 января – 23 июля 1665 г. (кн. 241); за 12 сентября – 10 ноября 1665 г. (кн. 242), за 21 января – 13 февраля 1666 г. (кн. 270). В большинстве других случаев приход и волость совпадали. Являясь административно-территориальной единицей, «заказ» включал в себя два–три либо четыре–шесть сельских приходов, совпадающих с общинами. При этом сам их территориальный состав не был жестко определен: в один год данный приход входил в такой-то заказ, в другой год его поп становился по выбору поповским старостой и набор приходов мог измениться, хотя, конечно, их территориальное соседство соблюдалось.

Записные книги попов-заказчиков можно рассматривать как разновидность приходных, «зборных», пошлинных. Известно, что в приходо-расходных книгах архиерейских кафедр, монастырей, приказных учреждений, мирских старост записи велись обычно в пределах сентябрьского года по его половинам:

первая – с Семенова дня Летопроводца (1 сентября) и до «Евдокеина дня» (1 марта), вторая – с 1 марта и до 31 августа¹⁶. Иные ритмы записей мы видим в приходных книгах поповских старост-заказчиков. Они их вели по четырем «мясоедам» в году, наступавшим после четырех основных постов – Великого, Петровского, Успенского и Рождественского. В заголовке у каждой книги имеются указания на то, что она является приходной сбора такого-то старосты «Успенского (вариант: Госпожинского) мясоеду»¹⁷ или Великоденского и Петровского *двух мясоедов*¹⁸, Великоденского и Петровского (вариант: Петропавловского)¹⁹ или одного Великоденского (вариант – Великого)²⁰, или Петровского и Успенского²¹, или одного Рождественского мясоеду²².

Такой порядок, вероятно, вообще был характерен для учетной документации церковного происхождения о брачности и смертности. Например, в жалованной грамоте патриарха Филарета Макарьеву Желтоводскому монастырю от 1 июля 1628 г. говорилось о записи попами венечных «знамян и имян женихам и невестам в книги имянно, *которого мясоеду* и месяца и числа»²³. Сами же «знамяна» (письменные разрешения на венчание), как и «похоронные памяти» (для погребения скоропостижно умерших), приходские попы должны были получать у десятильников и поповских старост. Священникам запрещалось венчать и хоронить людей не из их прихода. В наказной памяти патриарха Иоасафа священнику Андрею в Нижегородскую десятину (1634–1641 гг.) говорилось о записи пошлин порознь по статьям и о том, что свадьбы следовало записывать по мясоедам²⁴.

Большинство книг имеет стандартный формат – в восьмую долю листа, в них насчитывается разное количество листов (от 2-х, 3–4-х до 8–10-ти), то есть объем в целом был невелик, все они прошиты нитью и оформлены в виде тетрадок. Иногда «книгу» составляет сложенный вдвое лист бумаги в четверть, не имеющий прошивки нитью (кн. 272). Очень немногие оформлены в виде тетрадок форматом в четверть листа²⁵ или в виде широкого столбца с записями на обеих сторонах²⁶. Некоторые «книги» представлены буквально клочками бумаги

(вдвое сложенной восьмушки)²⁷. Даже если это единственный лист, источник все равно назывался «книги» (во множественном числе)!²⁸ Они могли быть также написаны на столбце или отдельном листе форматом в четверть²⁹.

Наибольшим объемом (27 л.) отличается книга от 3 апреля 1665 до 18 февраля 1666 г.), включающая, помимо посада Великого Устюга, также сбор венечных, выводных и новоженных пошлин по некоторым сельским приходам³⁰. В заголовке отмечается, что это книга митрополичьих приказных людей игумена Троице-Гледенского монастыря Афанасия и протопопа Успенской соборной церкви Владимира. Книга включает три сшитых тетрадки: первая с л. 1 а до л. 11 об.; вторая – с л. 12 до 19 об.; третья – с л. 20 до л. 27 об. Один водяной знак виден полностью и отчетливо различим – это Шут с тремя бубенцами и семизубцовым воротником; второй виден частично, и это предположительно Перевязь либо Дом со змеей. Подобные филигранные (либо их части) встречаются и в других записных книгах, что неудивительно, ведь хронологически все они весьма близки, значит, те же самые запасы бумаги использовались в текущем делопроизводстве Устюжской десятины и в ее низовых микроструктурах. С л. 13 об. и до конца имеются скрепы выборных поповских *десятских*, представлявших две устюжские церкви – Борисоглебскую (поп Афанасий) и Пятницкую (поп Тимофей).

В кн. 228 учтен свадебный сбор всех четырех «мясоедов». К ней содержательно и хронологически близка записная книга приказных людей Ростовского митрополита за 1665–1666 г. из ф. 883 (И.Н. Суворова) в ГАВО, разбору которой была посвящена наша статья³¹. Она создает основу для продолжения начатого исследования о делопроизводстве в Устюжской десятине и связи приходской структуры отдаленного северного уезда с центром управления обширной митрополии.

Иногда в начале заголовка в анализируемых книгах читается: «По благословению и по указу великого господина преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского»³². В некоторых книгах приведен более расширенный титул ростовского владыки: книга *приходная* преосвященного Ионы ми-

трополита Ростовского и Ярославского и Великоустюжского... збору митрополичьим венешным и почеревным и пошлинным денгам»³³. Непременным элементом формуляра приходных книг является начало очередной фразы, не повторяющей указанную выше дату «того же дни дана...».

По некоторым приходам уцелело несколько книг за год, например, рождественского попа-заказчика Подосиновской вол. Ивана: от 4 мая – 31 июля 1662 г. (явно Великоденского сбора венечных пошлин) и от 2 августа – 3 ноября того же года, то есть их Успенского сбора³⁴. По Сольвычегодскому уезду от имени воскресенского попа Симеона Васильева сохранились две книги: за 28 февраля – 31 июля и 9 октября – 31 декабря 1662 г.³⁵ Из двух сшитых тетрадок состоит приходная книга ильинского священника Кивокурской вол. Стефана: в первой – записи по Петровскому, а во второй – по Успенскому мясоеду³⁶. Аналогично и в книге заказного старосты спасского попа Кичменгской вол. Ивана в виде двух осьмушных тетрадок: сначала записи по Рождественскому мясоеду, а с л. 2 во второй тетрадке – по Успенскому за 1665 г.³⁷ По двум этим тетрадкам подведены итоги: всех денег взято рубль 20 алт. 4 денги³⁸. В тот же конволют вшита тетрадь его пошлинного сбора Рождественского мясоеду с декабря 1665 по 18 февраля 1666 г., но бумага здесь форматом в четверку.

Две книги Рождественского мясоеда сохранились от имени спасского попа Ярокурской волости Никифора в виде двух тетрадок – от 9 января – 14 февраля 1664 г. и от 29 декабря 1664 – 29 января 1665 г., причем итоги сбора были подведены по каждому мясоеду отдельно³⁹. Последовательно за три мясоеда – Рождественский, Петропавловский и Успенский – имеются книги спасского священника из Красного Бора Ивана Иродионова с 25 февраля по 12 ноября 1665 г. В той же подшивке следующая его книга пошлинного сбора Рождественского мясоеда с 26 декабря 1665 до 18 февраля 1666 г.⁴⁰

В более скромной по объему книге троицкого попа Стефана Флорова из с. Пещаницы имеются записи пошлинного сбора за Рождественский, а затем за Великоденский и Петровский мясоеды⁴¹. Таким образом, некоторые книги имеют продолжающий-

ся характер, записи их переходят с данного года на последующий. Однако целых годовых комплектов практически не сохранилось, кроме указанной выше кн. 228 за 1665/66 г. троицкого игумена Афанасия и успенского протопопа Владимира. Хронология книг в пределах 1660-х годов весьма разрозненная и случайная, что не умаляет значения всей их совокупности для рассмотрения разнообразных вопросов церковного управления на уровне приходов, социальной и демографической истории.

В самоназваниях этих источников обязательно присутствует слово «книга» или «книги» (чаще именно во множественном числе: «книги збора», «книги приходные», иногда с оттенком: книги-ропись⁴² или просто *ропись* без слова «книги»: «174 году *ропись* заказного поповского старосты Комарицкой волости никольского попа Василья Игнатъева, а в сей росписи писано митрополич пошлины статьями»⁴³. То же: «174 году Черевковские волости никольских попов Федора да Петра *ропись* Успенского мясоеда митрополич пошлин»⁴⁴. Термины *книга* и *ропись* обыгрываются в заголовке у заказного спасского попа с Красного Бора Ивана Иродионова: «Книга... митрополич пошлинного збору сколко собрано денег, и тому в сей книге *ропись*»⁴⁵.

Все книги писались собственноручно поповскими старостами и скреплялись ими по листам. Почерк основного текста и скрепы один и тот же. Исключение составляет книга по Троицкому приходу Шольской волости, написанная церковным и земским дьячком Ивашкой Федоровым по приказу попа⁴⁶. Иногда в конце скрепы указывается общее количество собранных денег – «а всех денег рубль шесть алтын»⁴⁷, «всех денег на перечень рубль 3 алт.»⁴⁸ Наибольший сбор отмечен в конце кн. 228 – 30 руб. 4 алт. 4 ден. В некоторых книгах количество денег указывалось в виде столбика, расчерченного на две вертикальные и одну горизонтальную черту, так же – и при подведении итогов сбора в конце книги⁴⁹.

К особенностям оформления некоторых записных книг следует отнести наличие на полях взятых в кружок пометок: *поч.* (если в соответствующей статье речь шла о выдаче почеревной памяти)⁵⁰; *пох.* (если речь шла о похоронной памяти)⁵¹; *п.* – по-

хоронная; *о.* или *от.* (отрок) и *а* или *в* (первым или вторым браком)⁵². Даже глагол *венчать* иногда передавался сокращенно как обведенная кружком буква *в*. В некоторых книгах записи на каждом листе имеют буквенную нумерацию⁵³, которая в итогах давала общее количество «статей», то есть записей.

На книгах 1664 г. имеются пометки, свидетельствующие о работе с ними в канцелярии Ростовского митрополита. Так, на л. 1 приходной книги поповского старосты Ивана Иродионова из Красного Бора читаем: «Списана и справлена и далее в столбик показано общее количество взятых с данного заказа пошлин»⁵⁴. В конце книги попа Дмитрия из местечка Туровец от 17–29 января 1665 г. общий итог тоже приведен в столбик и пометка «*справлена и сочтена*»⁵⁵, в других книгах: «*списана и справлена*»⁵⁶, либо отмечен общий итог «...и всего 30 руб. 2 алт. *Справлена и сосчитана*»⁵⁷, вариант: «*книги сочтены и справлены*». В одной из книг при подведении итогов написано: «29 статей пошлин», и наш подсчет по тексту дал, действительно, общее количество записей в ней как раз 29⁵⁸. Иногда канцелярская ремарка типа «*списана и справлена*» приводилась не в конце, а в начале книги, обычно на обороте 1-го листа⁵⁹. В канцелярских пометах встречаются и географические ориентиры: «Книги з Двины и з Югу рожественского збору», «староста поповской Ивановской поп Михайло привез з Шонги и с Югу митрополичьих пошлин»⁶⁰. Таким образом, записные приходные книги поповских заказчиков Устюжского уезда проходили проверку-ревизию в митрополичьей канцелярии в Ростове, что дополнительно указывает на включенность данного звена епархиального управления в общую его вертикаль.

Книги отражают положение мелких церковнослужителей – дьячков, пономарей, просвирниц, выдачу им поповскими старостами ставленных и новоставленных, переходящих (самоназвание «перехоженные», «перехожие знамена»⁶¹) памятей. Пошлина за каждую взималась одинаковая – 5 алт. 2 ден. Кроме того, при венчании браков представителей приходского духовенства бралась «выводная куница» (5 алт. 2 ден.) и «новоженое» (4 алт. 4 ден.)⁶². 5 июня 1664 г. в Халезской вол. заказным старостой рожественским священником Петром Семионовым была зафик-

сирована память «введенской просвирне Акилине Антоновой, что отдала замуж дочь...»⁶³. Спасский поп Иван из Кичменгской вол. записал в феврале 1666 г. о взятии двух выводных куниц в размере 10 алт. 4 ден. с благовещенских попа и дьячка – «по дочери выдали»⁶⁴. Известны записи, по которым церковный дьячок-отрок женится на поповой дочери, и были взяты: 1 алт. «новоженного» плюс 4 алт. 4 ден. «выводных»⁶⁵. Заказной староста, спасский поп Кичменгской вол. записал, что он «с никольского попа Семена Иванова новоженной алтын взял – сына женит»⁶⁶. Новоженный алтын брался и с трапезникова сына⁶⁷. Показателен тот социокультурный момент, что записи о браках поповских детей и мелких причетников приводятся в одном ряду с записями о браках горожан и крестьян, как бы растворены в них, как и сами эти низшие слои духовенства среди окормляемой ими паствы. Есть в этом некоторая сословная аморфность русского духовенства, сравнительно слабая его социальная размежеванность, медленный процесс сословной консолидации как важная типологическая черта (в отличие от западноевропейского)⁶⁸.

В ряде книг наряду с основными пошлинами отмечена дополнительная плата «почесть», адресуемой должностным лицам митрополичьей кафедры в Ростове: никольскому попу из Варженской волости была дана переходная память за 5 алт. 2 ден. плюс столько же почести⁶⁹. Репарку «почести+» удалось найти в одной книге о записи брачной пошрины за второбрачных в размере 6 алт. В конце книги троицкого попа с Нижней Уфтыги Василия Семенова отмечено: «почести собрал дьяку Путилу Терпигореву (скорее всего, это был митрополичий дьяк в Ростове) 1 руб. 4 ден.»⁷⁰. При подведении итогов рождественского пошлинного сбора никольский поп Иван указал на 3 руб. 9 алт. 2 ден., *почести* столько же⁷¹. В другой книге поп-заказчик записал, что с 18 свадеб им было собрано 63 алт., а почести дьяку Мурату Чуринову столько же⁷². Норматив почести с каждой свадьбы был такой же, как и основная пошлина, – с отроков по 3 алт., с двоеженцев – по 6 алт. В книге поповских старост Черевковской волости – заказа Федора и Петра за январь – февраль 1666 г. в итогах указывалось, что «денег митрополичьих

29 алт. 2 ден., а сыну боярскому тож»⁷³, то есть речь опять-таки шла о почести, предназначенной на денежное жалованье (либо доплаты к нему?) митрополичьим слугам.

Почестье во второй половине XVII в. стало средством существенного усиления налогообложения в Ростовской митрополии (по сути в два раза). О продолжении его взимания на Устюге свидетельствует приходная (самоназвание «*зборная*») книга поповского старосты Андрея (священника Варварской церкви в городе) за февраль – ноябрь 1681 г. В ней «почестные деньги» представителям митрополичьей администрации составляли от 4 до 10 алт.⁷⁴ «Десятинниче почестье», шедшее с городских приходов и монастырей Устюга, известно и в 1682 г., накануне выведения данного края из-под церковной юрисдикции Ростовской митрополии и образования самостоятельной Устюжско-Тотемской епархии⁷⁵.

Основная масса записей в записных-приходных книгах попов-заказчиков касается брачности крестьян – выдачу священникам венечных памятей («знамян» или «выписей») для венчания первобрачных (стоимость их была 3 алт.) либо взимание более высокой платы за второй (6 алт.) и третий (9 алт.) брак. Такие размеры венечных пошлин установились не сразу. В церковной практике Московской Руси они весьма варьировали. В 46-й главе Стоглава приводится их шкала, установленная Иваном IV для Новгорода и Пскова: за первый брак – 1 алт., за второй – 2 алт., за третий – 4 алт., но при этом отмечено, что их размеры в каждом городе определяются в соответствии с земским законом. В отношении размеров венечных пошлин для первого и второго брака в Новгороде начала XVI в. имеются документальные свидетельства, относящиеся как раз ко времени Ивана III. В позднейшей указной царской грамоте 1641 г. в Великий Новгород пересказывается великокняжеская грамота 7012 г. (1503/04), согласно которой при венчании с отрока бралось 1,5 деньги новгородские, с девицы тож; с вдовца 3 ден., со вдовы тож; и к этим суммам добавлялось еще столько же «от печати», в результате получается, что первый брак оплачивался пошлиной как раз в 1 алт., а второй – в 2 алт.⁷⁶ Эти нормативы и были включены в Стоглав при митрополите Макарии, доба-

вившем 4 алт. за третий брак.

В Заволоцкой десятина Ростовской архиепископии в 1551 г. известны пошрины, полностью совпадающие с отмеченными выше требованиями Стоглава⁷⁷. О выполнении их свидетельствует и жалованная грамота ростовского архиепископа Ионы на новые села Кирилло-Белозерского монастыря 1576 г.⁷⁸ В дальнейшем наблюдается рост венечных пошрин. Так, в 1606 г. в вотчинах Кириллова монастыря в Белозерском и Пошехонском уездах в казну Ростовского митрополита бралось: с первого брака 2 алт. 3 ден., со второго по 4 алт. 3 ден., с третьего по 6 алт. 3 ден.⁷⁹, а в 1622 г. по 3–6–9 алт. с первого, второго и третьего брака соответственно⁸⁰. Другие нормативы находим, например, в жалованной уставной грамоте патриарха Филарета Макарьеву Желтоводскому монастырю 1628 г.: с отрока 2 алт. 3 ден., двоеженца 4 алт. 3 ден., троюженца 6 алт. 3 ден.⁸¹

Церковь ко вторым и третьим бракам относилась в целом неодобрительно, накладывая епитимью для второго брака на 2 года, а для третьего – на 5 лет. Для двое- и троюженцев были предусмотрены ограничения на таинство причастия. В строгом смысле «законом» считался первый брак, венчаемый в церкви, а при втором и третьем поп «*молитвил*» партнеров. Вместе с тем церковь принимала в расчет и такие объективные факторы человеческой жизни, как возраст (молодость) и наличие либо отсутствие детей. Отсюда шло выражение *двоеженец или троюженец по нуже/нужде*, «аще будет добре млад и детей не будет»⁸². При общем раннем возрасте брака, установленном Стоглавом (для отроков 15 лет, а отроковиц 12 лет), и с учетом высокой смертности людей понятно, что вторые и третьи браки заключались отнюдь не в пожилом возрасте.

Ценную черту изученных записных/приходных книг представляют отдельные указания на возраст лиц при повторных браках. Например, в кн. 228 в записи о втором браке Андрея Иванова с третьябрачной Авдотьей Ивановой уточняется, «чтоб она была меньше 40 лет». Аналогичная реплика – и в отношении молодых мужчин в городе, вступающих в третий брак «*по нужде, что они в молодых летех*» (25–30, но не старше 40 лет)⁸³. Такими были возрастные ограничения третьих браков

для мужчин и женщин. Аналогично и для крестьян в сельском приходе: в вол. Варже богословскому священнику Георгию поповский заказчик предписал «молитвить третьим браком Максима Семенова, чтоб он сорока лет был менши, со вдовою вторым браком». Что и было выполнено, а пошлин взято 9 алт.⁸⁴ Третьебрачного Ивана Федорова дмитриевский поп венчал «*по нужде*, что он лет в пол-третьятцать, з девкою...», при этом размер пошлины – 9 алт. – соответствовал как раз третьему браку⁸⁵. Такой же случай известен и по другому приходу города: прокопьевский поп Василий молитвил третьим браком Пантеля Евдокимова «*по нужде*, что он 25 лет» со второбрачною вдовою (пошлин было взято 9 алт.). Примеров третьего брака «*по нужде*» в возрасте 25 лет обнаружено несколько⁸⁶.

В характерной фразе поповских заказчиков и священников «*по нужде*» можно видеть как раз отголоски церковного законодательства, понимание представителями низового аппарата митрополии необходимости брака, семейной жизни для людей с учетом их молодого еще возраста и как отвращение от впадения в распутную жизнь. Нет отличий и в сельских приходах: в вол. Шомоксе богородицкий поп «молитвил третьим браком Федора Фомина *по нужде*, что он в молодых летех, 30 лет, со вдовою вторым браком Еленю Петровой. Пошлин 9 алт.»⁸⁷. Браки обычно заключались между людьми одной волости и одного прихода, значительно реже указывалось, что невеста – из другой волости, что свидетельствует о замкнутости локального крестьянского (да и городского) сообщества. Брак здесь обычно не являлся фактором социальной (вертикальной) и территориальной (горизонтальной) мобильности⁸⁸.

К церковному регулированию семейно-брачной сферы относилась и выдача священникам почеревных памятей, оформлявших пени за рождение внебрачных детей, как правило, у вдов, монахинь, «безмужних жен/женок» и у девиц, что оплачивалось пошлиной в 4 алт. 4 ден. Показательно тяготение размеров пошлин к унификации – и почеревные, и похоронные, и выводные составляли одинаково 4 алт. 4 ден. («принесла Фетиньца Никитина дочь робенка», «...родила робенка Соломия Емельянова дочь»⁸⁹, «...дана почеревная попу такому-то дати

молитва родильнице-девке...»⁹⁰, «давал молитву безмужней женке Ульяне со младенцем»⁹¹), реже почеревные взимались на вдовах⁹². Это само по себе говорит о раннем вдовстве женщин, более высокой мужской смертности. Встречаются записи о том, что почеревная пошлина не была взята: «дал молитву поп Петр нищей малоумной и увечной девке Натальице, пошлин заказчику взять нечего»⁹³.

Для сравнения отметим, что в жалованной грамоте патриарха Филарета Макарьеву Желтоводскому монастырю 1628 г. похоронные и почеревные пошлины немного различались: первые гривна (20 ден.), вторые – 4 алт. 2 ден. (26 ден.)⁹⁴. В книге поповского старосты, священника Благовещенской соборной церкви в Сольвычегодске Максима Дмитриева с. Протопопова говорится, что он дал почеревную память безместному попу, который принял штраф с «безмужней женки Стефанилы» 4 алт. 4 ден.⁹⁵ М.Д. Протопопову принадлежали и некоторые функции духовного суда, поскольку он проводил «роспросы» безмужних женок, накладывая на них соответствующий размер пени⁹⁶.

Повседневной жизни городского и крестьянского социума касались также записи о смертности и ее причинах. В анализируемых книгах фиксировались только случаи так называемой «скорой смерти без отца духовного и причастия, без даров» («преставился скорою смертью в своем дому»), а также смерти в результате несчастных случаев, главным образом если взрослые и дети утонули в реке. Имеются записи о смерти церковных половников. Заказной староста Шольской вол. троицкий поп Гаврило Иванов записал, что в своем приходе он погребал «троицкого половника Андрея Миронова, скорою смертью умершего»⁹⁷. Любопытен один социокультурный момент: погребение утонувших детей оплачивалось такой же по размеру пошлиной, что и взрослых. В книге заказного попа Комарицкой вол. Ивана Ларионова имеется запись от 14 августа 1661 г. о приходе в Ростов к митрополиту Ионе двух крестьян «бить челом о похоронной памяти: судом Божиим потонули дети наши Иван да Емельян. Похоронити Туровецкому попу Димитрию Федосееву, пошлин взято по 4 алт. 4 ден.»; «...отпети и похоронити утопшую Ксению Федорову дочь»; «...Тарасий Яки-

мов судом Божиим потонул в реке»⁹⁸. Месяцами наибольшей гибели людей в реках были июль, август, сентябрь.

Для женщин отмечалась такая причина смерти, как «померла в рождении младенца Акилина Ларионова жена»⁹⁹. Именование умерших женщин по мужу вообще реже встречается, нежели по отцу: «Марина Данилова дочь» или «девка Епистимия Яковлева дочь». Если в первом случае можно лишь предполагать замужний статус женщины, то во втором совершенно очевиден незамужний. Для мужчин причиной преждевременной гибели могло стать убийство: «похранить зарезанного человека тое ж волости имянем (такого-то), пошлин по указу митрополита взято 4 алт. 4 ден.»¹⁰⁰. Имеются сведения и о смертности монахов сольвычегодских монастырей. Размер пошлин для умерших монахов и гражданских лиц был одинаков (4 алт. 4 ден.)¹⁰¹. Одинаковая по размеру пошлина и за светских лиц, и за детей, и за монахов показывает несомненную унифицированность норм церковного права в отношении всех представителей общества. В одном случае похоронная память названа еще и духовной¹⁰². Иногда синонимом похоронных и вечных памятней памяти служили «выписи» – эти особенности в терминологии приходных книг присущи сольвычегодским книгам¹⁰³. В отдельных случаях деньги за погребение не брались: «похоронить утопшаго такого-то, пошлин взять нечего, был нищим, скитался в мире»¹⁰⁴.

В общей жалованной грамоте царя Михаила Федоровича устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю от 3 апреля 1623 г. перечислено десять причин непреднамеренных смертей («душегубства безхитростно»): 1) громом убьет; 2) з дерева убьется; 3) утонет; 4) озябнет; 5) згорит; 6) зверь съест; 7) от своих рук утерается; 8) возом сотрет; 9) подкинет убитым человеком; 10) водою принесет¹⁰⁵. Не пронумерована нами обобщающая фраза: «или иною какою смертью умрет». В отличие от жалованных царских, нерасчлененно перечисляющих причины смертей, в патриарших грамотах 1620-х годов они разделены на две группы. По первой группе умершего следовало отпеть и похоронить «у церкви Божии» (человек «кусом подавился»; «с дерева убился»; «отравною смертию умер, не сам

себя отравил»; «утонул не купаючись») или был кем-то зарезан.

В районах солеварения специфическими причинами непреднамеренной смерти могли быть чисто производственные – «в дыму задохнется, в трубе зажмется или жеравцом убьет». Солеварение было очень трудоемким делом: соль вываривалась по многу часов при высоких температурах в тесных помещениях, полных дыма, соляной раствор черпался из скважин тяжелыми бадьями с помощью колодезных «жеравцев», и все это представляло непосредственную угрозу для жизни «поваров», «водолеев», кузнецов при починке оборудования варниц. Похоронную память погибшим «непреднамеренно» выдавал поповский староста или десятильник и стоила она одну гривну, а соответствующая запись вносилась в приходную книгу старосты-заказчика.

По второй группе причин («опился вина; удавился; сам ножом зарезался; сам с качелей убился; утонул, своею охотою купаючись; сам себя отравил; какое-либо другое дурно над собою учинил своими руками») ¹⁰⁶ умершего не отпевали, а хоронили «у убогих дому» или в поле, «далече от церкви Божию». Здесь скрыты и некоторые социокультурные моменты – неодобрительное отношение церкви к таким формам времяпровождения людей, как купание и качание на качелях, что делалось ими ради удовольствия, «своею охотою». В случае гибели наказанием для них стал бы отказ в церковном отпевании и погребение в пределах церковной ограды.

Самоубийство в состоянии безумия подразумевается в одной из записей поповского старосты, воскресенского попа Рагмеровской вол. Сольвычегодского уезда Дмитрия Андреева от 10 июля 1665 г. о выдаче похоронной памяти: «вне ума удавился» (что как раз соответствует формуле грамот «от своих рук утерется или дурно какое над собою учинит своими руками») ¹⁰⁷. Сам же случай произошел в Ильинском приходе Вилегодской вол., поскольку память была адресована ильинскому попу Ивану Федорову.

Возраст умерших нигде не указывается, но иногда об их молодости можно догадываться по фразам: «...дана похоронная отпети мертвое тело Епистимею Яковлеву дочь, дев-

ку»¹⁰⁸. В лаконичных записях поповских заказчиков угадывается и драматизм ситуаций, связанных с ранней детской и подростковой смертностью: «погребсти мертвое тело Данила младенца Осифова сына, пошлин 4 алт. 4 ден.», «похоронить девицу Наталью»¹⁰⁹, «...похоронить утонувшую в воде судом Божиим Анну *младенца* Федорову дочь»¹¹⁰. Младенцем в старой России могли называть ребенка до 7–8 лет. Примерно такой же возрастной рубеж между детством (*enfance*) и отрочеством/мальчишеством/ребячеством (*puérilite*) указывает и Ф. Ариес для средневековой Европы¹¹¹.

Первичная систематизация видов взимаемых в приходах пошлин была проведена нами на основе комплекса из восьми записных книг спасского попа-заказчика Ивана Мезенца (Иродионова) по Красноборской вол. Устюжского уезда за 1661–1666 гг. В обширную территорию его «заказа» входила группа из десяти волостей – Пермогорье, Лябла, Цывозеро, Ерогочская Вершина, Онтропьева слобода, Повостец, Евда и усть-Евда, Верхняя Тойма, Юрьев Наволок. Из общего числа 192 записей, сделанных в течение 5 лет (и соответствующих им пошлин, выданных «памятей») большая часть – 79% касалась заключения браков (первых, вторых или третьих); 7,8% – похорон; 6,7% – внебрачных детей. Остальные пошлины имели отношение к низшим членам причта: 3,1% – переходное; 2,6% – ставленные и одна наказная память (0,5%). Структура брачности в волости Красный Бор в 1660-е годы выглядит следующим образом: более всего (73%) было обвенчано отроков с отроковицами. На втором месте (11,8%) стояли браки вдовцов со вдовами «второбрачными»; 8,5% составили повторные браки мужчин с девицами и 4,6% – отроков со вдовами «второбрачными». Отмечено только два случая третьего брака мужчины со вдовой «второбрачной» (1,3%) и один случай второго брака мужчины со вдовой «третьебрачной» (0,6%).

Эти соотношения примерно совпадают со структурой брачности, выведенной нами для городских и сельских приходов по годовой кн. 228 от 3 апреля 1665 по 18 февраля 1666 г., охватывающей все четыре мясоеда (см. табл. в Приложении). По ней видно, что наибольший пик в заключении браков приходился

на Рождественский мясоед (январь – февраль) – 170 (или 63,9%). И это с учетом почти одинаковой продолжительности мясоедов – по 2 мес. (за исключением лишь Успенского, записи по которому в кн. 228 идут с 19 августа по 14 ноября), когда заключалось по 29–33 брака. Наиболее активной группой в создании новых семей являлась городская и сельская молодежь («венчать отрока с девкой») – в абс. 212, или 79,6%. Далее следует указать повторные браки обоих супругов (как и в Красноборской волости) – 38 (или 14,2%). В 11 случаях отроковиц венчали со второ- и третьобрачными мужчинами (4,1%). Наименее распространены были браки вдов с отроками – 5 (1,8%). В отношении сезонных колебаний брачности отметим, что и в приходных книгах Вологодской епархии середины XVII в. январь – февраль также были временем наибольшего числа венчаний как в городе (до 72%), так и в деревне (до 48%)¹¹². Отличительная черта вологодских записей о взимании вечных пошлин в начале 1660-х годов заключалась в переводе медных денег в серебряный эквивалент, в соответствии с проводимой в России в 1654–1663 гг. денежной реформой: с первобрачных брались 3 медных гривны (они приравнивались к одной серебряной); со второбрачных – 6 гривен медных (равны 2 серебряным), с третьобрачных 9 гривен медных (равны 3 серебряным)¹¹³.

Важно, что представители местного административного аппарата Ростовской митрополии на Устюге непосредственно участвовали в церковно-правовом регулировании брачности городского и сельского населения, контролировали сбор вечных пошлин – существенный источник доходов данной церковной институции. В епархиях они поступали в казенный приказ и по приведенным И.А. Устиновой данным, в 1640/41 г. в структуре доходов Патриаршего дома вечные пошлины в сумме с тиунским сбором (1347 руб.) стояли на третьем месте после неокладных доходов (свыше 11 тыс. руб.) и церковной дани (свыше 2 тыс. руб.)¹¹⁴. По Ростовской митрополии для выведения подобных соотношений, к сожалению, не имеется источников.

К сказанному еще добавим, что приходные (записные) кни-

ги поповских старост/заказчиков отличаются богатством антропонимического материала, всего того, что имеет отношение к формулам называемого лица – именам, отчествам. По ним можно также изучать какие-то, видимо, диалектные особенности в передаче фамилий – интересна форма творительного падежа: «...венчать отрока такого-то с девкой Антониною Ларионовов, ...Парасковьею Афонасьевов, ...Евфросиньею Ивановов, ...Дарьею Федоровов, со вдовою Натальею Фоминов»¹¹⁵. Аналогично в кн. 271 по Шольской вол. – «...отрока Филиппа Ивановов», «...венчать с Федосьею Амосовов, ...с Соломонию Осиповов, ...с Макориною Козминов», ...с Парасковьею Потаповов, ...Ульяною Минеевов ... с. Евдокию Федотовов» и т.д. Данные языковые явления должны привлечь внимание специалистов по истории русского языка.

Таким образом, в статье были рассмотрены приходные (записные, сборные пошленные) книги поповских старост (заказчиков, заказных попов) Устюжской десятины Ростовской митрополии в 1660-е годы. Этот регулярно избираемый из состава приходского духовенства институт играл важную роль в повседневном функционировании административно-финансового и судебного аппарата митрополии, документальный след в деятельности которого и представляет разобранная документация.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Структура брачности у горожан и крестьян в 1665/66 г.

Виды заключаемых браков	«Мясосоль» и даты записей				Итого	
	Великоденский 3.04–24.05	Петровский 29.06–25.07	Успенский 19.08–14.11	Рождественский 4.01–18.02	абс.	%
Оба отроки	18	20	22	152	212	79,6
Оба 2-м или 3-м браком	7	11	5	15	38	14,2
Он отрок, она вдова	1	1	2	1	5	1,8
Он 2-м или 3-м браком, она – девка	3	2	4	2	11	4,1
Итого	29	34	33	170	266	100

Источник: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 228.

-
- ¹ Устинова И.А. Книги патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 26, 33, 53, 68, 69, 73–75, 128, 156–158, 247, 289.
- ² *Ее же*. Волостные десятины Патриаршей области; состав, платежеспособность и управление // Сельская Россия: прошлое и настоящее: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 7–10. Здесь же указана и основная научная литература по проблеме.
- ³ Черкасова М.С. К изучению церковно-административных и территориальных структур на русском севере в XVI – начале XVIII в. // Государство и общество в России XV – начала XX в.: сб. ст. памяти Н.Е. Носова. СПб., 2007. С. 216–219.
- ⁴ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 51–57, 59–62, 113–127, 142–149, 205–274. Следует отметить приоритет в первичном разборе и систематизации этого комплекса старейшего вологодского архивиста Тамары Михайловны Воропановой, недавно ушедшей из жизни (6.06.1929–19.08.2013), как и вообще ее вклад в упорядочение огромной Коллекции столбцов в ГАВО.
- ⁵ Их состав и примерное географическое расположение см.: Черкасова М.С. Устюжская десятина Ростовской митрополии в XV–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2008. Вып. XVII. С. 25–30, 35–37.
- ⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 243. Далее: АСЭИ.
- ⁷ Там же. № 291 а.
- ⁸ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 277–278, 343–344, 431–432, 477.
- ⁹ Государственность России: словарь-справочник. М., 2005. Кн. 5, ч. 1. С. 50–51, 314. (Автор статьи – В.В. Олевская).
- ¹⁰ Там же. Кн. 5, ч. 2. С. 190.
- ¹¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 94 (№ 49). (Далее: АЮ).
- ¹² Не случайно явка была подана на имя игумена Спасо-Прилуцкого монастыря Тихона, ведь данная корпорация имела крупные вотчинные комплексы как раз в районе Лежского Волока.
- ¹³ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 2007. Стб. 333.
- ¹⁴ Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 14, ч. 2. Стб. 913–914. (Далее: РИБ).
- ¹⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 53. Л. 1; Кн. 270. Л. 6.
- ¹⁶ О классификации и типологии приходных и расходных книг см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в

- XVII веке. М., 1997. С. 177–198.
- ¹⁷ См., например: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 51, 52, 54, 56–60, 62, 116, 123, 147, 230, 231 (с л. 7), 242, 243, 272.
- ¹⁸ Там же. Кн. 119 (Красноборского спасского попа Ивана Мезенца за 8 февраля – 31 июля 1662 г.); 124 (на л. 1–2 – записи Великоденского, а с л. 3 – Петровского мясоеду); 198.
- ¹⁹ Там же. Кн. 121, 231 и в кн. 228 на л. 18.
- ²⁰ Там же. Кн. 115, 202 (на л. 1 – Великоденского мясоеда, а на л. 1 об. – Петровского); 204 (указан Великий мясоед); 228; 238; 249; 264.
- ²¹ Там же. Кн. 231 (книга Ильинского попа Кивокурской вол. Стефана за 9–27 июля 1664 г. и за 27 сентября – 27 ноября 1665 г.).
- ²² Там же. Кн. 146 (28 декабря – 8 февраля 1664 г.); 188 (17 января – 4 февраля 1664 г.); 191 (17 декабря 1664 – 29 января 1665 г.); 193 (24 января – 14 февраля); 199 (24 января – 11 февраля 1664 г.); 200 (29 января 1664 – 29 января 1665 г.); 303 (25 декабря 1664 – 1 февраля 1665 г.); 269 (8 января – 17 февраля 1666 г.); 272 (1 января – 1 февраля 1666 г.); 274 (31 января – 18 февраля 1666 г.).
- ²³ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1846. Т. 3. С. 258 (№ 175). (Далее: ААЭ). Грамота имеет подтверждения последующих патриархов – Иоасафа, Иосифа и Никона.
- ²⁴ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 157.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 269–8 л.
- ²⁶ Там же. Кн. 202.
- ²⁷ Там же. Кн. 56. Л. 3 об.
- ²⁸ Там же. Кн. 144, 189.
- ²⁹ Там же. Кн. 230, 242.
- ³⁰ Там же. Кн. 228.
- ³¹ См.: *Черкасова М.С.* К изучению дело- и судопроизводства в Ростовской митрополии в XVII в. // История и культура Ростовской земли, 2007. Ростов, 2008. С. 103–111; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 245 (15 л. с об.).
- ³² ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 61. Л. 1.
- ³³ Там же. Кн. 123. Л. 1. Три территориальных элемента – Ростовский, Ярославский и Устюжский – встречаются и в титуле Филарета в бытность его на Ростовской кафедре в грамотах ноября 1606 г. (ААЭ. Т. 2. № 57–59).
- ³⁴ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 121–122.
- ³⁵ Там же. Кн. 125–126.
- ³⁶ Там же. Кн. 231.
- ³⁷ Там же. Кн. 232.
- ³⁸ Там же. Кн. 232. Л. 11 об.

- ³⁹ Там же. Кн. 201.
- ⁴⁰ Там же. Кн. 234.
- ⁴¹ Там же. Кн. 236.
- ⁴² Там же. Кн. 121, 192.
- ⁴³ Там же. Кн. 233. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Кн. 242. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же. Кн. 232. Л. 10.
- ⁴⁶ Там же. Кн. 271. Л. 11.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 115. Л. 2 об.
- ⁴⁸ Там же. Кн. 239 на л. 10.
- ⁴⁹ Там же. Кн. 149.
- ⁵⁰ Там же. Кн. 56. Л. 2.
- ⁵¹ Там же. Кн. 56. Л. 2.
- ⁵² Там же. Кн. 238, 241 (вся книга); Кн. 56. Л. 1 об.; Кн. 59. Л. 4 об., 5.
- ⁵³ Там же. Кн. 124, 147, 197.
- ⁵⁴ Там же. Кн. 191. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. Кн. 195.
- ⁵⁶ Там же. Кн. 200. Л. 8 об.; Кн. 246. Л. 4 об.; Кн. 249. Л. 3 об.
- ⁵⁷ Там же. Кн. 229. Л. 4 об.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 237.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 245. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Кн. 228. Л. 21; Кн. 271. Л. 11 (запись поперек листа).
- ⁶¹ Там же. Кн. 126. Л. 4 об.–5; Кн. 231. Л. 10.
- ⁶² Там же. Кн. 124. Л. 3.
- ⁶³ Там же. Кн. 198. Л. 3 об.
- ⁶⁴ Там же. Кн. 232. Л. 17 об.
- ⁶⁵ Там же. Кн. 228. Л. 10 об.
- ⁶⁶ Там же. Кн. 232. Л. 11.
- ⁶⁷ Там же. Кн. 235. Л. 4 об.
- ⁶⁸ *Флоря Б.Н.* Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России, XV – середина XIX в.: Междунар. конф. – Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2. С. 106–112.
- ⁶⁹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 229. Л. 6.
- ⁷⁰ Там же. Кн. 235. Л. 50.
- ⁷¹ Там же. Кн. 250. Л. 8 об.
- ⁷² Там же. Кн. 266. Л. 2.
- ⁷³ Там же. Кн. 270. Л. 6.
- ⁷⁴ *Черкасова М.С.* К изучению дело- и судопроизводства ... С. 109–110; РИБ. СПб., 1892. Т. 12. Стб. 1071–1094.
- ⁷⁵ *Черкасова М.С.* Устюжская десятина Ростовской митрополии ... С. 29–30.

- ⁷⁶ ААЭ. Т. 3. № 306.
- ⁷⁷ РИБ. Пг., 1915. Т. 32: Архив П. Строева. Т. 1. № 187.
- ⁷⁸ Там же. № 263. П. Строевым указан только один год его правления – 1576 г. (*Строев П.* Указ. соч. Стб. 332).
- ⁷⁹ АЮ. № 221. III. (Переизд.: РИБ. Пг., 1917. Т. 35. № 45). Деньги платил старец Кириллова монастыря Иосиф Монастырев, а платежная отпись была выдана митрополичьим казначеем старцем Антонием, приложившим к ней казенную домовую знаменную печать.
- ⁸⁰ Там же. № 221. VI. (Переизд.: РИБ. Пг., 1917. Т. 35. № 309). Деньги платил соборный старец Кириллова монастыря Серапион, а платежная отпись была выдана митрополичьим казначеем старцем Леонидом Кривским, приложившим к ней домовую казенную печать.
- ⁸¹ ААЭ. Т. 3. С. 257–258 (№ 175).
- ⁸² Российское законодательство ... Т. 2. С. 287–288, 290, 437–438.
- ⁸³ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 228. Л. 1 об., 3 об., 21.
- ⁸⁴ Там же. Л. 1 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 10 об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 21, 25 об.; Кн. 273. Л. 2 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 21.
- ⁸⁸ Подобнее см.: *Черкасова М.С.* : 1) Отпускные памяти как источник правового положения крестьянства (вторая половина XVII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 149–160 ; 2) Правовое регулирование брачности у монастырских крестьян в XV–XVIII вв.: (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) // Троице-Сергиева лавра в истории, духовной жизни, культуре России: материалы VII междунар. конф. Сергиев Посад, 2012. С. 75–88 ; 3) Выводная куница» и «отпускные выводные памяти» на замужество в XVI–XVII вв. // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: памяти Натальи Александровны Горской. М.: Индрик, 2013. С. 132–151.
- ⁸⁹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 51. Л. 3–4; Кн. 233. Л. 2.
- ⁹⁰ Там же. Кн. 240. Л. 7.
- ⁹¹ Там же. Кн. 60. Л. 2.
- ⁹² Там же. Кн. 232. Л. 8 об.; Кн. 247. Л. 10.
- ⁹³ Там же. Кн. 145. Л. 2.
- ⁹⁴ ААЭ. Т. 3. № 175.
- ⁹⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 203. Л. 2.
- ⁹⁶ Там же. Л. 10.
- ⁹⁷ Там же. Кн. 243. Л. 2.

- ⁹⁸ Там же. Кн. 51. Л. 1 об.; Кн. 59. Л. 3; Кн. 118. Л. 1.
- ⁹⁹ Там же. Кн. 145. Л. 1 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Кн. 231. Л. 9.
- ¹⁰¹ Там же. Кн. 191. Л. 2.
- ¹⁰² Там же. Кн. 197. Л. 8 об.
- ¹⁰³ Там же. Кн. 125 (книга заказного старосты, воскресенского попа Сольвычегодска С. Васильева); 149 (книга заказного попа, священника Благовещенской соборной церкви С. Семенова). В них же особому поставленные глаголы – обмолитвить, обвенчать. В книгах поповских старост по другим волостям чаще этот же документ назван «знаменем», «вечной памятью».
- ¹⁰⁴ Там же. Кн. 241. Л. 5 об.
- ¹⁰⁵ *Шляпин В.П.* Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1913. Ч. 2. С. 133–134.
- ¹⁰⁶ ААЭ. Т. 3. № 175 (Нижегородский у.); Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 353 (Архангельское собрание). Оп. 1. № 12.9 (Важский у.).
- ¹⁰⁷ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 248. Л. 3 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Кн. 198. Л. 2.
- ¹⁰⁹ Там же. Кн. 251. Л. 4, 9.
- ¹¹⁰ Там же. Кн. 202. Л. 1 об.
- ¹¹¹ *Ариес Ф.* Возрасты жизни // *Философия и методология истории*. сб. ст. / общ. ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 216–244.
- ¹¹² См.: *Черкасова М.С.* Брак и семья на севере России в XV–XVII вв.: народный обычай и церковное регулирование // *Историческое краеведение и архивы*. Вологда, 2009. Вып. 15: История северорусской семьи в социокультурном и демографическом аспекте: источники и исследования. С. 21, Табл. 2.
- ¹¹³ Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сектор письменных источников. Ф. 13 (Н.И. и И.Н. Суворовы). Кн. 1. Л. 51 об.–52.
- ¹¹⁴ *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов ... С. 141–142.
- ¹¹⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Кн. 198. Л. 4–5.

О менталитете русских землепроходцев

Землепроходцами (или первопроходцами) в нашей литературе принято называть «служилых» и «промышленных» людей, принимавших в XVII в. непосредственное участие в открытии и присоединении к Русскому государству Северной Азии, называвшейся в ту пору Сибирью, а ныне поделенной на уральские, западно-сибирские, восточно-сибирские и дальневосточные земли. В ходе продолжающегося уже два столетия изучения начального этапа русской колонизации этой гигантской территории было выявлено много вопросов как частного, так и общего характера, ответы на которые так и не стали общепризнанными и окончательными. В их числе – комплекс проблем, связанных с изучением менталитета землепроходцев, ставший в последнее время объектом повышенного внимания исследователей.

Тема эта обширна и многогранна, но нам придется ограничиться лишь некоторыми ее аспектами, и, прежде всего, попытаться ответить на вопрос о движущих силах землепроходческого движения. Он интересует исследователей давно и трактовался ими по-разному уже в дореволюционный период. Так, наш знаменитый историк С.М. Соловьев был склонен к объяснению русской колонизации особенностями русского национального характера, убежден в отсутствии у русского человека «привязанности к одному месту», из которой якобы и проистекала привычка уходить на новые земли «при первом неудобстве»¹. Профессор Казанского университета Н.А. Фирсов считал, что землепроходцами двигали лишь корысть да жажда наживы, а возражавший ему харьковский профессор П.Н. Буцинский, не отрицая важности материальных интересов, делал упор на духовных факторах: предприимчивости, любознательности, сме-

лости...²

В советский период в объяснении причин русского движение «встречь солнца» тоже господствовали две точки зрения, одну из которых условно можно назвать «идеалистической», а другую «материалистической». Сторонником первой был, например, известный философ-мистик Д.Л. Андреев. Он видел в деятельности сибирских казаков и промышленников проявление «избытка телесных сил и мужания народного духа, в котором пробуждается стремление вдаль» и возникает «неодолимый зов, увлекавший землепроходцев дальше и дальше». «Дикие запахи с неведомых пустошей Востока, ударяющие в ноздри и пьянящие как вино... Курлыканье журавлей, трубные клики оленей... Синеватая дымка, затуманившая на востоке дремучий лесной горизонт... Кровь, гудящая по жилам властным призывам вдаль, внеразумным и провиденциальным хмелем бродяжничества...» – вот что, по мнению Д.Л. Андреева, главным образом, и влекло русских людей в просторы Сибири³. Близок к этой точке зрения еще более известный исследователь – Л.Н. Гумилев. Он причину активности землепроходцев усматривал прежде всего в их «пассионарности» – «особом импульсе», возникающем в результате «избытка биохимической энергии живого вещества» и имеющим свойство затухать с течением времени (у сибиряков, по мнению Л.Н. Гумилева, этот «импульс» пропал в XVIII в.)⁴.

Такие построения носили чисто умозрительный характер, поэтому большинство профессиональных историков отвергало их, объясняя причины русского движения на восток сугубо объективными факторами и приводя доводы, которые, в отличие от умозаключений Андреева и Гумилева, покоились на солидной источниковой базе.

Усилиями нескольких поколений сибиреведов было выяснено, что в XVII в. основной поток переселенцев направлялся за Урал из северных, «поморских» уездов Московского государства, практически не знавших крепостного права, и состоял главным образом из вполне легальных «сходцев» – чернососных крестьян, посадских и гулящих людей. В Сибири они либо продолжали прежнюю хозяйственную деятельность («на паш-

не», «в посаде», на «промыслах»), либо «верстались в службу» (становились казаками, стрельцами, пушкарями). К переселению их побуждали относительная земельная теснота, обусловленная экстенсивным характером ведения хозяйства, также усиление налогового гнета; факторами, благоприятствовавшими миграциям на восток, являлись географическая близость и сходство природно-климатических условий Русского Поморья и Сибири, а также высокий экономический потенциал черносошного Севера, отличавшегося от других русских регионов широким развитием промыслового предпринимательства⁵.

Последнее, по мнению историков-сибиреведов, имело особое значение, поскольку в течение почти всего XVII в. для Русского государства основным стимулом продвижения за Урал, подчинявшим все виды хозяйственной и административной деятельности, являлась пушнина – главный «валютный» товар, имевший тогда неограниченный спрос на внешнем рынке. И поэтому не случайно энергичное продвижение русских в Сибирь совпало по времени с «испромышлением» охотничьих угодий на Европейском Севере и резким увеличением спроса на «мягкое золото» после налаживания торговли с Западом через Архангельск и с Востоком по Волге, ставшей к тому времени полностью русской рекой.

Вся связанная с землепроходцами и неплохо сохранившаяся документация («отписки», «скаска», «расспросные речи», «наказные памяти»), действительно, однозначно свидетельствуют, что основной целью этого авангарда русской колонизации была пушнина и в первую очередь – соболь, которого можно было или «промыслить» самому или выменять у аборигенного населения на различные товары, или взять у него же в качестве дани-ясака⁶.

Столь логичное и, главное, опирающееся на данные источников объяснение землепроходческого движения, однако, не устроило некоторых историков, и они вновь напомнили нам о том, что «не хлебом единым жив человек»⁷. И в самом деле. У русского человека в XVII в. и за Уралом было немало способов весьма успешно добывать средства к существованию иным, чем участие в рискованных экспедициях, путем, и боль-

шинство так в конечном итоге и поступало, становясь в Сибири крестьянами или посадскими людьми. Но в том-то и дело, что очень многие предпочли спокойной, размеренной и мирной жизни казачью службу, предполагавшую крайне опасные «дальние посылки» в «неведомые земли», или добычу соболя в этих землях на свой страх и риск в составе промысловых партий. Отправлявшиеся в такие походы служилые и промышленные люди наверняка прекрасно понимали, что в лучшем случае лишь единицам из них удастся разбогатеть или сделать карьеру, знали, насколько опасны такие предприятия – сведения о сотнях погибших первопроходцев ни для кого в Сибири XVII в. не являлись секретом. Что же толкало массу людей на этот путь?

Н.Н. Болховитинов, признавая, что именно ««соболиный хвост» вел русских в бескрайние просторы Сибири», счел необходимым заметить: «Помимо очевидного стремления к наживе промышленниками двигала неудержимая страсть к открытиям, дальним плаваниям и присоединению новых земель»⁸. Вряд ли, однако, большинство землепроходцев отправлялось в свои экспедиции, имея конкретную и вполне осознанную цель что-либо «открыть» или «присоединить» (хотя мы знаем, что бывали и такие – как правило, из числа служилых). Дело, скорее всего, в другом – в том, что полная опасностей, бродячая жизнь устраивала кого-то больше, чем прозябание в качестве «пашенного крестьянина» или городского ремесленника. Таких людей в народе обычно называли «рисковыми» или «бедовыми». Ученые называют их либо «пассионарными» (по Гумилеву), либо – «социально активными». Но не название здесь важно, а понимание того, что землепроходцы были носители *особого менталитета*, определявшего и особенности всего образа их жизни. Такие люди из южнорусских уездов осваивали «Дикое Поле», уходя в вольные казаки, а из севернорусских уездов – осваивали Сибирь, становясь землепроходцами. Ни те, ни другие не оставили нам мемуаров или писем личного характера, из которых можно было бы понять их жизненную позицию, и поэтому ее, конечно, нельзя подтвердить никакими документальными материалами. Но, отказавшись от «источниково-ведческого догматизма», мы можем в общих чертах предста-

вить ее, ибо она находит косвенное подтверждение хорошо известными нам судьбами отдельных землепроходцев, помогает в целом ряде случаев понять причины тех или иных их поступков, и лишь это понимание позволяет давать им объективные оценки.

* * *

Суть еще одного комплекса вопросов, связанных с изучением землепроходческого движения, удачно сформулировал Д.Я. Резун: «Было время, когда о первых русских землепроходцах... было принято говорить только в положительных тонах и словах... Наступили другие времена, и в печати можно встретить уже другие характеристики, низводящие казаков-землепроходцев до фигур криминального мира»⁹. О былой идеализации русских первопроходцев довольно резко отзывается А.С. Зувев. В одной из своих последних работ он пишет: «Походы В. Пояркова и Е. Хабарова, сопровождавшиеся грабежами и избиением местного населения, под пером советских историков превратились в мирные путешествия любознательных землепроходцев. В целом при чтении достаточно большого количества работ, посвященных русским открытиям в Сибири, складывается впечатление, что русских туда привела не погоня за пушниной, а природная любознательность и тяга к поиску неведомых земель»¹⁰.

Замечания резонные, но к тому времени (2007 г.) уже не актуальные. По словам самого А.С. Зуева, «лакировка образа русских землепроходцев» в нашей историографии «начинает исчезать»¹¹. Но правильнее было бы сказать – практически исчезла. И если, например, некоторый налет идеализации объектов своего исследования можно найти у Г.А. Леонтьевой в книгах о Хабарове и Атласове¹², то он вполне объясним спецификой этих работ. Книга о Хабарове предназначалась в первую очередь школьникам, которым трудно понять диалектику описываемой эпохи, а книга об Атласове носит «юбилейный» характер, и критический анализ поступков ее главного героя был бы еще менее уместен...

Что же касается противоположной тенденции – к «очернению» русских первопроходцев – то она, напротив, за последние четверть века набирает всё большую силу. Каких только оценок и эпитетов не удостоивались казаки Сибири в ходе «переосмысления» ее истории: «профессиональные убийцы», «конкистодоры, привыкшие убивать всякого, кто попадется», «бродяги, авантюристы и разбойники» и т.д. и т.п.¹³ По наблюдениям А.С. Зуева, особенно часто подобные эмоции «перехлестывают через край» в популярных работах и в публицистике. Там действия русских все чаще характеризуются не иначе, как «преступление», «кровавые похождения», рисуются жуткие картины «зверств» и «насилий» пришельцев над коренным населением¹⁴.

Приводимые в подкрепление подобных характеристик факты в большинстве случаев, действительно, имели место. Война – всегда крайне жестокая вещь, а в XVI–XVII вв. – тем более. Нравы в эпоху «покорения Сибири» были весьма суровые – под стать эпохе. И это не мое открытие, а мнение, которое еще во времена «тоталитаризма» и «застоя» высказывали весьма авторитетные авторы.

Например, крупный советский писатель, лауреат Государственной премии Н.Н. Михайлов в «парадном» издании одного из своих сочинений, приуроченном к 50-летию Октябрьской революции, писал: «Землепроходцы были людьми высокого мужества. Но они были сынами жестокого века. Казацкая воляность переливалась через край, и поиски отрядов в стремлении собрать побольше ясака часто бывали безжалостны»¹⁵. А десятилетием раньше известный советский исследователь истории русских географических открытий в Арктике М.И. Белов так отозвался об одном из этих казаков-землепроходцев: «Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиций наших современных представлений»¹⁶. Якутский историк Ф.Г. Сафронов в связи с характеристикой «покорителя Приамурья» Е. Хабарова обратил внимание на воздействие «бунташного» XVII в. с его «непримиримыми противоречиями и резкими контрастами» на развитие личности и пришел к заключению,

что «люди могли быть только такими, какими их сформировало время»¹⁷.

Вопрос о допустимости подхода к событиям далекого прошлого с позиций современной морали и этики тоже с давних пор является дискуссионным и по сей день актуальным. Еще Н.М. Карамзин призывал «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени». От подхода к поступкам людей прошлого с современными мерками предостерегал Проспер Мериме. В современной литературе этот вопрос тоже активно обсуждается. Например, Ю.А. Поляков считал, что «плох историк, не соблюдающий принципов историзма в оценке событий минувшего... Нельзя судить близких и далеких предков наших по нынешним меркам»¹⁸.

Историк и писатель Н.Я. Эйдельман, исследуя вопросы историзма в научных биографиях, указывал на опасность «модернизации», подмены ранних человеческих представлений современными и считал необходимым для историка устанавливать контакт с психологией людей изучаемой эпохи. В этом вопросе его полностью поддерживает современный исследователь из Владивостока В.Н. Чернавская¹⁹.

«Есть такая научная дисциплина – герменевтика, – пишет профессор МГУ Ф. Минюшев. – Она учит, как надо интерпретировать любое прошлое событие... Если не придерживаться ее правил, можно легко скатиться к тому, что ценности и нормы лишь современной культуры будут являться единственными эталонами для истолкования прошлых фактов. Мы тогда просто приписываем людям прошлого наши сегодняшние ценности»²⁰.

В том же духе в последнее время высказываются многие. Но многие же придерживаются противоположной точки зрения – в том числе и в трактовках сибирской истории. Так, А.Б. Каменский сравнивает «завоевание Сибири» (Ермаком) с «преступлением» и заявляет, что хотя принципов историзма и надо придерживаться, но «мы тем не менее не можем не оценивать исторические события с позиций морально-этических норм нашего времени... чтобы знать, кто есть кто и что есть что в нашей истории»²¹. (Примечательно, однако, что Екатери-

ну II он характеризует как «дочь своего времени» и считает возможным оправдывать многие ее неблагоприятные, с точки зрения современной этики и морали, поступки как раз характером эпохи...²²⁾

Б.П. Полевой выразил решительное несогласие с «некоторыми авторами», которые «рекомендовали снисходительно относиться к насильственным действиям Хабарова, поскольку он был “человеком своего жестокого века”». Однако изучение документов XVII в. ясно показывает, – пишет Б.П. Полевой, – что и в те времена на крайнем востоке России существовали различные люди: одни действительно проявляли большую жестокость, но уже тогда были “начальные люди” и противоположного типа»²³. Возражая Б.П. Полевому, В.Н. Чернавская замечает, что «личность человека, сыгравшего свою роль в Истории, вряд ли можно рассматривать в отрыве от Времени, породившего его»²⁴.

Безусловно соглашаясь с Чернавской, нельзя вместе с тем не согласиться и с Полевым – в том, что и в «жестоком» XVII в. жили разные люди. По мнению автора этих строк (уже высказанному в печати²⁵⁾, Сибирь знала два основных типа казака-землепроходца. Первый – это типичный конкистадор, смыслом жизни которого были военные походы и военная добыча. Люди эти были, как правило, не просто храбрые и выносливые, а часто еще и авантюрного склада, отчаянные, нахрапистые, не отступавшие ни перед чем для достижения поставленной цели. Поступки их, мягко говоря, далеко не всегда укладываются в современные представления об этике и морали, но нельзя не признать, что без таких «удальцов» покорение Сибири вряд ли бы состоялось. Люди подобного склада были востребованы своим временем и порождены им же, после чего (с наступлением других времен) довольно быстро сошли с исторической арены.

Землепроходцев второго типа отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность. При необходимости они неплохо проявляли себя в ратном деле, но предпочитали решать все вопросы мирным путем. Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с

представителями самых различных племен и народов. Именно за такими людьми было будущее русской Сибири, и они тоже были порождены и востребованы не только *своим* временем, но и тем, что наступило в Северной Азии *после* ее присоединения к России.

Самым известным и общепризнанным представителем сибирских служилых такого типа являлся Семен Дежнев. А.С. Зуев считает, что подобных Дежневу людей в Сибири было крайне мало, и они «растворялись в массе тех, для кого цель оправдывала средства»²⁶. Полагаю, что это все-таки преувеличение. К числу близких Дежневу по духу и поведенческим стандартам людей можно отнести еще ряд широко известных персонажей сибирской истории XVII в. – Петра Бекетова, Максима Перфильева, Якова Тухачевского²⁷.

То, что деятельность служилых людей «конкистадорного» типа получила в источниках гораздо большее отражение, объясняется спецификой приказной документации, менее всего нацеленной на фиксирование обыденного, и в частности мирных, «человеческих» взаимоотношений русских и аборигенов. Но нам и здесь надо отказаться от «источниковедческого догматизма»: о достаточно широком распространении в Сибири именно таких взаимоотношений ясно говорят пусть и отдельные, случайно выявляемые, но все же весьма показательные факты. Сохранились свидетельства, что у русских за Уралом среди аборигенов в XVII в. имелись «старые друзья и знакомцы», что для улаживания конфликтов сибирские «иноземцы» просили присылать к ним знающих их обычаи служилых, пользующихся у коренного населения особым доверием, что, отправляясь в поход, казак мог оставлять свое хозяйство и семью на попечение знакомого «иноземца» (как это сделал, например, Дежнев), что «иноземцы» часто ходят к русским в гости и предупреждают их о готовящихся нападениях, что в момент смертельной опасности «иноземец» закрывает русского друга своим телом (эпизод из похода Атласова) и т.д.²⁸ И вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической справке о гарнизоне Сургута особо подчеркнули их умение приводить «в спокойст-

вие» ясачные народы «ласковостью» – «чрез знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»...²⁹

Некоторые обвинения сибирских служилых в жестокости вообще плохо согласуются с данными источников, давно введенными в научный оборот и никем пока не опровергнутыми. Так, им решительно противоречит оброненное А.С. Зуевым замечание, что с аманатами «русские особо... не церемонились, мало заботясь об их выживании»³⁰. Всякое, конечно, случилось между казаками и аманатами, но преобладало все же стремление во что бы то ни стало сохранить заложников живыми и здоровыми, ибо от их благополучия напрямую зависел ясачный сбор, поэтому так распространены были в Сибири XVII в. ситуации, когда казаки сами из-за нехватки «съестного припаса» голодали, но аманатов кормили исправно. Практиковалась также с согласия сородичей замена «старых» аманатов (чтобы они в неволе не «заскорбели») на «новых». И даже отказ от уплаты ясака «под аманата» вовсе не предполагал его неминуемую казнь (как можно понять из некоторых работ), и тому в литературе есть конкретные примеры³¹.

* * *

О в целом «толерантном» отношении казаков к противостоящим им «иноземцам» историки в последнее время пишут все чаще. Даже А.С. Зуев, рассматривающий русско-аборигенные отношения в XVII в. как в основном конфронтационные, считает нужным отметить «нейтральное оценочное восприятие русскими сибирских аборигенов», отсутствие ксенофобии³². (Лишь в XVIII в. в русских документах появляются «негативные эпитеты» в адрес чукчей и коряков, что А.С. Зуев склонен объяснять «упорным вооруженным сопротивлением» этих народов, но, возможно, тут проявилось и всё усиливающееся к тому времени проникновение в среду российского чиновного люда западноевропейского восприятия «дикарей».)

Вместе с тем, «обобщенный портрет русских землепроходцев» у А.С. Зуева выглядит следующим образом: «Большинство тех, кто шел “встречь солнцу“, первыми вступал в контакты

с иноземцами и устанавливал с ними отношения, подчиняя русской власти, были людьми весьма суровыми, совершенно не склонными к сентиментальности и добродушию. Но еще важнее то обстоятельство, что, будучи в значительной части социальными маргиналами, они... оказавшись в сложных объективных условиях (плохое материальное снабжение, обремененность долгами и финансовыми обязательствами) и соответствующей обстановке (слабый контроль “сверху”, враждебное окружение) без всяких колебаний вставали на стезю преступлений, прибегая к злоупотреблениям...»³³. По мнению А.С. Зуева, «контингент русских комбатантов, от начальствующего состава до рядовых, в подавляющем большинстве по менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к девиантному поведению, выходящему за рамки морально-нравственных представлений даже своего времени»³⁴.

Действия сибирских казаков в XVII в., конечно, могли выходить «за рамки» свойственной той эпохе представлений об этике и морали – это вполне реальная вещь, официально называвшаяся в приказной документации того времени «воровством» и поступками «лихих людей». Однако остается открытым вопрос, насколько часто и как долго подобное происходило в Сибири. А.С. Зуевым приведен всего один пример действий, которые «перехлестывали через край даже по меркам того времени», да и то не слишком характерный³⁵, так что разговор на эту тему получается пока беспредметным.

Среди служилых людей Сибири, особенно в наиболее удаленных регионах, действительно, было немало ссыльных уголовников и прочих маргиналов, и слабый контроль за ними со стороны администрации не мог не способствовать беззаконию и произволу, тем более что, как пишет сам А.С. Зуев, «мародерство и жестокость являются спутниками любой, даже “цивилизованной” войны»³⁶. Но то, что «контингент русских комбатантов» в течение целого столетия состоял «в подавляющем большинстве» из «отребья нации» (выражение декабриста Д.И. Завалишина, цитируемого А.С. Зуевым)³⁷, никак не подтверждается приведенными в работах А.С. Зуева источниками,

и, похоже, это свое заключение он делает не на основе их анализа, а отталкиваясь от общих «ощущений эпохи». Между тем усилия властей по «наведению порядка» и последовавшее затем «качественное изменение состава самих комбатантов», которое отмечает сам А.С. Зуев³⁸, в свете имеющихся в нашем распоряжении материалов выглядят вполне убедительно.

* * *

Проявлением «модернизации» в подходе к событиям далекого прошлого можно также считать квалификацию А.С. Зуевым и некоторыми другими современными историками военных столкновений русских с народами Сибири как «колониальной войны» со стороны России и «национально-освободительной войны» со стороны аборигенов³⁹. «Колониальная» терминология в данном случае вряд ли уместна. Во-первых, как убедительно и не раз за последние десятилетия показано исследователями, Сибирь не стала колонией России – по крайней мере, в социально-политическом значении слова: за Уралом отсутствовал главный атрибут колониальной зависимости – управление территорией на основе особого (колониального) режима, отличного от того, что был в метрополии⁴⁰. А во-вторых, сами события военной истории Сибири XVII – начала XVIII в. плохо согласуются с представлениями об «антиколониальной» и «национально-освободительной» борьбе народов.

Хорошо известно, например, что одной из главных причин «чукотской войны» явились попытки российских властей воспрепятствовать нападениям чукчей на ясачных (то есть ставших российскими подданными) коряков, юкагиров и тунгусов. «Выступая в качестве союзников одних этнотерриториальных групп, русские становились врагами других», – замечает А.С. Зуев⁴¹. Как явствует из его работ и исследований других авторов, практически у всех сибирских народов были широко распространены набеги на соседей с целью грабежа, захвата рабов, а также (как пишет А.С. Зуев) «для испытания силы и мужества воинов», ибо «грабительские набеги на “чужаков” считались удачью и похвальным действием»⁴².

В противоречии с собственным утверждением о колониальном характере «русско-аборигенных» войн находится еще ряд заключений А.С. Зуева – в частности о том, что даже если бы русские не пытались подчинить себе народы северо-востока Сибири, «провоцируя» их на конфликты, «те все равно проявляли бы агрессивность, которая детерминировалась их восприятием русских как “чужих – врагов,” подлежащих уничтожению. Именно поэтому, – пишет А.С. Зуев, – коряки и чукчи нередко сами выступали инициаторами столкновений. К нападениям на русских их подталкивала и такая немаловажная причина, как потребность в приобретении материальных ценностей...»⁴³. Характерно приведенное Зуевым же свидетельство Я.И. Линденау, лично изучавшего коряков: «Чужим они подарков не делают, сами же охотно принимают подарки, но если им что дают, то они это не ценят, а рассматривают как некую обязанность, при этом исподтишка дарителя высмеивают, полагая, что все имеющееся у чужого принадлежит им, да еще ищут повода его убить и завладеть его имуществом»⁴⁴.

Уместно будет напомнить, что и многие другие народы Сибири XVII в. были склонны к ничем не спровоцированным, говоря современным языком, нападениям на русских. В их числе, например, ханты-мансийские племена, для которых, по словам С.В. Бахрушина, «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования»⁴⁵; некоторые из обитавших в западносибирской тундре самодийских племен (в особенности юраки – «юрацкая кровавая самоедь»): объектами их нападений становились как остяцкие, так и русские поселения, партии служилых людей, следовавших с казенными грузами Северным «чрезкаменным» (через Урал) путем. Немало русских бывало при этом убито и ранено, случалось, что они по нескольку дней «сидели от той самоеди в осаде». Как выяснили еще Н.Н. Оглоблин и С.В. Бахрушин, грабеж провозимых «с Руси» и «на Русь» продовольственных запасов и «соболоиной казны», охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами стали для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом⁴⁶.

В освещении истории русско-аборигенных отношений на

севере Азии обращает на себя внимание давняя традиция сибирской историографии: детально описывая (и осуждая) «жестокости» русских по отношению к аборигенам, исследователи умалчивают или упоминают лишь вскользь о «жестокостях» аборигенов по отношению к русским. П.Н. Буцинский, который в конце XIX в. попытался заострить внимание на фактах последнего рода, был заклеен советской историографией как «откровенный колонизатор» и «реакционер»⁴⁷. Но в особенностях менталитета одной воюющей стороны вряд ли можно разобраться, не рассматривая в тех же аспектах другую сторону. И в последнее время в печати все чаще появляются материалы, позволяющие рассматривать русско-аборигенные отношения всесторонне.

О былых нравах народов Сибири сохранилось немало свидетельств ученых-путешественников, чиновников и других современников. Юкагиры, например, характеризуются в этих отзывах как «кроткое», но вместе с тем «воинственное, на войне жестокое племя»; коряки – как «искони вероломные», «прегрубые, сердитые... злопамятные и немилосердные люди», которые «к убивствам человек кровожаждущие... ненавистливы и противозлобны и ни с чего чужеземца убивают...». Ительменам, по мнению европейских наблюдателей, были присущи «геройский дух» и «ужасающая жестокость». Отличительными чертами этих обитателей Камчатки назывались «ярость, ненависть, лицемерие», порождающие «войны как между собою, так и с соседними народами». Чукчи же, по словам анадырских жителей, вообще «из всех племен в крае были самые воинственные»⁴⁸. А исследователь истории межэтнических отношений в России XVI–XVIII вв. В.В. Трепавлов отмечает такие особенности менталитета чукчей: считая себя единственным «избранным народом», они «относились ко всем своим соседям крайне высокомерно (что отразилось в языке и фольклоре)»⁴⁹.

Приведенные выше свидетельства современников, возможно, слишком субъективны и односторонни, чтобы полностью доверять им, но в распоряжении исследователей имеются аналогичные сведения чисто информативного характера, не содержащие каких-либо субъективных оценок. Из них мы знаем,

например, что крайняя жестокость тазовских самоедов проявлялась в «поругании» даже убитых врагов – победители у них «носы и у рук персты резали»⁵⁰. Енисейские киргизы отрезали уши и носы и у живых пленников. Но особенно изощренные, чудовищные по жестокости пытки и казни, по описаниям очевидцев, применяли к захваченным врагам народы северо-востока Сибири – в особенности чукчи: «жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги, и всякие делали надругательства». Более подробное изложение этой «антологии» пыток и казней здесь вряд ли уместно: прошу поверить, что перед ними меркнут самые жестокие способы расправы русских со своими врагами в Сибири (как заметил А.С. Зуев, «документальные данные и свидетельства современников ничего не сообщают о случаях столь жестокого обращения русских с пленными»)⁵¹.

Размышляя над этой стороной русско-аборигенных отношений, О.А. Митько усматривает во многих действиях сибирских служилых людей «не жестокость и коварство, а “военную хитрость”. Точно так же, – пишет он – ее можно увидеть и в “коварстве” противников русских, когда, заплатив ясак и приняв сборщиков “с честью и любовью“, ночью на них нападали или, выбравшись из юрты, сжигали заживо спящих казаков... Законы войны везде одинаковы, и жестокость по отношению к врагу очень часто является лишь одним из способов доказательства своей силы»⁵².

Объективная неизбежность проявления такого рода человеческих качеств отмечается и А.С. Зуевым. «...И русские не отличались мягкосердечием, – пишет он. – Жестокость порождала жестокость, и в результате возростала взаимная ненависть и жажда мести, которые затрудняли переход от войны к миру»⁵³.

Рассматривая стереотипы и особенности военного менталитета сибирских аборигенов XVII в., нельзя не учитывать, что война являлась неперенным спутником (а нередко даже образом жизни) сибирских народов, и за столетия до проникновения русских за Урал у аборигенов Северной Азии формировались свои представления о том, что в противоборстве с врагом допустимо, а что нет. В этой связи вполне резонным выглядит

следующее замечание А.С. Зуева (высказанное, правда, в порядке предположения): «На первых порах аборигены, исходя из собственных “социально-политических представлений”... воспринимали русских как равных, как представителей какого-то неведомого племени, случайно забредших на их территорию... с целью грабежа». И поскольку подобные ситуации были аборигенам знакомы (они «сами организовывали отряды для грабительских нападений на соседей»), «что делать с незваными гостями... хозяйева уже знали по собственному опыту взаимных набегов...»⁵⁴.

Разобраться в подобных ситуациях в целом и в вопросах военного менталитета в частности помогает изучение фольклора тех народов, с которыми казаки контактировали в Сибири. В последнее время сибирскому фольклору стали уделять повышенное внимание не только филологи и этнографы, но и историки. Так, В.И. Кузьминых, анализируя чукотские мифы, демонстрирующие в основном крайне негативное отношение аборигенов к казакам, вместе с тем замечает: «Признание чукчами русских равными себе говорит о том, что пришельцы оказались достойными противниками. Чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно, и ни один народ в чукотском фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми»⁵⁵.

А.С. Зуев также обращает внимание на то, что в фольклоре народов северо-востока Сибири «русские изображаются как очень жестокие воины», но в то же время признает, что военные поражения аборигенов в столкновениях с ними «заставили их уважительно относиться к пришельцам»⁵⁶. И такое отношение надо признать вполне естественным, если учитывать особенности менталитета того сурового времени, причем не только у народов Сибири и не только в XVII в.

* * *

Итог политических событий в Сибири XVII в. ясно показал военное преимущество русской стороны, но оно, как следует из последних исследований, определялось вовсе не слабостью большинства ее противников, не пресловутым «превосходством

ружья над луком»⁵⁷. «Огненный бой», конечно, давал русским важные преимущества перед не имевшими его ополчениями сибирских племен, но не был определяющим фактором русских побед: основное оружие землепроходцев – пищали – были крайне несовершенны и ненадежны, аборигены к «огненной стрельбе» довольно быстро приспособивались, что делало неизбежными жесточенные рукопашные схватки, которые, часто и решали в Сибири благоприятный для русских исход сражений даже над многократно превосходившим их по численности и не уступавшим в холодном и защитном вооружении противником.

Анализируя причины русских побед, современные исследователи обычно обращают внимание на ряд объективных и субъективных факторов. Д.Я. Резун в этой связи пишет о стремлении сибирских служилых людей, отличившись в бою, «подняться по служебной лестнице» (чего в принципе не могло быть в «родовом обществе» у аборигенов), а также «в их корпоративной организации»⁵⁸. А.С. Зуев объясняет русские победы «превосходством русского вооружения, военного искусства и боевого духа»⁵⁹. Полагаю, что последнее обстоятельство, имеющее прямое отношение к менталитету русских землепроходцев, при выяснении причин их военных побед должно стать первым. В этом прежде всего убеждают весьма красноречивые оценки противником боевых качеств казачьего войска Сибири. Например, китайцы после столкновения с казаками на Амуре отзывались о русских как о людях «храбрых как тигры и искусных в стрельбе»⁶⁰. Чукчей, судя по их фольклору, проанализированному В.И. Кузьминых, в землепроходцах поражали и устрашали, помимо внешнего вида, «бешеная храбрость и непредсказуемость, а отнюдь не гром выстрелов»⁶¹.

Действительно, чем, кроме безудержной, отчаянной храбрости, объяснить поступки казаков, бросавшихся в рукопашные схватки с вдесятеро превосходящим по численности противником и наголову разбивавших его? Именно она, отчаянная храбрость, удесятерила силы землепроходцев в бою, парализуя волю и сковывая действия противника. Но иного поведения от землепроходцев, собственно, и трудно было ожидать, если

вспомнить, кто вступал в их ряды. Ведь это, как отмечалось выше, были в основном «пассионарии» – то есть люди «бедовые», «рисковые», отчаянные...

-
- ¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 631.
 - ² См.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (домарксистский период). М., 1970. С. 362.
 - ³ Андреев Д.Л. Роза мира: метафилософия истории. М., 1991. С. 151–152.
 - ⁴ Гумилев Л.Н. : 1) Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289 ; 2) От Руси к России: очерки этнической истории. [М., 1994]. С. 260–261.
 - ⁵ См.: Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 2. С. 67–71; Покишишевский В.В. Заселение Сибири. [Иркутск], 1951. С. 17; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 57–68; Колесников А.Д. С.В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 180–181; Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 30.
 - ⁶ См.: Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895–1901. Ч. 1–4.
 - ⁷ Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М., 1991. С. 175.
 - ⁸ Там же.
 - ⁹ Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49.
 - ¹⁰ Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 83.
 - ¹¹ Там же. С. 110.
 - ¹² Леонтьева Г.А. : 1) Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров: кн. для учащихся ст. классов. М., 1991 ; 2) Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.
 - ¹³ См., например: Халитов М.Х. Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5. С. 75; Измайлов И. Счеты и просчеты имперских историков // Там же. 1994. № 8. С. 28–33.
 - ¹⁴ См.: Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 106–107.

- ¹⁵ Михайлов Н.Н. Моя Россия. М., 1966. Кн. 1: Российские просторы. С. 52.
- ¹⁶ Белов М.И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // *Летопись Севера*. М., 1957. Т. 2. С. 103.
- ¹⁷ Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров. [Хабаровск], 1983. С. 6.
- ¹⁸ См.: *Российская империя: от истоков до начала XIX века: очерки соц.-полит. и экон. истории*. М., 2011. С. 45–46.
- ¹⁹ Эйдельман Н.Я. Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX века) // *История СССР*. 1970. № 4. С. 18–31; Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России в XVII – начале XVIII в.: ист.-историогр. очерки. Владивосток, 2003. С. 148.
- ²⁰ Минюшев Ф. Смешивая правду и истину // *Литературная газета*. 2010. 27 окт. (№ 42–43). С. 10.
- ²¹ Каменский А.Б. «Под сению Екатерины», вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 156.
- ²² *Его же*. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 32, 121, 202–203, 268.
- ²³ Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: (историко-археологические исследования)*. Владивосток, 1995. Т. 2. С. 26.
- ²⁴ Чернавская В.Н. Указ. соч. С. 90.
- ²⁵ Никитин Н.И. : 1) Семен Дежнев: первопроходец или первооткрыватель? // *Преподавание истории в школе*. 1999. № 2. С. 13–14 ; 2) Семен Дежнев // *Вопросы истории*. 2001. № 4. С. 141.
- ²⁶ Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 149.
- ²⁷ См.: Курилов В.Н., Люцидарская А.А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов*. Новосибирск, 1986. С. 33–37; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 26; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 35–49.
- ²⁸ См.: Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1893. С. 332–334; Курилов В.Н., Люцидарская А.А. Указ. соч. С. 37; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов. С. 74; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999. С. 47; Зуев А.С. Присоединение

- Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век. Новосибирск, 2009. С. 386.
- ²⁹ Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.
- ³⁰ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 95.
- ³¹ См.: Якутия в XVII веке: (очерки). Якутск, 1953. С. 280–281; Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 37, 50–51, 114, 126. А.С. Зуев приводит примеры другого рода, датируемые концом 1730-х годов, когда служилые люди большую часть «аманатского корму» употребили «про себя» (Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России. С. 354). Возьму на себя смелость утверждать, что случай этот совершенно не типичен, по крайней мере для XVII в.
- ³² Зуев А.С. : 1) Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 23 ; 2) Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 88–89, 151–152.
- ³³ Его же. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 106.
- ³⁴ Его же : 1) Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 87 ; 2) Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 111–112.
- ³⁵ Его же. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 146.
- ³⁶ Его же. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 152.
- ³⁷ Его же. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 47.
- ³⁸ Его же : 1) Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 137–138 ; 2) Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 154 ; 3) Присоединение Чукотки к России. С. 384–385.
- ³⁹ Его же. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 105.
- ⁴⁰ См.: Горюшкин Л.М. О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 66–67; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 9; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

- ⁴¹ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 153.
- ⁴² *Его же.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 41, 67, 155–158, 165; см. также: *Его же.* Присоединение Чукотки к России. С. 357, 368 и др.
- ⁴³ *Его же.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 153.
- ⁴⁴ Там же. С. 93.
- ⁴⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 112–134.
- ⁴⁶ Оглоблин Н.Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 79; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 85–118; ч. 2. С. 6–12, 95. Новые материалы по этому сюжету введены в научный оборот Е.В. Вершининым (см.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сб. документов. Екатеринбург, 2004. С. 6; Вершинин Е.В. Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веке // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2006. № 13. С. 110–128).
- ⁴⁷ Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 365–366.
- ⁴⁸ См.: Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 181; Огородников В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920. С. 31; Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 130; Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 158–159.
- ⁴⁹ Трепавлов В.В. Образ русского в представлении народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 110.
- ⁵⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 2. С. 6.
- ⁵¹ Христофоров В. Копье и чаша // Мир Севера. 1997. № 3. С. 79–81; Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 199; Зуев А.С. : 1) Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 160 ; 2) Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 106 ; 3) Присоединение Чукотки к России. С. 353, 362.
- ⁵² Митько О.А. Указ. соч. С. 198–199.
- ⁵³ Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 160.
- ⁵⁴ Там же. С. 150–151.

- ⁵⁵ *Кузьминых В.И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Востока Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков: тез. докл. науч. конф. Томск, 1994. С. 34.
- ⁵⁶ *Зуев А.С.* : 1) Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 105 ; 2) Присоединение Чукотки к России. С. 362.
- ⁵⁷ См.: *Никитин Н.И.* : 1) Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 52–57 ; 2) Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988. С. 49–53; *Зуев А.С.* : 1) Диалог культур на поле боя: (о военном менталитете народов северо-востока Сибири в XVIII–XVIII вв.) // Aus Sibirien – 2006: науч.-инф. сборник. Тюмень, 2006. С. 36 ; 2) О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия «История, филология». 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 36–37 ; 3) Присоединение Чукотки к России. С. 300–302;
Огурцов А.Ю. Оружие//URL:<http://admnkz.info/document.do?id=93291>.
- ⁵⁸ *Резун Д.Я.* Люди на сибирском фронтире в XVII в. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 26–27.
- ⁵⁹ *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 85–86.
- ⁶⁰ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3, ч. 1. С. 155. (Выделено мной. – *Н.Н.*).
- ⁶¹ *Кузьминых В.И.* Указ. соч. С. 35. (Выделено мной. – *Н.Н.*).

О книжных собраниях русских торговых людей XVII в.

Во второй четверти XVII в., после окончания Смуты в России параллельно с возрождением экономики начался подъем культуры, характеризовавшийся формированием во многих ее сферах мирских, светских, демократических элементов и ослаблением связи с церковью. Важный вклад в этот процесс культурного «обмирщения» внесли, наряду с представителями других социальных групп, выходцы из купеческой среды. Зарождавшийся интерес к человеку, его житейским потребностям и окружающей действительности определил усиление реалистических мотивов в литературе и искусстве. Чтобы создать более полное представление о внутреннем мире русских торговых людей XVII в., попытаемся охарактеризовать отношение представителей купечества раннего Нового времени к книгам, установить круг его чтения¹.

Интересные сведения о духовных интересах и составе домашних книжных собраний купечества можно почерпнуть из владельческих записей на русских рукописных и старопечатных книгах. Всего автором выявлены более 100 купеческих надписей на печатных изданиях XVII в. и свыше 20 – на рукописных книгах. Из печатных книг чаще всего встречаются Минея и Пролог, использовавшиеся для семейного чтения. Более разнообразны по названиям и содержанию рукописные книги, принадлежавшие представителям купечества. Среди рукописей можно встретить и жития святых, и хронограф, и летописные заметки.

Рукописный сборник, включающий IV Пахомиевскую редакцию Жития Сергия Радонежского, вложили 1 апреля 1613 (7121) г. «в Ярославле в Поволском на посаде, в дом Пречистые Богородицы честныя и славныя ея Похвалы и великих страсто-

терпцев Димитрия и Георгия, того же Ярославля посадские торговые люди Василие да Стефан да Георгие, Георгиевы дети Лыткина, по своих душах и по своих родителей безотымочно во веки»².

С начала XVI в. на Руси стали распространяться хронографы, в которых повествовалось о событиях мировой истории (начиная с эпохи Античности). На листах рукописного Хронографа XVII в. из собрания Е.Е. Егорова (Отдел рукописей РГБ) помещены следующие владельческие записи: «Книга, глаголемая Гранограф, усужанина, торгового человека Митки Козмина сына Худякова. А подписал сам своего митою сека (так в рукописи. – *В.П.*) 7154 году» (1645/46 г.); далее тем же почерком, но другими чернилами: «А во 167 году марта в 5 день сия Книга Гранограф, сиречь летописец, зделу мне ж з братом Ияковом братьей наших, от сродных, Гавриловых детей Худяковых: от Родиона да от Василья Гавриловых детей, подписал я ж, Дмитрий, своею рукою того ж числа» (1659 г.)³.

Судьбу еще одной книги можно проследить по двум записям: «Апостол Осифа Андреева сына, торгового человека» (л. 2, скоропись первой половины XVI в.); «Продал Апостол в церковь Аксен преподобной староста Исаку да Сидору. Деньги взял и руку приложил Осипко Андреев сын» (л. 266 об., скоропись второй половины XVII в.)⁴.

Новгородский книжник, «торьговаго чину человек» Иван Козырев, сосланный «за некое дерзновение слова» в Соловецкий монастырь, составил разъяснения к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Из написанной им же в 1636 г. (в Погодинском сборнике – 1637 г.) автобиографической статьи «Увещение о летописце», сохранившейся в трех списках, можно узнать кое-что о несчастной судьбе И. Козырева: «Сильными святыми века сего за извещение слова Божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютоости». На Соловках он «неколько лет поживе в заточении и сконча», и как «поведают о нем некие мнозии – хитр бе божественным писанием, украшен внешней философии»⁵. Каргопольский купец Иван Андреев вложил в Анзерский скит на Соловках записанное им самим «Сказание о чудесах преподобного Елеазара»⁶. Петр Михайлов,

«человек» гостя Афанасия Федотовича (Федотова Скорой Записи) в 1669 г. переписал Житие Николая Чудотворца⁷.

В рукописном сборнике «Толковые пророчества», составленном в начале XVII в., упомянуто имя его первого владельца – «гостя Семена Филипова сына Задорина»⁸. На форзаце «Палеи» первой половины XVII в. скорописью отмечено: «Книга, глаголемая Палея, гостя Остафья Иванова сына Филатьева». Сборник, включавший сказание «Како Кирил составил Азбуку», предисловие к Алфавиту и другие сочинения, имеет несколько купеческих владельческих записей: «Сия книга гостинной сотни Ивана...» (скоропись первой половины XVII в.); «Сия книга Верховажского посаду торгового человека Ильи Юринского»; «Сия книга гостинной сотни Ильи Павлова сына Юринского» (скоропись второй половины XVII в.)⁹.

Медицинская рукопись XVII в. принадлежала одному из членов привилегированной Гостиной сотни, о чем свидетельствует его автограф: «А сию книгу я, Афанасей Гурьев, рукою своею подписал»¹⁰. Петр Михайлов, «человек гостя Афанасия Федотовича, в 1669 г. переписал «Житие Николая Чудотворца»¹¹. С.В. Жюлев в 1691 г. дал в новгородскую «церковь великомученику Никиты в предел Моисею архиепископу новгородскому чудотворцу на Никитину улицу» собственноручно переписанное им «Житие Моисея архиепископа Новгородского». Еще в 1665 г. он же отредактировал и переписал «Цветник», включающий в числе прочих произведений: наиболее близкую к архетипу редакцию «Повести о Меркурии Смоленском», а также «Повесть о искушении Бога, о царе некоем» с оригинальной версией мирового сюжета о наказании гордого царя¹².

В русской купеческой среде XVII в. порой бережно сохраняли редкие старопечатные издания XVI в. Андрей Крупинский, выходец из Вязьмы, ставший московским жильцом и переведенный властями в 1601/ 1602 г. в Гостиную сотню, сделал в 1595/96 г. вклад в вяземский Покрово-Преображенский монастырь – Евангелие учительное, напечатанное в виленской типографии Мамоницей¹³. А вот что, в частности, пожертвовали выходцы из купеческой среды Соловецкому монастырю: мос-

ковский торговый человек Гаврила Елферьев – Евангелие и Минею; москвичка Дарья Епифанова, жена члена Суконной сотни, – Евангелие толковое; каргопольский торговец Алексей Клестев в 1656 г. – «5 стоп бумаги – цена 5 рублей»; гость Григорий Федорович Шустов в 1694 г. – «двенадцать книг Минею месячных печатных в десть». Гость Епифаний Сытников вложил в Анзерский скит на Соловках шесть печатных месячных «Минею» и «Служебник», член Гостиной сотни Иван Харламов и казанец Петр Шубин – «Лествичник» московской печати¹⁴.

Выпущенный на московском Печатном дворе в 1641 г. Часослов вскоре вложили в новый монастырь на северной реке Юг «гостиной сотни торговые люди Иван Иоакимов з брат[ъ]ею... поминания и душевнаго ради спасения». В изданном в 1640 г. «Часовнике» есть несколько интересных владельческих записей: «Сей Часовник гостиныи» (л. 2–4); «Садовников гостиной сотни» (л. 28–29); «Sua qniga glagolema Chesowniq Grigoria Mihaila. Sia qniga gostinoi sotni Rodiona Iwanowa sna Hnezniquowa. Suqin sin» (л. 411); «Сия книга, глаголемая Часослов гостиной сотни Леонтия Иванова сына» (л. 412)¹⁵. Одна из записей, как видим, свидетельствует о знакомстве ее автора с латинским алфавитом, что купец явно хотел подчеркнуть.

Согласно информации голштинца Адама Олеария, дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов, происходивший из купеческой среды, «в молодости побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика»¹⁶. Имеются свидетельства о пожертвованиях Алмаза Иванова, обладавшего собранием печатных книг. По информации вкладной книги Ростовского Борисоглебского монастыря, «лета 7170 (1662 г.) августа в 23 день дал вкладу думной дьяк Алмаз Иванович да сын ево дьяк Дмитрий Ярофеевич по своей благой теплой вере для своево многолетнего здравия три книги в тетратех: книга апостол в десть печатной да книга многослоинной свиток в полудесть печатной да книга граматика печатная в полдесть...»¹⁷. Торговый человек Верхнего медового ряда «Иван Карпов сын Радин» владел книгой «Октоих», напечатанной в 1683 г. в Москве¹⁸.

Нередко купцы жертвовали богослужебные книги храмам и монастырям. «Евангелие», изданное на Московском Печатном дворе в 1694 г., спустя четыре года «послала с Москвы гостя Володимера Васильевича Воронина жена ево вдова Федосья Васильева дочь в Великий Новград к церкви святого ... мученика Ипатия Чюдотворца». Эту вкладную запись сделал «по приказу Федосьи Васильевны человек ее Иван Некрасов»¹⁹. В 1680 г. новгородские пятиконецкие старосты во главе с Василием Семеновичем Жюлевым приобрели «на грацкие сборные деньги» для вклада в церковь Спаса на Ильине улице январскую Минею московской печати 1622 г.²⁰

Новгородским торговым людям Клеткиным, занимавшимся книготорговлей и закупувавшим книги в лавке Московского печатного двора, принадлежала домашняя библиотека. Никифор Васильевич Клетка (Клитка), его сыновья Максим и Михаил Клеткины не раз делали книжные вклады в церковь Апостола Филиппа на Нутной улице, в приходе которой находился их двор²¹. Клеткины, кажется, были причастны к новгородскому летописанию XVII в. В 1689 г. Максим Клеткин передал в один из местных монастырей рукописный сборник, содержащий древнейший список Новгородской Уваровской летописи²².

Частично сохранились деловые и семейные архивы ряда русских торговых людей XVII столетия: Калмыковых, Кошкиных, Г.Р. Никитина, Панкратьевых, С.И. Поганкина, Стояновых, Усовых-Грудцыных, В.Г. Шорина и других. Крупное архивное собрание накопилось у Строгановых²³.

Появились у русских купцов-предпринимателей и целые книжные собрания. Большинство из них, как правило, не превышало 10 книг, в основном церковного содержания. В описи имущества торговца из Осташкова Макара Терехова (1615 г.) указаны лишь две книги – Библия и «Ирмолои»²⁴. В домашнем собрании именитых московских купцов Никитниковых, происходивших из Ярославля, имелись «Беседы Иоанна Златоуста», «Минея», «Трефолой», «Уложение судных дел» (Соборное Уложение 1649 г.) и другие русские печатные книги²⁵. В доме жителя Мещанской слободы Москвы В.И. Станиславского, занимавшегося «отъезжим торгом» и скончавшегося в 1693 г., на

момент его смерти хранились лишь три книги: «одна Псалтырь печатная в полдесть, Часослов письменный да Ермолой»²⁶. В московских каменных палатах члена Гостиной сотни Климентия Прокофьевича Калмыкова, выходца из нижегородских патриарших крестьян, разбогатевшего на казенных подрядях, в конце XVII в. рядом с иконами лежала подборка книг духовного содержания: Вечеря духовная, Минея общая, Пролог, Псалтирь, Триодь цветная, Цветослов²⁷.

Библиотечные каталоги Строгановых насчитывают сотни единиц (в первой половине XVII в. – до 2000 книг богословского, исторического и познавательного содержания). Многие из них связаны с именем Никиты Григорьевича Строганова, послужилец которого, некий Семейка, в частности, переписал по заказу хозяина в 1640/1641 г. «Измарагд»²⁸. С течением времени Строгановы сформировали даже небольшую походную библиотечку из 20–25 книг, которую хозяева не забывали брать с собой во время их постоянных разъездов по предпринимательским делам. Немало книжных вкладов «за здравие» и «за упокой» получали от них церкви и монастыри: соборный храм Благовещения в их родовом гнезде – Сольвычегодске; храм Воздвижения Креста в г. Орле в устье р. Яйвы; Николаевский Коряжемский монастырь и др.²⁹ На протяжении XVI–XVII вв. книжные собрания Строгановых постоянно расширялись: если в библиотеке основателя предпринимательской династии Аники Строганова насчитывалось 205 книг, то в собрании его внука Максима Яковлевича Строганова – уже 387 рукописей и печатных изданий³⁰. Строгановы приобретали кириллические издания, напечатанные в Литве³¹. Согласно описи 1627 г. имущества скончавшегося Максима Максимовича Строганова, в его собрании находилась солидная по тем временам нотная библиотека, состоявшая из десятков книг и тетрадей с крюковыми записями.

«Книга в четь дести, Псалтырь с каноны и кодикосы во всю седмицу, печать литовская, полоцкая», – так в каталоге домашней библиотеки Егора Третьяка Лыткина из Ярославля, получившего в 1622 г. жалованную грамоту на звание гостя, описана «Малая подорожная книжка», изданная в 1522 г. в Вильно

восточнославянским первопечатником Франциском Скориной³². Немало книг зажиточный купец передал для Красногорской (Черногорской) обители, располагавшейся на Черной горе, в архангельских лесах, на Северной Двине³³. Согласно Повести об основании Черногорского (Красногорского) монастыря, Лыткин подарил обители «многообразныя премудрыя книги, числом яко 147 книг»³⁴. В одном из писем начала 1630-х годов Е.Тр. Лыткин спрашивал у игумена Макария, есть ли в библиотеке Красногорского монастыря ряд книг церковного содержания и в случае отсутствия обещал их прислать: «Библия полная», «Евангелие толковое во весь год полный», «жития и мучений святых», печатные месячные Минеи, Лествица толковая, Патерик скитский, сочинения «великаго Василия о постничестве», «Иосифа Ламского о иноческом жительстве», Григория Богослова, Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита³⁵. Круг чтения Лыткиных не ограничивался одной лишь богословской литературой. Он включал также рукописные книги светского (в основном исторического) характера: Домострой, Казанскую историю, Космографию Козьмы Индикоплова, Повесть о Псково-Печерском монастыре, Сказание о Мамаевом побоище, Сказание Авраамия Палицына, Степенную книгу, Устюжский летописец, Хронограф. Этот перечень явно свидетельствует о начитанности ярославского купца. В отличие от собраний Строгановых, в домашней библиотеке Лыткина имелось лишь несколько певческих рукописей.

Дополнительные свидетельства об отношении русских торговых людей XVII в. к книжной культуре можно извлечь из документов Приказа книгопечатного дела. Проанализировав 5 приходо-расходных книг с начала 30-х до начала 60-х годов XVII в., данные книги № 65 о продаже Библии и Шестоднева, а также материалы писцового и таможенного делопроизводства, Л.А. Тимошина выявила 75 семей гостей и членов Гостиной сотни, приобретавших издания Московского печатного двора³⁶. Согласно подсчетам, сделанным С.П. Лупповым на основе записей в приходной книге Печатного двора, 7,3% всех покупателей Соборного Уложения 1649 г. составили представители торгово-ремесленного населения³⁷. Большинство из них приоб-

ретали один–два экземпляра для личного пользования (гость Григорий Никитников; псковитянин Василий Никитич Хозин; члены Гостиной сотни Бажен Балезин, Анкиндин Тихонович Беленинов, Василий Боровитинов, Дружина Анцифорович Селуянов; члены Суконной сотни Федор Иванович Мошенников, Нестер Никитин и др.), а кое-кто, подобно Силе Грудцыну, – до десятка штук, явно предназначенных для последующей розничной перепродажи. С этой же целью купил в 1652 г. шесть экземпляров «Книги о вере» член Гостиной сотни Богдан Цветной из Муром³⁸. Гостю В.Г. Шорину было отпущено в 1655 г. с Печатного двора четыре «Служебника» ценой рубль 6 алтын 4 деньги за каждую книгу, члену Гостиной сотни, позже гостю Н. Ревякину в 1656 г. – шесть экземпляров сборника «Скрижаль»³⁹. Книги в Москве тогда можно было купить не только прямо на Печатном дворе, но и в Овощном ряду, торговцы которого (Юрий Федорович Белозерцев, Максим Галактионов, Сила Макарьев, Сила Никитин, Иван Никифоров, Вахромей Семенов и многие другие) активно промышляли посреднической книготорговлей⁴⁰. Во главе Приказа книг печатного дела и типографии в качестве «начальных людей» одно время стояли выходцы из купеческой среды дьяк и печатник Алмаз (Ерофей) Иванов (Иванович) из рода Чистых (в 1667–1668 гг.), его сын дьяк Дмитрий Ерофеевич Алмазов⁴¹.

С XVII в. появляется гораздо больше возможностей для реконструкции генеалогии, семейной жизни и духовного мира российского купечества, где из поколения в поколение ранее передавалась главным образом устная информация о предках и их заслугах. В письменной форме она фиксировалась преимущественно в записях вкладных и поминальных книг. Кое-кто из торговых людей XVII в. занимался копированием рукописей, причем порой дополняя их своими комментариями.

Торговые люди являлись как потребителями, так и распространителями изданий Московского Печатного двора. Они и покупали, и продавали, и жертвовали, и переписывали, и передавали из поколения в поколение книги, благословляя ими порой своих сыновей. При этом репертуар чтения одних (в том числе богатейших предпринимателей XVII в., вроде К.П. Кал-

мыкова, В.Г. Шорина) ограничивался богослужебными книгами, а в домашних библиотеках других хранилась более разнообразная литература, в том числе светского содержания. Кто-то (например, гость из Вологды Г.М. Фетиев) вообще был безграмотным и держал в доме одну Псалтирь, а для кого-то общение с книгой стало потребностью души. Хотя зажиточным купцам было легче приобрести рукописные и печатные книги, тяга к знаниям напрямую не связана с уровнем благосостояния. Она объясняется индивидуальными особенностями людей одной социально-профессиональной принадлежности и отражает разнообразие психологии и духовных запросов купеческой среды допетровской России.

-
- ¹ Пальма первенства в привлечении владельческих книжных записей для социокультурной характеристики купечества допетровской России принадлежит А.А. Преображенскому. См.: История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. С. 158–159.
 - ² *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 182.
 - ³ Отдел рукописей РГБ. Ф. 98. № 503. Л. 15. Хронограф переписан скорописью XVII в. на 677 листах. Публикацию владельческой записи см.: *Сметанина С.И.* Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 379–380 (№ 98).
 - ⁴ Отдел рукописей РГБ. Ф. 98. № 338; *Сметанина С.И.* Указ. соч. С. 382 (№ 115).
 - ⁵ *Бабкин Д.С.* Русская риторика начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 327–328; *Гаврюшин Н.К.* «Книга диалектичных глубины...» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 97–98; *Аннушкин В.И.* : 1) Редакция «Риторики» начала XVII в. // Древнерусская литература: источниковедение. Л., 1984. С. 237–238 ; 2) Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. М., 1984. С. 44–45; *Буланова Т.В.* Козырев Иван // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в., ч. 2: И–О. С. 168–170. (Далее: СККДР).
 - ⁶ Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник.

- Казань, 1859. Ч. 2. С. 82–83.
- ⁷ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1914 г. М., 1916. С. 41 (Отд. II).
- ⁸ Отдел рукописей РГБ. Ф. 98. № 1712. Л. 1–4; *Сметанина С.И.* Указ. соч. С. 379 (№ 92). Во время «Медного» бунта 1662 г. в Москве восставшие утащили со двора Семена Задорина какую-то книгу. См.: Восстание 1662 г. в Москве: сб. док. М., 1964. С. 190.
- ⁹ Отдел рукописей РГБ. Ф. 98. № 13; *Сметанина С.И.* Указ. соч. С. 382 (№ 114).
- ¹⁰ См.: *Бакланова Н.А.* Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156–193.
- ¹¹ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1914 г. С. 41 (Отд. II); *Будовниц И.У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 213.
- ¹² *Ромодановская Е.К.* Жюлев Семен Васильевич // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в., ч. 1: А–З. С. 394–395.
- ¹³ Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований. Свердловск, 1990. С. 45; *Соловьева Т.Б., Володихин Д.М.* Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века. М., 1996. С. 16, 90.
- ¹⁴ Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 82–83.
- ¹⁵ Корпус записей на старопечатных книгах. СПб., 1992. Вып. I: Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / сост. Л.И. Киселева. С. 55.
- ¹⁶ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 297.
- ¹⁷ *Титов А.А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 77–78.
- ¹⁸ См.: *Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 45–50, 82–83, 116–119 и др.
- ¹⁹ Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков Псковского музея-заповедника. Изд. 2-е, доп. / сост. Н.П. Осипова. Псков, 1985. С. 82 (№ 241 (501)).
- ²⁰ Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1987. С. 130.
- ²¹ *Лебедев А.Н.* Надписи на старинных книгах. М., 1896. С. 6, 11; *Луппов С.П.* Указ. соч. С. 83; *Розов Н.Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 33; Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / публикация документов и исслед. С.П. Луппова. Л., 1983. С. 85.

- ²² *Яковлев В.В.* Клеткин (Клетка, Клитка) Никифор Васильев // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в., ч. 2. И–О. С. 167–168.
- ²³ См.: *Евлентьев К.Г.* Книги псковитина посадского человека Сергея Иванова сына Поганкина. Псков, 1870; *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959; *Морозов Б.Н.* Архив торговых крестьян Шангинных // Советские архивы. 1980. № 1. С. 57–61; Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. / сост. Л.А. Тимошина. М., 2001. Т. 1; М.; СПб., 2007. Т. 2.
- ²⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Московский судный приказ. 1615 г. Д. 8. Л. 37–38.
- ²⁵ *Овчинникова Е.С.* Церковь Троицы в Никитниках. Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970. С. 8–17.
- ²⁶ *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980. С. 166–167.
- ²⁷ *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 189.
- ²⁸ *Сперанский М.Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 2/3. С. 124–125; *Будовниц И.У.* Указ. соч. С. 285.
- ²⁹ Опись библиотеки Н.Г. Строганова 1620 г. / сост. Н.А. Мудрова, Б.Н. Морозов. Екатеринбург, 1991; *Мудрова Н.А.* Каталог сохранившихся книг именитых людей Строгановых // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994. С. 33–74.
- ³⁰ *Введенский А.А.* Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. Вологда, 1923. Кн. 3/4. С. 77–81.
- ³¹ *Мудрова Н.А.* «Литовские» книги в библиотеке Строгановых в XVI–XVII вв.: (к постановке вопроса) // Федоровские чтения, 1982 г. М., 1987. С. 95–100.
- ³² *Голенченко Г.Я.* Книги Франциска Скорины в белорусских, русских и украинских собраниях XVI–XVII вв. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 157.
- ³³ Более подробно о книжном собрании этой купеческой семьи см.: *Смирнов Я.Е.* Библиотека ярославских купцов Лыткиных в первой половине XVII века: (проблемы историографического и источниковедческого изучения) // Чтения по истории и культуре древней России: материалы конф. Ярославль, 1998. С. 87–102.
- ³⁴ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 398.

- ³⁵ *Макарий*. Историческое описание Красногорского монастыря // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1880. Кн. 3. С. 67–68.
- ³⁶ *Тимошина Л.А.* Книга Московского Печатного двора и высшее русское купечество XVII века // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII веков. История, историография, источники и методы исторического исследования: материалы науч. конф. Тверь, 1999. С. 40–46; См. также: *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618–1652. М., 2001.
- ³⁷ Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. С. 137, 151.
- ³⁸ Там же. С. 53, 54, 65, 67, 68, 70–72, 78–87, 89–93.
- ³⁹ *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: в 3 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 300, 313.
- ⁴⁰ Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. С. 94–102, 106–109, 114–117, 120–125; *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы. Кн. 1. С. 255, 280, 283, 300, 307, 317, 325, 349.
- ⁴¹ *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы. Кн. 1. С. 132–133, 189.

**«Дело» архиепископа Суздальского
и Тарусского Стефана 1659–1663 гг.:
источниковедческий аспект**

Одной из наиболее сложных проблем в исследовании истории церковного управления в России XVII в. является плохая сохранность источников. Деятельность органов центральной церковной власти – церковных соборов, Освященного собора – в документальных свидетельствах до нас почти не дошла. Делопроизводственные материалы патриарших и архиерейских приказов также сохранились весьма лапидарно. В этой связи все виды источников, затрагивающих данную проблематику, чрезвычайно важны для изучения истории русской церкви XVII в. Одним из важнейших, но незаслуженно обойденных вниманием исследователей видом документации являются следственные дела, которые в XVII в. в обилии велись Русской церковью (в связи с церковными реформами, распространением раскола, внутренними противоречиями в иерархии и т.п.), хотя и их сохранность чрезвычайно низка. В классических дореволюционных работах по проблеме весьма подробно изучались лишь два вида следственных дел, возникших в связи с церковными проблемами, – уникальное в своем роде «дело» патриарха Никона и многочисленные следствия по раскольничьим делам¹. Однако помимо этих сюжетов в истории русской церкви XVII в. немало и случаев суда над церковными иерархами, игуменами монастырей, другими лицами духовного чина, которые в то время отнюдь не были редкостью. В последние годы такого рода документы начали привлекать внимание исследователей, вводиться в научный оборот², но, тем не менее, весьма обширное документальное наследие по этому вопросу остается неисследованным и неопубликованным. В этом контексте особое значение и интерес име-

ет следственное дело 1660-х годов суздальского архиепископа Стефана. Ввиду большой сложности и насыщенности «дела», прежде, чем обратиться к собственно источниковедческой составляющей исследования, остановимся на кратком дайджесте событий, послуживших основой для следствия.

Биография архиепископа Стефана (возглавлял Суздальскую архиепископию в 1658–1660, 1666–1679 гг.) чрезвычайно насыщена событиями. В ней отразилась оборотная сторона церковных реформ, связанная с противоречиями внутри епископата, неадекватными методами проведения преобразований, спорами в самой церковной среде. В 1656 г. Стефан из патриаршего клира был поставлен первым игуменом вновь созданного и, как известно, любимейшего патриархом Никоном Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой³. Спустя два года – в 1658 г., Стефан был поставлен патриархом на Суздальскую кафедру, освободившуюся в связи с переводом архиепископа Филарета на кафедру Смоленскую⁴.

Новое место служения Стефана имело непростую историю – за последние 40 лет несколько суздальских владык были сведены с кафедры по разным причинам⁵. Кроме того, Суздальская архиепископия имела ряд особенностей. Во-первых, она со всех сторон была окружена территорией Патриаршей епархии. Во-вторых, земли Суздальского владыки вплотную примыкали к костяку старинных владений митрополитов и патриархов Всея Руси во Владимирском уезде, образовавшихся после перенесения митрополичьей кафедры из Киева во Владимир и разделения Владимирской епархии в XIII–XIV вв. между владениями митрополита, Ростовской и Суздальской епархиями. На этих землях находились и домовые владения Патриарха. Делопроизводственные документы Патриарших приказов позволяют восстановить состав домовых владений Патриаршей кафедры, которые располагались и на территориях других епархий (12 уездов, большая часть владений приходилась на Владимирский и Московский уезды). В Суздальском уезде Патриарх владел домовым с. Михайловским⁶, а также поместными землями, где испомещались представители старинных фамилий патриарших детей боярских, издавна служивших Патриаршему двору: Ма-

нуйловых, Рагозиных, Соболевых и др.⁷ Наконец, в Суздальском уезде Патриарху были подведомственны и пустые церковные земли в Юмохотцкой волости. Эти земли кафедра сдавала на оброк разным людям⁸. Таким образом, Суздальская архиепископия оказывалась зажатой епархией Патриарха, а на ее внутренней территории находились его домовые владения.

Еще исследователи XIX в. – Н.Ф. Николаевский и И.И. Покровский отметили бурный рост Патриаршей области в первой половине – середине XVII в. Прежде всего такой рост осуществлялся за счет включения в состав патриаршей епархии вновь осваиваемых земель и новых городов на юге страны (например, в 1640-е годы в ее состав вошли Нижний и Верхний Ломовы, Оскол, Козлов, Трубчевск и ряд других городов⁹). Ко времени Никона Патриаршая область расширилась до крайних пределов Русского государства. Патриарх Никон захотел увеличить территорию Патриаршей области за счет весьма неудобно расположенных Крутицкой, Суздальской и Коломенской епархий, и на вторую половину XVII в. пришелся период ожесточенной борьбы патриаршего престола за «округление» своих владений за счет территорий Крутицкой и Коломенской епархий¹⁰. В таких обстоятельствах суздальская кафедра не была спокойным местом для служения, а деятельность Стефана послужила поводом для еще одного скандала в этой епархии.

С другой стороны, ранние этапы карьеры архиепископа Стефана, хотя и с известной осторожностью, позволяют назвать его «креатурой» патриарха Никона и, в этой связи, возможно, его назначение именно в эту епархию не было случайностью. Однако ситуация развивалась стремительно. Поставление Стефана во архиепископы Суздальские 2 мая 1658 г.¹¹ пришлось на сложное время в истории русской церкви. Во-первых, полным ходом шла церковная реформа, уже приведшая к размежеванию в обществе. Во-вторых, спустя всего два месяца после поставления Стефана – 10 июля 1658 г., Никон оставил патриарший престол, создав беспрецедентную ситуацию в иерархии русской церкви¹².

В 1658–1659 гг. новый суздальский архиепископ, вероятно, не рассматривал фактическое отсутствие патриарха поводом

для приостановки реформы. Напротив, как свидетельствуют материалы его судного дела, в первый год по назначении он провел ряд серьезных преобразований в своей епархии. Наибольший резонанс среди представителей духовного сословия города вызвали три из новых начинаний: 1) «новины» в проведении богослужения (чаще всего незначительные – жесты, порядок, поведение архиепископа и т.п.); 2) реконструкция кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы, в ходе которой были вынесены мощи суздальских князей и местночтимых святых, изменены места их захоронения; 3) ужесточение административного контроля со стороны архиепископа, который «замкнул» многие дела, касавшиеся монастырских вотчин, на своем архиерейском дворе¹³. Спустя меньше года после хиротонии Стефана на него были написаны челобитные представителями верхушки суздальского духовенства – соборным попом Никитой Константиновым (будущий «Пустосвят»), игуменом Спасо-Ефимьевского монастыря Аврааимом, игуменом Осовицкой пустыни Дионисия и др. Челобитные и свидетельские показания «истцов» отложились в документах «дела» Стефана. Основная масса челобитных против Стефана была подана весной 1659 г., а летом начались первые допросы, которым подвергся и сам Стефан¹⁴. Дальнейшая хронология событий может быть восстановлена по сохранившимся документам «дела». Поток жалоб не иссякал, смену допросам отдельных лиц, царским указом в октябре 1659 г. была назначена следственная комиссия для обыска в Суздале. Ее возглавили епископ Вятский Александром и патриарши дьяком Парфений Иванов¹⁵. По итогам следствия в марте 1660 г. состоялся церковный собор, который постановил отправить Стефана в монастырь¹⁶. Однако впоследствии решение было смягчено по воле царя, и Стефан был поставлен архиерействовать при Архангельском соборе Московского кремля¹⁷. Здесь он задержался недолго – в 1661 г. он оставил кафедру, объясняя это невозможностью существования двух архереев на Москве. Это нарушение вновь потребовало созыва собора на Стефана, который состоялся в июне 1663 г. и запретил Стефану архиерействовать и сослал в монастырь¹⁸. Тем не менее, в 1666 г. Стефан был восстановлен

в сане архиепископа Суздальского и даже в этом качестве принимал участие в Большом Московском соборе 1666–1667 гг.¹⁹ Даже краткий перечень событий 1659–1663 гг. демонстрирует чрезвычайную сложность и противоречивость происходивших событий. Между тем, «дело» архиепископа Стефана практически не привлекало внимания исследователей, а само дело в литературе практически не рассматривалось. Кратко, в связи с деятельностью Никиты Добрынина, вспоминает об архиепископе Стефане митрополит Макарий²⁰. Более подробный рассказ собственно о «деле» Стефана предлагает в комментариях к публикации сочинений того же Никиты Н.И. Субботин²¹. Упоминания о «деле» архиепископа Стефана имеются и в других сочинениях, посвященных вопросам раскола, и энциклопедических статьях, причем в последних нередко хронологические ошибки, порожденные отсутствием сведений о соборах 1660-х годов против Стефана²².

Первостепенными вопросами при изучении «дела» Стефана представляются следующие: реконструкция его первоначального состава и последовательности документов; установление времени возникновения этого комплексного источника; определения места (учреждения), в котором оно было составлено; оценка информационных возможностей и направлений дальнейшего исследования этого сложносоставного источника.

Основной костяк материалов дела сохранился²³. Все документы имеют столбцовую форму, их сохранность вполне удовлетворительная, хотя отдельные отрывки (преимущественно первые и последние части столбцов) утрачены (съедены грызунами, края рассыпались от ветхости, воздействия влаги). Некоторые из документов «дела» представлены в двух экземплярах – черновик и беловик, оригинал и копия. Ввиду большого объема и разнообразия документов представляется целесообразным дать их обзор в табличной форме (см. таблицу).

**Состав и палеографические особенности материалов «дела»
архиепископа Суздальского Стефана 1659–1663 гг.***

№	Шифр	Дата	Название документа по описи. (Состав документа)	Палеографические особенности	Пагинация (стб.)	
					чернила	карандаш
1.	1074	1660, после 25 сентября	Челобитная попа Никиты Кон- тангинова на Суздальского архи- епископа Стефана В составе: – стб. 180–181, 184–186 – челобитная попа Никиты Константинова царю об отлучении его архиепископом Сте- фаном от места и доходов (сентябрь 1660 г.); – стб. 182–183 челобитная приказно- го судных дел архиепископа Стефана Дениса Петровых о бесчинствах попа Никиты (после 18 сентября 1660 г.); – стб. 186, 187, 189 – челобитные попа Никиты о свидетелях его обви- нений; – стб. 188 – распросные речи черного дьякона Кирилла (1659, 27 августа); – стб. 190 – распросные речи дьякона Чудова монастыря Моисея (1659, 10 сентября); – стб. 191 – распросные речи предте- ченского попа Петра Гаврилова (1659, 25 сентября);	Свиток, 7 м 11 см, скоропись, несколькими почерками (один, вероятно, принадлежит Никите Константинову). По составу – скрепа дьяка Пар- фения Иванова. На стб. 182 об. – адрес царю Алексею Михайловичу, в нижнем правом углу помета: «В розряд» На об. стб. 190: «К сем своим допросным речем Чудова мона- стыря дьякон Моисей рукопри- ложил». На стб. 191 подлинное рукопри- кладство: «Поп Петр к своим распросным речем руку прило- жил». На верхнем поле лицевой сторо- ны стб. 192 почерком XIX в., черными чернилами: «№ 1:1» К свитку приложен небольшой листок (формат около А5) с тек- стом: «Богомолец твой государев из Володимеря Богородицкой протопоп Андрей челом бьет.	[180]–196 столбец расклеен [166]–169	36–50 –

№	Шифр	Дата	Название документа по описи. (Состав документа)	Палеографические особенности	Пагинация (стб.)	
					чернига	карандаш
			– стб. 192–[196 ^{4*}] – приказная роспись челобитных и событий по делу архиепископа Стефана за период с 25 апреля 1659 г. по 6 июня 1659 г. – стб. [166]–169 – приказная роспись челобитных и допросов по делу архиепископа Стефана	В нынешнем, государь, в 1660 г. сентября в 20 день бил челом тебе Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белые России самодержцу суздальской соборной церкви поп Никита Костентинов, а мне богомольцу твоему в Суздале тот поп Никита подал изветную челобитную и я богомолец...». На об. листка скорописью коричневыми чернилами написан адрес (царю Алексею Михайловичу), сделана приписка: «1660 сентября в 25 числе подал пристав Михайло Примакин»; в нижнем правом углу помета: «в патриарш розряд». Также имеется приписка почерком XIX в., черными чернилами: «№ 979, къ № 1074 Н. Попов».		Также к свитку приложен еще один листок (размер около А6) с текстом: «Послать к тебе Великому Государю к Москве под сено отпискою, а отпуску государь и челобитную велел подать в патриарш розряд патриаршу боярину

				Борису Ивановичю Нелединскому да двокам Ивану Кокошилову да Ивану Калитину». На об. сохранилась часть скрепы – «дьяк»; также имеется приписка почерком XIX в. черными чернилами: «к № 1074 – Н Попов 8 арш. 11 в.»		
2.	1075	1659, 3 августа	Показания архиепископа Стефана	Свиток 6 м 58 см, скоропись, один почерк, коричневые чернила. По оставам скрепа архиепископа Стефана. На первом столбце сверху почерком XIX в. черными чернилами: «№ 30 1670 показания арх Стефана и прочие... 9 ¼ а»	104–120	17–33
3.	1076	1659/1660 г., лето–осень	Челобитная суздальского архиепископа Стефана царю Алексею Михайловичу на своих вратах В составе: – [Оригинал***] стб. 202–203: челобитная царю Алексею Михайловичу архиепископа Стефана. – [Копия] стб. 203–212: челобитная пола Никиты Константинова на архиепископа Суздальского Стефана с приложением «Росписи, что Стефан архиепископ делает в Суздале не по правилам святых отец»	Свиток 5 м 42 см, скоропись, два почерка, коричневые чернила. На сставах стб. 202–203 рукоприкладство архиепископа Стефана. Почерком XIX в., черными чернилами на лицевой стороне стб. 206 «№ 10»; стб. 212: «№ 11»	201–215	1–15

№	Шифр	Дата	Название документа по описи. (Состав документа)	Палеографические особенности	Пагинация (стб.)	
					чернилами	карандаш
4.	1077	1660, после 1 апреля	– [Копия] стб. 213–215: «Список из Суздалья Спасского Еуфимиева монастыря архимарита Авраamia з грамоты к слову в слово, как он архимарит писал к монастырскому своему страгачему своею рукою слово в слово»	Свиток, 2 м 36 см, скоропись, два почерка, коричневые чернила, на последних двух ставах – скрепа архиепископа Стефана.	160–166	–
5.	1078	1659, октябрь	Челобитная царю Алексею Михайловичу от строителя Осовицкой пустыни Сузд. у. Дионисия на архиеп. Стефана В составе: – Стб. 163–165 ответы Стефана на обвинения Дионисия перед собором 1 апреля 1660 г.	На первом столбце сверху почерком XIX в. черными чернилами: «3 арш. 168 г. Челобитная царю Алексею Михайловичу от строителя Осовицкой пустыни Сузд. уезда Дионисия на архиеп. Стефана»	14–44	51–...
6.	1079	1659, октябрь	Память от царя Алексея Михайловича воеводе Василию Фирсову	Свиток 69,75 см, скоропись, один почерк, коричневые чернила, многочисленная правка	216	32

7.	1080	Между октябрём 1659 и мартом 1660 г. ****	[Оригинал] Выписки из следствия, произведенного Вятским епископом Александром по делу об архиепископе Стефане Суздальском	Свиток 13 м 68 см, скоропись, один почерк, ровный, аккуратный, хорошо читаемый, коричневыми чернилами, на ставах двойная скрепа епископа Вятского Александра (черными чернилами) и дьяка Парфения Иванова (коричневыми чернилами). На обороте приписки-показания по статьям обвинения выполнены почерком, аналогичным почерку свитка Син. грам. 1076, предположительно самого архиепископа Стефана (коричневые и черные чернила). На полях лицевой стороны стб. 54 черными чернилами, почерком XIX в.: «№ 2»	45–85	–
8.	1081	То же	Выписки из следствия, произведенного Вятским епископом Александром по делу об архиепископе Стефане Суздальском	Свиток 14 м 40 см, скоропись, один мелкий аккуратный почерк, коричневые чернила, скрепы отсутствуют. Текст идентичен тексту документа Син. грам 1080, за исключением приписок на обороте, которые в Син. грам. 1081 отсутствуют. На об. первого столбца почерком XIX в. черными чернилами: «№ 15»	122–158	–

№	Шифр	Дата	Название документа по описи. (Состав документа)	Палеографические особенности	Пагинация (стб.)	
					чернилами	карандаш
9.	1082	1660, 23 марта	[Черновик] Приговор собора о посылке архиепископа Стефана в монастырь	Свиток 2 м 84,5 см, скоропись несколькими почерками, правка, многочисленные крыжки, раздвижки и приписки на лицевой стороне и обороте, коричневыми чернилами. На первом столбце вдоль всего левого поля идет надпись в две строки неаккуратным, плохо читаемым почерком: «+ и ... де брату своему казначею писатся великим государем не веливал и от такова дурна казначея (<i>зачеркнуто</i> : не запре) // своею простотою не возбранил в том же виноват перед великим государем». На об. первого столбца почерком XIX в. черными чернилами: «№ 31, 168 г. 4 ар. Суд над архиеп. Сузд. Стефаном и дожажлении его государю». На лицевой стороне стб. 95, в левом нижнем углу почерком XIX в., черными чернилами: «№ 4»	86–95	51–59
10.	1083	1660, 23 марта	Определение собора об извержении суздальского архиеп Стефана в монастырь в связи с докладом П.М. Салтыкова	Свиток 2 м 75,5 см, скоропись, один почерк, коричневыми чернилами, многочисленная правка, крыжки. На обороте скрепа архиепископа Стефана	170–178	41–49

11.	1084	1660, 13 августа	<p>Выписки из сказок Суздальского архиепископа Стефана</p> <p>Состав:</p> <ul style="list-style-type: none"> – допросные речи Стефана перед следователями за его подписью; – приказная приписка, что 13 августа царь слушал выписку и постановил освятенному собору судить архиепископа за его духовные вины, а за вину перед собой царь Стефана прощает. Выписка завершается записью о резолюции царя по этому делу (стб. 13): «1660 году августа в 13 день, слушав сей выписки указал великий государь, сказал властям: которые вины перед ним великий государь архиепископулли и в тех винах <i>(зачеркнуто в строке: ево)</i> великий государь <i>(над строкой: жалует ево)</i> прощает, а что его архиепископулли <i>(зачеркнуто в строке: и в том бы они)</i> вины духовные, и в том бы они, власти, судили и прощали по правилом по тому, что от простых речей <i>(зачеркнуто в строке: чинятся ереси)</i> прозябают ереси, а попа Никиту чтоб отослали под градский суд» 	3–13	67–77
12.	1085	1663, 1 июня	<p>[Оригинал] Соборное подлинное деяние о запрещении архиерейст-</p>	96–102	79–84

№	Шифр	Дата	Название документа по описи. (Состав документа)	Палеографические особенности	Пагинация (стб.)	
					чернилами	карандаш
			<p>вовать суздальскому архиепископу Стефану В составе: – стб. 101–102: Челобитная архиепископа Стефана собору от 15 ноября 1662 (?)</p>	<p>коричневые чернила, в качестве знаков препинания активно используются точки. На обороте по склейкам – подписи иерархов – участников собора: Лаврентий, митр. Казанский и Свяжский; Питирим, митр. Сарский и Подонский; Паисий, митр. Газский (по-гречески); Феодосий, митр. Венчатский (Сербия); Филарет, архиеп. Смоленский и Дорогобужский; Иларион, архиеп. Рязанский; Иосиф, архиеп. Астраханский и Терский; подпись по-гречески архиепископа <i>прэб</i>; Александр, еп. Вятский; еще одна подпись <i>прэб</i>. На обороте челобитной Стефана – приписки, по-видимому, его рукой. На об. первого столбца надпись почерком XIX в. черными чернилами: «№ 34 3 1/4 аршин, 171 деяние моск. поместн. соб. о Стефане арх. Сузд.»</p>		

13.	1086	1663, 1 июня	[Копия] Соборное подлинное деяние о запрещении архиепископа Стефана	Свиток, 1 м 93 см, скоропись, один аккуратный почерк, коричневые чернила, в качестве знаков препинания активно использованы точки В конце текста прицелен перечень из 8 иерархов, подписавших Деяние (отсутствуют два иерарха, подписи которых неразборчивы в Син. грам. 1085). На об. первого столбца почерком XIX в., черными чернилами: «№ 9 2 аршина 1 в. 171 г. Соборное деяние на Стефана арх. Сузд.». К верхней части первого столбца подклеен небольшой листок, на котором почерком XIX в. черными чернилами написано: «№ 8»	197 – [201]	–
14.	1087	1660, после октября	Обыск и следственное дело над Стефаном, Суздальским епископом	Свиток 105 м 97 см, ветхий, расклеен в нескольких местах с большими потерями текста, на об. – рукоприкладства допрашиваемых. Написан скорописью, несколькими почерками	1–287	–

* ОР ГИМ. Син. грам. 1074–1087.

** В этом месте столбец расклеен, номер склейки срезан.

*** Здесь и далее оригиналом признается чистый текст документа без серьезной правки со скрепами составителей, подписями, собственноручными показаниями допрашиваемых и т.п. Аналогичный текст без подписей и скреп признается копией.

**** Датировка определяется, с одной стороны, временем создания указа о следствии против архиепископа Стефана (Син. грам. 1078), а, с другой – датой первого собора на Стефана в марте 1660 г. (Син. грам. 1082).

В целом, «дело» архиепископа Стефана состоит из 14 единиц хранения. Однако все эти документы довольно сложны и с археографической, и с информационной точек зрения. Во-первых, многие из них включают в себя несколько разнородных документов. Во-вторых, на них сохранились следы архивной обработки за несколько веков: чернильная пагинация, возможно, восходящая к приказной, карандашная пагинация более позднего времени арабскими цифрами. Кроме того, на свитках имеются записи их номера, сделанные архивистами XIX в. В-третьих, некогда единый столбец (о чем свидетельствует сквозная нумерация) был расклеен и его первоначальный состав, последовательность документов в деле утрачена. Эта общая проблема при работе со столбцовой документацией не раз привлекала внимание исследователей и решалась по-разному²⁴. Итогом многочисленных пертурбаций, которые претерпела столбцовая документация в XVIII–XIX вв. привела к «произвольной перегруппировке отдельных дел, созданию новых, никогда не существовавших в реальности “столбцов” ... и целых “фондов”»²⁵. Между тем, это приводило к серьезным утратам информационной ценности сложносоставных «дел», например, судебно-следственных, которые изначально являлись единым «пакетом» документации. Трудно не согласиться с Л.А. Тимошиной в ее выводе: «В настоящее время представляется необходимым относиться к судебно-следственным, как, равным образом, и любым другим видам дел (административным, о жалованиях, о приездах и пр.) как к единому историческому источнику. Детальное же изучение и полная публикация всех без исключения компонентов судебно-следственных материалов даст возможность представить в распоряжение историков не отобранные на основании субъективных критериев отдельные, пусть и весьма интересные, документы, а целостные комплексы, которые позволяют изучать гораздо более широкий круг проблем и ставить более интересные исследовательские задачи»²⁶. Разумеется, в большинстве случаев восстановление «первоначального состава и последовательности документов в деле – практически недостижимая исследовательская задача. Однако археографические особенности рассматриваемого

комплекса документов по «делу» архиепископа Стефана позволяют выдвинуть гипотезу о его первоначальном составе и обстоятельствах возникновения этого документального комплекса.

При реконструкции за основу взята чернильная пагинация – единственная, которая регулярно присутствует во всех документах (см. шестой столбец таблицы). Важной особенностью этой пагинации является ее непротиворечивость – сопоставление нумерации столбцов во всех указанных делах позволяет выстроить их в ином порядке, по сравнению с тем, в каком они пронумерованы в каталогах ОР ГИМ.

Представляется, что они подобраны как обоснования для двух соборных приговоров – 1660 г. и 1663 г. От исследования археографических особенностей источника перейдем к его хронологии. «Дело» архиепископа Стефана включает документы за период с весны 1659 по июнь 1663 г. Как видно из таблицы и «реконструкции» – документы в следственном деле расположены не в хронологическом порядке. С точки зрения юридической силы наиболее важными в комплексе являются решения двух церковных соборов по «делу» Стефана – от 23 марта 1660 г. (№ 9, 10 в таблице, № 4–5 в реконструкции, Син. грам. 1082, 1085); от 1 июня 1663 г. (№ 12, 13 в таблице, № 5, 12 в реконструкции; Син. грам. 1085, 1086). Представляется, что остальная документация комплекса является сопроводительной, то есть аргументирующей для принятия соборного решения. В этой связи анализ содержания документов и реконструкция их первоначального расположения внутри столбца позволяет предположить, что «дело» архиепископа Стефана в том виде, в каком оно сохранилось до наших дней, было составлено не ранее 1663 г., при подготовке к проведению второго собора о действиях архиепископа Стефана. При этом из архива были извлечены материалы предыдущего следствия, которые, в известной степени, усложнили положение опального иерарха, хотя первое решение по его делу (1660 г.) и было оправдательным.

**Следственное дело
митрополита Суздальского Стефана²⁷**

Реконструкция

1. Стб. 3–13²⁸. Выписки из сказок Суздальского архиепископа Стефана (Син. грам. 1084), 1660, 13 августа.
 2. Стб. 14–44. Указ царя Алексея Михайлович Вятскому епископу Александру о расследовании дела о Суздальском архиепископе Стефане (Син. грам.1078), 1659, октябрь.
 3. Стб. 45–85. Выписки из следствия, произведенного Вятским епископом Александром по делу об архиепископе Стефане Суздальском. (Син. грам. 1080), между октябрем 1659 и мартом 1660 г.
 4. Стб. 86–95. Приговор собора о посылке архиепископа Стефана в монастырь (Син. грам. 1082), 1660, 23 марта.
 5. Стб. 96–102. Соборное подлинное деяние о запрещении архиерействовать суздальскому архиепископу Стефану (Син. грам. 1085), 1663, 1 июня.
 6. Стб. 104–120. Показания архиепископа Стефана (Син. грам. 1075), 1659, 3 августа.
 7. Стб. 122–158. Выписки из следствия, произведенного Вятским епископом Александром по делу об архиепископе Стефане Суздальском (Син. грам. 1081), между октябрем 1659 и мартом 1660 г.
 8. Стб. 160–166. Челобитная царю Алексею Михайловичу от строителя Осовицкой пустыни Сузд. у. Дионисия на архиеп. Стефан. (Син. грам. 1077), 1660, после 1 апреля.
 9. Стб. 166–169. Челобитная попа Никиты Константинова на Суздальского архиепископа Стефана (Син. грам. 1074, вторая пагинация), 1660, после 25 сентября.
 10. Стб. 170–178. Определение собора об извержении суздальского архиеп Стефана в монастырь в связи с докладом П.М. Салтыкова. (Син. грам. 1083), 1660, 23 марта.
 11. Стб. 180–196. Челобитная попа Никиты Константинова на Суздальского архиепископа Стефана (Син. грам. 1074, первая пагинация), 1660, после 25 сентября.
 12. Стб. 197–201. [Беловик] Соборное подлинное деяние о запрещении архиепископа Стефана (Син. грам. 1086), 1663, 1 июня.
 13. Стб. 201–215. Челобитная суздальского архиепископа Стефана царю Алексею Михайловичу на своих врагов (Син. грам. 1076), 1659 / 1660 г., лето – осень.
 14. Стб. 216. Память от царя Алексея Михайловича воеводе Василию Фирсову (Син. грам. 1079), 1659, октябрь.
- Всего нумерованных столбцов в деле – 216, утрачены стб. 1–2, 103, 121, 159, 179.

В Описи столбцам Патриаршего Разряда, составленной в 1697 г., под номером 13 значится столбец «Извет попа Никиты Пустосвята на Суздальского архиепископа Стефана и челобитье его архиепископово, 167 и 168 годов»²⁹. Этот заголовок идентичен надписи на обороте свитка Син. грам. 1084. Возможно, что и сама надпись на свитке была сделана в связи с проводившимся описанием столбцов патриаршего разрядного архива, относившимся к делам с 1652 по 1679 г., перечисленным в Описи.

В то же время на первых, частично утраченных столбцах свитка 1084 ясно читается указание, что это материалы дела архиепископа Стефана, рассматривавшегося по царскому указу преосвященным собором, боярином Петром Михайловичем Салтыковым, думным дьяком Алмазом Ивановым, а также следователями – Вятским епископом Александром и патриаршим дьяком Парфением Ивановым. Таким образом, можно предположить, что «свиток 13» из описи 1697 г. был более объемным, чем свидетельствует его название. В качестве рабочей гипотезы представляется возможным принять, что речь в данном случае может идти о полном «деле» архиепископа Стефана, реконструированном по арабской пагинации столбцов (Реконструкция). К сожалению, данное предположение в настоящее время остается в области гипотез. В той же Описи по номером 20 назван столбец «Обыски, что сыскивал Вятской епископ Александр да дьяк Парфеней Иванов, про Суздальского архиепископа Стефана, 168 году»³⁰. По-видимому, это документ № 1087 из нынешнего Синодального собрания ОР ГИМ. Вероятно, таким образом, что в патриаршем архиве конца XVII в. находились два объемных свитка, один из которых содержал материалы следствия по «делу» Стефана, а второй – документацию, подготовленную для вынесения соборного решения 1663 г., или, возможно, 1679 г.³¹ Обобщая выдвинутые гипотезы, можно предполагать, что, во-первых, серьезных потерь внутри данного комплекса документов нет, а, во-вторых, в нашем распоряжении находится почти полное следственное дело, сшитое по законам делопроизводства XVII в.

Наконец, третий важнейший вопрос относительно иссле-

дуюемого комплекса – в каком учреждении он был составлен. Представляется вполне очевидным, что центром следственных мероприятий был Патриарший разрядный приказ: во главе следствия вместе с епископом Александром Вятским стоял патриарший дьяк Парфений Иванов; в самих документах есть неоднократные указания на то, что материалы дела подаются и хранятся на патриаршем дворе в разряде³²; наконец, это подтверждает и Опись 1697 г. Однако работу патриаршей канцелярии курировали на разных этапах следствия думный дьяк Алмаз Иванов и боярин Петр Михайлович Салтыков, судальские воеводы Василий Фирсов и Василий Аничков и др. Таким образом, «дело» Стефана в неразрывной связи вели высшая светская и духовная администрация Русского государства.

Подводя итоги сказанному, отметим, что информационный потенциал «дела» архиепископа Стефана чрезвычайно велик и его дальнейшее исследование позволит расширить наши представления по ряду важных вопросов. Материалы «дела» – уникальное свидетельство конкретных деталей, повседневного хода церковных реформ 1650-х годов, отражающих представление о реформе как иерархов, так и обычного городского духовенства, встречавшего нововведения «в штыки». Кроме того, оно является своеобразным «зеркалом» положения в иерерхии в сложный период оставления патриархом Никоном престола. Н.И. Субботин, рассуждая о рассмотренных событиях, сделал интересный вывод: «Из дела архиепископа Стефана вообще не трудно усмотреть, что к возбуждению его не мало способствовало то обстоятельство, что архиеп. Стефан был из числа лиц, преданных тогда уже опальному патриарху Никону и во всем следовал его церковным распоряжениям, почему и не мог пользоваться расположением Никиты, принадлежавшего к обществу врагов п. Никона»³³. Кроме того, он считал, что и строгость следствия, произведенного «известным сторонником расколотителей» вятским епископом Александром и патриаршим дьяком Парфением Ивановым, также была обусловлена близостью Стефана опальному патриарху. Такая оценка представляется несколько односторонней. Действия Стефана, во многом носившие на себе отпечаток резкости и нетерпимости, характер-

ной и для Никона, действительно всколыхнули суздальское духовенство, вызвали волнения. Волна челобитных, свидетельства о непочтении архиепископа к царским грамотам, напряженная обстановка в епархии – все это на фоне разгоравшегося противостояния власти с раскольниками вполне закономерно должно было повлечь за собой разбирательство. На наш взгляд, «дело» Стефана является показателем уровня неуправляемости и хаотичности запущенной в 1650-е годы реформы. С другой стороны, несмотря на длительное разбирательство и отстранение от управления епархией, Стефан, тем не менее, не был запрещен в служении и получил место при Архангельском соборе Московского кремля, а впоследствии вернулся на свою кафедру. Такой исход, думается, показывает стремление власти к консолидации иерархии, прощению «мелких» прегрешений перед лицом большего зла – раскола.

-
- ¹ Историческое исследование дела патриарха Никона / сост. Н.А. Гиббенет. СПб., 1882–1884. Ч. 1–2; Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической Комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей патриаршей) библиотеки. СПб., 1897; *Макарий (Булгаков), митрополит Московский*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 7, т. 11, отдел второй; Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1875–1887. Т. 1–6; и мн. др.
- ² Например: *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века: законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004. Гл. 3. С. 70–95; *Горбатов Е.Н.* Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 233–242; и др.
- ³ *Дорошенко С.М.* Настоятели Воскресенского монастыря Нового Иерусалима: живая история обители // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Спецвыпуск № 2. С. 128.
- ⁴ См.: *Архиереи Русской Православной церкви (1589–1652) // Макарий (Булгаков), митрополит Московский*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 740; *Архиереи Русской Православной церкви (1652–1700) // Там же*. Кн. 7. С. 613.

- ⁵ В конце XVI – первой половине XVII в. владыки на Суздальской кафедре менялись весьма часто, в том числе и по решению церковного суда. Так, за период с 1589 по 1658 г. умерли в сане владыки Суздальского лишь двое – Серапион (†1653) и Софроний (†1654); четверо ушли или были удалены на покой – Иов (1594), Галактион (1609), св. Арсений (Грек) (1626), Иосиф (1656); один отлучен и сослан в Сийский монастырь – Иосиф (Курцевич) (1634); один переведен на Смоленскую кафедру – Филарет (1658). См.: Там же.
- ⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 138; Д. 9. Л. 126 об.
- ⁷ *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 220–221.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 236. Оп. 1. Д. 6. Л. 212, 441, 672, 900, 1141 об.; Ф. 235. Оп. 2. Д. 19. Л. 245 об., 505 об., 778 об., 1063, 1342; Д. 25. Л. 265, 516–517, 760, 993, 1214 и мн. др.
- ⁹ Об этом свидетельствуют приходные книги Патриаршего Казенного приказа этот период: Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 11, 13, 14, 16, 17 и др.
- ¹⁰ *Николаевский П.Ф.* Патриаршая область и русские епархии XVII века // Христианское чтение. 1888. Ч. 1. С. 158–159.
- ¹¹ *Архиереи Русской Православной церкви (1652–1700)*. С. 613.
- ¹² *Основные события церковной и государственной истории (1651–1700) // Макарий (Булгаков), митрополит Московский.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 638. Вообще, вопрос об отношении епископата как реформе в целом в момент ее проведения, так и особенно к факту оставления Никоном престола в первые месяцы после произошедшего, остается слабо исследованным. К сожалению, современное состояние разработки источниковой базы не позволяет решить эту задачу во всей полноте.
- ¹³ Всего в адрес архиепископа было выдвинуто более четырех десятков обвинений, детальный разбор и анализ которых выходит за предметные рамки настоящей статьи и представляет особый исследовательский интерес. Для справки приведем здесь в обобщенном виде наиболее важные из них: 1) служил литургию в простой храме, служил на переделанных и неосвященных вновь престолах, говорил, что литургия не от святых отец положена; разрешал в алтарь входить двоеженцам и троеженцам, а дьяконам служит «явши и пивши»; 2) уклонялся от организации панихид и здравниц в честь государя и членов его семьи как живущих, так и почивших, отсутствие столов по этим поводам; велел попам говорить многолетие царю обернувшись на запад; 3) хулил распятие Христово; велел Богородицу называть Мариною, а не Мрией; 4) «выламывал»

- гробы в соборной церкви, и на их месте помосты устраивал и памятных признаков «не учинял»; досками «заметал» и престол разрушил над местом упокоения преп. благоверной вел. кн. Ефросинии сузд. чудотворицы дочери вел. кн. Мих. Черниговского в Ризположенском монастыре; 5) отбирал себе в ризницу старинный оклад у чудотворной иконы Пресвятой Богородицы в соборной церкви и в других церквях, выставлял из церквей иконы вкладчиков; бросался антимином, разрушал старые престолы в церквях; 6) не праздновал Казанской иконе Богородицы, а служил обедню на другом престоле, а перед иконой никому не велел служить; 7) избивал многих людей всяких чинов перед службой и после службы («человек по 20 и больше до смерти»); применял жестокие наказания к духовенству, вводил новые налоги, вступался в вотчинные дела монастырей; 8) хулил запасной агнец божий; 9) разрешил священнику входить в алтарь без патрахели царскими вратами; 10) под страхом анафемы запретил всему духовенству на пасху «целоваться с яицы»; 11) снимал и поставлял игуменов по своему решению, безвинно; 12) на обедне держал Крест в левой руке, а не в правой, и осенял; сидел на стуле в соборной церкви и велел перед литургией всему духовенству руку у себя целовать; 13) хотел сжечь церковный устав; 14) отказывался слушать царские грамоты и мн. др.
- ¹⁴ Первые из сохранившихся письменные показания архиепископа представлены в его челобитной от 3 августа 1659 г. (Отдел Рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ)). Син. грам. 1075).
- ¹⁵ Наказ комиссии и «обыскные речи», составленные в результате ее работы сохранились: Там же. Син. грам. 1078; Син. грам. 1087 соответственно.
- ¹⁶ Там же. Син. грам. 1082, 1083.
- ¹⁷ Сведения об этом имеются в постановлении следующего церковного собора по «делу» Стефана – 1663 г. (Там же. Син. грам. 1085. Стб. 97).
- ¹⁸ Там же. Син. грам. 1085, 1086.
- ¹⁹ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский*. История русской церкви. Кн. 7, т. 11. Отдел второй. С. 337.
- ²⁰ Там же. С. 304–305.
- ²¹ Материалы для истории раскола ... Т. 1. С. 375–379, примеч. к № 34.
- ²² *Румянцев И.П.* Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916. 2 т.; *Никольский А.* Стефан, архиепископ Суздальский и Тарусский // Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Истори-

- ческого Общества А.А. Половцова. СПб., 1909. Т. 19: Смеловский – Суворина. С. 427.
- ²³ ОР ГИМ. Син. грам. 1074–1087.
- ²⁴ Подробный историографический анализ проблемы см.: *Тимошина Л.А.* Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. Вып. 15 / ред. С.Н. Кистерев. С. 238–243.
- ²⁵ Там же. С. 245, примеч. 14.
- ²⁶ Там же. С. 250.
- ²⁷ Для краткости и во избежание повторов в «реконструкции» названия столбцов даны по каталогам ОР ГИМ.
- ²⁸ Первый столбец сильно поврежден, что могло произойти ввиду частого использования свитка. Аналогичные утраты и повреждения характерны и для начальных столбцов Обыскного дела (Син. грам. 1087).
- ²⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1843. Т. 5. С. 480 (№ 263).
- ³⁰ Там же. С. 481.
- ³¹ На соборе 2 июля 1679 г. архиепископ Стефан снова подвергся судебному следствию, был обвинен собором, лишен сана и сослан в новгородский Ясинецкий монастырь. См.: *Архиереи русской православной церкви (1652–1700)*. С. 613.
- ³² Также см. столбец 5 таблицы.
- ³³ Материалы для истории раскола ... Т. 1. С. 379, примеч.

Старообрядческие «гари» 1650–1680-х годов

Изучение феномена старообрядческих самосожжений («гарей») начинается в одно время с исследованием истории раскола в целом. Первые самоубийства раскольников фиксируются с 50-х годов XVII в., вслед за вступлением в силу реформ патриарха Никона и проявляются они в виде запощения (уморения себя голодом) и лишь через десятилетие обретают форму самосожжений. В 1680-е годы «гари» принимают массовый характер, проходят самые крупные – Каргопольские (1683–1684 гг.) и Палеостровские (1687–1688 гг.).

До середины XIX в. доминировала обличительная тенденция в отношении староверов. Первое фундаментальное историческое исследование по данному вопросу было предпринято митрополитом Макарием (Булгаковым). В своем труде «История русского раскола» автор рассматривал явление самосожжения как факт распространяемого еретического движения¹. Однако взгляды историков XIX – начала XX в. на данную проблему менялись. В связи с этим, современный исследователь Е.В. Романова², в зависимости от того, какую позицию разделяли историки, делит их исследования на три группы:

1) работы, в которых самосожжение расценивается как догмат (И.М. Добротворский, В.А. Андреев, В.И. Кельсиев, И.Ф. Нильский, Н.И. Попов, А.А. Павлов, Н. Ивановский, И.Я. Сырцов, П.С. Смирнов, П.Н. Милюков);

2) труды, первостепенной идеей которых является признание самосожжения результатом правительственных гонений, то есть спасением из критической ситуации (Д.Е. Кожанчиков, Г.В. Есипов, И. Юзов);

3) изыскания, в которых признается как наличие особой проповеди, призывающей на добровольных началах к мученичеству, так и совершение самоубийства в ответ на преследования властей (Ф.Г. Елеонский, Н.И. Костомаров, Н. Загоскин, А.С. Пругавин, Д.И. Сапожников, Х.М. Лопарев, В.В. Виноградов).

Первым начал вести полемику о причинах старообрядческих самоубийств И.М. Добротворский, который опубликовал в 1861 г. статью «О самосожигательстве раскольников»³. Автор ищет первопричины старообрядческих самосожжений в недрах старовойсской культуры и поясняет зарождение самоубийств расширением учения о приближении царства Антихриста.

В 1862 г. в обсуждение о мотивах старообрядческих «гостей» вступает Д.Е. Кожанчиков. Он заключил, что «самосожжение не догмат, а крайнее выражение борьбы с сильнейшей властью»⁴. Позже против существования учения высказали свое мнение Г.В. Есипов (1863 г.)⁵ и И. Юзов (Каблиц) (1881 г.)⁶, не прибавляя существенных обоснований в этой полемике.

Основываясь на роли проповедников в организации самосожжений у староверцев, Н.И. Костомаров в работе «История раскола у раскольников» (1871 г.)⁷ акцентировал внимание на двух видах самоубийств: первое – как следствие учения, второе – как средство спасения от преследователей. Самому распространению раскола содействовали жестокие притеснения со стороны правивших властей, от которых староверы, как правило, укрывались в пустынях, но были и такие, которые спасались от гонений, прибегая к самосожжениям, как, например, произошло в Олонце (1687 г.) и Палеострове (1687 и 1688 гг.). В интересах проповедников, которые, как лжеучители, в любом случае приговаривались к смерти, самоубийство становилось способом избежать пыток и казни, при этом принять положение мучеников. Для их приверженцев самосожжения были следствием распространяемого такими «лжеучителями» наставления. Н.И. Костомаров определял, что эти предводители, которым «все равно было гореть – добровольно ли с последователями, или в срубе по приговору закона, – всеми силами ста-

рались, чтобы другие испытали с ними одну судьбу», начинали побуждать к самоубийству других, распространяя наставление о конце света и, убеждая, что «лучше предупредить беду, потому что власти, взявши их в руки, будут не только мучить, но еще посредством мучений заставят сделать тяжкий грех и заградят путь к вечному спасению»⁸.

С двух сторон излагал природу массовых самосожжений Н. Загоскин в работе «Самосожигатели» (1884 г.)⁹: 1) самоубийства брали свое начало у нравственно-религиозного мотива – «добровольно покинуть земной мир, лишенный благодати и путей к спасению и вместе с тем духовной жажде скорее соединиться с предвечным божеством за пределами этого мира суеты и соблазна»¹⁰; 2) исследователь называл самоумерщвление «крайним исходом борьбы», то есть последствием ужесточения законодательства по отношению к староверам¹¹.

И.Я. Сырцов в работе «Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетиях» (1888 г.) воспринимал старообрядческие «гари» как шаг, продуманный от начала до конца: от умышленного ожидания «гонителей» и прений с ними до непосредственного приготовления к смерти, сопровождающегося обрядами перекрещивания, переодеванием, укладыванием на нары или пол так, как укладывают в гроб¹².

Иное суждение на проблему отразилось в публикации у Д.И. Сапожникова, который определял проповеди самосожжений не просто как учение, а как догмат – «да умрем за старую веру и да сожжемся!». Для воплощения в жизнь этого догматического требования, по соображению историка, действовало три способа, к которым обращались староверы: «Одни раскольники сожигались самопроизвольно, без всяких побудительных причин со стороны блюстителей закона; другие с предвзятой мыслью о близости конца мира упорно искали возможности умереть за старую веру, и сожигались, когда надежда их исполнялась; третьи сожигались при том условии, если нарушался их обыденный порядок жизни гонителями их и напротив того не сожигались, когда их оставляли в покое»¹³.

Исследователь П.С. Смирнов в монографии «Внутренние вопросы в расколе» (1898 г.)¹⁴ предпринял попытку выделить

возможные обстоятельства зарождения идеи самоубийства в старообрядческом окружении. Историк проанализировал не только историю старообрядческих самоубийств, но и развитие старообрядческой идеологии в целом. П.С. Смирнов обратил внимание на две стороны в доктрине самоистреблений: учение следовавших за Капитоном, в среде которых впервые зародилось представление о спасительности самоубийства, и наставление «отщепенцев правоверного старообрядчества». Расхождение этих доктрин Смирнов увидел в том, как трактовались самоубийства представителями этих направлений раскола. У капитоновцев, как отмечает историк, это был поступок взамен всякого средства веры; для старообрядцев – это было проявлением «цело соблюсти веру»¹⁵. Кроме этого, исследователь уделил внимание значимости проповедников самосожжений, в том числе и образу протопопы Аввакума, чья положительная позиция к самоубийствам стала одним из поводов их распространения. Впрочем, главную причину «гарей» исследователь определил в притеснении старообрядцев властью, и как следствие, в представлении о пришествии Антихриста: «Преследования раскольников не были самостоятельной причиной самоистреблений в том смысле, что самоистреблению подвергались не из страха к процессу преследований, но единственно из опасения впасть в руки антихриста... Преследование против раскола вообще понималось в смысле личного преследования, и поэтому, если самоистребления не могли происходить помимо мысли о преследованиях, то могли повторяться помимо наличного факта преследования. Отсюда понятно, почему сгоревшие без преследований считались мучениками за веру и самосожженцев называли “сожженными за веру”»¹⁶.

Подводя итог обзору историографии XIX – начала XX в. по проблеме старообрядческих «гарей», необходимо отметить, что исследователями была проделана внушительная работа. Было описано и проанализировано множество старообрядческих самоубийств, переведены и опубликованы источники.

В дальнейшем в литературе внимание к проблеме старообрядческих «гарей» заметно снизилось. Однако советские исто-

рики продолжали публиковать официальные документы, старообрядческие сочинения, содержащие сведения о «гарях».

В современной исторической науке вновь возродился интерес к старообрядческой культуре, проблеме церкви и власти, вопросу о характере старообрядческих самосожжений. Появляются работы, в которых вопрос о происхождении массовых самоубийств решается через раскрытие новых аспектов предмета обсуждения, соответственно, привлекаются свежие мотивы, подтверждающие те или иные положения. Особого внимания заслуживает работа Е.М. Юхименко «Каргопольские “гари” 1683–1684 гг.» (1994)¹⁷. Главной идеей в работе является необходимость изучать определенные формы устройства тех общин, в которых происходили самосожжения. Анализируя с этой позиции Каргопольские «гари», проходившие в Каргополе, где степень развитости общины был весьма высок, Е.М. Юхименко справедливо считает, что поселившиеся в пустыне староверцы вряд ли исконно имели умысел сжечься, их уход обозначал лишь желание оградить себя от преследования, а «старообрядческие “пристанища” представляли собой не специально выстроенные “наместниками” “хоромины” для самосожжения, а основанные старообрядцами в глухих, незаселенных местах деревни в несколько изб»¹⁸.

Особого внимания заслуживает работа Е.В. Романовой, изданная в 2012 г.¹⁹ Автор рассматривает явление «огненной смерти» в различных научных перспективах: психологической, социальной и религиоведческой. Историк использует широкий фактический материал, география исследования поражает своей обширностью: Смоленские леса и Архангельск, Новгород, Ишим и Тобольск.

Большая работа в последнее время была проделана М.В. Пулькиным²⁰. Преимущественное внимание автор уделяет духовным прениям старообрядческих учителей о «гарях», статистике и локализации самосожжений, обрядности, предшествующей «огненной смерти». Основанием для обобщения послужили многочисленные опубликованные источники, а также свидетельства (преимущественно следственные дела), обнару-

женные в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска.

Резюмируя обзор работ о массовых старообрядческих самоубийствах, можно сказать, что практически на пространстве всей истории исследования самосожжений в центре внимания историков находился вопрос, связанный с причинами «гарей». Впрочем, староверческие самоубийства могут быть изложены не только через выявление конкретных оснований, которыми они были спровоцированы, но и через распознавание того, что они представляли собой как определенная практика. Важна также идея о самосожжении самих старообрядцев. Известный деятель староверов в конце XVII – начале XVIII в., настоятель Выговской пустыни – центра проповеди самоубийств, Иван Филиппов неоднократно обращался к проблеме самосожжений. Проповедник подчеркивал главенство самосожигателей над теми, кто безжалостно притеснял их во «времена гонительные». Так, в описании первого самосожжения в Палеостровском монастыре Иван Филиппов отмечает о испуге направленного по царскому указу «воинства» перед пламенем самосожжения: «пламень бо всю церковь обхвати и поиде огонь вверх, аки столп, воинство же и вси люди отступиша от церкви и бысть на них страх велик». Поводом для страха «никониан» перед смертью в огне Иван Филиппов расценивал вероотступничество: «не бо христови бяху оученици и последователи <...> страшен им бяше огонь вещественный, понеже огня любви Божия не имяху»²¹. Кроме этого, Иван Филиппов был уверен, что Священное Писание внятно указывает на преимущество кончины перед несправедливым существованием: «живот горькой окаянейшей смерти во Святом Писании нарицается», самосожигатели, по этой логике, – презрели «таковой проклятый живот» и возлюбили «смерть блаженную за законы церковныя»²². В качестве святого объяснения массовых самоубийств использовалось устоявшееся для старообрядческой публицистики конца XVII в. доказательство – «видения». Эти описания упирались на древние представления о загробном мире как «иной» форме жизни, из которой человек при некотором скоплении факторов мог возвратиться к обычному

земному бытию²³. Таким образом, старообрядцы любыми способами пытались оправдать «гари», считая свои действия священными.

Теперь следует более подробно остановиться на самоубийствах. В первые годы после вступления в силу реформ патриарха Никона массовых сожжений в старообрядческой среде не наблюдалось. В 50-х годах XVII столетия начинало зарождаться староверческое учение об «огненной смерти», причем говорить о конкретном месте разворачивания данной идеологии не приходится. Известно, что убежденными предшественниками самосжигателей стали «морильщики» – проповедники и участники многочисленных самоубийств голодом, действовавшие в 1660-х годах в вологодских, костромских, муромских и суздальских лесах. Они «запирали себя в избы или норы, чтобы избежать соблазна спасения жизни, и там держались полного поста до последнего издыхания»²⁴. Данная практика получила колоссальное содействие среди неприятелей никоновских реформ, трансформировавшись затем в самосожжения. Говорить о том, когда содеялось первое самосожжение, сложно, так как самоубийства такого типа происходили, можно сказать, синхронно в ряде местностей страны. Исследовательница Е.В. Романова склонна полагать, что первые самоубийства, принявшие вид самосожжений, датируются 1666–1667 гг. К такому выводу историк приходит после изучения 59 судебно-следственных дел, касающихся старообрядческих самосожжений и самоубийств в целом. Почему именно 1666 г.? Представляется, что этот год весьма подходящий – близится конец света, Страшный суд.

В 1666 г. некто «малый» Сенька докладывал нижегородскому воеводе И.С. Прозоровскому, что «в Нижегородском уезде чернецы, когда пришли стрельцы, запершись в кельях, зажгли их и сгорели». В марте того же года некто С.А. Зубов писал из Вологды в Москву, что и тут случилось первое самосожжение: «Четыре человека, нанося в избы сена и склав и запершись, и изнутри зажгли сами и сгорели; да семь человек, утаясь от людей, вышли из деревни ночью в поле и сели в дехтярном срубе, и зажгли сами, и в том срубе сгорели»²⁵. Известны данные о

самосожжении в январе 1672 г. крестьян из д. Вармалей Терюшевской волости, в ходе которого погибло 67 человек. Как докладывал в Москву нижегородский воевода В.Ф. Постников, крестьяне этой деревни «к церкви божию не приходят и пения церковнаго не слушают, и у дома свои священников ни с какою потребою не пушают, и иным многим крестьяном младенцов и к причастию их приносить возбраняют. И во всем на божественное писание и на церковь божию хулу возлагают». Частые посылки для уговоров священников оказались безрезультатными – крестьяне не только не подпускали их к избам, но и не давали говорить. Когда же в деревню прибыли нижегородские стрельцы, крестьяне, не желая отречься от собственных взглядов, собрались и заперлись в избе, при этом «соломы и порошу и лну у них было принесено, и как у той ызбы учили дверь возсекать, и они сами себя в ызбе зажгли»²⁶. В 1675–1678 гг. содеялась серия самосожжений старообрядцев в Нижегородской губернии, в частности в Арзамасском и Алатырском уездах²⁷. В мае 1675 г. многочисленная «гарь» случилась в д. Коваксе Тешского стана Арзамасского уезда, в результате которой погибло 73 человека. Спустя месяц случилось самосожжение крестьян д. Пасьяновы. «Гари» в Арзамасском уезде доводились и позднее, в 1676 и 1678 гг. По наблюдению историка С.В. Сироткина, одним из зачинщиков самосожжений был Иван Федоров из Суздаля, связанный в свою очередь с Керженцем. Он наставлял крестьян, что «кто де в нынешнее время на огни сожжетца, тот де примет венец и от той де ... прелести и учения, в Арзамасском уезде многия крестьяня послушав на огни сожглись»²⁸. В «гарях» Пошехонского уезда Ярославской губернии за 1676–1683 гг. сожглось 1929 человек²⁹. В 1679 г. в Тюмени поп Дометиан устроил «гарь» для 1700 человек³⁰.

Весной 1682 г. был сожжен протопоп Аввакум и другие пустозерские «сидельцы». Это была показательная казнь, имевшая целью устрашить «последователей старой веры». Но в глазах народа защитники старины превратились в «гонимых христиан». Вследствие этих трагических событий в старообрядческой среде была потеряна последняя надежда на восстановление государством старого обряда в православной церкви.

Неудачи движения старообрядцев в предшествующие годы и жестокие меры со стороны правительства возбудили у старообрядцев самые что ни на есть печальные ожидания, вплоть до «скорой кончины мира».

80-е годы XVII столетия отмечены наибольшим количеством массовых «гарей». Целая волна самосожжений прокатилась по Северу России. Первыми в этом трагическом ряду были «гари» в Каргопольском уезде (1683–1684 гг.), в Дорах. За ними последовали крупнейшие в истории старообрядчества Палеостровские 1687–1688 гг. (в них, по старообрядческим преданиям, погибло более 4 тыс. человек)³¹. Исследователь Е.М. Юхименко, изучившая розыскные дела о каргопольских старообрядцах в фондах РГАДА, склонна полагать, что непосредственными причинами самосожжений были обстоятельства внешние (негативное отношение власти к раскольникам), ведь трудно поверить, чтобы люди, готовящиеся к самосожжению, стали осваивать новые земли, расчищать их под пашни (что на Севере чрезвычайно сложно и трудоемко), сеять хлеб. В старообрядческой среде характерное для северного крестьянства стремление к хозяйственному освоению новых территорий получало новые побудительные причины, главной из которых было, безусловно, бегство от мира Антихриста.

После вступления в действие «12 статей Софьи» 1685 г., когда началась новая волна преследования раскольников, поводом к самосожжениям служил обычно приход военных отрядов, когда перед «упорствующими в расколе» стоял проблема не только побоев и ссылок, но и смертной казни. Раскольники нередко запирались в домах и сжигали себя на глазах стрелецких отрядов. «При нашествии мучителей от них сожигаются, а овья от их наезду со оружием и с пушками боящееся их мучительства сами сожигаются»³².

В таких случаях всегда находился человек, готовый не только сам умереть за «старую веру», но и увлечь за собой огромное число последователей. Причем некоторые из таких «учителей» преследовали свои корыстные цели и сами «чудесным образом» спасались из огня. Например, Емельян Иванов в начале 1687 г. «собрав мужей жен и детей не малое число» в

одной из церквей Палеостровского монастыря на Онежском озере, сжег их, а «сам награбя монастырскую казну, бежал». Об этом свидетельствуют царские грамоты 1687–1689 гг. Новгородскому митрополиту Корнилию и Олонецким воеводам князю Василию Долгорукому и Ивану Ловчикову, где велено было «заказ учинить старостам и целовальникам и сотским и всем окольным крестьянам, чтоб они таким ворам распространяться не давали; А буде кто объявится, ловили бы и отводили их в город; в случае их многочисленности, доносили бы о том боярину и воеводам, под опасением жесткого наказания за укрывательство»³³. Но в марте 1687 г. в этом монастыре «скончашася огнем за древнее благочестие» еще 2700 человек, а Емельян Иванов вторично ограбив монастырскую казну, бежал. В следующем 1688 г. 1500 старообрядцев, «затворившись», сопротивлялись осаде больше 9 недель и в конце концов – сожглись, Емельян же был пойман в октябре этого года³⁴. Таким образом, представляется сложной задачей подсчитать, сколько сгорело старообрядцев за период с 50-х по 80-е годы XVII в. Данные о самосожженцах получаются очень относительными, точной цифры пока никто назвать не может. Можно говорить лишь о примерном числе погибших от «огненной смерти» в рассматриваемый период – от 8 до 10 тысяч.

Обобщая вышесказанное, отметим, что феномен самосожжения у старообрядцев не был прямым результатом преследования их властью, это проявление это имело заметно более сложные основания. В условиях раскола воссоздался эсхатологический дух раннего христианства. Однако апокалиптическое миропонимание староверцев не означало сплошное отсутствие разумных основ в явлении самосожжения. «Гари» отличались старательным приготовлением и готовностью завлечь в специально построенную для «згорения» постройку максимальное число людей. Неприятели самосожжения из числа староверцев оказывались в трудном положении: настаивая на отказе от масовых самоубийств, они посягали на эсхатологическое начало староверческого вероучения. Увеличению «гарей» содействовало равным образом и то, что своих единоверцев благословляли на самосожжение такие влиятельные личности, как, напри-

мер, протопоп Аввакум, который был осужден на церковном соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в земляной тюрьме и затем по царскому указу был сожжен.

-
- ¹ *Макарий (Булгаков), еп. Винницкий*. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.
 - ² Подробный обзор историографии проблемы см.: *Романова Е.В.* Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII–XIX века): практика и догматика: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 3–38.
 - ³ *Добротворский И.М.* О самосожигательстве раскольников // Православный собеседник. 1861. Ч. 1. С. 423–443.
 - ⁴ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 5.
 - ⁵ *Есипов Г.В.* Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 605–627.
 - ⁶ *Юзов И.И.* Русские диссиденты – староверы и духовные христиане. СПб., 1881.
 - ⁷ *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 2, кн. 4. С. 469–536.
 - ⁸ Там же. С. 494.
 - ⁹ *Загоскин Н.* Самосожигатели: очерк из истории русского раскола // Литературный сборник «Волжского вестника». Казань, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 165–204.
 - ¹⁰ Там же. С. 167.
 - ¹¹ Там же. С. 179.
 - ¹² *Сырцов И.Я.* Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888.
 - ¹³ *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе. М., 1891. С. 157–158.
 - ¹⁴ *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898.
 - ¹⁵ Там же. С. 66.
 - ¹⁶ Там же. С. 67.
 - ¹⁷ *Юхименко Е.М.* Каргопольские «гари» 1683–1684 гг.: (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. Режим доступа: URL: http://krotov.info/history/17/1680/1683_yuhim.htm, свободный.
 - ¹⁸ Там же. С. 75.
 - ¹⁹ *Романова Е.В.* Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX вв. СПб., 2012.

- ²⁰ Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М., 2013.
- ²¹ История Выговской старообрядческой пустыни. С. 42.
- ²² Там же.
- ²³ Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 12.
- ²⁴ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М., 1995. С. 272.
- ²⁵ Барской Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1911 год. СПб., 1912. С. 335.
- ²⁶ Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 186–187.
- ²⁷ Сироткин С.В. «Раскольничья прелесть» в Арзамасском уезде в 70-е гг. XVII века // Старообрядчество в России (XVII–XX века): сб. науч. тр. М., 1999. С. 262.
- ²⁸ Там же. С. 262–268.
- ²⁹ Сапожников Д. И. Указ. соч. С. 8.
- ³⁰ Там же. С. 10.
- ³¹ Юхименко Е.М. Указ. соч.
- ³² Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 240.
- ³³ История Выговской старообрядческой пустыни. С. 26.
- ³⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. V. № 151.

О переселении купцов в Петербург по указу 3 июня 1714 г.

Как известно, еще в 1712 г. Петр I задумал переселить в новую столицу по 1000 дворян, купцов и ремесленников после окончания Северной войны. Но вот 3 июня 1714 г. вышел объявленный из Сената именной указ о переселении в Петербург 350 дворян, имевших не менее 100 крестьянских дворов, и по 300 купцов и ремесленников. О купечестве сказано так: в Петербурге строить дома «прошлым летом» гостям, гостиной сотне, жителям черных слобод Москвы и других всех губерний, у кого у портов и на ярмарках «валовые торги» или где какие заводы и промыслы имеют, из рвостатейных и из средних, которые имеют кожевенные и прочие заводы¹.

В соответствии с указом 3 июня 1714 г. в губерниях предстояло выбрать купцов и предпринимателей, занятых в оптовой торговле и владеющих предприятиями, из первостатейных и среднестатейных. На Московскую губернию, самую крупную по числу тяглых дворов, пришлось 90 человек. Причем Москва обязана была выделить 50, а все другие города – 40 кандидатов на переселение в Петербург.

30 сентября 1714 г. канцелярия Московской губернии представила в канцелярию Сената список из 50 человек по Москве. Рассмотрим, кто в него попал. Гостей двое – это Алексей Филатьев и Семен Панкратьев. Оклад десятой деньги у Филатьева 1250 р., а у Панкратьева – 500 р. Первый «обложен» в 200 р., а второй – в 100 р. За ними указан «гостиный сын» Федор Семенников с братьями, с окладом десятой деньги 60 р.² В корпорации гостей Панкратьевы появились в 1642 г., Филатьевы – в 1658 г. и Семенниковы – в 1671 г. В первой четверти XVIII в. среди гостей числились по двое Панкратьевых и Филатьевых, и

трое Семенниковых (с учетом умершего в 1713 г. И. Семенникова)³.

Гостиная сотня выделила следующих: Ивана Степанова Стрежнева (оклад десятой деньги «в один побор» 30 р., торг имеет у Архангельска), Матвея Иванова Бронницкого с братьями и племянниками (десятой деньги «в один побор» 20 р., имеют хлебный промысел и винные заводы), Василия Карпова Карамышева (десятой деньги «в один побор» 10 р., имеет отъезжий торг), Ивана Яковлева Мучникова с братьями (десятой деньги «в один побор» 10 р., имеют отъезжие промыслы), Лeonтия Полунина с сыном (десятой деньги «в один побор» 14 р., промысел имеет солодовый и «кирпичный обжигальный» заводы), Ивана Серикова с детьми и племянниками (десятой деньги «в один побор» 15 р., (имеет хлебный промысел и кожевенные заводы), Григория Владимирова (десятой деньги «в один побор» 7 р., торг имеет отъезжий)⁴. В гостиную сотню вошли: Владимировы в 1613 г. или в 1630 г., Карамышевы в 1668 г., Полунины в 1678 г., Сериковы в 1689 г., Мучниковы в 1699 г., Бронницкие в 1701 г. и Стрежневы в 1710 г. В первой четверти XVIII в. в составе этой корпорации числились трое Владимировых, один Карамышев, четверо Мучниковых, трое Полуниных, девять Сериковых, восемь Бронницких и двое Стрежневых⁵.

Помимо гостей и гостиной сотни к переезду в Петербург были предложены и тяглецы московских сотен и слобод, отнесенных к первой, второй, третьей и четвертой «четям» (так в то время группировались слободы и сотни). Обратимся к ним непосредственно.

Первая «четь». *Кадашевская*: Сидор Остафьев Томилин с братьями (десятой деньги «в один побор» 10,6 р., торг имеет у Архангельска и в других местах), Иван Корыхалов с братом (десятой деньги «в один побор» 6 р., торг имеет отъезжий в разные города), Иван Мамонтов с братьями (десятой деньги «в один побор» 4 р., торг имеет у Архангельска и в иных городах). *Голутвинная*: Иван Русский (десятой деньги «в один побор» 2 р., торг имеет отъезжий в Астрахани и на Москве, на гостинном дворе астраханским товаром). *Большие Лужники*: Матвей

и Иван Ивановы Короткие (десятой деньги «в один побор» 8 р., торг имеют у Архангельска, в Петербурге и Москве). *Панкратьевская*: Лука Емельянов Мыльник (десятой деньги «в один побор» 3 р., торг имеет отъезжий у Архангельска, на Москве мыльный завод). *Садовая Набережная*: Матвей Иванов Щербаков с братом Григорием (торг имеет в Китае и на Украине, оклад десятой деньги 2,5 р.). *Гончарная*: Иван Емельянов Нагибин (десятой деньги «в один побор» 2 р., торг имеет в Петербурге и на Москве в Колокольном ряду). *Красносельская*: Петр Андреев Симонов (десятой деньги «в один побор» 17 р., имеет винные подряды). *Казенная*: Алексей Семенов Хлебников (десятой деньги 3,5 р., торгует в Москве, в Железном ряду).

Вторая «четь». *Садовая Большая*: Кондратий Хвасливый (десятой деньги «в один побор» 15 р., имеет винные заводы), Владимир Щеголин (оклад десятой деньги 12 р., торг имеет у Архангельска и в иных городах), Сергей Щеголин (оклад десятой деньги 8 р., торг имеет у Архангельска и в иных городах). *Бараишская*: Василий Иванов Украинцев с отцом (десятой деньги «в один побор» 12 р., торг имеет у Архангельска). *Басманная*: Илья Яковлев (десятой деньги «в один побор» 3 р., торг имеет отъезжий по ярмаркам и в Петербурге), Петр Яковлев (десятой деньги 2,5 р., «имеет завод, делает золото и серебро волоченное»), Никита Козмин Соляников с сыном (десятой деньги 2 р., торг имеет отъезжий у Архангельска). *Устюжская*: Иван Тихонов Протопопов (десятой деньги 6 р., торг имеет в Цареграде и по ярмаркам, и в Малороссийских городах). *Сыромятная*: Петр Федоров Калашников (десятой деньги 0,9 р., имеет торг отъезжий по ярмаркам и на Москве в Москательном ряду). *Таганная*: Петр Федосеев (оклад десятой деньги 3,5 р., торг имеет в Астрахани и «за морем»).

Третья «четь». *Алексеевская*: Михаил Трифонов с братьями (десятой деньги 2,75 р., торг имеет у Архангельска и на Москве в Сурожском ряду), Иван Владимиров Жижин с братом (имеет солодовый завод и ездит на Макарьевскую ярмарку, десятой деньги 2 р.). *Дмитровской*: Иван Романов Холщевников (десятой деньги 4,5 р., торгует в Холщевом ряду и по разным ярмаркам холстами). *Огородная*: Филимон Анিকেев (десятой

деньги 12 р., промысел имеет пороховой, а также – отъезжие торги), Лука Скулин (десятой деньги 4 р., торг имеет на Москве и в отъезде на ярмарках «скорнячным товаром»), Павел Васильев Дьяконов (десятой деньги 2 р., торг имеет отъезжий у Архангельска). *Хамовная*: Яков Максимов Медовщиков (десятой деньги 1,16 р., торг имеет на Москве в Москательном и Лесном рядах и в Петербурге). *Напрудная*: Петр Алексеев (десятой деньги 0,8 р., торг имеет по ярмаркам и в Петербурге). *Сретенская*: Михаил Андреев Комлехин (десятой деньги 1,5 р., торг имеет отъезжий по ярмаркам). *Кошельная*: Изот Герасимов (десятой деньги 3 р., торг имеет в китайских городах и на Москве солодовый завод).

Четвертая «четь». *Конюшенная Овчинная*: Федот Терентьев (десятой деньги 4 р., торг имеет «на Болоте» хлебом и отъезжает в малороссийские города), Фрол Никифоров с братом (десятой деньги 2,5 р., торг имеет в малороссийских городах и на Москве в Мерлуцатом ряду). *Кожевницкая*: Дмитрий Лукьянов (десятой деньги 2,75 р., имеет кожевенный завод, отпускает нефть к Архангельску и имеет мундирный подряд), Семен Козмин Попов с детьми (десятой деньги 2,5 р., имеет кожевенный завод и отпуски к Архангельску и Астрахани). *Мещанская*: Иван Григорьев (десятой деньги 8 р., торг имеет у Архангельска), Иван Сорокин с братьями Григорием и Семеном (десятой деньги по 7 р., имеют отъезжие торги в малороссийские города), Федор Григорьев с детьми (десятой деньги по 6,5 р., имеет торг у Архангельска). *Мясницкая*: Василий Иванов Смирной (десятой деньги 3 р., торгует на Москве в Серебряном ряду и отъезжает по ярмаркам). *Малых Лужников, что у Крымского двора*: Емельян Яковлев Москвин (десятой деньги 1,2 р., имеет солодовый завод и торгует «на Болоте» хлебом). *Малых Лужников, что под Девичьим монастырем*: Иван Михайлов (десятой деньги 1,5 р., имеет кожевенный завод и торгует в «Юхотном ряду»)⁶.

В документе приведен общий подсчет: гостей – 2, гостиный сын – 1, Гостиной сотни – 7, московских сотен и слобод – 40 человек. Однако реально посылаемых людей мужского пола намного больше (с ними должна была поехать и женская род-

ня). В данном случае имеет значение подсчет по количеству перемещаемых капиталов. Несколько родственников (братья, родители, дети, дяди и племянники) вели дела на общий капитал. Мы видим, что среди предложенных кандидатур преобладают лица, занимавшиеся отъезжими торгами. В числе пунктов их торговых интересов названы Архангельск, Астрахань, Малороссия, Петербург. Отдельные купцы вели дела с Китаем и Царьградом (Константинополем), а также «за морем». Налицо обычная для того времени практика, когда занимавшиеся оптовой торговлей купцы вкладывали капиталы в производство (в основном, кожевенное и солодовенное). Встречаются также и предприниматели, показавшие лишь принадлежавшие им производства.

16 февраля 1715 г. в канцелярию Сената было послано «доношение» из Московской губернии о выборе 40 кандидатов на отправку в Петербург из губернских городов. Однако сюда вошли не только купцы и предприниматели, но и «мастеровые люди». Приведем их списки по городам.

Серпухов. Степан Феокистов Седельников с братьями (десятой деньги «в один побор», по 6 р., торгует в Москательном ряду, держит железные ручные заводы, и имеет отъезжие торги по ярмаркам), Максим Анисимов (десятой деньги «в один побор» по 3,3 р., имеет солодовый завод), Иван Иванов Перешивкин с детьми (десятой деньги «в один побор» по 1,6 р.).

Калуга. Алексей Захарьев «со внучатами» (десятой деньги «в один побор» по 7,5 р., держит кожевенный завод и имеет отъезжие торги), Козма и Иван Игнатьевы, да Козма Семенов Ланины (десятой деньги «в один побор» по 7,7 р., торгуют пенькой и имеют отъезжие торги по ярмаркам), Аким Фомин Свешников с детьми (десятой деньги «в один побор» по 7 р., торгует рыбой и хлебом), Семен Яковлев Шляхтин (десятой деньги «в один побор» по 5 р., имеет кожевенный завод и отъезжие торги). Мыльного завода: Константин Андреев Макаров с детьми (десятой деньги «в один побор» 1,6 р.), Клим Андреев Макаров с детьми (десятой деньги «в один побор» 1 р.).

Тула. Герасим Авксентьев Пастухов (десятой деньги «в один побор» 11,32 р., имеет кожевенные заводы и отъезжие торги в

малороссийские города), Никита Павлов Бельский (десятой деньги «в один побор» по 7,54 р., имеет железные ручные заводы и отъезжие торги по ярмаркам), Иван Меньшой Сидоров (десятой деньги «в один побор» по 4,9 р., торгует в Москательном ряду и отъезжие торги по ярмаркам), Иван Федоров Муракин (десятой деньги по 3,67 р., имеет кожевенные заводы и отъезжие торги по ярмаркам), Корней Никифоров Лугинин (десятой деньги по 3,77 р., имеет отъезжие торги по ярмаркам). Далее указаны портные: их пятеро, а десятой деньги платят по 0,38 р.

Переславль Рязанский. Яков Козмин Рюмин с братьями (десятой деньги «в один побор» по 10 р., имеет кожевенные и винокуренные заводы, и винный подряд в разные города), Василий Захарьев Полосин (десятой деньги «в один побор» по 7,5 р., имеет винокуренный завод и винный подряд в разные города), Никита Демидов с детьми (десятой деньги «в один побор» по 6,26 р., имеет винный завод и винный подряд в разные города), Иван Петров Иконников с детьми (десятой деньги «в один побор» по 6 р., имеет винный завод и винный подряд в разные города).

Зарайск. Лука Тимофеев Калугин с братьями и с детьми (десятой деньги «в один побор» по 8 р., торгует скотиной и имеет отъезжие торги по ярмаркам), Емельян Федоров Бахрушин с братом и детьми (десятой деньги «в один побор» по 7 р., торгует скотиной и рыбой, и имеет отъезжие торги).

Коломна выдала лишь десять «горшечных мастеров», уплачивавших десятой деньги по 0,01–0,5 р.

Владимир. Осип Федоров Мыльников (десятой деньги «в один побор» по 25 р.), Григорий Иванов Мыльников (десятой деньги «в один побор» 15 р.), Алексей Ефимов Мыльников (десятой деньги «в один побор» по 8 р., имеет мыльный завод и отъезжие торги). Два «шорного дела мастера» уплачивали десятой деньги по 0,5–1,5 р.

Суздаль. Козма Павлов Загибин (десятой деньги «в один побор» 14 р., имеет отъезжий торг), Сергей Иванов Караханов (десятой деньги «в один побор» по 10 р., имеет в рядах торги), Иван Герасимов Жуков с братом (десятой деньги «в один по-

бор» по 9,5 р., имеет кожевенные заводы и в рядах торги), Федор Иванов Крысанов с братом Козмой (десятой деньги «в один побор» по 6,8 р., имеет отъезжий торг), Семен Дмитриев Щелчков с братом Иваном (десятой деньги «в один побор» 4,5 р., имеют мыльные и солодовенные заводы). Медного мастера «из купечества» в городе не нашлось.

Юрьев Польский. Козма Степанов Кокушкин (десятой деньги «в один побор» по 7,5 р., имеет торг в рядах).

Шуя. Максим Григорьев Жуков с братьями (десятой деньги «в один побор» по 12,1 р.), Семен Владимиров Селиванов (десятой деньги «в один побор» по 9,66 р., имеет кожевенные заводы и отъезжие торги в разные города).

Кострома. Федор Ларионов Посников (десятой деньги «в один побор» по 40 р., имеет кожевенный завод), Иван Ерофеев Кувезин (десятой деньги «в один побор» по 15 р., имеет торг холщевый и кожевенный завод), Афанасий Трофимов Ботников (десятой деньги «в один побор» по 15 р., торг имеет мясной и рыбный), Федор Григорьев Волков (десятой деньги «в один побор» по 10 р., торг имеет «щепетильный» и отъезжий), Савин Савинов Богомоллов (десятой деньги «в один побор» по 10 р., торгует в Москательном ряду и имеет мыльный завод), Матвей Степанов Варасов, у него три сына (десятой деньги «в один побор» по 5,5 р., имеет кожевенный завод и отъезжие торги).

Любим. Иван Никулин Никулин (десятой деньги «в один побор» по 8,32 р., имеет торг в Москательном ряду).

Нерехта. Нестор Леонтьев Трескин с детьми (десятой деньги «в один побор» по 3,8 р., имеет промысел солодовый).

Ростов. Иван Васильев Зыков (десятой деньги «в один побор» по 6,5 р., торг имеет отъезжий), Никита Яковлев Ксенов (десятой деньги «в один побор» по 6,25 р., имеет торг отъезжий), Иван Харламов Едов (десятой деньги «в один побор» по 3,5 р., имеет солодовый завод).

Дмитров. Петр Борисов Толченев с братьями (десятой деньги «в один побор» 4,5 р., имеют солодовый завод и отъезжие торги). Это указание источника должно подкрепить предположение А.И. Аксенова, что потомки Бориса Толченева были

переселены в Петербург. А кто конкретно из сыновей, помимо Петра, не сообщается.

Переславль Залесский. Иван Васильев Кашинцев с братом (десятой деньги «в один побор» по 5 р., имеет солодовый завод и отъезжие торги), Федор Калинин Брагин (десятой деньги «в один побор» по 5 р., торгует в Москательном ряду и имеет мыльный завод).

Малоярославец. Роман Сидоров Целебнев с детьми (десятой деньги «в один побор» по 1,6 р., имеет солодовый завод).

Боровск. Василий Ефимов Десятков с братом (десятой деньги «в один побор» по 2 р., имеет солодовый завод), Петр Гаврилов Морозов с сыном (десятой деньги «в один побор» по 1,12 р., имеет солодовый завод)⁷.

Документ завершается упоминанием, что земские бурмистры и старосты этих городов «написали под смертную казнью, что оные определенные купеческие люди первостатейные в богатстве, выше их окладом десятой деньги в тех городах никто не остался». Кроме того, перечисленные «купецкие и мастеровые люди под смертною казнью» обещали ехать в Петербург и строить там дома. Причем в январе 1715 г. из перечисленных в Петербурге «явились» шестеро костромичей и один житель Нерехты⁸.

Нельзя не отметить, что клятва земских бурмистров и старост под угрозой смертной казни, что в Петербург посланы «первостатейные в богатстве», вряд ли была искренней. Яркий пример – Коломна. К переезду в Петербург намечены лишь горшечники, в то же время в городе в начале XVIII в. действовали купцы-предприниматели⁹. В подобных документах клятва под угрозой смертной казни стала тогда дежурной фразой и не все воспринимали ее всерьез.

Большинство из перечисленных жителей городов Московской губернии, предназначенных для переселения в Петербург, занималось отъезжим торгом. Правда, за исключением Малороссии, не указаны крупные торговые центры, их привлекавшие. Подмечено, что они разъезжали по ярмаркам. Немало и купцов-предпринимателей, которые, помимо торговли, владели кожевенным, мыловаренным, солодовенным, винокуренным и

железодельным производствами. Встречаются и чистые предприниматели (в основном, солодовники). Мастерских людей наметили: Тула (портные), Коломна (горшечники) и Владимир (шорники). Суздаль медника найти не смог. Причем коломенцы явно слукавили, не выбрав купцов и предпринимателей. В документе названо гораздо больше лиц, чем требовалось. Как и в Москве, с дворовладельцами показаны их братья и сыновья.

Помимо Московской губернии в нашем распоряжении имеются сведения о посылке по указу 3 июня 1714 г. купцов, промышленников и мастеровых людей из Казанской губернии. Они содержатся в «доношении» казанского губернатора П. Салтыкова от 1 октября 1714 г. в канцелярию Сената. По соответствующей раскладке на Казанскую губернию пришлось 18 «купецких людей» и 18 же «рукоремесленных разных художеств». Губернатор отметил, что выбраны 4 из Гостиной сотни, 14 из посадских (купечество и предприниматели), а «рукоремесленных» 13. Недостающие пятеро «рыбных ловцов» также намечены и будут высланы в Петербург. Гостиная сотня и посадские люди подписали свидетельства, что отобранные лица «в Петербурге на житье быть достойны и кроме них другим быть не кому». Приведем их список.

Гостиной сотни «первостатейные». Из Казани – Афанасий Сергеев с. Аникеев, из Чебоксар – Алексей Федоров с. Игумнов. Они имеют кожевенные заводы в своих городах, а также другие промыслы. Кроме того, отпускают товары к Архангельску, Астрахани и на ярмарки. «За городскими и персидскими товарами сидят их приказчики в лавках». Десятой деньги «в один ряд» платят по 25 р.

«Второй статьи». Из Симбирска – Иван Петров с. Издебский. У него кожевенный завод в городе, а также отпускает «хлебные запасы в низовые города». Десятой деньги «в один ряд» платит 20 р. Из Саранска Герасим Петров. Имеет в городе кожевенный завод. Его продукцию, «юфотный товар», отпускает в Астрахань, а оттуда вывозит персидские товары, которыми в лавке торгуют его приказчики. Десятой деньги платит 12 р.¹⁰ Отцы Афанасия Аникеева и Алексея Игумнова – Сергей Ани-

кеев и Федор Игумнов – упомянуты в Гостиной сотне в 1688 и 1690 гг. Сами они – Афанасий Аникеев и Алексей Игумнов в корпорации числились с 1714 г. и с 1701 г. По поводу Ивана Издебского и Герасима Петрова мы можем дополнить сведения Н.Б. Голиковой, отметившей, что первый упомянут в корпорации в 1718 г., а второй – в 1717 г. Уже в 1714 г. они являлись членами Гостиной сотни¹¹.

Посадские люди «первостатейные». Из Казани Никита Иванов с. Ростовцев с сыном Леонтием. В городе имеет кожевенный завод. Его продукцию, как и другие товары, отпускает в Астрахань. Оттуда персидские товары привозит в Казань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки. С последней доставляет в Казань уже сибирские товары. Десятой деньги «и всяких податей» ежегодно платит 48,8 р. Из Цивильска Иван Гаврилов с. Толмачев. В городе имеет солодовый завод. В низовые города до Астрахани отпускает хлеб, а из Астрахани привозит рыбу. Десятой деньги «и всяких податей» платит в год 24 р. Из Чебоксар Матвей Иванов с. Шитов. Владеет в городе кожевенным, винокуренным и салотопенным заводами. Оброчит мельницы и торгует в Архангельске и в других городах. Десятой деньги «и всяких податей» ежегодно уплачивает по 30 р. Петр Ларионов с. Иконников. На Макарьевской ярмарке и в Уфе торгует пушным и другим товаром. Также посылает приказчиков для скупки товаров в Уфимский уезд. Десятой деньги «и всяких податей» ежегодно платит 60 р. Из Кузмодемьянска Яков Зиновьев с. Шмаков с детьми. Скупает в уезде кожи, сало и всякий мелочный товар, и тем торгует. Ежегодно десятой деньги «и всяких податей» платит 33 р. Из Симбирска Михаил Полуэктов с. Завьялов. Владеет солодовенным заводом, харчевней и рыбным промыслом. В низовые города до Астрахани отпускает хлеб. Десятой деньги и «всяких податей» в год платит 40 р. Родион Григорьев с. Чиликин. Владеет рыбным промыслом. Струги с рыбой посылает в Нижний Новгород и на Макарьевскую ярмарку, а зимой привозит рыбу в Москву. Из Самары Игнатий Федоров с. Халевин. Покупает хлеб и отпускает его на Яик. Оттуда привозит рыбу в Самару. Также скупает скот и кожи. Десятой деньги «и податей» платит 15 р. в год. Из Сызра-

ни Сергей Григорьев с. Лосев с сыном. Владеет рыбным промыслом, а также торгует хлебом в Астрахани. Десятой деньги и податей ежегодно платит 35,3 р. Из Саратова Петр Федоров с. Калашников. Имеет харчевенный и пряничный промыслы, а также в мясном ряду есть лавка, где торгует калмыцкими и рыбными товарами. Десятой деньги и податей платит по 55 р. Из Саранска Ермолай Дмитриев с. Опарин с братом Саввой. Имеет кожевенный завод, продукцию которого отпускает в низовые города до Астрахани. Там покупает сырые кожи для завода и на Макарьевской ярмарке всякую мелочь, которую продает в городе в лавках. Десятой деньги и податей платит по 61 р. Из Царевококшайска Семен Никонов с детьми. В прошлых годах они скупали кожи и сало. Кожи отдавали «в юфотное дело», а сало отпускали к Архангельску. В 1714 г. они покупают лисицу и белку, «и всякие пушные товары», и медь для отпуска на Макарьевскую ярмарку. Десятой деньги и податей платят по 20 р. Из Яренска Григорий Евсеев с. Большой Решетов. Он скупает кожи, сало, мед, воск, белку и лисицу и «всякие пушные товары». Продает их приезжим людям и отвозит на Макарьевскую ярмарку. Десятой деньги и податей платит по 20 р.

Во второй статье показан лишь житель Пензы Иван Дмитриев с. Долматов. Раньше он имел кожевенный завод и отпускал его продукцию до Астрахани и Ярославля, а также торговал всяким мелочным товаром. Ныне он все это «отставил» и взял на откуп в городе таможенный и кабацкий сборы, а в уезде – разные мелкие статьи. Десятой деньги и податей платит по 15 р.

Далее в документе указаны «рукоремесленные» люди: двое портных (из Казани и Симбирска), гончар из Саранска, двое сапожников и башмачников (из Казани и Чебоксар), палящик из Симбирска, трое тележников (по одному из Сызрани, Саратова и Уржума), двое печников (из Пензы и Уфы) и двое столяров (из Чебоксар и Свияжска). Десятой деньги и податей они платили по 1,5–3 р.¹²

В «сказке» 1704 г. Гостиной сотни из Казани Сергея Аникеева (очевидно, отца выбранного для посылки в Петербург Афанасия Сергеева с. Аникеева) записано, что он у Архангель-

ска и Астрахани торговал на 3,1–3,9 тыс. р., в основном юфтью «своего передела» и покупной (600–900 пудов). «Сказки» в 1704 г. подали в Чебоксарах трое Игумновых. Все они состояли в Гостиной сотне и кем они приходились посылаемому в Петербург Алексею Федорову с. Игумнову – не известно. Они торговали у Архангельска и Астрахани преимущественно юфтью на 3–3,6 тыс. р.¹³

Мы видим, что торговцы и предприниматели Казанской губернии не уступали своим собратьям из губернии Московской. Они также вели отъезжую торговлю, ключевыми пунктами которой названы Архангельск и Астрахань. Для жителей волжских городов большое значение имела торговля в волжских же городах и на Макарьевской ярмарке. Кроме того, капиталы здесь вкладывались преимущественно в кожевенное производство и рыбный промысел, что характерно для всего региона, и в числе товаров преобладали юфть, хлеб и рыба. Характерен также обратный завоз в разные города различных товаров с Макарьевской ярмарки и персидских товаров из Астрахани.

Петр I с самого начала желал, чтобы его новая столица стала городом высшего европейского уровня. Но для этого недостаточно было просто соответствующим образом отстроить Петербург. Совсем немного времени прошло с 1703 г., когда город возник на месте взятой шведской крепости Ниеншанц, но уже царь упорно выдает указ за указом, которые требуют переселения сюда государственных учреждений во главе с Сенатом, членов царской семьи и представителей различных сословий русского общества. Известно, что многие переселялись в Петербург с неохотой, тянули с переездом или вовсе уклонялись от исполнения государевой воли. Однако воля то была железная, и приходилось подчиняться.

Петр хотел не просто заселить свою столицу людьми. Ядро ее жителей должно было относиться к первостатейным и среднестатейным, то есть к богатым и состоятельным дворянам, купцам, предпринимателям и мастеровым. Мы видим, что по указу 3 июня 1714 г. из Московской и Казанской губерний для переселения в Петербург были намечены купцы, занятые в оптовой отъезжей торговле и часто во внешнеторговых операци-

ях, а также вкладывавшие капиталы в различные производства и промыслы. Предлагались и занимавшиеся производством предприниматели. Указанные цифры уплаты десятой деньги или всех податей не свидетельствуют о размахе деловой активности тех или иных лиц. Хорошо известно, что купцы-предприниматели помимо собственного, широко пользовались и заемным капиталом. И второй мог намного превосходить первый.

-
- ¹ Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. № 2817; *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех городов на свете» – Град Святого Петра. СПб., 1999. С. 103.
 - ² Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1891. Т. 4, кн. 2. С. 962.
 - ³ *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 37–40, 44–45; *Демкин А.В.* О численности привилегированных купеческих корпораций в XVII веке. Росписи 1653 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1993. С. 74; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 104, 122–123, 153, 183–184.
 - ⁴ Доклады и приговоры ... Т. 4, кн. 2. С. 962.
 - ⁵ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 238, 255, 315, 331, 376–377, 386–387, 393–394, 411, 414, 418, 420, 422, 431, 440.
 - ⁶ Доклады и приговоры ... Т. 4, кн. 2. С. 962–963.
 - ⁷ Доклады и приговоры ... СПб., 1892. Т. 5, кн. 1, С. 161–162; *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 86.
 - ⁸ Доклады и приговоры ... Т. 5, кн. 1. С. 162.
 - ⁹ «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. М., 1984. С. 42–51; *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии ... С. 158.
 - ¹⁰ Доклады и приговоры ... Т. 4, кн. 2. С. 1167.
 - ¹¹ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 368, 372, 409, 413, 434, 437.
 - ¹² Доклады и приговоры ... Т. 4, кн. 2. С. 1166–1168.
 - ¹³ «Сказки» торговых людей ... С. 211–215, 278–289.

**Сведения
о регистрации торговых судов
в Санкт-Петербурге в середине XVIII в.
в сопоставлении с записями о взимании
зундской пошлины**

В изучении истории торговли, внутренней и внешней, решающее значение имеют конкретные данные о самих операциях, а именно о товарах, ценах, наконец о самих торговых партнерах. Особенно ценно, когда эти данные носят массовый характер, возникает возможность изучать их статистическими методами, выявлять тенденции и изменения в развитии торговых отношений на протяжении ряда лет, десятилетий или столетий.

Тем не менее историки постоянно испытывают трудности с поиском такого рода данных, особенно если речь идет об истории торговли раннего нового времени или средневековья. Если говорить об истории России, то документы отдельных купеческих фамилий и торговых компаний сохранились лишь фрагментарно, материалы таможен также дошли до нас далеко не полностью.

В данной ситуации большое значение для историка внешней торговли приобретают массовые данные о торговом судоходе. Наиболее выдающимся документальным комплексом такого рода, несомненно, являются материалы о взимании пошлины с кораблей, проходивших через Зундский пролив, который соединяет Балтийское и Северное моря и разделяет ныне Данию и Швецию. В самом узком месте пролива, там, где на датском берегу высится древний замок Эльсинор (Хельсингер), известный всем благодаря принцу Гамлету, со времен средневековья со всех торговых судов, проходивших в обоих направлениях, взималась пошлина в казну Датского королевства. При

этом делались соответствующие записи в книгах, которые хранятся ныне в Датском национальном архиве в Копенгагене. Наиболее ранние записи относятся к 1497 г., а с 1574 г. они сохранились практически полностью вплоть до 1857 г., когда взимание пошлины в Зунде было отменено. Всего этот уникальный комплекс содержит сведения о 1,8 млн. случаях прохода торговых судов через Зунд за три с половиной столетия. Таким образом, данные о регистрации судов и товаров при взимании пошлины в Зунде, сокращенно *STR* (от английского *Sound Toll Registration*), являются надежной базой для изучения международных торговых связей на протяжении целой эпохи. Они активно используются историками различных стран, в XX в. появились и обстоятельные публикации этих сведений в виде систематических таблиц, которые все же не охватывают всего комплекса и всех имеющихся в нем данных¹.

В этой связи трудно переоценить значение проекта, реализованного в 2009–2013 гг. группой специалистов во главе с голландскими учеными Яном Виллемом Велувенкампом и Симом ван дер Воуде. На основе современных информационных технологий им удалось создать электронную базу данных, ввести в нее практически все конкретные сведения о каждом торговом корабле, зафиксированном в *STR*. Ныне эта информация доступна в Интернете². Разумеется, прямое отношение имеет это и к истории российской торговли. В материалах о зундской пошлине сохранились тысячи записей о следовании кораблей через Зунд в российские порты Балтики и обратно, что позволяет судить о развитии торговли России со странами Западной Европы, находящимися к Западу от Зунда, то есть с Нидерландами, Англией, Францией и т.д.

Однако сведения о регистрации торговых судов сохранились и в отношении многих других крупных портов, и они также активно используются историками. Например, подобная регистрация судов, их товаров и владельцев в течение многих веков велась в Любеке, в архиве Гамбурга в фонде Адмиралтейц-коллегии также имеются данные об отправлявшихся судах и товарах. В данном случае эти сведения собирались для расчета платы за военные корабли сопровождения. Сохранились ма-

териалы и о регистрации судов, входящих в устье Северной Двины на подходе к Архангельскому порту. Наконец, имеются и массовые данные на этот счет по Санкт-Петербургу.

Зная о существовании колоссального массива документов о взимании зундской пошлины, нельзя не поставить вопрос, а насколько они соответствуют сведениям о регистрации судов в различных торговых портах. В отношении истории внешней торговли России наибольшее значение имеет привлечение для этой цели материалов по торговому порту Петербурга, ставшему в XVIII в. ведущим портом России, прежде всего на Балтике. Торговое судоходство на Балтике очевидным образом связано с Зундом. Целесообразно провести сравнение по XVIII столетию, поскольку в это время в России было положено начало регистрации торговых судов в морских портах.

Эта регистрация постоянно велась с 1743 г. при Кронштадском порте, аванпорте Петербурга, где и осуществлялся контроль за всеми торговыми кораблями, прибывавшими в российский столичный порт и отправлявшимися обратно. В ходе этой регистрации в Кронштадте ежедневно составлялись так называемые рапорты о всех проходящих судах, которые направлялись впоследствии в Петербург в Коммерц-Коллегию, в ведении которой находилась внешняя торговля³.

В связи с этим возникает интересный и закономерный вопрос: насколько сведения о регистрации торговых кораблей в Кронштадте соответствуют данным о взимании зундской пошлины с кораблей, проходящих через Зунд. Ответ на этот вопрос позволит глубже понять ценность тех и других баз данных для истории внешней торговли России и международных торговых связей в целом.

Задача этой небольшой статьи состоит в том, чтобы соотнести сведения о кораблях, проходивших через Зунд в Петербург, и данные кронштадских рапортов.

Сразу заметим, что полного совпадения здесь мы ожидать не можем. В Кронштадте проходила регистрация всех судов, прибывавших из других стран в Петербург. В Кронштадских рапортах указаны суда, приходившие из портов Балтики, в том числе из Любека, Ростока, Стокгольма, Копенгагена, Гданьска,

Штеттина, многих других. Разумеется, их не может быть в базе данных зундской пошлины. Мы вправе ожидать регистрацию в Кронштадте кораблей, проходивших через Зунд в Петербург из Нидерландов, Англии и Шотландии, Норвегии, а также шведских портов Северного моря (Гетеборг) Северо-германских портов Северного моря (Гамбург, Бремен прежде всего), а также кораблей из Франции, Испании, Португалии, Италии и т.д.

Сопоставление данных о сборе пошлин в Зунде и регистрации судов в Петербурге за весь XVIII в. потребовало бы слишком много времени и в рамках замысла данной работы вряд ли целесообразно. Ведь мы хотим всего-навсего понять, насколько адекватны сведения из обоих массивов данных и насколько они соответствуют друг другу. Для начала в рамках данной статьи достаточно взять данные за один год.

Какой год выбрать? Как уже отмечалось, регистрация судов в Кронштадте велась с 1743 г. Рапорты ни за один год полностью не сохранились.

В итоге для сопоставления данных по Кронштадту и Зунду был выбран 1750-й г. Это срединный год столетия. Это относительно мирный год, когда в Европе не велись военные действия, ситуация на Балтике была относительно спокойной и какие-либо чрезвычайные события не могли повлиять на статистику.

Последним в Кронштадте зарегистрирован корабль «Фейфте Брудерс». Он прибыл из Амстердама 6 октября. О нем сообщает рапорт, который имеет номер № 284. Следовательно, всего за год пришло 284 корабля⁴. Судя по нумерации всех рапортов в архиве, из них не сохранилось 84. Следовательно, за данный год имеются сведения о 70% судов, прибывших в Петербург. Это неплохой показатель на фоне всего XVIII в.

Теперь необходимо определить те корабли, которые прибыли в Петербург из стран, расположенных западнее Зундского пролива. Именно о них следует искать сведения в базе данных о взимании зундской пошлины. Из 200 судов, зарегистрированных в Кронштадте, 103 прибыли из стран и портов западнее Зунда. 97 кораблей пришли из балтийских портов. Нас интере-

суют именно те 103 корабля. Именно их следует искать в материалах о взимании зундской пошлины.

Но как искать? Как распознать в сведениях из Зунда корабль, сведения о котором имеются в кронштадских рапортах? Обратим внимание, какие сведения приводятся в каждом случае в тех и других документальных комплексах (см. табл. 1) Кронштадские рапорты содержат данные о названии корабля, капитане (шкипере), дате прибытия, порте, откуда вышел корабль, времени в пути, купце или торговой фирме, которой корабль адресован в Петербурге, сведения о товарах.

Таблица 1

**Сведения о торговых судах по регистрации
в Кронштадских рапортах и *Sound Toll Data Base***

Позиции	Кронштадские рапорты	<i>Sound Toll Data Base</i>
Порт назначения	Всегда Петербург	Есть
Порт отправления	Есть	Есть
Название корабля	Есть	Нет
Национальная принадлежность корабля	Есть	Нет*
Имя капитана корабля	Есть	Есть
Фирма, которой адресован груз	Есть	Нет
Товары на борту	Указаны приблизительно без указания меры и веса	Указан весь груз, мера и вес товаров
Взятая пошлина	Нет	Есть
Даты	Дата регистрации прибытия в Кронштадт	Дата регистрации в Зунде

* Косвенно об этом можно судить на основании данных о происхождении шкипера (город или порт), которые приводятся в *STR*.

Сведения из Зунда имеют меньшее количество позиций. В них сообщается имя капитана, дата прохода через Зунд, порт назначения и порт отправки, а также указаны товары и взятая

пошлина. Что касается перечня товаров, находящихся на борту, то в российских рапортах он дается приблизительно, не сообщается количество товара, зачастую отмечается лишь, что доставлены «разные товары» без их перечисления. В данных из Зунда, напротив, все товары тщательно перечислены с указанием меры и веса. Это вполне понятно, так как в данном случае мы имеем дело с взиманием пошлины, что требовало точного обозначения всего груза. Поэтому материалы из Зунда особенно важны для изучения товарооборота, его динамики и структуры. Понятно, также, что Зундский пролив являлся транзитным пунктом на пути движения судов, поэтому там обозначены и порт отправки и порт назначения. Отсутствуют в зундских материалах данные о том, кому был адресован груз в порту назначения и название корабля.

Следовательно, для сопоставления сведений о судах, прошедших Зунд и прибывших в Петербург, мы можем руководствоваться данными о имени капитана и порте отправки. Необходимо обратить внимание и на даты, они должны быть сопоставимыми с учетом того, что путь от Зундского пролива до Петербурга по всему Балтийскому морю с запада на восток корабли проходили под парусами примерно за неделю или быстрее при хорошей погоде и попутном ветре.

Таким образом, принимая во внимание имена капитанов и порты отправления, мы провели сопоставление данных. Ожидалось полное и очевидное совпадение. Но этого не произошло. Во-первых, через Зунд в направлении на Петербург проследовало 139 кораблей. Но только 81 из них отмечены в кронштадских рапортах (см. табл. 2).

Таблица 2

Корабли, прошедшие Зунд в 1750 г. и зарегистрированные в *Sound Toll Date Base* как направлявшиеся в Петербург

Количество судов, прошедших в Петербург	Зарегистрированных в сохранившихся кронштадских рапортах	Не зарегистрированных в сохранившихся кронштадских рапортах
139	81	58

Где же еще 58 кораблей? Логично предположить, что они среди тех, что отмечены в несохранившихся рапортах. Напомним, их всего 84. Однако вряд ли это так. Мы видим, что количество судов, прибывавших в Петербург из Балтийских портов и из-за пределов Балтийского моря, было примерно, одинаковым. Например, в том же 1750 г. их соотношение было 103:97, то есть практически *fifty-fifty*. Тогда и среди пропущенных должно быть тех и других примерно поровну. Но 58 кораблей из 84 явно больше половины. Следовательно, какая-то часть кораблей, скорее всего от 10 до 15, вовсе не была зарегистрирована в Петербурге. Почему? Можно только предполагать, поскольку в источниках сведений на этот счет обнаружить не удалось. Не исключено, что некоторые суда в 1750 г. не дошли до Петербурга, могли остаться в Ревеле или в Нарве.

Не менее интересным являются результаты обратного сопоставления: сколько кораблей отмеченных в кронштадских рапортах, прошло Зунд и зафиксированы в *STR*. Необходимо проверить, все ли суда, зарегистрированные в Кронштадте, имеются в зундских документах. Всего в кронштадских рапортах отмечено 103 корабля, прибывших из портов западнее Зунда. Следовало ожидать, что всех их удастся найти в записях о взимании зундской пошлины. Но в самом деле таких совпадений оказалось всего 81 (см. табл. 3).

Таблица 3

**Корабли, прибывшие в Петербург в 1750 г.
и зарегистрированные в рапортах в Кронштадте**

Всего судов	Количество кораблей, отмеченных в сохранившихся рапортах				
	Всего	Прибывших из портов Балтики	Прибывших из портов западнее Зунда		
			Всего	Есть сведения в <i>STR</i>	Нет сведений в <i>STR</i>
284	200	97	103	81	22

Где же еще 22 корабля? В чем причины этих пропусков? Неужели в Зунде не были замечены 22 судна, шедших в Петер-

бург, то есть более 20% зарегистрированных там судов. Значит ли это, что данные Зунда настолько не полны?

Не думаю, что это так. Во-первых, какое-то количество кораблей мы не можем найти из-за проблем с транскрипцией. Ведь приходится соотносить записи имен шкиперов, записанных в Зунде датскими чиновниками и в Кронштадте – русскими смотрителями, как они услышали или смогли прочитать в документах имя иностранного капитана. Так, среди капитанов пропущенных судов Кронштадте записан некто Михель Герман, прибывший из Амстердама. Трудно идентифицировать эту фамилию как обычную немецкую или голландскую. Не исключено, оба слова означают двойное имя, а фамилия осталась в Кронштадте неизвестной. Не удалось найти в *STR* имена британских шкиперов, записанных в России как Вудел, Шатварт, Корлин. Есть некто Джеральд: если это имя, то фамилия не указана.

Но нечеткость записи имен объясняет только часть пропущенных в Зунде кораблей. Все же в большинстве случаев имена шкиперов записаны достаточно ясно, как английские, так и голландские и немецкие. Все же в XVIII в. в России уже привыкли к иностранным именам, возможно, часть служителей в Кронштадте были иностранцами по происхождению.

Если имя капитана записано достаточно ясно, то почему мы не находим его корабль, среди тех, которые, судя по записям в Зунде, держали путь в Петербург? Скорее всего дело в информации о порте назначения в зундских документах. Известно, что корабли, входившие через Зунд в Балтику, нередко имели целью посетить несколько портов. И Петербург мог быть одним из них, а в записях о взимании пошлины указывался иной порт. Например, в конце XVIII в. многие суда, шедшие в Петербург из Северной Америки и Карибского бассейна, предварительно заходили в Копенгаген или Ригу, разгружали там американские товары и дальше шли в Петербург для погрузки российских экспортных товаров. Об этом, в частности, свидетельствует переписка некоторых американских фирм (Чепмен из Ньюпорта – *Chapmen from Newport* – и др.) со своими партнерами в Копенгагене⁵.

Чтобы выявить аналогичные случаи по записям 1750 г., мы должны обратить внимания на имена шкиперов кораблей, прибывших в Петербург, но не отмеченных в Зунде в качестве идущих в российский столичный порт. Оказалось, что многие из этих шкиперов, упомянуты в материалах зундской пошлины, но их суда адресованы не в Петербург. Тем самым подтверждается версия о сложном маршруте многих судов, входивших в Балтику. Их целью было несколько портов на Балтике, Петербург мог быть последним, и не обязательно гавань в устье Невы указывалась в зундских документах. Всего выявлено в 1750 г. 11 таких случаев (см. табл. 4).

Таблица 4

Корабли, пришедшие в Петербург, отмеченные в Зунде как направлявшиеся в другой порт

Имя шкипера (<i>shipmaster</i>)	Порт отправления	Порт назначения по записям в Зунде
Роберт Оливер <i>Robert Oliver</i>	Бремен	Рига
Готфрид Неске <i>Gottfried Neske</i>	Бордо	Штеттин
Генри Шелтон <i>Henry Schelton</i>	Лондон	Нарва
Кристиан Ларсен <i>Christian Larsen</i>	Берген	Копенгаген
<i>Jacob Larsen</i>	Берген	Эстерсунн
Клас де Бур <i>Claas de Boer</i>	Амстердам	Кенигсберг
<i>John Morison</i>	Лондон	Рига
<i>John Cole</i>	Ньюкасл	Эстерсунн
<i>Martin Toppe</i>	Берген	Данциг
<i>Jurgen Smith</i>	Берген	Кольберг
<i>John Crig</i>	Дюнкерк	Кенигсберг

Всего таких случаев нами обнаружено 11. Остальные 11 (то есть около 10%) можно объяснить проблемами транскрипции.

Таким образом, можно сделать вывод о высоком качестве и достоверности материалов STR, что в Зунде проходили регистрацию практически все корабли, проходившие в Балтику. Несовпадение сведений с регистрацией в порту прибытия можно объяснить различиями в записи имен шкиперов на разных языках и тем, что некоторые корабли должны были доставить груз в несколько портов на Балтике, а в Зунде указывали только один из них.

¹ *Bang N.E., Korst K.* Tabeller over skibsfart og vaeretransport gennem Oeresund 1497–1783. Copenhagen; Leipzig, 1906–1953. Vol. 1–7; *Johansen H.C.* Shipping and trade between the Baltic and Western Europe 1784–1795. Odense, 1983.

² URL: www.sound.toll

³ Рапорты хранятся в составе 16 книг в: Российский государственный архив древних актов. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 1–16.

⁴ Там же. Ч. 3.

⁵ Россия и США: становление отношений, 1765 – 1815. М., 1980. С. 149, 157–158.

**«Лобные места истребить»:
последствия негласного моратория
на смертную казнь в России XVIII в.**

«Знаменитый пример императрицы Московии»

Хорошо известно, что за двадцать лет правления императрицы Елизаветы Петровны, с 1741 по 1761 г., смертные казни практически не совершались. Указ от 7 мая 1744 г.¹, менее чем через три года после восшествия императрицы на престол, приостанавливал исполнение экзекуций по делам приговоренных к высшей мере наказания колодников. Это высочайшее решение неукоснительно исполнялось, несмотря на жалобы местных властей, вынужденных кормить помилованных преступников², и «великое опасение»³ Сената. Отказалась Елизавета Петровна и от «политической смерти», представляющей собой театрализованную имитацию казни или «положение на плаху»⁴. По всей видимости, стоит признать правоту князя Михаила Щербатова, который, описывая события дворцового переворота 1741 г., упомянул о молитве императрицы и клятве не лишать ни одного подданного жизни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»⁵.

Французский литератор и дипломат Жозеф де Местр назвал «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации»⁶. Итальянский философ Чезаре Беккариа был вдохновлен «знаменитым примером императрицы Московии» и через три года после ее кончины в трактате «О преступлениях и наказаниях» поставил вопрос: «является ли смертная казнь действительно

полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении»⁷.

Однако факт двадцатилетнего отказа самодержавной власти от применения высшей меры наказания, уникальный не только для русской истории, но и для истории всех стран Нового времени, остается практически без культурно-исторической интерпретации⁸. А между тем, исследование обстоятельств приостановки смертной казни и политической смерти в середине XVIII столетия⁹, а также влияния моратория на последующее законодательство и настроения в обществе имеет большой эвристический потенциал. Обращение к этой теме может дать богатый материал для изучения самосознания императорской особы, каналов репрезентации власти, механизмов социального контроля, соотношения закона Божьего и закона государственного в представлениях современников. Данная статья будет посвящена идеологической аргументации исключительных случаев смертных казней во второй половине XVIII века, после нарушения негласного моратория, установленного Елизаветой Петровной, и постепенному переходу к использованию церковных практик для наказания за тяжкие преступления.

Дело Мировича, убийство Амвросия и пугачевщина

Екатерина II оценила эту заслугу «нашей тетки Елизаветы» выше «самых блистательных завоеваний»¹⁰, однако сделала исключение для ситуаций, «возмущающих народное спокойствие», и казнила поручика Мировича, участников московского Чумного бунта 1771 г. и восстания Пугачева. Это были три громких дела за тридцать лет правления императрицы, завершившихся отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием. Сентенции по данным делам имеют одинаковую политическую мотивацию, сходные толкования, идентичные средства формирования образа императрицы в восприятии подданных и близкие по своей стилистике театрализованные ритуалы.

Подпоручик смоленского пехотного полка обвинялся в попытке возвести на трон принца Иоанна и похитить престол у пра-

вающей монархии¹¹. Главные действующие лица московского восстания должны были понести наказание за священноубийство, святотатство и нарушение общей тишины и спокойствия¹². А на совести самозванца Пугачева было похищение имени монарха, оскорбление Ее императорского величества и «в пепел обращенные грады и селения»¹³. Преступлениям придавался статус чрезвычайных, и сентенции по ним выносились Сенатом, Синодом, президентами коллегий и особами первых трех, а в случае с Чумным бунтом – даже пяти классов.

Все приговоры к высшей мере наказания связывались с самозащитой власти, объявлялись во всенародное известие и приводились в исполнение с демонстративной публичностью. Казнь Мировича происходила на Обжорном рынке в Петербурге: подпоручику отрубили голову и оставили «тело народу на позорище до вечера, а потом сожг<ли> оное купно с эшафотом». Убийц Амвросия, дворового человека Василия Андреева и купца Ивана Дмитриева, повесили на месте «законопреступного злодеяния» прямо у ворот Донского монастыря, где архиепископ пытался укрыться от разъяренной толпы. Пугачева, как известно, четвертовали на Болотной площади в Москве, голову насадили на кол, части тела разнесли по четырем частям города, положили на колеса и вскорости сожгли, прочих участников восстания прилюдно повесили.

Если несколько изменить ракурс взгляда и попытаться отвлечься от эмоционального воздействия этих жутких картин, то можно обнаружить, что в царствование Екатерины, в отличие от царствования Елизаветы Петровны, проблема смертной казни была важной составляющей своеобразно диалога власти и подданных, а не императрицы и ее Бога. Экзекуции совершались, были нарочито открыты для всеобщего зрелища, сентенции оформлялись в виде манифестов и сопровождались обширными толкованиями. Создается впечатление, что приговоры призваны были со всей убедительностью провозгласить законность высшей меры наказания. Главным аргументом здесь, с одной стороны, выступали статьи Уложения, Воинский устав, Воинский артикул и Морской устав, а с другой стороны, закон Божий. Таким образом, становится очевидным диаметрально

изменение вектора самосознания престола – не монарх отчитывался перед Богом в уединенной молитве, а Священное писание призывалось в качестве вполне рационального доказательства правомерности судебных решений.

В сентенциях заявлялось, что все казенные преступники нарушили не только закон государственный, но и высшие заповеди. Василий Минович посягнул на престол императрицы, врученный ей «Божьим промыслом», и попытался возвести на него принца Иоанна, «низложенного Божьей судьбой» и «наделенного невразумительным косноязычием, а также лишеного разума и смысла человеческого по Божьему совету». Святотатства преступника этим не исчерпывались, и в ходе следствия Аполлон Ушаков, поручик великолуцкого пехотного полка, донес, что Минович перед своим гнусным предприятием ходил в церковь Казанской Божьей Матери и «чинил самому Господу Богу суетные обещания, призывая его на незаконное дело в помощь». Как известно, Бог молитвам злодея не внял, а несчастного принца лишил жизни, тем самым «предотвратив вящее зло <своим же> Божьим промыслом»¹⁴. Разумеется, вина зачинщиков Чумного бунта и убийц преосвященного иначе как «богомерзским позорищем» и названа быть не могла¹⁵.

Наиболее же веские доказательства нарушения заповедей были приведены в «Сентенции о наказании смертною казнию изменника Пугачева». В приговоре подробно, с указанием на первоисточник, приводились статьи «закона всемогущего господа и творца», которыми пренебрег «возмутитель сего адского предприятия»: книга премудрости Соломона (6:3, 4), закон, Богом данный Моисею (от 2 закона число 5), Евангелие от Марка (12:17), Евангелие от Матвея (22:21), Евангелие от Иоанна (19:12), первое послание апостола Павла (1:18, 19) и т.д. Одно это перечисление давало полное право Святейшему Синоду предать «вечному проклятию и обречь на мучения в тартаре Пугачева и всех его злодейских сообщников». Таким образом приговор по «гражданским законам» предписывал самозванцу «наистрожайшую смертная казнь», а по «Божественным» – «вечную муку»¹⁶.

Авторитет сакральных текстов тонко использовался в приговорах, звучащих более как политические памфлеты, для целенаправленно создаваемого имиджа власти. Прежде всего, священный образ монархини возвышался над окончательным решением, которое принимало представительное собрание. Сенат, президенты коллегий, персоны первых трех классов и прочие бюрократические иерархи, за исключением Синода, который чисто плотно самоустраивался от подписания смертных приговоров, как бы брали на себя всю ответственность за казнь. Тем самым «беспримерное милосердие и сострадательное человеколюбивое сердце Ее императорского величества» оставалось незапятнанным.

В 1764 г., после двух лет собственного правления и двадцатилетнего, установленного «теткой нашей Елизаветой», негласного моратория даже в самодержавной России требовались некоторые идеологические усилия, чтобы публично обезгласить Василия Мировича. Поэтому помимо апелляций ко всевозможным Божественным провидениям, было объявлено, что императрица собственноручно на докладе Сената написала о прощении подпоручика за оскорбление своей особы, но вот вынесение вердикта по поводу его покушения на «целость государственную и всеобщее благополучие отдаст в полную власть собранию»¹⁷.

В приговорах по делу об убийстве архиепископа и пугачевском восстании образ императрицы связывался прежде всего не с решением о смертной экзекуции, а с актами помилования. Даже если это помилование заключалось в том, что повешены были не все участники Чумного бунта, а только двое по жребию, а остальные наказаны кнутом и сосланы на каторгу. Высочайшее решение о снисхождении к казакам, выдавшим Пугачева, вообще было торжественно зачитано с Красного крыльца в Кремле при большом скоплении народа на другой день после публичных казней. В этом тексте монаршее помилование было названо «беспримерным милосердием самодержицы нашей, превосходящей всех смертных и единому Богу в излинии щедрот своих уподобляющейся»¹⁸.

Однако несмотря лишь на три громких дела, завершившихся плахами и виселицами, за все тридцать лет правления Екатерины сам термин *смертная казнь* довольно часто встречался в двух видах документов, исходящих от престола и обращенных к подданным: в конкретных приговорах и, условно говоря, превентивных распоряжениях. В первом случае речь всегда шла о совершенном деянии, за которое по всем законам требовалась высшая мера наказания, и лишь по «беспримерному монаршему милосердию» преступник освобождался от эшафота. Таким образом понятие *смертная казнь* в данных сентенциях прочно увязывалось с мотивом высочайшей милости. Во втором случае указы носили предостерегающий характер и со всей определенностью провозглашали, что за такие-то проступки неизбежно последует самая жестокая смертная экзекуция. Разумеется, в подобном контексте упоминание о «монаршем милосердии» было излишним.

Существовал еще один, третий тип документов, непосредственно затрагивающих тему смертной казни, – это высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция. И хотя эти документы были лишены идеологической декларативности и предназначались, так сказать, для внутреннего пользования, они содержат важные сведения о соотношении понятий закон Божий и закон государственный и в доктрине власти, и в сознании подданных.

«Лобные места истребить»

Для собственноручного монаршего утверждения поступали в прямом смысле тысячи бумаг, которые учитывались в специальных «Журналах высочайшим конфирмациям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»¹⁹. По утрам российская императрица не только писала послания Вольтеру и барону Гримму, но и выслушивала

донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел.

Мнения Сената представлялись императрице с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь», «надлежит по законам за преступление смертная казнь» или в отношении высшего сословия – «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни»²⁰. Однако Екатерине ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России.

В то же время регулярно и с особой торжественностью объявлялись всем приговоренным к смертной экзекуции помилования, приуроченные часто к наиболее важным пафосным событиям. В 1762 г. коронавание и миропомазание новой императрицы, в 1775 г. победа над Оттоманской Портой и, наконец, в 1782 г. открытие монумента Петру Первому были отмечены освобождением колодников от смертной казни²¹. Преамбулы манифестов апеллировали к евангельской благодати и, может быть, в какой-то степени выражали в словесной форме те чувства, за которыми в свое время последовала Елизавета Петровна: «Почитаем за долг свой открыть Богу искреннюю благодарность, но чем оное изъявить можем? Существо Его есть человеколюбие, милости он хочет, а не жертвы <...> не можем мы лучше воздать благодарения, как угождая божественному Его милосердию к виновным»²².

Массовые показательные казни участников восстания Пугачева так или иначе девальвировали образ милосердной государыни и в целом не могли способствовать умиротворению подданных. Именно поэтому уже через несколько недель после подавления бунта императрица потребовала предать прошедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казненных, а «лобные места истребить». Именно тогда присутствия получили прямое указание – «а впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа»²³.

Указ 1754 г., практически подтверждающий введенный в 1744 г. негласный мораторий на натуральную казнь и политическую смерть, не только не был предан забвению, но, напротив, стал главным законодательным актом, определяющим все «смертные сентенции». Однако трактовка этого законодательного акта отличалась вольностью и рациональной простотой. Елизавета Петровна определила осужденных на смертную казнь и политическую смерть экзекуциям не подвергать, одних клеймить словом «ВОР», другим вырезать ноздри, всех наказывать кнутом и сослать на рогервикскую каторгу, в Сенат же и на высочайшее имя отправить экстракты дел, сопровождаемые аргументированными мнениями, и ждать распоряжений²⁴.

Во время правления Екатерины в большинстве случаев возможность смертной казни аннулировалась сразу на самых низших инстанциях, а на высочайшую конфирмацию поступали, как правило, дела представителей дворянского сословия. И хотя определенная имитация *политической смерти* еще всплывала в некоторых приговорах²⁵, о самом понятии, актуальном в официальной терминологии предшествующего царствования, никто уже не вспоминал. Вырезание ноздрей превращалось в архаику, а семантика клеймения и вместе с тем понимание самого страшного преступления, а может быть, и греха, изменились. Если во время правления Елизаветы Петровны осужденных на смертную казнь и политическую смерть клеймили словом «ВОР»²⁶, то при Екатерине преступников иногда приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»²⁷. С другой стороны, указы 1744 и 1754 гг. не были объявлены во всенародное известие, следовательно, и в годы правления Екатерины II никакого публичного подтверждения приостановки смертной казни не могло произойти. Подданные по-прежнему считали, что на Руси от сумы, тюрьмы, да и от плахи зарекаться нельзя.

Таким образом, лишившись широкого диапазона смертных экзекуций, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором наказаний за тяжкие преступления. Постепенно кнут и плеть становились уделом низших слоев, в то

время как права дворянства стремительно расширялись, получив свое окончательное оформление в Жалованной грамоте, где кратко декларировалось: «Телесное наказание да не коснется до благородного»²⁸. В свою очередь преступники из привилегированного сословия лишались своей принадлежности к высшей касте, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое во время правления Екатерины отходило законным наследникам.

Однако если выносимые приговоры и определялись статусом убийцы, то, как правило, не зависели от социального положения жертвы. Подобный вывод может показаться неожиданным для устоявшихся представлений о крепостнической России второй половины XVIII в., но за отнятую жизнь соседа-помещика, священника, канцелярского копииста и беглого крестьянина, умершего даже через три дня после побоев, дворянина ожидали примерно одинаковые наказания.

Сословное равенство убиенных

Разумеется, нельзя отрицать высокой степени личной зависимости крепостного и низкой стоимости его «подлой души»: частновладельческих крестьян можно было сослать на каторгу, продать в рекруты, нещадно наказать плетьюми, но их категорически нельзя было убивать. Во всяком случае, после смерти своей удавалось им иногда «пожить шумно, как бы в награду за не примеченную никем жизнь»²⁹, попасть в экстракты уголовных дел и в каком-то смысле сравняться с убиенными «из благородных».

В 1762 г., еще во время краткого правления Петра III, в Воронежской губернии умер Филин Тихонов, крепостной поручика Василия Нестерова. Весьма вероятно, Тихонов не был работящим и покорным мужиком, «творил непотребства, кражи и побегии». Не оставался в долгу по отношению к таким крестьянам и Нестеров. После поимки Тихонова поручик, напившись, бил его, жег его огнем, а потом посадил на ночь в погреб, где утром обнаружили труп. Испугавшись и, видимо, мгновенно

протрезвев, Нестеров решил умолчать о смерти крепостного, в канцелярию не донес, а тело несчастного тайно зарыл «на гумне в землю». Но преступление было раскрыто, поручика взяли под стражу, и тут в Юстиц-коллегии выяснилось, что «если крестьяне от помещиков своих сверх необыкновенного их наказания помрут, за то что с помещиков чинить – таковых точных указов нет». Сенат рассмотрел дело, оставив без внимания доношение поручика о том, что якобы покойный Тихонов грабил его, пытался зарезать ножом, а потом сам принял отраву. Василия Нестерова сослали навечно в Нерчинск, а имение конфисковали в пользу наследников³⁰.

Наказание, определенное дворянину за смерть крепостного, оказалось таким же, какое последовало бы за убийство представителя любой другой социальной страты. Эта сентенция стала судебным прецедентом и в дальнейшем повлияла на приговоры душевладельцам, которые над людьми своими совершают «убийства и необыкновенные тиранские мучения».

Именно страх перед наказанием заставлял помещиков, утративших и совесть, и элементарный разум, о чем Екатерина писала Дидро³¹, уничтожать следы своих преступлений. Случай с поручиком Нестеровым, который пытался скрыть тело убитого им крестьянина, был далеко не единственным. В 1782 г. новгородский и тверской генерал-губернатор граф Яков Брюс докладывал Сенату о следующем происшествии в с. Валухине Ваксаловской волости. Некий поручик Савин, которому староста прямо в дом доставил из бегов женку Марфу Самсонову, позвал к себе в горницу людей Матвея Яковлева, Ивана Иванова, Никиту Федосеева и Ксенофонта Григорьева с кнутами. Женку вывели на крыльцо, раздели донага, высекли немилосердно, а потом оттащили в людскую избу и положили на лавку. Вскоре она умерла, а ближе к ночи тело исчезло. Однако дворовый человек Ульян Максимов не смолчал и рассказал крестьянам, что он вместе со старостой по приказу барина отнес мертвое тело в поварню, а потом зарыл в землю под мостом. На следующий день те же самые мужики, которые избивали Марфу Самсонову, отправились к дворянскому заседателю прапорщику Николаю Никонову и все ему рассказали³². Тело

эксгумировали, убийство было раскрыто, и поручика Савина предали суду³³. К сожалению, в этом деле не приводится собственно текст доклада графа Брюса, но искренне и эмоционально написанный рапорт тамбовского и рязанского генерал-губернатора М.Ф. Каменского по поводу сходного преступления сохранился.

В д. Никитиной Кадомской округи прапорщица княгиня Матрена Тугушева жестоко наказала дворовую девку Матрену Харитонову за побег, и та после побоев умерла. Осознав содеянное, прапорщица бросилась за помощью к матери Анне Лопатиной и та направила своего дворового человека Григория Петрова, приказав ему тело расчленить, уложить останки в сундук, а сундук зарыть. Но крепостные Тугушевой Фекла Иванова, Степанида Кондратьева и Василиса Епифанова решили зверства барыни не покрывать и сообщили об убийстве. Каменский назвал преступление Тугушевой «смертоубийством, сопряженным с варварством», и потребовал оставить дворового человека безо всякого наказания, «потому что он исполнял волю помещицы своей, а по нынешнему положению слуг, противу господ их ни один слуга отказать не осмелится». Доносительниц же необходимо было, по мнению генерал-губернатора, «освободить от рабства, приказав им избрать какой род жизни сами пожелают, для ободрения в таковых несчастных случаях (от которых, Боже, впредь сохрани все общество!) слуг к признанию перед судом»³⁴.

Таким образом, в России второй половины XVIII в. для детального выяснения обстоятельств гибели крестьян по вине помещиков создавались специальные следственные комиссии, а в случае необходимости вызывались патологоанатомы и проводилась эксгумация тел. Вводя неотвратимость одинаковой меры наказания дворянина за любое убийство, власть сама невольно задавала внесловный стандарт отношения к человеческой жизни. Ни в одном экстракте не встречалось даже намека на возможность смягчения приговора лишь на том основании, что убитый был крепостным крестьянином. Напротив, заключительная сентенция приобретала иногда пафосную, почти

проповедническую стилистику: «дабы кровь убитого отмстить и не оставалась она без возмездия»³⁵.

Вообще следует заметить, что в русском обществе XVIII столетия такая драматичная сфера социальной жизни, как судьбы совершивших «смертные преступления», не могла не иметь самой тесной связи с евангельским учением и институтом церкви. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, определили решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Во время правления Екатерины религиозные догматы использовались больше в воспитательных и процессуальных целях, в частности, совершившие тяжкие деяния³⁶ принуждались «купно» к покаянию, которое дополняло в различных конфигурациях конфискацию, телесные наказания, каторгу, ссылку.

«Наказать купно церковным покаянием»

Традиционно в русской православной церкви существовало как добровольное, восходящее к таинству исповеди, так и принудительное покаяние, практически отождествляемое с епитимьей. На основании Соборного Уложения 1649 г., «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Андриана в сфере жесткого духовного контроля были, условно говоря, «гендерные связи» – «блудодеяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т.п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», то есть под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов³⁷.

Как известно, церковь могла карать за земные грехи и умерших, лишая их права на отпевание и погребение у храма. К несчастным, не обретающим покой и после кончины, относились не только «бесноватые», самоубийцы, казненные пре-

ступники и погибшие при разбое и воровстве. Безымянная могилка в лесу или поле была уготована утонувшим во время забав на воде, убившимся на качелях и умершим в результате опьянения³⁸.

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые полагались мирянину церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному Уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись лишь дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

В петровском законодательстве все с большей очевидностью усиливается тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые, мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания³⁹. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода 1722 г. светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах⁴⁰.

С Воинского устава покаяние начинает рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство⁴¹, заговор ружья, блуд между ближними свояками, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например, во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т.д.⁴² При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник приговаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой⁴³.

Таким образом, Петр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным покаянием, лишив в то же время это наказание своей самоценности и сделав приговор по

нему прерогативой «светских команд». Однако дерзкое решение императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах Воинского артикула. Во время правления Анны Иоановны в законодательстве практически не упоминалось о принуждении мирян к церковному покаянию. Елизавета Петровна, так и не обнародовав решение о моратории на смертную казнь, могла позволить себе не волноваться по поводу возможного увеличения криминальных деяний. К тому же заботилась императрица больше о спасении собственной души, а не о повышении народной нравственности. И лишь с началом правления Екатерины II все отчетливее начинает прослеживаться мотив необходимости исправления преступника.

Характерно, что в 60–70-х годах XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, то есть в высочайших конфирмациях. Но постепенно эта склонность императрицы привлекать церковь к борьбе со «смертными преступлениями» была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х – началу 80-х годов, особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появляется в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась.

Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в неотъемлемую часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. Многотомные «Журналы высочайшим конфирмациям на докладах Сената и других мест» и «Реестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»⁴⁴.

В некоторых приговорах, усугубляющих наказание наложением епитимьи или осуждением на церковное покаяние, оправ-

данность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловаться», то при Екатерине речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только «скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»⁴⁵.

«Попам знать одно свое духовенство»

«Наказание купно церковным покаянием» постепенно стало распространенной практикой с отработанной процедурой. В частности, по делам дворян решение принимал земский суд, уголовная палата, Юстиц-коллегия, Сенат или сама императрица, во власти которых находился и выбор формы духовного взыскания. «Светские команды» передавали преступника с указанием обстоятельств дела в духовное правление, обычно в местную консисторию, и уже оттуда он направлялся либо в свой дом на поруки духовнику, либо в монастырь при открытой подорожной с определением пропитания и надежного присмотра.

Русские монастыри издавна были не только местом уединения от мирской суеты, но и местом заключения. Крупным хозяйствам с большими угодьями, жестким внутренним порядком и наглухо замкнутым пространством за высокими стенами не так сложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. После секуляризации земель, а также передачи в ведение Коллегии экономии двух миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»⁴⁶ прибывающих на покаяние колодников превратилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. А если еще учесть негласный мораторий на смертную казнь, исключая особые, уже упомянутые случаи, и практическое введение обязательного духовного наказания за «смертные преступления»⁴⁷, то станет ясно, почему из монастырей, епархий, консисторий, и

наконец, из Синода шли рапорты с просьбами об облегчении бремени в Сенат и на имя императрицы⁴⁸.

Вердикт был для священнослужителей не утешительным. По поводу охраны убийц и грабителей – приказано было обходиться собственными силами, тем более что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»⁴⁹. Кстати, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния.

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». Однако после 1764 г. обнищавшие монастыри постоянно сетовали на отсутствие средств для содержания колодников, несмотря на то, что теперь деньги на них должна была выделять Коллегия экономики. В конце концов, в 1770 г. был достигнут компромисс – обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» Коллегия выделяла по 2 копейки в день⁵⁰.

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и Экономическую коллегию из епархий должны были поступать сведения, когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег, и как идет духовное исправление⁵¹.

Таким образом, в принятии решений о наказании мирян покаянием за «смертные деяния» духовенство вообще не участвовало, а его представители лишь выполняли функции охранников и смотрителей в монастырях, которые частично были превращены в тюрьмы. Даже такой в целом вторичный вопрос, как сроки покаяния преступников, оставленный на усмотрение местных консисторий или епархиальных архиереев, находился

под контролем, требовал апробации Синода и отчета перед канцеляриями и Сенатом. В конце концов, в ряде указов прозвучали абсолютно четкие формулировки – «дела, не подлежащие духовному суду, для решения отсылать в светские команды», «попам знать одно свое духовенство, а в светские дела мешать запрещено»⁵². Поэтому «наказание покаянием» и «наложение епитимьи», ссылка «под начало» и «на смирение» определялись не столько «правилами святых отцов», сколько выходящими из утвержденных инструкциями и сводились приблизительно к одним и тем же мерам воздействия, которые можно условно разделить на «смиряющие тело» и «врачующие душу».

«Повелеваю побуждать покаяться при помощи религиозных чувств и молитвы»

В зависимости от тяжести содеянного преступник мог обречь себя на неисходное пребывание в обители «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»⁵³, а мог проживать вместе с братией и искупать свою вину в трудах и аскезе. Такие осужденные рубили дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую так называемую «черную монастырскую работу». Наиболее изматывающими считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые исполнялись иногда в «жезлах», требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 часов в сутки⁵⁴.

Примечательно, что подобное содержание осужденных мирян, совершивших уголовные преступления, преобладало во время правления Елизаветы, когда в приговорах к ссылке в святую обитель о «наказании покаянием» вообще, как правило, не упоминалось⁵⁵. Разумеется, арестанты обязаны были посещать вечерние песнопения, но в целом кара за «смертные злодеяния» в монастыре более походила на каторгу или тюрьму, под которую и приспособивались обители. Внутренний иноческий потенциал православных монастырей оставался нереализованным, наказание касалось, прежде всего, умерщвления плоти, а

не возрождения духа, и быстро заканчивалось могильной ямой без креста и плиты с именем⁵⁶.

Во время правления Екатерины принудительный пост, работы и «нешадное смирение своевольства по монастырскому обычаю»⁵⁷ традиционно оставались главными мерами воздействия на преступников. Однако теперь пытки и телесные наказания использовались реже, а земляные тюрьмы постепенно ликвидировались⁵⁸. Анафема и отлучение мирян от церкви переходили в разряд средневековой экзотики. А такое наказание, как лишение причастия святых тайн, признано было недействительным в виду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви в век екатерининского просвещения, с одной стороны, и немалого числа тайных раскольников, с другой⁵⁹.

Важно заметить, что монастырское покаяние предполагало не только тяжкую работу и аскезу, но и целый ряд религиозных практик, направленных на то, чтобы осужденный «преступление свое восчувствовал сердечно и совершенно исправился». Приговоры, инструкции по содержанию колодников, а также рапорты настоятелей обнаруживают, что во второй половине XVIII в. основой покаянной дисциплины являлись земные поклоны от 30 до 500 во время каждой утрени, вечерни и на литургиях с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также чтение псалмов, «не спешно, но с благоговением»⁶⁰. В случае использования монастыря исключительно в качестве тюрьмы приказывалось осужденных колодников «никуда кроме церкви не выпускать». Если же в обитель доставлялись арестанты, приговоренные к полной изоляции, то к ним в казематы мог входить только настоятель и духовник для исповеди⁶¹. Для увещания и наставничества выбирался «старец добрый и крепкожительный», которому и предстояло добиться раскаяния и очищения совести преступника. В бумагах графа А.А. Безбородко даже сохранилась рукопись, адресованная церковникам, убедительное слово которых должно было постепенно заменить пытку. «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею»⁶² представляли из себя набор

точных и выверенных психологических приемов, позволяющих манипулировать сознанием преступника и не только получать необходимые сведения о содеянном, но и изменять его внутреннюю мотивацию.

Таким образом, проблема смертной казни и наказаний за убийство в любом обществе выходит за рамки вопросов юриспруденции и наполняется мировоззренческим, философским и даже экзистенциальным смыслом. Для истории России XVIII века данная тема скрывает в себе большой исследовательский потенциал, связанный с фундаментальными характеристиками русского общества этого периода.

Движимая, прежде всего, собственным религиозным чувством, Елизавета Петровна ввела негласный мораторий на смертную казнь и даже ее театрализованную имитацию – возведение на плаху, именуемую политической смертью. Императрица не использовала свое уникальное начинание для диалога с подданными или укрепления авторитета престола, однако вне зависимости от ее мотивов в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России⁶³. Теперь же профессия палача постепенно утрачивалась, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

В царствование Екатерины II проблема смертной казни и наказания за «смертные преступления» получила новое звучание. Очевидно, что великая княгиня Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»⁶⁴ почитала не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противосто-

ять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

Несмотря на то, что в самодержавной России, как водится, каждый правитель открывает новую эпоху, привлеченный к работе материал позволяет проследить некоторые общие тенденции социокультурной и политической эволюции общества и власти. На протяжении XVIII в. происходила постепенная смена набора главных добродетелей монарха: от жесткого воспитания в подданных «потомственного страха», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов⁶⁵, до милосердия к осужденным. В отличие от Петра I и Елизавета, и Екатерина так или иначе пытались дистанцироваться от принятия решений о смертной казни и уж тем более от эшафота и самой экзекуции. Претерпевали изменение и каналы воздействия власти на сознание общества, в частности, такой важнейший механизм социального контроля, как официальный политический язык. Общий контекст употребления понятия *смертная казнь* трансформировался от лаконичных указов о заслуженном наказании осужденного через сдержанное забвение периода негласного моратория к развернутой аргументации, подкрепленной авторитетом Священного писания, или же к прославлению милосердия императрицы в торжественных манифестах об амнистии и помиловании.

На первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что во время просвещенного правления Екатерины II процесс секуляризации совпадал со все более активным использованием церковных практик для наказания мирян за тяжкие уголовные деяния по решению светского суда. Многозначность термина *покаяние*, так или иначе отождествляемого и с исповедью, и с епитимьей, становилась в данный период особенно заметной. Действуя в «улыбательном» духе, как это было присуще императрице, власть практически через голову духовенства начала использовать силу воздействия религиозного учения для улучшения нравов подданных. Подобная узурпация права на суд Божий опять-таки определялась родовыми осо-

бенностями русской государственности. С одной стороны, византийский обряд венчания на царство не мог не влиять на самосознание любого монарха. С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Но важнейшим назидательным примером этой, другой, «императрицы Московии» в данном случае стал опыт воспитания нравственности на основе вечных истин Священного писания без клерикализации общества.

-
- ¹ На основании указа канцеляриям следовало высылать в Сенат описания дел и ждать дальнейших распоряжений. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XII. С. 114 (№ 8944, 1744, 7 мая). (Далее: ПСЗ).
- ² Так, в 1746 г. из Ревельской губернской канцелярии поступила просьба не уничтожать «древние справедливости» местных ландратов и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации в виду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее (Там же. С. 583–584 (№ 9312, 1746, 5 августа)).
- ³ Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули несколько аргументов против моратория. Во-первых, они полагали, что число оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Во-вторых, подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями (Российский государственный архив древних актов (РГАДА)). Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5 об., 10–10 об.; Д. 1023. Л. 14–16 об.; Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 651; СПб., 1893. Т. 6. С. 62, 642).
- ⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 11–16 об.
- ⁵ *Щербатов М.* «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факс. изд. М., 1984. С. 55.
- ⁶ *Местр Ж. де* : 1) Письмо Жозеф де Местра Кавалеру де Росси, 1807, 9–10 августа // *Местр Ж. де.* Петербургские письма. СПб.,

1995. С. 85 ; 2) Письмо Жозеф де Местра Козловскому П.Б., 1816, 27 февраля // Там же. С. 284–285.
- ⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 314–333.
- ⁸ Исключения составляют работы историков права, посвященные анализу законодательной регламентации смертных приговоров в России. См., например: *Bryner S.* The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // *Russian Review*. 1990. Vol. 49, N 4. P. 389–416; *Жильцов С.В.* Смертная казнь в истории отечественного права: дис. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. Тольятти, 2002.
- ⁹ См. об этом статьи автора: *Марасинова Е.Н.* : 1) О негласном моратории на смертную казнь в России середины XVIII века // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2014. Vol. 2. P. 5–7 ; 2) Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Отечественная история 2014. № 4. С. 53–69 ; 3) «Экзекуции не чинить»: о приостановке смертной казни в России середины XVIII века. URL: <http://gefter.ru/archive/13696>
- ¹⁰ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 62.
- ¹¹ См.: ПСЗ. Т. XVI. С. 890–892 (№ 12228, 1764, 17 августа); С. 897–907 (№ 12241, 1764, 15 сентября).
- ¹² Там же. Т. XIX. С. 364–371 (№ 13695, 1771, 10 ноября).
- ¹³ Там же. Т. XX. С. 1–15 (№ 4233, 1775, 10 января).
- ¹⁴ См.: Там же. Т. XVI. С. 890–892 (№ 12228, 1764, 17 августа); С. 897–907 (№ 12241, 1764, 15 сентября).
- ¹⁵ См.: Там же. Т. XIX. С. 364–371 (№ 13695, 1771, 10 ноября).
- ¹⁶ Там же. Т. XX. С. 1–15 (№ 14233, 1775, 10 января). (Названия священных текстов, а также номера глав и статей, приводятся здесь в соответствии с текстом Манифеста).
- ¹⁷ См.: Там же. Т. XVI. С. 890–892 (№ 12228, 1764, 17 августа); С. 897–907 (№ 12241, 1764, 15 сентября).
- ¹⁸ См.: Там же. Т. XIX. С. 364–371 (№ 13695, 1771, 10 ноября); Т. XX. С. 1–15 (№ 14233, 1775, 10 января).
- ¹⁹ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3–9.
- ²⁰ На основании сотен просмотренных экстрактов и следственных дел можно с уверенностью сказать – высшая санкция полагалась, прежде всего, за убийство – значительно меньше упоминаний об изготовлении фальшивых ассигнаций, кровосмешении, растлении малолетних и т.д., за что также выносились смертные приговоры.

- ²¹ ПСЗ. Т. XVI. С. 69–70 (№ 11667, 1762, 22 сентября); Т. XX. С. 82–86 (№ 14275, 1775, 17 марта); Т. XXI. С. 649–650 (№ 15488, 1782, 7 августа).
- ²² См.: Там же. Т. XX. С. 82–86 (№ 14275, 1775, 17 марта); Т. XXI. С. 649–650 (№ 15488, 1782, 7 августа).
- ²³ Там же. Т. XX. С. 104–106 (№ 14294, 1775, 6 апреля).
- ²⁴ Там же. Т. XIV. С. 235–236 (№ 10306, 1754, 30 сентября).
- ²⁵ См., например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1966. Кн. XV, т. 29–30. С. 115–116.
- ²⁶ Там же. Т. XIV. С. 235–236 (№ 10306, 1754, 30 сентября). Разумеется, в русском языке второй половины XVIII в. смысл слова «вор» был намного шире, что определение группы господ, которые присваивают себе во время званого обеда столовое серебро или играют меченой колодой карт.
- ²⁷ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об.–51; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 51 об.; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199–199 об.; ПСЗ. Т. XX. С. 958–961 (№ 15032, 1780, 9 июля); и др.
- ²⁸ ПСЗ. Т. XXII. С. 347 (№ 16187, 1785, 21 апреля). От телесных наказаний освобождались также две первые гильдии купечества, именитые граждане и священнослужители (Там же. Т. XXII. С. 369, 381 (№ 16188, 1785, 21 апреля)). Исключение из этих защищенных законом групп не открывало, однако, возможность для применения подобных санкций. Лишь при Павле I будет объявлено: «Как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается» (Там же. Т. XXIV. С. 590–591 (№ 17916, 1797, 13 апреля)).
- ²⁹ Цитата из повести Н.В. Гоголя «Шинель».
- ³⁰ ПСЗ. Т. XV. С. 923 (№ 11450, 1762, 25 февраля).
- ³¹ «Каждый хозяин, – резонно полагала императрица, – обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей короной бережно» (цит. по: *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363).
- ³² Вообще доносы крестьян на убийц-помещиков были обычным делом. В данных обстоятельствах указ 1767 г., по которому людям, отважившимся подавать челобитные на своих господ, грозило наказание кнутом или ссылка на Нерчинские рудники, терял свою юридическую силу (ПСЗ. Т. XVIII. С. 336 (№ 12966, 1767, 22 августа)).
- ³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 61. Д. 5195. Л. 292–293.
- ³⁵ См., например: Там же. Д. 5195. Л. 348–350 об.; ПСЗ. Т. XX. № 15032 (1780, 9 июля); и др.
- ³⁶ В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.

- ³⁷ ПСЗ. Т. I. С. 130 (№ 1, Гл. XX, Ст. 80, 1649, 29 января); С. 699 (№ 412, 1667, 17 июня); Т. III. С. 418, 422 (№ 1612, 1697, 26 декабря).
- ³⁸ Там же. Т. III. С. 417 (№ 1612, 1697, 26 декабря).
- ³⁹ См.: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России, 1700–1740. М., 2000. С. 347–393; *Смилянская Е.Б.* «Суеверия» и народная религиозность в России Века Просвещения // *Canadian-American Slavic Studies*. 2004. Vol. 38, Spring–Summer. P. 51.
- ⁴⁰ См.: ПСЗ. Т. VI. С. 652 (№ 3963, 1722, 12 апреля).
- ⁴¹ Там же. Т. V. С. 320–321, 379 и др. (№ 3006, 1716, 10 января). Петровское законодательство проявляет здесь удивительный рецидив «средневекового сознания» – за чародейство можно было и угодить на костер, «если имел обязательства с дьяволом», и отделаться заключением в железо и покаянием, если какие-либо контакты с врагом человеческим отсутствовали. Более подробно об интерпретации подобного феномена см.: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. С. 347–393; *Ryan W.F.* The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? // *The Slavonic and East European Review*. 1998. Vol. 76, N 1, January. P. 64–65.
- ⁴² ПСЗ. Т. V. С. 322, 366–368, 373, 379, и др. (№ 3006, 1716, 10 января). Многие положения Воинского устава почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава (Там же. Т. VI. С. 49–50, 78, и др. (№ 3485, 1720, 13 января)).
- ⁴³ Там же. Т. V. С. 322 (№ 3006, 1716, 10 января).
- ⁴⁴ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18 об., 25, 37 об. и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269–5439. Л. 79–80, 137 и др.
- ⁴⁵ См., например: ПСЗ. Т. XX. С. 958–961 (№ 15032, 1780, 9 июля); РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91 об.; и др.
- ⁴⁶ См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. С. 379 (№ 327, 1766, 6 ноября).
- ⁴⁷ Может быть, именно поэтому правительство безболезненно сделало широкий жест и постановило, что монастыри не обязаны принимать колодников, не осужденных на церковное покаяние (см. об этом: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 3).
- ⁴⁸ См. об этом, например: Там же. Л. 2–3; ПСЗ. Т. XIX. С. 119 (№ 13500, 1770, 23 августа); Т. XX. С. 512 (№ 14597, 1777, 11 марта); и др.
- ⁴⁹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. С. 61–63 (№ 71, 1762, 15 ноября).
- ⁵⁰ См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 5–5 об.; ПСЗ. Т. XVI. С. 565 (№ 12060, 1764, 26 февраля); Т. XIX. С. 151

- (№ 13508, 1770, 9 сентября). Для сравнения, в 1787 г. князю Д.К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 копеек в день из его собственных средств (РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5271. Л. 497–506 об.).
- ⁵¹ См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. С. 61–63 (№ 71, 1762, 15 ноября); ПСЗ. Т. XX. С. 512 (№ 14597, 1777, 11 марта).
- ⁵² См.: ПСЗ. Т. XVII. С. 472–473 (№ 12536, 1765, 30 декабря); Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. С. 318–319 (№ 276, 1765, 21 декабря); С. 741–742 (№ 621, 1771, 11 июля); и др.
- ⁵³ См., например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762 г. Д. 136. Л. 5.
- ⁵⁴ См. об этом: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L, ч. 1. Ст. 80; *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3, кн. 1. С. 73; *Колчин М.А.* Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: ист. очерк // Русская старина. 1887. Т. 56. С. 60–63.
- ⁵⁵ Ср., например, ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре колодников с указанием их преступлений и назначенного наказания за 1742–1786 гг. (*Колчин М.А.* Указ. соч. С. 591–613).
- ⁵⁶ См., например, описание сада, примыкающего к знаменитому Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале, который в действительности являлся безымянным арестантским кладбищем: *Пругавин А.С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: (к вопросу о веротерпимости). М., 1905. С. 17.
- ⁵⁷ Обзор литературы по этому вопросу: *Шаляпин С.О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск. 2013. С. 33–61, 68–85.
- ⁵⁸ Один из последних указов о заключении в земляную тюрьму был датирован 7 июня 1739 г. (См. об этом также: *Фруменков Г.Г.* Узники Соловецкого монастыря: политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII – XIX веках Архангельск. 1965. С. 15–41).
- ⁵⁹ См.: ПСЗ. Т. VI. С. 678–681 (№ 4009, 1722, 15 мая); С. 700 (№ 4022, 1722, май); Т. XX. С. 926–927 (№ 14996, 1780, 21 марта); С. 954–955 (№ 15029, 1780, 2 июля); и др.
- ⁶⁰ См. об этом: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–1 об.; *Розанов Н.П.* Указ. соч. С. 73–74; *Колчин М.А.* Указ. соч.; Описание документов и

дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. L, Ч. 1. Ст. 78.

⁶¹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг. 1914. Т. L, ч. 1. Ст. 78; *Колчин М.А.* Указ. соч. С. 61.

⁶² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15 об.

⁶³ См., например: ПСЗ. Т. VII. № 4826 (1726, 24 января).

³⁴ Письмо Екатерины II д'Аламберу, 1765 // Сборник имп. Русского исторического общества. 1872. Т. 10. С. 29–31.

⁶⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. X, т. 19–20. С. 608.

Между двух юбилеев:
Великая Французская революция
в оценке Н.М. Карамзина
(250 лет со дня рождения) и декабристов
(190 лет со дня восстания)

«**В**еликая весна девяностых годов» XVIII в. озарила все творчество выдающегося русского историка Николая Михайловича Карамзина. Его литературный шедевр «Письма русского путешественника» открыл для читателей этого писателя, а «История государства Российского» прославила его имя навсегда. Как выдающийся ученый и писатель, воспринимавший отечественную историю в контексте мировой истории, он практически всю свою жизнь размышлял о значении революций в жизни общества, а события Великой французской революции, современником и свидетелем которых он был, придавали особую остроту его анализу.

Как и многие его соотечественники, он был воспитан на просветительской литературе. «Имена знаменитых французских публицистов были в России также популярны, как и у себя на родине...» – вспоминал позже об этом времени декабрист Н.И. Тургенев. Французские просветители, по его словам, «как будто предприняли политическое воспитание европейского континента»¹. Теории общественного договора, естественного права, суверенитета народа, равенства всех перед законом, представительного правления, вера в силу общественного мнения и право каждой личности на свободу – проникали в общественное сознание русских людей. Тома энциклопедии Дидро и Д'Аламбера стояли на полках многих частных библиотек.

Серьезное знакомство с формами правления, разработанными Монтескье (республика, монархия, деспотия), прослеживаются в исторической концепции Карамзина, причем симпа-

тии историка претерпевают постепенно изменения: от увлечения республиканским образом правления, связанным для него во многом с именем Робеспьера, к приоритету монархии. Монархия же трактуется им как правление одного человека с соблюдением твердо установленных законов. «Письма русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина принадлежат к выдающимся произведениям русской литературы. Но их значение далеко выходит за рамки лишь путевых впечатлений. Литературоведы с конца XIX в. и культурологи в настоящее время много сделали для того, чтобы поставить это произведение в широкий культурный контекст. Однако меньшее внимание обращалось на важность «Писем ...» для исторической науки, в частности для реконструкции отношения к Французской революции в России в конце XVIII в. и в последующие десятилетия. Высказывания Карамзина о революции цитировали К.В. Сивков, М.М. Штранге, А.Ф. Смирнов и другие исследователи, но лишь Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский стремились показать французские реалии и воплощение их в сочинении Карамзина².

Впечатления от событий во Франции жили в душе Карамзина всю жизнь и нашли отражение не только в «Письмах ...», но и в других сочинениях, а также в переписке. Они были предметом бесед с современниками. Отношение писателя и историка к Французской революции, разным ее этапам было сложным, противоречивым и изменялось в течение жизни³. Если незадолго до смерти он отрицательно относился к любой революции, то в конце XVIII в. его позиция была иной.

Русское общество вплоть до казни Людовика XVI (21 января 1793 г.) было достаточно хорошо информировано через прессу о революционных событиях во Франции, что несомненно, подготовило Карамзина к восприятию французских реалий. Совершая свое путешествие, в 1790 г. Карамзин «видел вольных французов», присутствовал на бурных заседаниях в Учредительном собрании, восхищался талантами Мирабо, отдавая должное красноречию его противника аббата Мори, был лично знаком с руководителями революции. «Можно быть уверенным, – писали Лотман и Успенский, – что он видел Лафайета,

Балли, Барнава, Робеспьера, наблюдал их во время уличных церемоний и на заседаниях Национальной Ассамблеи. Он был знаком с Кондорсе, Рабо де Сен-Этьеном, Роммом, Лавуазье»⁴ и многими другими известными личностями. Именно личное знакомство и личные впечатления повлияли на его оценки. Так, он вполне оценил фразерство и демагогию отдельных деятелей революции. «Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! Кто из вас может похвастаться искренностью?» – писал он позже⁵. «Боюсь крови и фраз», – сказал он в 1820 г. об Испанской революции. Как предположил Лотман, именно личное знакомство повлияло на симпатию будущего историка к Робеспьеру. Декабрист Николай Тургенев свидетельствовал в воспоминаниях: «Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному, домашнему обиходу, составлявшему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи»⁶.

Положительное в целом отношение Карамзина к началу Французской революции изменилось после провозглашения республики, казни короля и установления якобинской диктатуры. Идеи просветителей, последователем которых был Карамзин, казались ему уничтоженными кровавой действительностью. «Век Просвещения! – восклицал с горечью писатель. – я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя...»⁷. В августе 1793 г. он писал И.И. Дмитриеву: «Ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою. Бегу в пустую мрачность лесов, но мысль о разрушенных городах и погибели людей везде теснит мое сердце»⁸. В очерке «Мелодор к Филалету» (1794) писатель трагично оценивает итоги уходящего века: «Осьмой-надесять век кончается и несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в ней с обманутым и растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки!»⁹

Однако через несколько лет в 1797 г. он скорректировал свое мнение. С верой в конечное торжество просвещения, разума, прогресса он подвел итог Французской революции:

«Французский народ прошел через все степени цивилизации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время. <...> Французская революция – одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих веков»¹⁰.

Развитие революции во Франции, события 1792 г. и казнь короля были рубежом в отношении к революции не только для Карамзина, но и для других представителей той части русского общества, которая ранее сочувствовала революции: Д.И. Фонвизина, В.В. Капниста и других. Революционная терминология порождала опасение. Так, понятие «якобинец», приобретшее широкое распространение, внушало тревогу, угрозу общественному порядку. Была резко усилена цензура.

Однако идеи Французской революции сохранялись в русском обществе и после термидора. Антиправительственный заговор, раскрытый властями в 1798 г. в Смоленской губернии, объединял офицеров и чиновников, недовольных павловским режимом. Чиновники, расследовавшие в 1798 г. «смоленское дело», уловили связь между чтением участниками кружка сочинений просветителей, восхвалением ими «французской республики» и духом неудовольствия против правления в России.

Порядки, установившиеся при Директории – «пятиглавой и ненавистной всем гидры», как называл ее А.Н. Радищев¹¹, и утверждение власти Бонапарта порождали у многих современников в России и в Западной Европе разочарование во Французской революции и ее итогах. Русские просветители этой эпохи И.П. Пнин, В.В. Попугаев осуждали Французскую революцию. В известном сочинении «Опыт о просвещении относительно к России (1804) Пнин замечал: «Вся революция принята была для Бонапарта, чтобы возвесть его на Бурбонский престол»¹². Поклонник французских просветителей, Попугаев стремился в своих сочинениях «оторвать» Руссо, Вольтера и других философов от Французской революции, не принимал ее якобинское направление.

* * *

Поколение, пришедшее в России на смену современникам Французской революции, было опалено огнем Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Молодые «либералисты», многие из которых впоследствии стали членами тайных обществ 1820-х годов, были воспитаны на просветительской литературе; несмотря на известные цензурные сложности, хорошо знали историю Французской революции. Они внимательно изучали исторические сочинения авторов, придерживавшихся различной политической ориентации, с увлечением читали книгу мадам де Сталь «Размышления о Французской революции». Периодика эпохи революции, хранившаяся во многих семьях, была ценным источником. Определенное влияние не могло не оказать общение с деятелями революционной Франции, такими, как преподаватель Царскосельского лицея де Будри – брат Марата. В дневнике Н.И. Тургенева за 1815 г. отмечены состоявшиеся разговоры с «якобинцами» и другими французами о революции. Такие же сведения имеются и о встречах Никиты Муравьева.

Выступление В.К. Кюхельбекера о русском языке, литературе и политическом состоянии в России в Париже в 1821 г. в обществе «Атеней» отражало взгляды членов тайных обществ. «Один седой якобинец, – вспоминал современник, – слушал его внимательно и поддержал его словами: “Поберегите себя, юноша! Вы нужны своей родине”»¹³.

Немало сведений о революции декабристы могли получить от соотечественников – свидетелей бурных событий, в том числе и от Карамзина.

Нельзя не отметить еще одного своеобразного источника информации – французской эмиграции самого разного ранга. По образному выражению А.И. Герцена «Революцию в барские дома несли нам на подошвах своих заклятые враги ее – эмигранты». Среди губернеров будущих декабристов (Никиты Муравьева, М.С. Лунина, М.Д. Лаппы, Д.А. Искрицкого) встречались и противоположные фигуры, непосредственные пропагандисты революционных идей.

Обращаясь к истории Французской революции, как крупнейшему событию своего времени, члены тайных обществ стремились прежде всего понять ее причины и находили общее в социально-политической обстановке во Франции перед революцией и современной Россией. Так, один из основателей «Союза благоденствия» А.Н. Муравьев в записке 1818 г. писал: «Не должно полагать, что начавшийся во Франции переворот в 1789 году имел другие причины, кроме притеснений и преимуществ дворянского и духовного сословий над народом». Вместе с тем, считал автор, гнет, испытываемый русским крестьянством, несравненно сильнее угнетения французского народа дворянством и духовенством. «Народное негодование подобно пружине, сильно натянутой», – предостерегал декабрист в записке, переданной Александру I¹⁴. Аналогичные взгляды в эти же годы высказывал Н.И. Тургенев, внимательно изучавший историю Французской революции. Он понимал, что без коренных социально-политических преобразований взрыв народного негодования нельзя предотвратить. «Говорят, – размышлял декабрист, – что революцию французскую можно было предупредить силою характера, сильными или даже жестокими мерами со стороны правительства. Как то и другое сообразить? Неужели стремление десятилетий, целых веков можно вдруг остановить несколькими пушечными зарядами, кстати выстреленными». Еще ранее он убедился, что «народ может взбунтоваться не от брошюр, а от долговременного угнетения»¹⁵.

Потрясения, пережитые Францией в конце XVIII в., приходили на память члену «Союза благоденствия» Н.И. Кутузову, когда после восстания 14 декабря 1825 г. он работал над запиской «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства». Этот документ предназначался для подачи Николаю I. Описывая тяжелое положение России, вызвавшее восстание в Петербурге, Кутузов, так же, как ранее и другие декабристы, проводил сравнение с Францией. Подобные свидетельства можно продолжать.

Отношение членов тайных обществ 1820-х годов и сочувствующих им «либералистов» к революционным событиям во Франции конца XVIII в. было сложным. Большинство из них,

говоря словами М.Ф. Орлова, «ненавидели преступления и любили правила французской революции», то есть приветствовали принципы, провозглашенные «Декларацией прав человека и гражданина» и отвергали якобинскую диктатуру. Начало революции одобрялось почти всеми декабристами. Наблюдательный С.Г. Волконский, находившийся в 1815 г. в Париже, свидетель «ста дней» Наполеона, представил в это время краткую, но емкую оценку революционных событий во Франции. «Революция 1789 г. дала толчок народам Европы, – писал будущий декабрист. – Человек начал сознавать свои права взамен тех, которые могли иметь на него, и истинная философия утверждала быстрым шагом свое учение во всех государствах, когда, к счастью избранных, ужасы господства террора, анархия управления Директории и еще более ее безумная амбиция и дальше жестокая тирания Наполеона объединили снова народы около трона и придали правительству силу, которая ускользала из его рук... Народы думали, что они сражаются за свои интересы, но, увы! Они отлично поняли из всего того, что произошло, что они сражались только за интересы нескольких фамилий»¹⁶.

Суждения декабристов, разбросанные во многих дошедших до нас документах, свидетельствуют о разнообразии оттенков в их оценках Французской революции. Так, Михаил Орлов, приветствовавший «правила» французской революции, вместе с тем считал в 1814 г., что эта «необъятная катастрофа» представляет собой «прекрасный урок для народов и королей. Подобный пример дается для того, чтобы ему не следовать»¹⁷. Для П.Г. Каховского «революция во Франции, столь благотельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную». Однако, по его мнению, не народ был тому причиной, «а пронырства дворов и политики». Так же, как Тургенев и Волконский, Каховский видел воздействие событий во Франции на соседние страны. «Революция во Франции сильно потрясла троны Европы и имела на правление и на народ оный еще большее влияние, чем само образование Соединенных Штатов»¹⁸.

Ближе к мнению М.Ф. Орлова точка зрения Ф.Н. Глинки – представителя умеренного крыла декабристского движения.

Для него в 1820 г. было очевидно «дурное направление французской революции», вначале «столь много хорошего обещавшей». Резко отрицательное отношение к якобинской диктатуре наиболее ярко и эмоционально выразил Глинка в своих показаниях на следствии в 1826 г.¹⁹: «*Французская революция!* Сие имя возбуждает во мне *всегда ряд ужасных представлений* и сильно волнует мою чувствительность! Сие смешение крови, огня, мятежей и неистовств, сие взаимное сотерзание страстей, гибель невинности, торжество порока...». Для Глинки лидеры якобинцев: Робеспьер, Кутон, Марат и другие достойны только «беспредельного омерзения». Подобное отношение к якобинцам было весьма распространено среди членов тайного общества, чьи взгляды не отличались радикализмом.

Термин «якобинец», как и «вольерьянец», имел в России в начале XIX в. неоднозначное содержание. С одной стороны, он, как и во времена Французской революции, многими воспринимался как синоним кровожадности, жестокости. «Я никогда не был заговорщиком, якобинцем», – говорил декабрист Н.И. Лорер на допросе у Николая I. С другой стороны, и это важно отметить, понятие «якобинец» нередко отождествлялось передовыми кругами с политическим свободомыслием. Тот же Лорер, описывая обстановку на Кавказе после восстания декабристов, замечал: «Повсюду правительство видело либералов или якобинцев»²⁰. Характерно отношение к этому понятию Н.И. Тургенева: «Думая о несправедливости или нелепости, с каковою в России обвиняют в якобинизме многих здравомыслящих людей, мне пришло на мысль, что в сем смысле можно сказать, *que le jacobinisme est le luxe de la liberte*»²¹. Хорошо осведомленный о деятельности «Союза благоденствия», М.К. Грибовский сообщал в доносе 1821 г. о Н.И. Тургеневе: он «гордится званием якобинца, грезит гильотиною»²². А.С. Пушкин, упомянув о неприятии некоторыми членами тайных обществ монархической концепции «Истории государства российского» Карамзина, заметил: «Молодые якобинцы негодовали».

Нельзя пройти мимо оценок Французской революции, вышедших из более радикальных кругов членов тайных

обществ. Для руководителя Южного общества П.И. Пестеля была очевидна необходимость и жизненность революционных преобразований во Франции. «Возвращение Бурбонского Дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии, – показывал декабрист на следствии, – могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал разсуждать что большая часть Коренных Постановлений введенных Революциею были при Ресторации Монархии сохранены и за благие Вещи признаны». В том, что революция может быть «весьма полезна», Пестель утверждался, по его словам, и тем рассуждением, что «те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ». Вместе с тем Пестель критиковал незавершенность некоторых социальных мероприятий, предпринятых во время революции, «нерешимость одной цели, непрочности в достижении ее и основании»²³.

Для многих дворянских революционеров в России, стремившихся осуществить переворот «посредством войск», Французская революция давала обширный материал для размышлений и в этом направлении. Членов тайных обществ особенно страшила мысль о мятежах и анархии после переворота. Многие осуждали казнь короля, но были и сторонники этого акта. Последние приводили в пользу своей точки зрения «то междуусобную войну, то *ресторацию* и *возмездие* неминуемым последствием... умеренности»²⁴, то неизбежность Вандеи.

Угроза массового террора явственно возникала перед членами тайных обществ при поисках ими путей революционного переустройства общества. В определенной степени именно опыт Французской революции заставлял П.И. Пестеля видеть в будущей диктатуре временного революционного правительства не только способ осуществления социальных преобразований, но также и гарантию от возможных «междоусобий». «Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, – писал декабрист на следствии, – заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие-то произвело во мне впоследствии мысль о временном правлении и о его необходимости».

Временное революционное правительство, замышляемое Пестелем, должно было оградить, с одной стороны, от «ужасов безначалия», с другой – от любых контрреволюционных попыток²⁵.

Идеи, рожденные в эпоху Французской революции, своеобразно трансформировались в мировоззрении декабристов. Нельзя не вспомнить об интересном документе раннего декабризма – утопии «Сон», принадлежавшей перу близкого к «Союзу благоденствия» А.Д. Улыбышева. В идеальном обществе, которое должна представлять собой Россия через триста лет после революции, царит равенство граждан, нет сословий, господствует поклонение единому божеству. В нем, по тонкому наблюдению М.В. Нечкиной, «легко разглядеть культ верховного существа из истории революционной Франции»²⁶.

Французская революция несла духовное освобождение, пробуждала благородные чувства, звала к активной деятельности – так оценивал это время один из руководителей Южного общества С.И. Муравьев-Апостол. Этим мыслям созвучны положения знаменитой парижской речи В.К. Кюхельбекера (1821), в которой излагалась декабристская концепция исторического развития, утверждалась вера в большое будущее русского народа. «Для нас наступило время, – заявлял поэт, – когда для всех народов существенно взаимное знакомство, знание того, до какой степени развились среди них идеи, порожденные веком и просвещением, идеи, которые совершают в настоящую минуту великий переворот в духовной и гражданской жизни человеческого рода и пророчат еще более значительную и всеобщую перемену». «Под эгидой чести и гостеприимства французской нации, – звучало с трибуны, – я могу без боязни провозглашать эти истины, равно и живо чувствуемые всеми, кто в разных странах Европы предпочитает свободу – рабству, просвещение – мраку невежества, законы и гарантии – произволу и анархии»²⁷. Современники вспоминали, что в своей речи Кюхельбекер говорил «о свободе и духе революции, желая вызвать сочувствие у французов».

История Французской революции оставалась в поле зрения последующих поколений русских людей. В 1918 г. историк

Н.И. Кареев заметил, что с появлением в России революционных настроений «русские люди стали всматриваться в эту революцию, чуя, что нечто подобное не минует и Россию, и даже будучи уверены в том, что это был единственный путь для ликвидации старого порядка. В течение целого века такое настроение, хотя и медленно, хотя и с перерывами, все более и более нарастало. Какие бы чувства при этом не возбуждались – чувства эгоизма, надежды, опасений, прямого страха – эпоха привлекала к себе внимание все большего и большего количества русских людей²⁸».

¹ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 60.

² *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.

³ *Semenova Anna.* La réception par Karamzin de la Révolution française et la tradition libérale russe du début du XIXe siècle // *Nikolaï Karamzin en France: L'image de la France dans les "Lettres d'un voyageur russe"*. Paris: Institute d'Études Slaves, 2014. P. 219–226.

⁴ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 553.

⁵ *Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 194.

⁶ *Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 342.

⁷ *Карамзин Н.М.* Мелодор к Филарету // *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. М., 1964. Т. 2. С. 247.

⁸ *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.

⁹ *Его же.* Избранные сочинения. М., 1964. Т. 2. С. 247.

¹⁰ *Его же.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 453, 454.

¹¹ *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 261.

¹² *Пнин И.П.* Сочинения. М., 1934. С. 124.

¹³ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., МСМXXX [1930]. С. 462–463.

¹⁴ Цит. по: *Семенова А.В.* Великая французская революция и Россия. М., 1991. С. 35.

¹⁵ Так же. С. 36.

¹⁶ Каторга и ссылка. 1933. Кн. 2 (99). С. 108.

¹⁷ *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа; Политические сочинения; Пись-

- ма. М., 1963. С. 56.
- ¹⁸ *Щеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 170.
- ¹⁹ Опубликовано нами в XX томе документальной серии «Восстание декабристов» (М., 2001, с. 122).
- ²⁰ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 89, 225.
- ²¹ «Что якобинизм является высшем проявлением свободы» (*фр.*) (Архив братьев Тургеневых. СПб., 1913. Вып. 3: Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 г. Т. 2. С. 292).
- ²² Декабристы. Отрывки из источников. М.; Л., 1926. С. 115.
- ²³ Восстание декабристов: материалы. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 90; Восстание декабристов: документы. М., 1954. Т. XI. С. 75.
- ²⁴ Восстание декабристов: документы. М., 1950. Т. IX. С. 91. См. также: Там же. С. 90.
- ²⁵ *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 11–16.
- ²⁶ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 245.
- ²⁷ Литературное наследство. М., 1954. Т. 59: Декабристы-литераторы. С. 374.
- ²⁸ *Кареев Н.И.* Французская революция и Россия // Нива. Пг., 1918. № 18. С. 279.

Журнал
«Русское сельское хозяйство»
(1869–1876) как источник по аграрной
истории пореформенной России

Российская экономическая печать пореформенной эпохи давно привлекает пристальное внимание отечественных исследователей, изучавших ее материалы либо в контексте социокультурного, аграрно-промышленного и торгово-финансового развития страны в целом и ее отдельных регионов¹, либо в связи с историей тех или иных периодических изданий². При этом в ряде работ рассматриваются сложные и противоречивые вопросы эволюции печатных изданий, выходявших под эгидой Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ) – старейшего отечественного сельскохозяйственного общества, действовавшего с 1820 по 1930 г. и сыгравшего значительную роль в аграрной модернизации страны³. В этих трудах нашли отражение такие вопросы, как издательская деятельность общества в 1820–1917 гг.⁴, его вклад в развитие российской кооперации и общественного движения⁵ и др.

В то же время в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные источниковедческому анализу материалов одного из ключевых периодических изданий ИМОСХ XIX столетия – журнала «Русское сельское хозяйство». Исключение составляет небольшая обобщающая статья, опубликованная в 2009 г. на страницах энциклопедического издания по экономической истории дореволюционной России⁶.

Журнал «Русское сельское хозяйство» издавался Императорским Московским обществом сельского хозяйства в Москве в 1869–1876 гг. в качестве специализированного сельскохозяйственного печатного органа общества. Первоначально он выхо-

дил раз в два месяца, а в 1876 г. – ежемесячно. Редактором этого издания был авторитетный исследователь-аграрник М.В. Неручев⁷ (в 1868–1870 гг. совместно с И.А. Стебутом, в 1871 г. – с другим видным ученым А.П. Людоговским). Главной целью журнала редакция считала оказание помощи «сельским хозяевам» (главным образом, мелким и средним землевладельцам) в том, чтобы повысить доходность имений путем строгой рационализации хозяйственной жизни. В первом же номере члены редакции подчеркнули, что «потребность читателей» своего журнала они понимают следующим образом: «...русскому, как и всякому другому хозяину, необходимо средство сделать свое имение... более доходным, чем оно было. Отыскать же такое средство в каждом... частном случае можно лишь при знании общих оснований сельского хозяйства»⁸. При этом отмечалось, что в России эта задача особенно трудна, поскольку здесь «хозяин, задумавший улучшение, стоит часто один без разумных примера и совета... чем за границей, где человеку новому в деле хозяйства может помочь сведущий сосед»⁹. Таким образом, – делали вывод эксперты-аграрники, – «основательные знания дает лишь наука», которая, прежде всего, учит «критической оценке» различных улучшений применительно к местным условиям¹⁰.

Итак, главная задача нового сельскохозяйственного журнала, по мнению членов редакции, заключалась в том, чтобы «знакомить русских сельских хозяев в возможно доступной для каждого образованного человека форме, с основаниями сельского хозяйства во всех его отраслях и рассматривать современные сельско-хозяйственные вопросы... на научных основаниях»¹¹.

Журнал состоял из четырех отделов. В первом отделе публиковались разнообразные статьи, посвященные практическим вопросам аграрной рационализации: вольнонаемному труду, аграрной технологии, животноводству и др. Второй отдел включал правительственные распоряжения, годовые и полугодовые обзоры по всем отраслям сельского хозяйства: земледелию, скотоводству, «сельско-хозяйственной механике», садоводству, огородничеству, «сельско-хозяйственной экономии» и

пр., а также освещал наиболее значительные события общественной жизни. Третий отдел был библиографическим, а четвертый содержал материалы, касавшиеся различных направлений научно-теоретической и организационной деятельности ИМОСХ и состоявших при нем комитетов: отчеты, журналы заседаний, программы и т.п. Выделялась постоянная рубрика М.В. Неручева «Сельскохозяйственное обозрение», посвященная проходившим в России сельскохозяйственным выставкам и тому подобным событиям. Журнал печатал также коммерческие объявления (в том числе о продаже земельных орудий и машин). В приложении к нему публиковались ценные хозяйственные инструкции и руководства¹².

С журналом «Русское сельское хозяйство» активно сотрудничали ведущие отечественные ученые-аграрники, в основном, входившие в профессорско-преподавательский состав Петровской земледельческой и лесной академии¹³: А.И. Астауров, Н.В. Верещагин, Н.П. Горбунов, П.А. Ильенков, И.Я. Ковалевский, К.Э. Линдеман, А.П. Людоговский, А.А. Рихтер, И.Н. Шатилов и др.

Важное научно-практическое значение имела публикация статей М.В. Неручева и И.А. Стебута, особое внимание в которых обращалось на соединение достижений российской и зарубежной аграрной науки с практикой отечественного сельского хозяйства, а также на необходимость практической земской аграрной деятельности.

Уже в первом номере журнала появилась статья М.В. Неручева, посвященная особенностям рационализации помещичьих имений. В ней подчеркивалось, что «под именем устроенного хозяйства разумеется такое, в котором все отрасли, составляющие хозяйственный организм, развиты соответственно и *в видах достижения наибольшего дохода*»¹⁴. Подробно рассматривались «производительные силы» «сельскохозяйственного промысла»: земля, труд и капитал. Большое место ученый уделил и анализу роли климата, отметив при этом: «...мы не можем признать за климатом, каков бы он ни был, способности препятствовать улучшению хозяйства...»¹⁵. Эти выводы имели важное значение, поскольку в тот период (да и впоследствии) в

России нередко преувеличивалось значение природно-климатических условий хозяйствования, а роль самих хозяйственных новаций и многолетней деятельности отечественных рационализаторов, соответственно, преуменьшалась. М.В. Неручев, подвергнув аргументированной критике такой подход, смело заявил: «Климат – есть среда, в которой хозяин действует. ...Наука, знание специальное – средство противопоставлять неблагоприятностям среды (климата) деятельность, ведущую к достижению цели хозяйствования»¹⁶. Кроме того, в его работе подробно описывались конкретные способы ведения рентабельного хозяйства, включая развитие выгонного хозяйства и рационального луговодства¹⁷.

Отметим, что именно М.В. Неручев выдвинул важную инициативу об учреждении института губернских агрономов¹⁸ (на основе работы земских учреждений), что явилось отправным пунктом в многолетнем пути по организации в Российской империи *общественной агрономии*¹⁹. Эти усилия принесли весомые результаты к концу XIX в.²⁰, однако свое завершение эта подвижническая работа получила лишь в годы столыпинских аграрных реформ²¹.

Поскольку главной аграрной отраслью России было земледелие, именно ему по праву уделялось наибольшее внимание на страницах журнала. Прежде всего, это относилось к активной пропаганде передовой аграрной техники и технологии²². В освещении этих важных вопросов также внес значительный вклад возглавлявший редакцию журнала М.В. Неручев²³. Выделим, в частности, его работу, посвященную, пожалуй, одной из наиболее значимых для русских сельских хозяев проблеме – рациональной организации сельской усадьбы²⁴. В этой статье успешно решалась следующая задача – объяснить помещикам, как разместить сельскохозяйственные постройки, чтобы «наиболее удовлетворять всей цели хозяйства – достижению наибольшего дохода»²⁵.

Кроме того, в журнале с научных позиций освещался ряд земледельческих вопросов, ранее почти не входивших в поле зрения сельских хозяев: о фермах как способе рациональной организации хозяйств²⁶; о принципиально новых образцах аг-

рарной техники, «уходе» за нею²⁷ и ее испытаниях²⁸; о наиболее оптимальных формах и методах выращивания и обработки различных сельскохозяйственных культур²⁹ и др. Обращалось также внимание на настоятельную необходимость организации в России доступного земледельческого кредита³⁰, в первую очередь, долгосрочного³¹.

Особое место отводилось в журнале материалам, затрагивавшим коренные причины «слабой производительности» как русского земледелия, так и всей аграрной отрасли страны. При этом обращалось внимание не только на привычные объяснения отставания от ряда зарубежных стран (острый недостаток средств, неумение перестроить хозяйство и пр.), но и на такие, как слабая переработка отечественного сельскохозяйственного сырья³², постоянная зависимость внутреннего рынка от международного спроса на сырье (прежде всего, на хлеб)³³ и др. Подчеркивалась также исключительно важная роль железнодорожного строительства и создания разветвленной сети железных дорог в целом в деле усовершенствования русского сельского хозяйства³⁴. Отметим, что главные надежды на быстрое развитие аграрного строя Российской империи зачастую возлагались не на усилия отдельных новаторов, а, прежде всего, на *правительство*, принимая во внимание создавшиеся в стране условия – «невозможность частной инициативы, вследствие неподготовленности частных сил...»³⁵.

Второй важнейшей отраслью сельского хозяйства, проблемы которой нашли подробное отражение на страницах журнала, являлось *животноводство*, интерес к которому в первые пореформенные десятилетия заметно увеличился. В конце 60-х – первой половине 70-х годов XIX в. в «Русском сельском хозяйстве» был опубликован целый ряд содержательных работ, в которых рассматривались как общие зоотехнические вопросы³⁶, так и конкретные аспекты, важные для рационального улучшения животноводческих хозяйств: выращивание и воспитание молодняка³⁷, развитие скотоводства при различных системах хозяйства³⁸, передовые технологии³⁹, сбыт продукции⁴⁰ и др. Анализировались также особенности «скотоводства и скотопромышленности» в отдельных губерниях и краях Россий-

ской империи⁴¹. Особое внимание обращалось на достижения отечественных хозяев-новаторов (И.А. Бабина, Д.А. Путяты и др.) по выведению новых пород русского скота и улучшению уже существующих⁴², что имело огромное значение для подъема отечественного животноводства, зачастую страдавшего от неоправданного увлечения хозяев «зарубежными породами» скота⁴³.

Материалы журнала свидетельствуют о том, что усилия, направленные на рационализацию отечественного животноводства, уже спустя полтора десятилетия после крестьянской реформы начинают приносить хорошие результаты, прежде всего, в *крестьянских хозяйствах*⁴⁴.

Вместе с тем, на этой работе негативно отражались особенности национального хозяйственного менталитета: неоправданный максимализм, поспешность в деле внедрения новаций, игнорирование вопросов организации труда и быта и др.⁴⁵

Принципиально важным был настойчиво пропагандируемый ученым вывод о необходимости тяжелой, но необходимой *внутренней, самостоятельной* работы, включая представителей всех сословий России⁴⁶. Размышляя над сложным вопросом о причинах отсталости крестьянского хозяйства, авторитетный аграрник подчеркнул: «Какими собственно ресурсами живет крестьянство на Руси, сказать трудно... Как решает эту задачу крестьянин на своей практике – Господь его знает, известно только то, что в настоящее время он живет, или лучше сказать кормит скот свой на счет будущего, забирая вперед, запрягаясь на работу будущего лета...»⁴⁷. Общий его вывод был весьма пессимистичен: «Выигрыш хозяйства, получаемый от приобретения дешевой задельной платы, становится действительным выигрышем лишь тогда, когда плата эта устанавливается свободною конкуренцией, а не тогда, когда низкая плата за труд определяется одной крайнею необходимостью снискать насущное пропитание...»⁴⁸, как это имеет место в Центральной России.

Таким образом, читатель приходил к следующему выводу: о развитии *полноценных* буржуазных отношений в русском сельском хозяйстве говорить не приходится; крестьянин по-

прежнему находился *в кабале* и у природных стихий, и у государства, и у архаичных традиций общины⁴⁹, и у землевладельцев...

В журнале также был опубликован ряд ценных материалов, касающихся развития других аграрных отраслей: лесоводства⁵⁰, шелководства⁵¹ и др.

Отметим и вышедшие в 1870 г. содержательные обозрения М.В. Неручева и Н.П. Горбунова, касающиеся государственного аграрного законодательства⁵².

На страницах «Русского сельского хозяйства» был также опубликован ряд ценных материалов, касающихся аграрного опыта, накопленного в отдельных помещичьих хозяйствах. Так, отметим сделанное в 1869 г. подробное описание сельскохозяйственных опытов, проведенных в имении кн. В.И. Васильчикова в с. Трубетчино Лебедянского у. Тамбовской губ.⁵³ Примечательно, что работы по рациональной перестройке этого хозяйства (включая вольнонаемный труд) начались еще *до* отмены крепостничества (редкий случай в истории Центральной России)⁵⁴. В целом же, введение рациональных методов хозяйствования позволило помещику за 10 лет *вдвое* увеличить средний годовой доход от имения: с 14 350 р. в 1851–1861 гг. до 28 800 р. в 1864–1869 гг.⁵⁵ Как он сам подчеркнул, «такое выгодное для имения изменение произошло... именно от уничтожения крепостного права и благих его последствий»⁵⁶.

В журнале также уделялось внимание и сельскому хозяйству окраинных губерний и краев России, включая Западную Сибирь⁵⁷ и Бессарабию⁵⁸.

Поскольку журнал издавался ИМОСХ, с первых же номеров в нем размещалась разнообразная информация о деятельности общества, и, в первую очередь, материалы о регулярных заседаниях его членов – ценный источник по истории пореформенной аграрной рационализации⁵⁹.

В разделе «Новые книги» регулярно публиковались содержательные обзоры как российских⁶⁰, так и зарубежных⁶¹ сочинений, касающихся *практической* аграрной рационализации, что имело для сельских хозяев особую значимость. Наряду с работами, посвященными особенностям хозяйствования в гу-

берниях Центральной России, анализировались также книги о сельском хозяйстве «окраин» огромной евразийской державы: так, обращает на себя внимание рецензия на книгу Н.Н. Раевского «О развитии и улучшении культуры хлопчатника в России и соседних с ней среднеазиатских ханствах» (СПб., 1869)⁶². При этом, как правило, учитывались не только хозяйственные, но и *геополитические* интересы страны: например, в рецензии на данную работу отмечалось, что указанной теме «нельзя не сочувствовать в виду усиливающегося заселения Кавказа в виду тех выгод, которые... может доставить нашему отечеству разведение хлопка в названных местах»⁶³.

Что же касается информации о западноевропейском аграрном опыте, то она публиковалась в «Русском сельском хозяйстве» сравнительно редко⁶⁴; в основном, здесь размещались материалы, посвященные *отечественному* аграрному опыту.

Большое внимание уделялось такой злободневной проблеме, как борьба с архаичными обычаями, свойственными как русским помещикам, так и крестьянам⁶⁵. Вместе с тем, на страницах «Русского сельского хозяйства» нашла отражение и острая *конкурентная борьба* между различными аграрными печатными изданиями пореформенной России. Так, в ряде случаев резкой критике подвергалась «Земледельческая газета» (сыгравшая важную роль в развитии хозяйственного просвещения в России⁶⁶) и ее справочные издания, что, помимо содержательных аспектов (различными подходами к решению аграрных проблем), было обусловлено, прежде всего, столкновением коммерческих интересов (борьбой за читателя).

С 1874 г. журнал выходил «в измененной форме»: его основное направление осталось прежним, однако, появился новый важный отдел – «Смесь», посвященный обзору наиболее злободневных аграрных событий в России⁶⁷.

Всего же за 8 лет издания журнала «Русское сельское хозяйство» в нем было напечатано 317 статей, принадлежащих 102 авторам; при этом безусловным лидером был М.В. Неручев, опубликовавший 100 работ – почти третью часть всех статей⁶⁸!

Журнал дополнительно выпустил несколько ценнейших аграрных изданий, в том числе книгу «патриарха русского садоводства» Р.И. Шредера «Хмель и его разведение в России и за границу» (М., 1875; 4-е изд.: СПб., 1895) и сочинение Н.А. Веселовского «Лен и его обработка» (М., 1875; работа была удостоена золотой медали ИМОСХ). Все эти издания можно было свободно приобрести в книжных магазинах страны. Цена же на годовой комплект самого журнала «с пересылкою и доставкой на дом» составляла в Москве (где проживали многие подписчики) 8 р., «без пересылки» – 7 р. 50 к.⁶⁹ Отдельные «книжки» (за тот или иной месяц) продавались по 1 р. Характерно, что, в отличие от большинства других аграрных изданий того времени, журнал регулярно размещал на своих страницах материалы, касающиеся не только чисто-хозяйственных (прагматично-деловых), но и *социокультурных* (в современном понимании) вопросов⁷⁰. Главная заслуга в этом принадлежала М.В. Неручеву, который, анализируя отечественную экономическую литературу, отмечал: «Для многих, очень многих писателей, трактующих о предметах, где первая роль принадлежит русскому рабочему, – земледельцу или фабричному, – личность и житейская обстановка этого последнего составляет неизвестную землю»⁷¹. Вместе с тем, как полагал руководитель журнала, «первоначальной (народной) школе нет нужды превращаться в сельскохозяйственную: *сельское хозяйство в такой школе должно быть не целью, а средством...*»⁷².

Что же привлекало наибольшее внимание сотрудников журнала в деле усовершенствования аграрного строя России? Ответ на этот ключевой вопрос был дан ими вполне определенно: «Успехи сельского хозяйства немислимы без средств распространения о нем *рациональных сведений*; без соответствующей *организации труда*, допускающей рациональное ведение дела, без *обмена фактами, наблюдениями и обсуждения их*»⁷³. Поэтому закономерно, что основные интересы экспертов-аграрников «Русского сельского хозяйства» сосредоточились, прежде всего, на вопросах, касающихся «практических потребностей» в организации сельскохозяйственных школ, съез-

дов и обществ, а также «мер снабжения рабочею силою» и «средствах улучшения хозяйства общинников»⁷⁴.

Однако не только решить эту сложную задачу, но даже непосредственно приступить к ее реализации аграрникам было не суждено. В конце 1876 г. издание журнала прекращается, поскольку он во многом опередил свое время, появившись в период, когда в России еще не были выработаны магистральные пути дальнейшего развития сельского хозяйства, а массовое сознание основной части землевладельцев (главных читателей журнала) оказалось не готово к восприятию строго научного аналитического материала.

Как отмечал впоследствии член МОСХ К.Д. Корсаков, «читатель предъявлял требование рецептурности, чего, конечно, серьезный журнал, стоящий на почве научности, дать не мог»⁷⁵. В результате число подписчиков этого печатного издания сократилось с 387 человек в 1869 г. до 198 человек в 1876 г.⁷⁶ Фактической поддержки со стороны ИМОСХ своему же печатному изданию оказано не было; при этом аграрники, не пожелавшие сотрудничать с журналом, способствовали формированию негативного общественного мнения о нем⁷⁷.

Основная же причина закрытия журнала заключалась в том, что главное хозяйственно-просветительское направление «Русского сельского хозяйства», связанное с акцентом на *аграрную науку*, вступило в резкое противоречие с определяющим вектором развития российской сельскохозяйственной жизни. В стране начинает активно формироваться буржуазный аграрный рынок, развитие которого в условиях сокращавшихся возможностей для ведения экстенсивного хозяйствования⁷⁸ приобретало все большую значимость. Однако ни крестьянство, ни дворянство оказались не в состоянии стряхнуть с себя «узы крепостничества» (хозяйственные, социальные и эмоционально-психологические)⁷⁹. Так, преобладавшая при крепостном праве чересполосица, (против которой боролись многие члены ИМОСХ) являвшаяся огромным препятствием на пути аграрной рационализации, не только сохранилась, но и была, по меткому замечанию исследователя И.А. Христофорова, «катастрофически увеличена» отрезками, что привело (применительно к

крестьянству) к резкому увеличению отработок и арендной платы за землю⁸⁰. Что же касается помещиков-землевладельцев, то государство *так и не оказало* им эффективной поддержки, включая организацию системы краткосрочного кредита.

Эти недостатки вызывали недовольство со стороны представителей самых разных сословий русского общества. Не случайно еще М.М. Сперанский прозорливо предупреждал: «Разрушив прежний порядок вещей, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок, вновь установленный, не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут»⁸¹.

После объявления Крестьянской реформы никаких реальных шагов навстречу интересам крестьянского хозяйства так и не последовало; более того, – власти, опасаясь «пролетаризации» русского крестьянства, всячески укрепляли архаичные общинные традиции⁸².

Фактически, такой курс объективно поддерживал сохранение хозяйственной рутины и отсталости в русской деревне.

На негативные последствия крестьянской реформы 1861 г. неоднократно указывал и выдающийся отечественный рационализатор А.Н. Энгельгардт⁸³.

Большие трудности испытывали владельцы помещичьих усадеб. Не случайно наиболее быстро приспособились к пореформенной эпохе представители не старшего, а *младшего* (более энергичного) поколения поместного дворянства⁸⁴.

Примечательно, что в деятельности Императорского Московского общества сельского хозяйства в пореформенный период на передний план выдвигаются люди с *буржуазным* менталитетом, которых отличали предприимчивость, прагматизм и жесткая «деловая хватка». Меняется и профессиональный состав общества: на смену помещикам-рационализаторам постепенно приходят *ученые-аграрники, агрономы и кооператоры*. Именно такие люди и проявляли высокую общественную активность в первые пореформенные десятилетия,

составив редакцию журнала «Русское сельское хозяйство», однако, их усилия вступили в острое противоречие с преобладающим характером новой «рыночной» эпохи: «научные основы» сельского хозяйства еще не были востребованы.

Несмотря на весьма короткий период существования журнала «Русское сельское хозяйство», он сыграл важную роль в истории аграрной рационализации пореформенной России, наглядно продемонстрировав как наиболее научно-оптимальные формы и методы перестройки помещичьих хозяйств на буржуазных основах, так и огромные финансовые, экономические и социокультурные трудности, возникающие на этом пути и во многом связанные с сохранением «феодальных пережитков» крепостнической эпохи⁸⁵. Опубликованные на его страницах разнообразные материалы являются ценным источником по истории не только отечественной аграрной мысли и практики второй половины XIX в., но и российской сельскохозяйственной рационализации в целом, ее успехах и неудачах в условиях перехода от архаичного хозяйствования в рамках феодальной вотчины к «свободному плаванию» в опасных водах формирующегося буржуазного аграрного рынка.

¹ *Мохначева М.П.* И.В. Вернадский и его журнал «Экономический указатель» о развитии фермерских хозяйств в России // *Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы* / отв. ред. Л.В. Милов. Вологда, 2001. С. 172–182; *Козлов С.А.* : 1) *Российская экономическая печать о развитии сельского хозяйства Подмосковья в 1861–1894 гг.* // *Проблемы истории Московского края: тез. докл. 4-й регион. науч. конф., посвящ. 75-летию образования Московской обл. (Москва, 25 февр. 2004 г.)* / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2004. С. 68–70 ; 2) *Аграрная рационализация Центрально-Нечерноземной России на страницах отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в.* // *Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: памяти проф. А.А. Преображенского: сб. ст. / отв. ред. А.В. Семенова. М., 2007. С. 344–381; Шевлякова В.В.* «Новые технологии» на страницах сельскохозяйственных журналов в конце XIX – начале XX вв. // *Модернизация в России: экономика, политика, культура: сб. мате-*

- риалов Всерос. науч. конф., 4–5 мая 2009 г. СПб., 2009. Вып. 2. С. 68–71.
- ² См.: *Акопов А.И.* Отечественные специальные журналы, 1765–1917. Ростов н/Д, 1986. С. 80–104; *Козлов С.А.* «Сельский хозяин» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2009. Т. 2. С. 643–644; и др.
- ³ Подробнее см.: *Козлов С.А.* : 1) Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии) / отв. ред. А.В. Семенова. М., 2002. С. 344–383 ; 2) Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период: (по материалам экон. печати) / отв. ред. В.Я. Гросул. М., 2008. С. 274–294, 320–325 ; 3) Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экон. печати. М., 2012. С. 104–106, 346–347, 364–371; *Куреньшев А. А.* Сельскохозяйственная столица России: очерки истории Моск. об-ва сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М., 2012.
- ⁴ *Нохрина В.А.* Издательская деятельность Московского общества сельского хозяйства (1820–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- ⁵ *Дударев М.И.* Московское общество сельского хозяйства в общественном и кооперативном движении (1895 – 1908 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; и др.
- ⁶ *Козлов С.А.* «Русское сельское хозяйство» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2009. Т. 2. С. 568–569.
- ⁷ См. о нем: *Его же.* Неручев Михаил Васильевич // Там же. С. 59–60.
- ⁸ От редакции // Русское сельское хозяйство. 1869. Т. 1, № 1. С. 3. Далее: РСХ.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 5.
- ¹¹ Там же. С. 6.
- ¹² См., напр.: *Стебут И. А.* Возделывание льна // РСХ. 1872. № 1–6. Прил.
- ¹³ Подробнее о ее деятельности в этот период см.: *Баутин В.М., Казарезов В.В.* Петровская (Тимирязевская) академия: начало (1865–1873). М., 2005. Т. 1.
- ¹⁴ *Неручев М.В.* Общие условия улучшения хозяйств // РСХ. 1869. Т. 1, № 1. С. 9.
- ¹⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 39–41.

- ¹⁸ Подробнее см.: *Плаксин В.Н., Пыльцина М.В.* История сельскохозяйственных обществ Воронежской губернии и их влияния на производственную культуру крестьян (конец XVIII – нач. XX вв.). Воронеж, 2007. С. 153–154.
- ¹⁹ См.: *Шорыгин Д.* К столетию Московского общества сельского хозяйства // Вестник сельского хозяйства. М., 1920. № 4. С. 7. Далее: ВСХ; *Тейтель А.В.* Агрономическая помощь населению на путях своего развития: ист.-методол. очерк. М., 1929. С. 5–8.
- ²⁰ Так, по данным воронежских исследователей, в период с 1891 по 1897 г. количество сельскохозяйственных организаций, учрежденных при земствах, возросло в 13 раз: *Плаксин В.Н., Пыльцина М.В.* Указ. соч. С. 154.
- ²¹ См.: *Овчинцева Л.А.* Общественная агрономия в России: теория и практика (конец XIX – нач. XX в.): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1995; *Ефременко А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России ... С. 275–292.
- ²² См. наиболее значимые из этих публикаций: *Коссов И.К.* Обзорение по сельскохозяйственной технологии // РСХ. 1869. Т. 1, № 1. С. 138–163 (особое внимание обращалось на развитие винокурения и сахароварения: Там же. С. 153–163); 1870. Т. 4, № 2. С. 333–362; *Стебут И.А.* : 1) Культура растений, ее основания и средства // Там же. Т. 1, № 1. С. 69–100; № 2. С. 244–267 ; 2) Обзорение по земледелию // Там же. Т. 2, № 3. С. 133–163 ; 3) Истощение и удобрение почвы // Там же. С. 3–35; *Ильенков П.А.* Влияние на клевер различного помещения в почве удобрительных веществ // Там же. Т. 1, № 1. С. 100–107; *Шатилов И.Н.* Введение гогенгеймского плуга в хозяйстве с. Мохового // Там же. Т. 1, № 2. С. 370–375; Приглашение г. Христофорова г-м сельским хозяевам, желающим видеть земледельчество и иметь сведения о почвообработке моего изобретения // Там же. Т. 2, № 4. С. I–II (Объявления); *Филипченко А.Е.* О зерносушильнях // Там же. С. 280–286; и др.
- ²³ *Неручев М.В.* : 1) Зерносушилка // Там же. 1870. Т. 5, № 5. С. 116–119 ; 2) Посевное зерно // Там же. № 8. С. 7–26 ; 3) Отчего у нас дороги сельскохозяйственные орудия и машины // Там же. 1874. Т. 16, № 2. С. 57–67 ; 4) Бороны, заменяющие говардовские и валькуровские бороны // Там же. № 9. С. 61–65 ; 5) Изменения, сделанные в скоропашке, изготовляемой в мастерской хутора // Там же. С. 65–68 ; 6) Углубление пахатного слоя, как простейшее средство улучшения урожаев в средних черноземных губерниях России // Там же. 1876. Т. 26, № 8. С. 44–53 ; 7) Плуг // Там же. № 9. С. 87–

- 110; № 10–11. С. 174–182 ; 8) Многокорпусные и многолемешные пахотные орудия // Там же. С. 61–76; и др.
- ²⁴ *Неручев М.В.* Основания для устройства сельскохозяйственной усадьбы // Там же. 1870. Т. 5, № 4. С. 276–302.
- ²⁵ Там же. С. 277.
- ²⁶ *Пухов А.Т.* Фермы или образцовые хозяйства // Там же. 1874. Т. 19, № 10–12. С. 60–69; *Филипченко М.Е.* Образцовые фермы при местных сельскохозяйственных обществах // Там же. 1876. Т. 24, № 4. С. 53–62; и др. Отметим важный вывод М.Е. Филипченко, который подчеркнул, что «только тогда и возможно ожидать успеха от местных сельскохозяйственных обществ с образцовою фермою, когда эта последняя будет организована хотя частью на средства местных хозяев и следовательно будут для них делом, в котором они будут лично заинтересованы»: Там же. С. 62.
- ²⁷ *Леонтовский М.* Зерносушилка // Там же. 1870. Т. 5, № 5. С. 111–116; *Рихтер В.М.* Локомобили, их устройство и уход за ними // Там же. 1872. Т. 10, № 2. С. 287–335; и др.
- ²⁸ Первое состязание плужных пахарей. Отчет Комиссии по устройству состязания // Там же. 1870. Т. 6, № 6. С. 308–320 (о состязании пахарей на Бутырском учебно-опытном хуторе ИМОСХ); Протоколы испытания, произведенного при Мариинской ферме над степным плугом, устроенным М.В. Неручевым // Там же. 1874. Т. 17, № 6. С. I–II (Прил.); и др.
- ²⁹ О возделывании подсолнечника в России // Там же. 1870. Т. 4, № 2. С. 302–307 (см. также о сочинении Л. Людоговского «Подсолнечник» (СПб., 1870): Новые книги // Там же. С. 369–370); *Безпальчев И.Ф.* Табак // Там же. 1875. Т. 3, № 7. С. 3–23; № 8. С. 1–16; *Смирнов.* Свекловица // Там же. 1876. Т. 26, № 7. С. 3–25; и др.
- ³⁰ *Семенов В.И.* О необходимости в настоящее время земледельческого кредита и меры к его развитию // Там же. 1875. № 4. С. 18–31; Т. 3, № 7. С. 48–62.
- ³¹ См.: Там же. № 4. С. 28, 29.
- ³² *Римский-Корсаков Н.И.* По вопросу о причинах неудовлетворительного состояния сельского хозяйства в России // Там же. 1876. Т. 26, № 9. С. 82.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Неручев М.В.* Обзорение по сельскохозяйственной экономии // Там же. 1870. Т. 6, № 6. С. 323–329.
- ³⁵ Там же. С. 333.
- ³⁶ *Чернопятов И.Н.* Обзорение по зоотехнии // Там же. 1869. Т. 2, № 3. С. 163–200; 1870. Т. 4, № 1. С. 128–152; *Линдеман К.Э.* Материалы для исследования вопроса о породах крупного рогатого ско-

- та в России // Там же. 1870. Т. 17, № 6. С. 1–29; 1875. № 8. С. 29–45; и др.
- ³⁷ *Его же*. Воспитание телят // Там же. Т. 1, № 1. С. 41–68; № 2. С. 221–244; *Хлюдзинский В.* Воспитание крупного рогатого скота, соответственного хозяйственным целям // Там же. 1876. Т. 24, № 4. С. 31–53; № 5. С. 31–62; № 6. С. 20–39; и др.
- ³⁸ *Неручев М.В.* Скотоводство в выгонном хозяйстве // Там же. 1870. Т. 4, № 1. С. 28–59; и др.
- ³⁹ *Андреев В.Н.* Очерк маслобойного производства // Там же. 1870. Т. 4, № 2. С. 252–275; № 3. С. 86–119; № 4. С. 205–255; *Перепелкин А.П.* Шведский или шварцевский способ отстаивания молока // Там же. 1875. № 8. С. 51–73; № 9. С. 30–46; и др.
- ⁴⁰ *Неручев М.В.* Торговля молоком в больших городах и ее влияние на наше скотоводство // Там же. 1870. Т. 26, № 8. С. 26–36; и др.
- ⁴¹ *Соборнов А.А.* О скотоводстве и скотопромышленности в Олонецком краю // Там же. Т. 25, № 6. С. 39–51; и др.
- ⁴² *Астауров А.И.* Удойливость скота туземных русских пород // Там же. 1870. Т. 4, № 2. С. 311–333; № 3. С. 71–86; и др.
- ⁴³ Подробнее см.: *Козлов С.А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период. С. 70–82.
- ⁴⁴ См., напр.: *Перепелкин А.П.* Поездка в Тверскую, Ярославскую, Новгородскую, Олонецкую и Вологодскую губ. с целью изучения скотоводства и его экономического положения // РСХ. 1875. Т. 1, № 1. С. 31–32. Подробнее об итогах поездки см.: Там же. С. 1–32.
- ⁴⁵ См.: *В.Л.* «Нерациональность» нашего хозяйства // Там же. № 11. С. 46–63; № 12. С. 50–66.
- ⁴⁶ *Неручев М.В.* Состояние нашего сельского хозяйства // Там же. № 5. С. 7, 8. Подробнее см.: Там же. С. 5–18.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 86.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Козлов С.А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период. С. 96–99. По мнению ряда исследователей, новая судебная система, сложившаяся в пореформенной России и сохранившая роль обычного крестьянского права, фактически, стимулировала дальнейшее *обособление* крестьянского сословия, не только сохранив, но и *усилив* социокультурное разделение русского социума на «традиционную» и «вестернизованную» части. См., напр.: *Pintner W.* Reformability in the Age of Reform and Counterreform, 1855–1894 // *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects* / ed. by Robert O. Crumney. Urbana, 1989. P. 89–90.

- ⁵⁰ *Собичевский В.Т.* : 1) Обзорение по лесоводству // РСХ. 1869. Т. 1, № 1. С. 108–138 (особое внимание автор обращал на необходимость организации в России «лесохозяйственных опытных станций»: Там же. С. 121–123) ; 2) Заметки по лесной таксации // Там же. 1870. Т. 6, № 5. С. 3–61; № 6. С. 197–241;
- ⁵¹ О распространении шелководства в юго-западных от Москвы губерниях // Там же. 1869. Т. 3, № 6. С. 299–303; *Маслов С.А.* Записки о шелководстве // Там же. С. 304–324; и др.
- ⁵² *Неручев М.В.* Обзорение правительственных распоряжений, касающихся русского сельского хозяйства // Там же. 1870. Т. 4, № 1. С. 152–167; *Горбунов Н.П.* Правительственные распоряжения и узаконения, касающиеся русского сельского хозяйства // Там же. № 2. С. 362–367.
- ⁵³ *Васильчиков В.И.* Несколько слов о вольнонаемном труде в сельском хозяйстве в черноземной полосе России // Там же. 1869. Т. 1, № 2. С. 268–303.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 269–270.
- ⁵⁵ Там же. С. 293.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Якоби А.И.* Поездка в киргизские степи западной Сибири для исследования причин чумы рогатого скота // Там же. 1875. Т. 1, № 1. С. 33–77.
- ⁵⁸ *Перепелкин А.П.* Сельскохозяйственный очерк Бессарабии // Там же. 1874. Т. 16, № 2. С. 44–57. В итоге автор пришел к аргументированному выводу о том, что «должно причислить Бессарабскую область к одним из самых производительных местностей России»: Там же. С. 57.
- ⁵⁹ Журнал Имп. Московского Общества Сельского хозяйства. Заседание 28 нояб. 1868 г. // Там же. 1869. Т. 1, № 1. С. 177–187; Отчет о летних занятиях Совета // Там же. С. 187–196 (Прил.); Журналы заседаний Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства 28 дек. 1868 г., 16 янв. 1869 г. и 30 янв. 1869 г. // Там же. № 2. С. 413–475; Программа съезда сельских хозяев по случаю 50-летнего юбилея Имп. Московского Общества сельского Хозяйства // Там же. 1870. Т. 5, № 4. С. 380–381 (Объявления); Журнал заседаний Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства. Заседание 28 нояб. 1874 г. // Там же. 1874. Т. 5, № 4. С. 77–82; Орудия, приготовляемые в мастерской хутора Московского Общества Сельского Хозяйства // Там же. 1875. № 3. С. 103; и др.
- ⁶⁰ См., напр., анализ работы Н. Шухвостова «Основные начала рационального сельского хозяйства, примененные к северной полосе

- России» (СПб., 1869; ред. проф. Д. Менделеев): Новые книги // Там же. 1869. Т. 2, № 4. С. 395–408.
- ⁶¹ См. также о немецком обобщающем исследовании «Искусственные удобрительные вещества в их национально-экономическом и сельскохозяйственном значении» (Гейдельберг, 1869): Там же. 1870. Т. 5, № 5. С. 152–166.
- ⁶² Там же. Т. 4, № 1. С. 169–170.
- ⁶³ Там же. С. 170.
- ⁶⁴ Горное хозяйство Швейцарии, Альгау и западной Австрии // РСХ. 1875. Т. 2, № 3. С. 23–52; № 4. С. 30–39; Т. 6, № 12. С. 31–50; и др. При этом основное внимание обращалось на большие успехи, достигнутые в области рационального скотоводства в отдельных кантонах Швейцарии.
- ⁶⁵ См., напр.: *Меццерский Н.* О шарлатанстве знахарей и коновалов, и что нужно предпринять, чтобы искоренить это зло // Там же. № 4. С. 31–39.
- ⁶⁶ См.: *Козлов С.А.* : 1) Вопросы аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России на страницах «Земледельческой газеты» XIX – начала XX в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. / отв. ред. С.А. Козлов. М., 2009. С. 231–251 ; 2) «Земледельческая газета» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2008. Т. 1. С. 824–827.
- ⁶⁷ См.: К читателям // РСХ. 1874. Т. 16, № 1. С. 1.
- ⁶⁸ *Корсаков К.Д.* Предшественники «Вестника Сельского Хозяйства»: (периодические издания М.О.С.Х. и его комитетов с 1821 – 1925 гг.): ист.-библиогр. обзор // ВСХ. 1925. № 2. С. 43.
- ⁶⁹ «Русское сельское хозяйство» // РСХ. 1875. Т. 1, № 1. С. 138.
- ⁷⁰ О жилищах рабочих // Там же. 1870. Т. 27, № 10–11. С. 90–101; *Пухов.* Быстро ли идет улучшение сельского хозяйства // Там же. С. 80–90; *Неручев М.В.* Рабочий вопрос и его сущность // Там же. 1875. № 7. С. 81–91; и др.
- ⁷¹ *Неручев М.В.* Сельскохозяйственное обозрение // Там же. 1876. Т. 26, № 7. С. 87.
- ⁷² *Его же.* Книжка для народного чтения и народной школы со введением в них сельскохозяйственного элемента // Там же. 1869. Т. 2, № 3. С. 128. Подробнее о его позиции см.: Там же. С. 124–133.
- ⁷³ От редакции. К интересующимся сельским хозяйством и земским деятелям // РСХ. 1875. № 1. С. 1.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Корсаков К.Д.* Указ. соч. С. 43.
- ⁷⁶ Там же.

- ⁷⁷ См.: М. Заключительное слово редакции // РСХ. 1876. Т. 27, № 12. С. IX.
- ⁷⁸ См. также: *Назаров В.Д., Тагирова Н.Ф.* Сельское хозяйство // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2009. Т. 2. С. 656–657.
- ⁷⁹ Подробнее см.: *Козлов С.А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период. С. 22–137.
- ⁸⁰ *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830 – 1890-е гг.). М., 2011. С. 241.
- ⁸¹ Цит. по: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: ист. портрет М.М. Сперанского. М., 1991. С. 136.
- ⁸² См. также о возврате властей к поддержке единоличной помещичьей власти над крестьянами с целью борьбы с усилившейся «деревенской анархией»: *Frierson C.A.* “I Must Always Answer to the Law...”: Rules and Responses in the Reformed Volost’ Court // *Slavonic and East European Review*. London, 1997. Vol. 75, N 2. P. 313. Как подчеркивает М.А. Давыдов, вместо превращения крестьян в собственников своих наделов «с середины 1870-х гг. был взят курс на закрепление общинного начала в русской деревне», что существенно замедлило темпы аграрной модернизации страны. См.: *Перхавко В.Б.* Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях // *Российская история*. 2012. № 5. С. 216.
- ⁸³ См. также: *Козлов С.А.* Рационализаторская деятельность А.Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // *Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы* / отв. ред. Л.В. Милов. Калуга, 2003. С. 184–193.
- ⁸⁴ См.: *Наумова Г.А.* Дворянские усадьбы Подольского у. Московской губ. в пореформенный период. Перестройка и приспособление к новым экономическим условиям (1861–1917) // *Русская усадьба: сборник О-ва изучения рус. усадьбы* / науч. ред.-сост. М.В. Нащокина. М., 2008. Вып. 13–14 (29–30). С. 219.
- ⁸⁵ Материалы «Русского сельского хозяйства», в целом, подтверждают выводы ряда исследователей о создании после крестьянской реформы 1861 г. «малоподвижной и внутренне противоречивой системы». См.: *Эволюция хозяйства и развитие капиталистического предпринимательства на путях перехода России к рыночной экономике* / В.И. Бовыкин., А.К. Сорокин, Ю.А. Петров, В.В. Журавлев // *Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в.* / ред. А.К. Сорокин. М., 1997. С. 50.

Лесоохранительный закон 1888 г. как фактор экологического и социоэкономического развития России

Социоэкономический прогресс с самого начала XIX в. начал резко менять формы взаимодействия населения и леса. Рост городов и промышленности, прокладка железных дорог, развитие различных промыслов, стремительное освоение новых территорий и как следствие нужда в увеличении пахотного клина, количества строительного материала и топлива – все это превращало лес в один из важнейших источников дохода, в богатство, осознание владением которого пришло очень быстро. Стремительное исчезновение лесов было результатом не только самовольных широких порубок крестьян и отдельных лесовладельцев, «сколько, – как заметил Н.М. Дружинин, – хищнических спекуляций чиновников, вступавших в незаконные соглашения с крупными торговцами»¹. Лесные ресурсы быстро превращались в объект активной купли-продажи и уничтожения. Многие территории в центральных губерниях России, по привычке именовавшиеся лесами, уже представляли собой пустыри-подлески, истощенные варварским использованием. Искусственные посадки леса были малочисленны, а самосев зачастую превращался в места, где пасли скот. Подобная картина наблюдалась и в более южных губерниях, где леса, еще сохранившиеся по оврагам, балкам, на склонах холмов, подвергались систематическому уничтожению.

В 1843 г., в связи с широко известной и трудно терпимой ситуацией, сложившейся в лесном хозяйстве страны, был создан на общественных началах Специальный Комитет по лесной части, куда вошли государственные деятели, имевшие отноше-

ние к лесной отрасли, ученые-лесоводы, элита тогдашней лесной интеллигенции. Программа работы Комитета предусматривала многочисленные мероприятия: устройство лесопитомников, разработка различной тематики по лесному хозяйству, премирование за лесоразведение, организация государственных лесных дач, где предполагалось создание лесокультурных хозяйств. Однако грандиозным планам не суждено было сбыться – Комитет просуществовал всего лишь один год. Позднее, один из бывших лесных ревизоров, председатель Московского отделения Лесного общества П. Жудра писал: «Сопоставляя дело той эпохи, а в особенности тогдашних лесных деятелей, с техническими журналами Специального Комитета, испытываешь почти такое же впечатление, как при чтении походов Дон-Кихота, причем судьба испанского рыцаря невольно напрашивается на сравнение с участью высшего технического учреждения, которое вынуждено проповедовать научные истины и гражданские идеалы среди мрака невежества...»². В 60-е годы XIX в., вскоре после реформы, масштабы и характер лесоистребления достигли невиданных размеров. Это, наконец, привело к осознанию того факта, что проблема лесного фонда переросла ведомственные рамки и превратилась в общегосударственную. Реальные экологические ситуации выводили на авансцену, помимо прежних, совершенно новый аспект этой проблемы – отношение к частному лесному хозяйству. В результате Министерству госимуществ поручалась разработка основ лесоохранительного закона, под положения которого попадали бы все виды лесов, независимо от принадлежности. В 1867 г., после долгих обсуждений в лесном ведомстве, было подготовлено постановление, касающееся в определенной мере и охраны частных лесов. Оно уравнивало стражу частных лесовладельцев с государственной стражей. При этом чинам Корпуса лесничих предоставлялось право заниматься частной лесной службой, не теряя статуса государственного служащего. Постановление предписывало создать должности ревизоров инструкторов, которые могли бы оказывать существенную помощь в правильном устройстве частного лесного хозяйства. Устанавливались премии за лесоразведение, льготный отпуск

семян и саженцев из государственных питомников³. Далее эта инициатива правительства и лесного ведомства не пошла, однако предварительные заметки о содержании будущего лесоохранительного закона стали все чаще появляться в прессе. В отзывах с мест (обсуждение закона на земских и дворянских собраниях) четко звучала мысль об усилении охраны частновладельческих лесов, но только при наличии любого ограничения прав самих лесовладельцев. Эта установка приостановила дальнейшую разработку закона. Однако «лесная» проблема уже овладела общественным сознанием. Не было почти ни одной газеты или журнала, где бы не приводились бесчисленные факты истребления лесов и не предпринимались попытки каким-либо образом объяснить это явление. Одни искали причины сложившегося положения в отсутствии лесотехнических знаний на местах, другие – в стремлении помещиков получения сиюминутной выгоды, дохода тотчас же после продажи леса, наконец, третьи рассматривали расхищение лесных ресурсов как результат многократного увеличения спроса на древесину в итоге крупных сдвигов в социальноэкономическом развитии страны⁴. Последнее, пожалуй, объясняло многое. Для большей точности следовало бы прибавить еще и замечания тех, кто ближе всего стоял к лесному хозяйству. Так, уже упомянутый П. Жудра писал: «...Лесная стража состоит из безграмотных невежественных лиц. ... 45% современных русских лесохозяев-лесничих имеют такое же понятие о рациональном лесном хозяйстве, как об обитателях луны»⁵.

Наконец, в 1875 г., то есть спустя десять лет после принятия решения о разработке лесоохранительного законодательства для всех без исключения лесов, министр госимуществ П.А. Валуев представил в Комитет министров собственный проект положения «О сбережении лесов, имеющих государственное значение»⁶. Комитет министров признал «неотложность и пользу» ограждения страны от пагубных последствий обезлесения, но при этом дал понять, что введение в действие каких-либо ограничений в отношении частного лесовладения неминуемо повлечет за собой многие практические затруднения. В этой связи при Министерстве госимуществ решено было соз-

дать особую комиссию из представителей различных министерств и II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, с предоставлением права приглашать экспертов.

Разработанный Комиссией в 1877 г. проект «Положения о сбережении лесов» вошел в противоречие со многими позициями проекта П.А. Валуева. Существенное различие состояло в том, что по проекту Комиссии предполагалось охранять лишь те леса, которые в результате обследований будут признаны подлежащими сбережению. Проект Валуева предлагал иное: подчинить охранному законодательству (без всякого обследования) все лесные площади (дачи), даже если они будут превышать нормы, определенные законом для каждой губернии. В остальных дачах действие лесоохранительного закона могло проявляться лишь на тех участках леса, где выявлялась необходимость удержания движущих песков или возникала опасность обмеления рек. П.А. Валуев особую надежду в деле осуществления нового законодательства возлагал на местные земские органы. Комиссия же считала необходимым создать в губерниях специальные лесоохранительные органы, куда могли войти и представители земства. Выработка единого мнения потребовала дальнейшей, довольно значительной, работы, заключавшейся, прежде всего, в подготовке общественного мнения, особенно среди крестьян и лесовладельцев. Приходилось учитывать, что общинное землевладение и лесовладение воспитало в народе определенный взгляд на лес, как на нечто, никому не принадлежащее (без конкретного права собственности). В общинных лесах крестьяне самостоятельно определяли форму и меры наказания. «Полесовщики» – лесная стража, выбираемая сельскими обществами, не получая вознаграждения за свой труд, обычно не соответствовала своему назначению и находилась в постоянной зависимости от односельчан. Отношение крестьян к порубщикам чаще всего было «патриархальное». Нередко дело ограничивалось требованием с нарушителя угощения. Встречались и более утонченные «юридические» отношения с порубщиками, при которых устанавливалась количественная нормировка воровства леса и «такса» наказания. Например, в Самарском уезде, если срубленные деревья можно

было унести на себе, порубщика не преследовали. Если же для перевозки похищенного леса требовалась лошадь, то назначался определенный штраф с воза. В Воронежском уезде малообеспеченных порубщиков отдавали под суд, а зажиточных, вместо судебного наказания, избивали, считая, вероятно, налагаемые судом штрафы малодейственными⁷. Следует отметить и то обстоятельство, что на значительном пространстве России отношение к охране лесов среди крестьян детерминировалось сложным набором факторов: не только материальными интересами, социальной политикой, но, в определенной мере, этическими и этническими установками и традициями. Представления о лесе, о его месте в общественном и семейном укладе, например, у русских, мордовских и башкирских крестьян были далеко не однозначными. В итоге сложились и различные этико-правовые нормы, которые действовали в сфере охранения лесов, и подчас они были гораздо эффективнее, нежели официальное законодательство. Значительная опасность негативного восприятия готовящегося закона таилась в среде помещиков-лесовладельцев, опасавшихся стеснения своих прав по распоряжению лесными ресурсами.

Все вместе взятые обстоятельства растянули подготовку правовой базы еще на одно десятилетие. Однако медленное продвижение дела по юридическому лабиринту лесоохранительной практики имело и свою положительную сторону. Постепенно в различные слои общества проникала информация, знакомившая с положением в лесном хозяйстве страны и одновременно – с европейской законодательной практикой в отношении природных ресурсов. Кроме того, была подготовлена почва для восприятия проблемы не только с чисто утилитарной стороны («лес – доходное имущество»), но и с экологической – взаимодействие населения и леса обсуждалось уже как один из важнейших видов природопользования. Исключительно острая ситуация с истреблением частновладельческих и крестьянских лесов давала повод Лесному ведомству, различным общественным деятелям, ученым-лесоведам выступать на страницах печати с предложениями передачи под контроль государству всех лесных ресурсов. В результате традиционная, почти столетняя

основа существования частной собственности на леса, хотя всего лишь «теоретически», но была поколеблена. Известный специалист по лесохозяйственному праву С. Ведров в 1877 г. писал: «В этом случае, когда силы частных лиц и даже отдельных союзов и обществ недостаточны для борьбы с частным эгоизмом, прикрывающегося уважением к неограниченному праву частной собственности, должна выступить власть государственная, как стоящая выше всяких личных интересов и имеющая в виду исключительно требования общего блага ... Видя в лесах необходимые факторы природы, с уничтожением которых могут возникнуть вредные физические условия в отдельных местностях, отражающиеся на всей экономике края, закон должен признать безусловную необходимость подчинения небольшого кружка лиц – лесовладельцев – ограничениям, необходимым ради благосостояния всей страны»⁸.

Предполагаемые правовые нормы широко обсуждались не только в прессе, но и в самой среде лесовладельцев, на съездах лесохозяев, в различных научных обществах. Вопросы лесохозяйственного права не сходили с повестки дня на земских собраниях Рязанской, Воронежской, Харьковской, Одесской и других губерний, то есть, прежде всего, там, где доля частных лесов среди прочих занимала значительное место. Интерес к лесной проблеме подогревался и рыночной конъюнктурой. Действительно, факторы, определяющие многократный спрос на древесину, были значительными. Среди них доминировали такие, как рост населения, городов, развитие индустрии, строительство железных дорог и распространение пароходства (при еще слабом функционировании, особенно до конца 80-х годов, каменноугольного, нефтяного и торфяного производств). К этому следовало добавить и увеличение спроса на лес в связи с интенсивным заселением Новороссии, Кавказа и Заволжья, рост лесного экспорта, нужда помещиков в лесах для организации пореформенного хозяйства, крестьян – в финансах при развивавшемся товарном хозяйстве и увеличившихся налогах, а также – для расширения площадей земельных участков. и, наконец, недостаточную эксплуатацию государственных лесов. Однако названными причинами повсеместного и фронтального ис-

пользования этого нужного всем «продукта» не исчерпывались. Немалую роль в росте сбыта лесных ресурсов и их истреблении имели и такие факторы, как ликвидация личной зависимости крестьян от помещиков, в силу чего стало трудно оберегать леса от расхищения со стороны окрестного крестьянского населения. Наконец, и опасение государственных крестьян, что их надельные леса вновь будут возвращены казне. Влияло на уменьшение лесных угодий и значительное расширение пашни не только в связи с ростом населения, но и хлебного экспорта, и относительное понижение рентабельности лесного хозяйства в центрально-земледельческих и малороссийских губерниях вследствие того, что с развитием железных дорог начался массовый ввоз в эти регионы древесины из богатых этим ресурсом территорий⁹.

Следует отметить, что все чаще и чаще характер использования лесных угодий, владельцами которых были представители разных социальных слоев, превращался в объект острой социально-политической борьбы, когда полностью игнорировались самые элементарные правила природопользования. В этой связи активный поборник скорейшего издания лесоохранительного закона П. Жудра на заседании Лесного общества 18 ноября 1883 г. отметил: «Под одуряющий шум промышленного прогресса и великих открытий в науке и технике, мы как бы забыли про землю, предав ее идолу наживы и страшному невероятному хищению»¹⁰.

И лишь более чем 20 лет после обсуждения первых идей о необходимости лесоохранительного законодательства, Россия в 1888 г. вплотную подошла к реализации на практике этой идеи. Менее чем за полгода до этого события главное издание лесного ведомства – «Лесной журнал» в последнем выпуске 1887 г. опубликовал обзор, раскрывающий огромные размеры лесоистребления в России, повлиявшие, прежде всего, на масштабное истощение водных ресурсов. Приведем небольшую выдержку из этого материала: «За последние 25 лет исчезло с лица русской земли множество речек, озер и прудов... сделался несомненным факт прогрессирующего обмеления Волги, Оки, Ветлуги, Клязьмы, Унжи, Суры, Камы, Вятки, Белой и Урала,

Днепра, Десны, Западной Двины, Днестра и Буга, Дона, Донца и Маныча, Кубани, Терека и Куры, Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и Заравшана; сделалось фактом, что громадная Волга отошла уже от Саратова, начинает уходить уже от Казани и Самары, а у Александровского моста близ Сызрани, в трехлетие с 1877 г. уменьшила массу протекающей воды на целых 25%. Сделалось несомненным, что исчезновение подпочвенной влаги быстро уподобляет Калмыцкой и Киргизской степям такие еще недавно плодородные местности, какими на нашей памяти были губернии Ставропольская, Астраханская и Самарская и восточная половина Донской области; сделалось видимым для простого глаза быстрое расширение области сыпучих песков ... Сделалось, наконец, аксиомой, что за 25 лет наш климат повсеместно ухудшился, а в южных даже округах сибирских губерний стал дотоле суров, что морозы в Петровки и вымерзание озимей сделались явлением вовсе не редким»¹¹. Естественно, некоторые факты этого стремительного ухудшения экологической обстановки впоследствии наука объяснила несколько иными причинами, нежели истребление лесов, тем не менее, и объективные моменты этого обзора были очевидны.

Итак, наконец, долгожданное событие в истории лесного хозяйства России совершилось – 4 апреля 1888 г. было обнародовано «Положение о сбережении лесов» (Лесоохранительный закон), содержание которого сводилось к следующим положениям: воспрещение опустошительных рубок, превращающих леса в пустыри; расчисток лесной почвы без достаточных на то оснований; полное подчинение лесохозяйственным правилам в дачах, признанных особо важными для государства и общества (защитные и водоохранные леса). Общим правилом было то, что требованиям закона подчинялись все леса Европейской России и Кавказа, кому бы они не принадлежали – государству, различным обществам или частным лицам. Временно, вне подчинения закону, оставался лишь ряд мест, обильных лесными ресурсами, а также леса, переданные крестьянам для увеличения их сельскохозяйственных угодий.

Основные положения стратегии Лесоохранительного закона с теоретической точки зрения ориентировали лесное хозяйство

России на прогрессивный путь развития, ставя главной целью сохранить леса на малолесных территориях, препятствовать хищническому истреблению лесных ресурсов, урегулировать их эксплуатацию в целом по стране, всячески способствовать лесовозобновлению. Ставились и экономические задачи – обусловленный законом рост ценности древесины должен был стимулировать сбыт леса из более отдаленных потребительских рынков. Кроме того, Лесоохранительный закон предоставлял возможность лесовладельцам, ведущим правильное (более или менее капиталоинтенсивное) хозяйство, устоять против ничем не ограниченного предложения леса и понижения цен на него нерациональными в своих действиях хозяевами¹².

Для решения всех этих вопросов в губерниях из представителей местной власти во главе с губернатором создавались лесоохранительные комитеты. Однако на практике решение основных положений закона встретило множество непреодолимых трудностей. Основной принцип закона – сбережение леса от истощения и истребления (то есть борьба против сокращения лесных площадей и уменьшения себестоимости) требовал правильного устройства и жесткого нормирования эксплуатации частных лесов, контроля над ними, что естественно задевало собственнические права и вызывало протесты лесовладельцев. Широко пропагандируемая практика западноевропейских стран – Франции, Баварии, Австрии и др., где бытовало обязательное устройство частновладельческих лесов (под контролем государства), помогала мало¹³. Сложным и сопряженным со многими трудностями оказалось выявление защитных и водоохраных лесов и тем более – действенного надзора за ними. На местах лесоохранительной деятельностью пришлось заниматься, в первую очередь, чиновникам лесного ведомства, не имеющих для этого ни времени, ни средств, так как на лесоохранение отпускались ничтожные суммы. Исполнение закона чаще всего держалось на энтузиастах или осуществлялось в ущерб лесоустроительным работам в государственных лесах. На 1344 лесных чиновника, входящих в состав местных органов лесоохранительного надзора, кроме хозяйничанья на порученных им 13,1 млн десятин государственных лесов (по 15 тыс. дес. на

заведующего лесничеством), возлагался еще контроль и за 15,6 млн дес. частновладельческих, общественных и крестьянских лесов. В итоге на каждого работника лесничества приходилось до 10 тыс. дес. леса, разбросанного участками в 20–50 дачах разных владельцев. Что касается земских начальников и станových приставов, так или иначе причастных к «лесным вопросам», то собственные заботы и отсутствие материальных стимулов делали их совершенном «глухими» к тому, что творилось в лесах¹⁴.

Таким образом, к моменту вступления Лесоохранительного закона в силу, общая картина состояния этого вида хозяйства объективно выглядела следующим образом – огромные по площади лесничества, незаполненные штаты на местах, материальная необеспеченность рядовых служащих, ничтожно малое число лесокультурных мероприятий, явное и негласное сопротивление значительной части лесохозяев законодательству. Особым препятствием для лесоохранительной работы служила неисследованность не только частных, но и государственных лесных ресурсов. Так, на Севере Европейской России оставались неизученными 66% лесной площади, в остальных губерниях – 21%, на Кавказе – 92%. Никто не располагал сведениями о геоботанических и почвенных особенностях этих территорий, лесное хозяйство велось на них вслепую. Лесничий Д.С. Шилкин, подготовивший материал с оценкой Лесоохранительного закона на местах в «Свод трудов местных комитетов», писал: «У нас, в России, при ее обширном пространстве, разнообразии физических условий, при отсутствии целостности в этнографическом составе населения, при громадной разности в условиях его быта, материальных и духовных ценностях менее чем где-либо возможно применять к жизни нормы, созданные кабинетным путем или рассчитанные сообразно с условиями ограниченного района. Лесоохранительный закон может представляться идеальным с точки зрения Екатеринославской губернии, где каждое срубленное дерево необходимо лелеять ... Между тем, закон этот распространен не только на Екатеринославскую и сходные с ней по условиям произрастания леса губернии, но и на все другие, в том числе, на Костромскую, где

лес растет без всякого ухода; мало того, пашня зарастает лесной порослью, если владелец 2–3 года не будет пахать. Закон, изданный по соображению с условиями Екатеринославской губернии, в Костромской оказался неприменимым и поэтому или является абсолютно недейственным, или становится крайне стеснительным для населения»¹⁵.

Лесоохранительным законом была предпринята попытка изменить государственную политику по отношению к природным ресурсам, но она была «похоронена» атмосферой традиционных конфликтов на социальноэкономической почве. В итоге общее мнение о лесоохранении почти спустя двадцать лет после принятия закона выражалось следующим образом: «Леса России, несмотря на охраняющий их закон, из года в год убывают с угрожающей быстротой ... Крестьянские лесные надельные участки средних губерний в большей своей части давно уже не леса, а лишь лесные площади ... А помещичьи леса, разве не приведены они во многих местах в полное расстройство опустошительными рубками?»¹⁶.

Однако официальная статистика свидетельствовала о том, что действительное исчезновение лесов до издания Лесоохранительного закона в 1881–1887 гг. выражалось цифрой в 6,5 млн дес., а с 1888 по 1908 г. она составила 5,6 млн дес. Таким образом, в течение 6 лет перед опубликованием закона лесов исчезло больше, чем за 20 лет его действия¹⁷.

При этом Лесоохранительные комитеты с 1888 по 1908 г., несмотря на все сложности внедрения законодательства на местах, подготовили в общинных и частновладельческих дачах, не имеющих защитного значения, лесоустроительных планов на 10,8 млн дес. За этот период было устроено защитных лесов на площади 572,3 тыс. дес., водоохраных – на 733,4 тыс. дес., приостановлено опустошительных рубок на площади 3,7 млн дес. и дано официальных разрешений на расчистку лесной площади на 3057 тыс. дес.¹⁸ Эти факты свидетельствовали о значительной работе, проделанной лесным ведомством.

Однако в начале 1900-х годов, когда в аграрной сфере обозначилось нарушение прежнего равновесия (революционные события 1905–1907 гг., столыпинская аграрная реформа), нача-

ла проявляться порочность тактики лесоохранения, созданная «кабинетным путем», без глубокого знания Лесным ведомством своего хозяйства. Это проявилось, прежде всего, в том, что проблемы лесоустройства и лесоохранения оказались оторванными от аграрных вопросов, от конкретного землепользования. Так, Лесоохранительный закон формально усложнял и ограничивал деятельность по расчистке лесов, которая в ряде случаев была необходима в интересах развития сельского хозяйства многолесных районов, то есть никак не влиял на правильное соотношение (а иногда – и необходимое перераспределение) лесных и сельскохозяйственных угодий, ущемляя нередко рациональное начало в процессе аграрного освоения лесных земель. В таких условиях проблема права собственности обострилась как никогда ранее. В этот период в пределах Европейской России государству принадлежало 106 млн дес. леса, частным лицам – 35 953 тыс., а крестьянам – 10 818 тыс., удельному ведомству – 5287 тыс., остальным категориям владельцев – 2538 тыс. дес.¹⁹ Однако несмотря на то, что государственные леса занимали огромную площадь, по своей действительной ценности они уступали частновладельческому, крестьянскому и удельному, так как значительная часть их территории приходилась на заболоченные почвы, участки тундры и т.п. Тем не менее, лес, принадлежащий казне, как доходная часть хозяйства, имел важное значение для государства. Действиями Лесного ведомства многие десятилетия руководили, в первую очередь, фискальные соображения – забота о получении высоких доходов от эксплуатации лесов. В этом отношении были сделаны «большие успехи» – если в 1886 г. чистый доход от казенных лесов составлял 8,3 млн руб., то в 1896 г. он достиг 34 млн руб. Доходность росла, прежде всего, в тех губерниях, откуда лес направлялся за границу (Архангельская, С.-Петербургская губернии, Привислянский край и др.). В 1906 г. казна получила «лесного дохода» уже свыше 47 млн руб.; по сравнению с 1886 г., то есть за 20 лет, чистый доход увеличился в 5 раз и достиг величины, заметной даже в 2-миллиардном государственном бюджете. Валовый доход повысился на 401%, расходы

же на государственные леса за те же 20 лет выросли лишь на 179%²⁰.

Если же сравнить лесной доход с другими государственными доходами, которые отличались особым ростом, то окажется, что кроме прибыли от государственных железных дорог, где действовали исключительные условия (переход частных дорог в ведение казны), ни один из видов дохода не увеличивался в последние годы с такой быстротой, как от продажи государственных лесов. В этой связи известный лесовод Г.Н. Высоцкий писал, что Лесной департамент «является лишь как бы главным управляющим лесами, принадлежащими министерству финансов. Последнее же, как некультурный помещик, ничего в своем хозяйстве непонимающий, требует от Лесного департамента лишь возможности высших доходов при минимуме культурных и хозяйственных расходов, совершенно не заботясь о благоустройстве своего поместья»²¹.

Соотношение государственных и частных лесов определялось, прежде всего, принадлежностью казне крупнейших массивов на Севере, где только в Вологодской и Архангельской губерниях находилось более двух третей казенного леса. Частные леса на Севере составляли всего 4%. Для остальной части Европейской России преобладающей формой являлось частное лесовладение. Так, в 11 губерниях (Витебская, Лифляндская, Минская, Черниговская, Харьковская, Санкт-Петербургская, Московская, Калужская, Рязанская, Тульская и Уфимская) частные леса составляли от 81% до 90% лесной площади; в 9 губерниях (Эстляндская, Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Могилевская, Смоленская, Псковская, Область войска Донского и Оренбургская) они занимали от 91 до 100% лесных угодий²². Это позволяло многим специалистам лесного дела, ряду представителей Лесного ведомства, многим общественным деятелям признать особую роль частных лесов в развитии экономики страны. Общегосударственное значение таких лесов предопределяло и особые формы их охраны и устройства, для осуществления которых предлагались различные пути. Наибольшую известность получило предложение передать все частные леса в ведение Главного управления землеустройства и

земледелия. Однако обстановка в этом важнейшем учреждении отличалась серьезной дестабилизацией (после 1905 г. здесь один за другим менялись главноуправляющие – Н.Н. Кутлер, А.П. Никольский, А.С. Стишинский, Б.А. Васильчиков и др.). На местах же реализацию идей лесоохранения под контролем должны были осуществлять земские учреждения. Однако особым препятствием на пути осуществления этих планов оказалась мелкая собственность на лес. Ее широкое распространение выдвинуло вопрос о кооперации – создании лесных товариществ (объединение мелких лесных участков, лежащих в одной местности, в единое хозяйство), с предоставлением прав их владельцам получения определенной доли из общего дохода от хозяйства. Признавалась возможность и неполного объединения, когда за владельцами оставалась значительная часть прав. Соединение участков могло рассматриваться лишь для реализации какого-либо направления – например, охрана, управление, лесокультурные работы. Мелкие собственники в такой ситуации лишались возможности получать «быстрые» доходы, которые были возможны при полной самостоятельности (вырубка, продажа части леса и т.п.). Поэтому создание лесных товариществ очень медленно завоевывало себе сторонников²³.

Опыт реализации лесоохранительной доктрины показал, что государственная лесная политика требовала радикальных перемен. Не имея этой возможности, правительство стало дополнять Лесоохранительный закон различными новыми статьями, а в 1901 г. попыталось его значительно переработать. Однако лейтмотив лесоохранной стратегии оставался неизменным: весь комплекс лесоустроительных и лесоохранных работ мог производиться исключительно в пределах государственных лесов; частные владельцы лишь в малой толике испытывали государственно-бюрократическую опеку – им предлагалось не доводить леса до полного уничтожения, а превращение лесной площади в другой вид угодий осуществлять только при наличии особых условий (определенной степени лесистости окружающей местности и подходящих для предполагаемых угодий почв).

Если в контексте всей этой ситуации выявить существенные моменты влияния Лесоохранительного закона на природопользование в России, то они, прежде всего, окажутся связанными с запуском механизма внедрения лесоохранительных и в целом – экологических идей в общественное сознание. Закон послужил на рубеже XIX–XX вв. значительным импульсом для развития научно-теоретических основ лесоведения (разработка Г.Ф. Морозовым «Учения о лесе», лесоводческих знаний в трудах Ф.К. Арнольда, Г.Н. Высоцкого, А.П. Тольского, М.М. Орлова и др.). Достоянием широкой общественности стали труды В.В. Докучаева, много сделавшего для пропаганды экологических идей, создавшего методику комплексных естественно-исторических исследований с целью решения практических задач в сфере природопользования. Широко известные экспедиции В.В. Докучаева с большой программой климатического и гидрологического аспектов изучения лесов были организованы в связи с возникшими сложностями при определении защитных и водоохраных лесов, которые появились в практике лесоохранения благодаря закону 1888 г. Особое значение стало придаваться социальным сторонам лесной экологии²⁴.

Наконец, в научный и практический оборот было введено понятие «памятники природы», первоначально большая часть которых была связана с растительным миром России²⁵. Постоянные съезды лесохозяев и лесовладельцев стали уделять особое внимание вопросам законодательной политики и практики в отношении лесов. Особенно остро встала проблема права собственности на этот многозначный ресурс. Более того, если раньше Лесное ведомство довольно спокойно смотрело на то, как «уплывают» из-под его контроля многие тысячи десятин лесных угодий, то теперь, наблюдая рост доходов в частной лесной отрасли, оно стало активно бороться против всяких посягательств на собственные лесные площади. Однако переустройство лесного хозяйства не могло быть обособлено от общей экономической политики, изменений в сфере землеустройства и землепользования. Требовался пересмотр общего подхода к частным лесам. Более того, необходимо было глубокое осознание экологического значения леса, при котором основные

принципы лесоохранных правовых норм должны были вписываться в общую систему рационального природопользования, в которой лес воспринимается не только как сырьевой ресурс, но и как важнейший компонент биосферы, позволяющий получать многоплановый социоэкономический и социокультурный эффект. Лесоохранный закон 1888 г. не смог решить многие из названных проблем, но он высветил их, открыв обществу широкий лесной мир и его роль как российской среды обитания.

-
- ¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 454–455.
 - ² Жудра П. Очерки деятельности Специального по лесной части Комитета (1843–1844 гг.) // Лесной журнал. 1886. Вып. 4. С. 370.
 - ³ Арнольд Ф.К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895. С. 351.
 - ⁴ Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М., 1962. С. 64.
 - ⁵ Цит. по: Там же. С. 76.
 - ⁶ Арнольд Ф.К. Указ. соч. С. 351.
 - ⁷ Гершман И. Очерк истории лесовладения, лесной собственности и лесной политики в России // Лесной журнал. 1911 г. Вып. 3–4. С. 515.
 - ⁸ Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. С. 25.
 - ⁹ Гершман И. Указ. соч. С. 808.
 - ¹⁰ Жудра П.И. Доклад на заседании Лесного общества от 18 ноября 1883 г. // Лесной журнал. 1884. Вып. 1. С. 12.
 - ¹¹ В.С. Истребление лесов // Лесной журнал. 1887. Вып. 6. С. 779.
 - ¹² Гершман И. Указ. соч. С. 809.
 - ¹³ Арнольд Ф.К. Указ. соч. С. 89.
 - ¹⁴ Гладиллин А.П. О влиянии Лесоохранный закона на сохранение лесов в России. СПб., 1911. С. 15–17.
 - ¹⁵ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Лесное хозяйство / сост. Д.С. Шилкин. СПб., 1904. С. 85.
 - ¹⁶ Гладиллин А.П. Указ. соч. С. 15.
 - ¹⁷ Там же. С. 15–16.
 - ¹⁸ Там же. С. 16–18.
 - ¹⁹ Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 8.

- ²⁰ Там же. С. 11–13.
- ²¹ *Высоцкий Г.Н.* О путеводной идейности в нашей аграрной политике и в российском владении // *Лесной журнал*. 1906. Вып. 2–3. С. 14.
- ²² *Соболев А.Н.* Основы лесоохранения в России: доклад Всерос. съезду в С.-Петербурге лесовладельцев и лесохозяев. СПб., 1911. С. 21–25.
- ²³ *Орлов М.М.* Основы лесоохранения в России. СПб., 1911. С. 39–41.
- ²⁴ *Соболев А.Н.* Указ. соч.
- ²⁵ *Бородин И.П.* Охрана памятников природы. Юрьев, 1910.

С.В. Пряшников
(игумен Филарет)

Участие духовенства в системе образования на острове Сахалин (конец XIX – начало XX в.)

Проблема образования детей на острове возникла после 70-х годов XIX в. Это было связано с тем, что до указанного времени постоянное русское население здесь практически отсутствовало. При увеличении численности русских постепенно появлялась потребность в обучении детей грамоте, что привело к образованию нескольких школ. В них учились в первую очередь дети ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев¹. В начале XX столетия во всеподданнейшей записке военного губернатора А.М. Валуева «О современном состоянии Северного Сахалина» отмечалось, что дети растут среди пьянства, разврата и с раннего возраста бывают причастны к крупным преступлениям. «Сахалинские дети, – отмечал губернатор, – с воспитанием нуждаются в школах, которые могли бы перевоспитать ребенка или ослабить влияние преступной семьи»². Тюремная администрация острова школьному обучению и образованию детей уделяла минимальное внимание, как и само население³. Доктор Ф.М. Августинович, побывав на Сахалине в 1871–1872 гг., писал о необходимости устроить на севере острова небольшую школу под нравственным наблюдением священнослужителя. Отметим, что в воспитательном процессе духовенству отводилась особая роль. Оно должно было, согласно позиции Синода, осуществлять религиозно-нравственное воспитание, привлекать детей к Церкви, развивать и укреплять в них чувства веры и добра, внушать им положительные навыки⁴.

В 1896 г. проводились подготовительные мероприятия по открытию в посту Дуэ приюта для детей ссыльнокаторжных.

Сама организация деятельности этого учреждения требовала особого подхода. Поэтому в протоколе заседания действующего Попечительского совета Александровского приюта для детей ссыльных на острове Сахалин от 4 октября 1896 г. поднимался вопрос по организации работы дуйского приюта. Здесь же указывается просьба, адресованная отцу Александру Унинскому: «Особое наблюдение за учебно-воспитательной частью просить принять на себя отца благочинного»⁵.

Главное тюремное управление, в ведении которого и была Сахалинская каторга, первоначально совершенно не выделяло средств на обеспечение школ. В 1889 г. по высочайшему повелению Управление тюремного ведомства начинает направлять 4000 рублей в год на все островные школы. Эта сумма остается неизменной вплоть до их преобразования в церковно-приходские⁶. Преподаванием в них, прежде всего Закона Божьего, занимались священники острова, иногда дьяконы или псаломщики. Общую характеристику положения образования на острове приводят Владивостокские епархиальные ведомости: «Церкви на Сахалине тюремные, а равно и ограничены были средствами их содержания. Церковных приходов не было, обыватели селений объединялись на одном интересе: скорее кончить принудительное пребывание на Сахалине и выехать на родину. С устройством Сахалинской области, сельских обществ, приходов и церквей, мысль о школе церковной ожила»⁷.

В 1890 г. предпринимаются попытки улучшения положения школ на острове. С этой целью начальник Сахалина генерал-майор В.И. Кононович издал приказ № 434 от 16 октября 1890 г., на основании которого в систему расходов по тюремной части выделяются дополнительные средства в размере 4000 рублей. Всем имеющимся первоначальным школам было предложено перейти на одинаковый план учебных занятий, согласовать список пособий и книг. Для его разработки начальник острова Сахалин предлагал создать комиссию. Возглавить ее было предложено начальнику Тымовского округа, а в члены комиссии ввели настоятеля Рыковской церкви священника отца Александра Винокурова, врача Тымовской местной команды Александра Сцепенского и учительницу Рыковской школы

Татьяну Илларионовну Ульянову. В предлагаемом плане преподавание Закона Божия было настоятельно рекомендовалось вести только священнику. Говоря о других изучаемых предметах, то по степени важности на первом месте стояли русский язык и арифметика. Остальные дисциплины – география, история – оставались на усмотрение школ в зависимости от средств⁸.

Приезжая на Сахалин для своего пастырского служения, часть островного духовенства, не задумываясь о трудностях, давало согласие работать в сахалинских школах. Тот же начальник Тымовского округа в 1895–1896 гг. пишет рапорт о возобновлении в учебном году обучения в школе селения Мало-Тымовское. Это было вызвано тем, что священник отец Стефан Уверов выразил желание принять с большим удовольствием на себя преподавание Закона Божьего. Его супруга В.М. Уверова согласилась вести занятия по всем остальным учебным предметам. Стоит отметить, что понимание важности преподавательской деятельности было настолько велико, что вопрос о вознаграждении супруги оставили на усмотрение администрации.

Это не единичный случай, когда с приездом нового священника вновь начинала работать сельская школа. Такая практика наблюдалась по всему острову. Рапорт начальника Корсаковского округа № 2789 от 15 января 1891 г. свидетельствует о том, что с прибытием в пост Корсаковский священника отца Петра Ляхоцкого на поселении Владимировка вновь была открыта школа на 10 учеников. Обязанность преподавать в ней взял на себя по собственному желанию отец Петр⁹. Некоторые священнослужители имели опыт организации школьного дела еще до приезда на Сахалин. Так, священник Александр Унинский, осуществляя службу в Южно-Уссурийском крае с 1888 по 1892 г., в своих приходах бесплатно организовывал школы. Этот опыт он затем перенес на Сахалин, где служил в качестве благочинного сахалинских тюремных церквей значительное время. «Отец Унинский исключительно своей любовью к делу и личными усиленными стараниями, немало способствовал распространению образования на острове Сахалин», – писал

впоследствии в одном из писем военный губернатор острова Сахалин Н.М. Ляпунов¹⁰.

В 1889 г. на юге острова при Корсаковской тюремной церкви под председательством протоиерея отца Виктора Тимошенко прошло первое заседание созданного церковно-приходского попечительства. Как поясняется в акте, направленном для утверждения преосвященнейшему Гурию, епископу Камчатскому, Курильскому и Благовещенскому, церковно-приходское попечительство создается: «...Для благолепия и снабжения всем необходимым местной церкви, а также об устройстве первоначального обучения детей ссыльнокааторжных и поселенцев и для других благотворительных целей»¹¹. В состав попечительства вошли 11 человек, в том числе начальник местной команды, смотритель Корсаковской тюрьмы, инспектор сельского хозяйства, врач окружного лазарета, секретарь окружного полицейского управления.

Такие вновь созданные объединения, которые непременно возглавлял священник, имели попечение не только о существующих школах. Так, например, открытое попечительство при Корсаковской тюремной церкви вело переписку с Управлением 4-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона о средствах, выделенных на создание Алексеевской детской школы. Их пожертвовал вел. кн. Алексей Александрович. Через некоторое время сумма в размере 254 рубля 50 копеек была переведена в распоряжение губернатора острова Сахалин¹².

Александровское церковно-приходское попечительство было создано 17 ноября 1911 г. Располагалось оно при Свято-Покровской Церкви поста Александровск и осуществляло свою деятельность в рамках оказания помощи в школе для девочек. Первыми шагами попечительства стали работы по организации деятельности самой школы¹³. Об открытии этого сахалинского учебного заведения сообщали Владивостокские епархиальные ведомости. Автор рассказал об истории создания школы и торжественном ее освящении. Сама мысль организовать школу принадлежала вел. кн. Елизавете Федоровне, которая обратилась к епископу Евсевию. Чтобы рассмотреть поступившее высочайшее предложение, духовенство Владивостокской епархии

в 1910 г. провело съезд сахалинского благочиния. Участники съезда единодушно отмечали, что быстро решить вопрос об открытии дополнительных учебных церковно-приходских школ на острове пока не представляется возможным: «Церкви... тюремные, а равно и ограничены были средствами их содержания. Церковных приходов не было, обыватели селений объединялись только на одном интересе: скорее кончить принудительное пребывание на Сахалине и выехать на Родину»¹⁴.

Итак, с устройством в Сахалинской области сельских обществ, приходов и церквей, задача открытия новых учебных заведений приобрела актуальность. Как отмечалось, при помощи и содействии сахалинского губернатора Д.Д. Григорьева 23 октября 1911 г. в посту Александровском была открыта и освящена школа для девочек имени шталмейстера Гандатти при Александровской Свято-Покровской церкви. На торжественном освящении присутствовало практически все население поста. Перед церемонией благочинный обратился с пастырским словом, в котором отметил пользу для отечества религиозного направления в школьном обучении, а особенно для девочек – будущих матерей. Под школу приспособили здание бывшего реального училища, на реконструкцию которого было потрачено 450 рублей¹⁵. Александровское церковно-приходское попечительство на свои средства смогло несколько расширить свой штат. Учебники для новой школы по просьбе сахалинского попечительства выслал Епархиальный училищный совет из Владивостока.

Расходы на образование на Северном Сахалине в 1914 г. составляли всего 9% от всего бюджета острова. К началу революционных событий 1917 г. количество школ на Северном Сахалине увеличилось. В 1916 г. здесь уже было 15 одноклассных и 2 двухклассных школы. В 1917 г., когда пост Александровский получил статус города, в нем открывается реальное училище с семилетним курсом обучения. Здесь обучалось около 180 учащихся. В период 2-й японской оккупации Северного Сахалина (1920–1925 гг.), после некоторого перерыва в работе школ (учебные здания японские власти превратили в казармы,) они продолжили свою работу. В школах обязательным предме-

том для изучения тогда стал японский язык, меняется подход к обучению, учебники для сахалинских школ печатались в Токио и доставлялись на остров¹⁶. Оккупационные власти стали выплачивать заработную плату учителям в размере от 45 до 85 иен каждому. Стоит отметить, что в период каторги островные учителя получали жалование от 5 до 25 рублей в месяц. После отмены каторги до 1917 года оплата колебалась от 56 до 70 рублей. Никаких протестов учителей по поводу заработной платы в те годы на острове не наблюдалось.

После Революции 1917 г. и издания Декрета об отделении Церкви от государства и школы от церкви провозглашала светский характер образования, и сахалинское духовенство было лишено возможности участвовать в образовательном процессе.

Итак, одним из первых признаков стабилизации общественной жизни, желанием осваивать имеющиеся территории острова Сахалин было стремление к открытию образовательных учреждений. При увеличении взрослого населения на Сахалине происходил рост численности детей, как приехавших вместе со своими родителями, так и родившихся здесь. Православное духовенство принимало активное участие в разных сферах островной жизни, в том числе и в организации образовательной системы. Порой в основу педагогической деятельности священники полагали личный опыт, полученный за пределами Сахалина.

¹ Дело канцелярии военного губернатора острова Сахалин об ассигновании кредитного содержания школ для арестантских детей о. Сахалин // РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 505. Л. 1.

² Всеподданнейшая записка военного губернатора острова Сахалин «О современном состоянии Северного Сахалина 1905–1906 гг.» // ГИА СО. Ф. 20-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.

³ *Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 50.

⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1898 год // Церковные ведомости. [С.-Петербург], 1901. № 31. С. 295–297.

⁵ Представление военного губернатора острова Сахалин о разрешении открыть в посту Дуэ приют для детей ссыльнокаторжных //

- РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1597. Л. 72.
- ⁶ Лим С.Ч. Школьные учреждения Сахалина в период колонизации острова Россией (вторая половина XIX – 1914 год) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2001. № 3. С. 94–128.
 - ⁷ Владивостокские епархиальные ведомости. [Владивосток], 1912. № 3. С. 80–82.
 - ⁸ О школах острова Сахалин за 1895–1896 годы // РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1336. Л. 122.
 - ⁹ Материалы об отпуске аванса в сумме 4000 рублей на содержание школ для детей ссыльных в 1891 году // Там же. Д. 654. Л. 41.
 - ¹⁰ О назначении священников на остров Сахалин 1896–1902 гг. // Там же. Д. 1483. Л. 34.
 - ¹¹ Материалы об открытии при Корсаковской тюремной церкви церковно-приходского попечительства для снабжения этой церкви всем необходимым и для обучения детей ссыльнокаторжных и поселенцев // Там же. Д. 363. Л. 1.
 - ¹² Там же. Л. 2–3, 18–19.
 - ¹³ Владивостокские епархиальные ведомости. [Владивосток], 1912. № 3. С. 82–83.
 - ¹⁴ Там же. 1912. № 3. С. 81.
 - ¹⁵ Там же. С. 80–83.
 - ¹⁶ Полянский М. Сахалин после Чехова и Дорошевича. М., 1929. С. 45.

Научное издание

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ ДО 1917 Г.**

**Сборник статей к 90-летию
профессора Ильи Андреевича Булыгина**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О. А. Пруцкова
Компьютерная верстка Л. П. Андриановой

Подписано к печати 25.08.16. Заказ № .
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonTT
24,25 п.л. 18,40 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19